ÉLITE OU ÉGALITÉ...

СЕВЕРНАЯ РУСЬ

И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ VII–XII ВВ.

РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF THE MATERIAL CULTURE

ÉLITE OU ÉGALITÉ...

NORTHERN RUS'
AND CULTURAL TRANSFORMATIONS IN EUROPE IN THE 600–1300 A.D.

БРАНКО

BRANKO PUBLISHING HOUSE
ST PETERSBURG
2017

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ÉLITE OU ÉGALITÉ...

СЕВЕРНАЯ РУСЬ
И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ VII–XII ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «БРАНКО»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

УДК 902/904(47)
ББК 63.4(2)
С28

Ответственный редактор *д.и.н. Н. И. Платонова*
Рецензенты: *д.и.н. А. И. Сакса, к.и.н. А. А. Пескова*

С28 **Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.** / отв. ред. Н. И. Платонова. — СПб. : Издательский дом «Бранко», 2017. — 312 с.

ISBN 978-5-903521-50-0

Печатается по решению ученого совета ИИМК РАН

В книге представлены материалы двух научно-практических конференций, посвященных проблемам выделения элитарных древностей в раннесредневековых культурах Восточной Европы и специфике отражения культурных трансформаций в археологическом материале. Обе конференции были проведены в ИИМК РАН (Санкт-Петербург) в 2015–2016 гг.

Тематика сборника касается преимущественно памятников эпохи викингов в Восточной Европе. Анализируются проблемы, связанные с ранним этапом древнерусской культуры — процессом ее формирования, различными компонентами и т. д., а также перспективы изучения древнерусской элиты и выделения социальных маркеров элитарных групп в археологических источниках. Приводятся публикации новых памятников I — начала II тыс. н. э., выявленных на древнерусском «пограничье» — на Карельском перешейке и в бассейне нижней Луги. Ряд статей посвящен материалам крупных городских и протогородских поселений Древней Руси и Литвы, а также изучению локальных центров IX–XII вв. на Северо-Западе России и в Северной Германии.

Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке ПФИ Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность», проект «Элитарная культура Северной Руси IX–XI веков: столкновение традиций на пути к единству» (рук. Е. Н. Носов).

ISBN 978-5-903521-50-0

© Институт истории материальной культуры РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Н. И. Платонова, предисловие, составление, 2017
© Издательский дом «Бранко», оформление, 2017

От редактора

В 2015 г. в отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН одновременно были начаты исследования по двум проектам: «Элитарная культура Северной Руси IX–XI веков: столкновение традиций на пути к единству», (рук. Е. Н. Носов) и «Археологические культуры Евразии в контексте системного анализа: новые перспективы осмысления истории по археологическим данным» (рук. Н. И. Платонова). Работа по проектам шла соответственно в рамках ПФИ Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» и ПФИ ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы». Конкретные исследования осуществлялись коллективами в тесном взаимодействии.

С самого начала работы над проектами одной из важнейших задач была признана организация широкого научного обсуждения проблематики культурных трансформаций в раннесредневековой Европе и тесно связанного с ней вопроса об археологических критериях элитарной культуры. Оптимальным форматом для организации плодотворной дискуссии по этим темам была признана не слишком многолюдная научно-практическая конференция, оставляющая значительное время на спокойное, деловое обсуждение докладов. В результате в ИИМК РАН прошли две такие конференции с участием коллег из Эрмитажа, СПбГУ, МАЭ РАН (Кунсткамеры) и ИА РАН: 1) *Элитарная культура стран Восточной Европы второй половины I — начала II тыс. н. э.* (4–5 июня 2015 г.); 2) *Социокультурные трансформации в Восточной Европе середины I — начала II тыс. н. э.* (30–31 мая 2016 г.).

Настоящий сборник подготовлен по материалам заслушанных докладов и дискуссии. В нем доминирует тематика, так или иначе связанная с периодом последней четверти I — начала II тыс. н. э. в Восточной и Центральной Европе. На первый план выступают проблемы, связанные с ранним этапом древнерусской культуры — процессом ее формирования, различными компонентами и спецификой их отражения в археологических источниках. Весь материал разделен на три больших блока, посвященных: 1) общим вопросам и историографии археологии элит; 2) погребальным памятникам; 3) археологии городов и поселений.

Вниманию читателя предлагаются как обзорные работы (см. раздел 1), так и публикации конкретных памятников, их описание и сравнительный анализ в контексте проблемы исследования социальных структур по археологическим данным. В ряде статей предметно ставится вопрос о методах и перспективах изучения древнерусской элиты и выделении «социальных маркеров» отдельных ее группировок на базе конкретных археологических источников (раздел 2, статьи Е. Р. Михайловой и В. Ю. Соболева, Н. И. Платоновой).

Некоторые публикации посвящены новым памятникам железного века и раннего Средневековья, выявленным на древнерусском «пограничье» — на Карельском перешейке и в бассейне нижней Луги (западные отроги Ижорского плато). Вплоть до последних десятилетий древности этих периодов не были здесь представлены. Новые открытия, в том числе исследование городищ, в культурном слое которых представлены остатки, датируемые от I тыс. до н. э. до эпохи викингов, и таких не известных ранее категорий памятников, как одиночные погребения «на каменных вымостках», заставляют серьезно скорректировать представления о культурных процессах на данной территории в эпоху, предшествовавшую широкому распространению памятников древнерусской культуры (разделы 2 и 3; статьи С. В. Бельского, И. В. Стасюка, Е. Р. Михайловой).

В третьем блоке статей, посвященных археологии городов и поселений, следует особо отметить работу, посвященную постройкам княжеского двора на Рюриковом городище (Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская). Это тот редкий случай, когда не возникает даже вопроса о «критериях элитарности»: материал изначально является эталонным для характеристики материальной культуры самой высокой социальной страты Древней Руси. Публикация комплексов «больших построек» Городища является ценным вкладом в исследование древнерусской элиты. Отметим также публикуемую работу стажера Фонда Гумбольдта в ИИМК РАН Й. Шнеевайса, посвященную историографии, современному состоянию исследований и конструктивным особенностям славянских и саксонских городищ IX–XI вв. в Северной Германии. Это первая публикация столь полного обзора данной проблематики на русском языке.

Обсуждение проблем раннесредневековой культуры и многокомпонентного, разноэтничного характера средневекового города, начатое на конференциях, получило продолжение на IV Международном научно-практическом семинаре «Проблемы археологии Литвы и Северо-Запада России» (17–18 ноября 2016 г., ИИМК РАН). По договоренности с литовскими коллегами в настоящий сборник была включена статья, посвященная проблеме формирования городской территории Вильнюса в XIII–XIV вв. (Р. Йонайтис и И. Каплунайте). Город возник на базе нескольких поселений, группировавшихся вокруг княжеской крепости, которая служила центром притяжения для весьма пестрого по составу населения. Изначально они были основаны представителями разных конфессий, различавшимися в том числе и по этнической принадлежности. Эти люди селились здесь отнюдь не чересполосно, а общинами, объединенными по конфессиональному, языковому и этническому признакам. Достаточно быстро поселки превратились в городские кварталы (концы).

При кажущемся отрыве этой статьи от основной, раннесредневековой тематики сборника дело обстоит как раз наоборот. Ситуация, сложившаяся в языческой Литве XIII–XIV вв., стадиально близка той, которая складывалась на Руси в IX–X вв. Однако тесные связи с ближайшими соседями, уже имевшими на тот момент богатую письменную традицию, способствовали тому, что некоторые аспекты отразились в источниках полнее и предметнее, чем это имело место в Восточной Европе на заре эпохи викингов. Анализ материалов литовской столицы в контексте проблемы формирования древнерусского города представляется актуальным, перспективным направлением исследований.

В настоящее время можно констатировать: разработка проблемы «археологии элиты», анализ отдельных ее аспектов, а также критериев выделения элитарных групп и их стратификации до сих пор значительно глубже и полнее осуществлялись на базе памятников римского времени, эпохи переселения народов, а также Сибири и Дальнего Востока, чем на материалах Древней Руси. Настоящий сборник был задуман как шаг по пути преодоления наметившегося здесь разрыва. При всей важности наработок, сделанных на основе данных других эпох и регионов, критерии, в любом случае, должны определяться *из самого археологического материала*, из тех дефиниций, которые реально в нем выявляются, а не из спроецированных на него представлений, сложившихся на основе других источников.

Доктор исторических наук *Н. И. Платонова*

I. КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И АРХЕОЛОГИЯ ЭЛИТЫ: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Древнерусская культура и древнерусская элита: проблемы и перспективы исследований[1]

Н. И. Платонова (*ИИМК РАН*)

Резюме. В сложившемся виде древнерусская культура фиксируется не ранее начала XII в. Если обратиться к данным более раннего периода IX–XI вв., глазам исследователя предстает не устойчивая структура, а разнородный, не устоявшийся конгломерат традиций.

Эпоха Начальной Руси была периодом интенсивного культурного строительства, реализации многих инноваций, сложения нового единства. Данный процесс двигался вперед «методом проб и ошибок»: ряд инноваций вовсе не получал продолжения, часть элементов «не прививалась» и исчезала. Однако при рассмотрении культурно-антропологических механизмов сложения культурного единства все эти детали имеют значение.

Одним из возможных путей к пониманию процесса возникновения инноваций и их внедрения в культуру является изучение «элиты» — социально-репрезентативных групп населения. Именно в рамках элитарных группировок шла выработка новых понятий о социально престижном. В них же преломлялись по-своему чужеземные идеологические, религиозные и иные влияния. Все это служило основой будущих системных изменений всего социума.

Известные группы памятников лесной зоны Восточной Европы I тыс. н. э. нередко отличались особенностями, делавшими их малоинформативными для историко-культурных реконструкций. Однако за этим стояла не редкость или бедность населения, а особенности хозяйственно-культурного типа, определившие характер археологизации материала. В ходе анализа подосновы, на которой складывалась древнерусская культура в лесной зоне, становится ясно: «балтская парадигма», сложившаяся в отечественной науке в 1960-х гг., необратимо устарела.

В настоящее время наряду с систематизацией умножившихся материалов и параллельно с ней необходимо провести детальное культурно-антропологическое исследование самого феномена *древнерусской культуры*, ее генезиса, трансформаций и основных составляющих. Наши общие представления об этих явлениях ныне требуют пересмотра с учетом новых археологических данных и современных научных представлений об этно- и культурогенезе.

Summary. Old-Rus' culture has long been perceived as a given fact beyond dispute. Its belonging to the inhabitants of the Old-Rusian State (Slavic or ethnically mixed, but, in any case, substantially Slavized) did not cause doubts. Successive connection with authentically Slavic cultures of the 8th–10th centuries could be clearly traced retrospectively. The period of existence of the culture was covered well by written sources. It would seem that everything is clear and we just need to clarify some details.

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке ПФИ Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность», проект «Элитарная культура...» (рук. Е. Н. Носов) и ПФИ ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы», проект «Археологические культуры Евразии...» (рук. Н. И. Платонова).

Material accumulated over the last decades, made us doubt the simplicity and clarity of this picture. Old-Rus' culture in its current form consolidated in the broad territories of Eastern Europe not earlier than in the beginning of the 12th century. The fact that, with some regional differences, it is clearly recognizable everywhere, points to the already implemented innovations in the cultural and socio-political spheres. But the archaeological data relating to the previous period of the 9th–11th centuries, opens a door not to a stable structure, but to a heterogeneous conglomerate of different traditions and cultural elements. A distinct continuity with the era of 'mature' Rus' of the 12th–13th centuries can be traced only in the cultural layers of Old-Rus' towns. It is necessary to ask the question: how the established and, most importantly, emerging traditions has been fixed in archaeological data? We see here the emerging traditions and the peculiar trial-and-error method on the path to cultural formation, as well as the existence of a number of diverse cultural phenomena, which development has begun already within the framework of the Old-Rusian social organism, but then aborted.

The key to understanding the innovation beginnings observed over the 9th–11th centuries, as well as their cultural and anthropological mechanisms, should be the study of the 'elite' — socially representative groups within a population. According to some recent theories, the 'elite' is a key element structuring social space. Its main feature is not the economic superiority, but the possession of power. It is reasonable to assume that it was within the elite groups that new socially prestigious and non-prestigious concepts were introduced. They also filtered and changed foreign ideological, religious and other influences in their own way. All this served as the basis for future systemic transformations of culture.

The analysis of the predecessors of the Old Rus' culture in the forest zone makes it clear that the "Baltic paradigm" accepted in the 1960s can no longer serve as a basic concept explaining the cultural process in the region in the Iron Age and the early Middle Ages. Neither archaeological, nor historical sources correspond to it now, but due to inertia this paradigm continues to exert a great influence on modern interpretations of archaeological facts.

The antiquities dated back to the 1st millenium A.D in the forest zone of Eastern Europe had usually some features that made them uninformative for historical and cultural reconstructions. However, recent studies do not confirm the idea of an unsettledness or very of these territories in the "pre-Russian period". The "poverty" of the monuments was a consequence not of the rare population and poverty of the living culture, but on the features of an economic and cultural type that determined the nature of archaeological data.

Cultural evolution and transformation took place here without sharp interruptions of continuity (which does not exclude periodic immigration of new population groups). The decisive factor was the slow evolution, mixing, transformation and bilingualism in language and culture, while preserving the historical boundaries of natural, economic and cultural unities that had developed in the deep antiquity. It is in this context that the problem of Slavic component among the population of the forest zone should be considered.

At present it is necessary, along with the systematization of materials, to conduct a detailed cultural and anthropological study of the very phenomenon of Old Rus' culture, its genesis, transformations and main components. Our general ideas about these phenomena are largely outdated. They require revision, taking into account new archaeological data and modern ideas about ethno- and cultural genesis.

Ключевые слова: раннесредневековая археология, древнерусская культура, IX–XI вв. н. э., элитарный погребальный обряд, славяне и балты, синтез археологических и письменных источников.

Key-words: Early Medieval archaeology, Old-Rus' culture, 800–1100 A.D., elite funeral rites, Slavs and Balts, synthesis of archaeological and written sources.

1. Введение

Древнерусская культура долгое время воспринималась специалистами как данность, не вызывающая разногласий. Ее принадлежность населению Древнерусского государства (славянскому или этнически смешанному, но, в любом случае, заметно славянизированному) представлялась несомненной. Преемственная связь с достоверно славянскими культурами Русской равнины VIII–X вв. (роменско-боршевской и типа Луки Райковецкой) выглядела очевидной, отчетливо прослеживаемой ретроспективно. Основной период бытования культуры неплохо освещен письменными источниками, помогающими расшифровать исторический смысл явлений, отраженных в археологическом материале. Казалось бы, все ясно, надо лишь уточнять детали.

Материал, накопленный в последние десятилетия, несколько нарушает простоту и ясность этой картины. Представляется очевидным, что в сложившемся, зрелом виде древнерусская культура фиксируется на широких территориях Восточной Европы не ранее начала XII в. При некоторых региональных отличиях она везде отчетливо узнаваема, что свидетельствует об *уже реализованных инновациях* в культурной и социально-политической сферах. Но стоит обратиться к археологическим данным предшествующего периода — IX–XI вв., и глазам исследователя предстает не устойчивая структура, а разнородный, не устоявшийся конгломерат различных традиций и элементов.

Накопленные материалы роменско-боршевской культуры позволяют засомневаться в прямой, непосредственной преемственности между роменскими и древнерусскими памятниками в основном ее ареале и даже поставить вопрос о радикальной смене населения на Днепровском левобережье в XI в. (*Григорьев*, 2000. С. 216–217, 222 и др.). При этом родство роменских и древнерусских культурных традиций, восходящих как минимум к общему источнику, по-прежнему представляется несомненным.

Отчетливая культурная преемственность между периодами Начальной Руси IX–XI вв. и «зрелой» Руси XII–XIII вв. прослеживается только в стратифицированных слоях древнерусских городов и ряда крупных поселений. При этом система расселения в указанные периоды заметно различается. Кроме того, попытки более тонкого анализа материалов городских слоев выявляют и здесь переломные моменты, приходящиеся, в частности, на середину XI в. Подобную ситуацию фиксирует, в частности, С. В. Белецкий при описании культурной стратиграфии Пскова. По его мнению, между древнерусскими слоями X — начала XI в. и второй половины XI–XII в. существует культурный разрыв, свидетельствующий о гибели первого «раннегородского образования» и притоке нового населения в период около середины XI в. (*Белецкий*, 2011. С. 384–392).

Погребальные памятники IX–XI вв. дают нам и вовсе пеструю картину. Тут налицо как региональные различия, так и многообразие традиций внутри регионов. Целый ряд культурных явлений вообще носит уникальный характер: они существуют недолго, как бы эпизодически, на ограниченной территории, порой вообще не находя аналогий в синхронных или позднейших древностях.

Воспринимать весь этот культурный мир как нечто единое можно только благодаря письменным источникам (летописям, дипломатическим документам, и пр.), свидетельствующим о начале политического объединения Руси не позднее конца IX в. и об активном взаимодействии Новгородского Севера и Киевского Юга в X–XI вв. Несомненно, картина, построенная по одним археологическим данным, была бы иной.

2. Лесная зона Восточной Европы накануне сложения древнерусской общности и в эпоху Начальной Руси

Выстраивание моделей этнокультурных процессов в лесной зоне Восточной Европы сер. I — нач. II тыс. н. э. обычно осуществлялось по материалам лингвистики на фоне очевидной нехватки археологических фактов. В целом ряде регионов Северо-Запада отсутствие сведений о древностях «дорусского» периода и вовсе создавало впечатление «археологической пустоты», трактовавшейся как реальное *отсутствие населения*. В свою очередь, известные группы памятников лесной зоны I тыс. н. э. отличались структурными особенностями, делавшими их малоинформативными для историко-культурных реконструкций (редкость поселений, слабая насыщенность слоев культурными остатками, трудноуловимый обряд погребения, недостаток «этноопределяющих» категорий находок; и т. д.). Закономерным следствием этого становились неразработанность хронологии раннесредневековых древностей и весьма приблизительные, со многими лакунами, представления о ходе культурного процесса на этих территориях.

Лишь в последнее время, по ходу открытия новых категорий древностей I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. на Северо-Западе (от раннего металла до эпохи викингов)[2], постепенно становится ясно: представления о редкой заселенности лесной зоны Восточной Европы и «бедности» ее памятников, скорее всего, имеют в основе не реальную бедность живой культуры региона, а особенности археологизации материала. В основе последних лежит, в свою очередь, специфика духовной культуры населения этой обширной историко-культурной области в эпоху железа. Наличие в одних случаях археологически трудноуловимого погребального обряда, в других — безынвентарность кремаций, отсутствие ингумаций, и т. п. представляют собой особенности, отличавшие эту зону как

[2] См., в частности, статьи С. В. Бельского, И. В. Стасюка и Е. Р. Михайловой в настоящем сборнике.

от «запада» и «юга» (в широком смысле), так и от «востока». Коренились они, так или иначе, в живой культуре, в системе представлений о загробном мире и мироустройстве в целом. Ритуально-космологический контекст, в который вписывались указанные особенности, сам по себе являлся важнейшим культурообразующим и «структурообразующим» фактором. За этим стоял свой, особый «культурный мир», тысячелетиями сохранявший свои границы.

Недавние наблюдения в области антропологии и палеогенетики позволяют с достаточным основанием говорить о наличии генетической преемственности населения обширных природно-хозяйственных зон, в том числе юго-восточного побережья Балтики и Русского Северо-Запада, начиная с глубокой древности — по меньшей мере с эпохи поздней бронзы и раннего железа. Последнее отнюдь не исключало периодических притоков в эти регионы новых мигрантов, что, однако, не приводило к радикальной смене населения и утрате им генетических особенностей. В частности, «в популяциях Русского Северо-Запада и Севера от средневековья до современности обнаруживается ярко выраженный след очень древнего европеоидного населения, связанного предположительно с носителями культур шнуровой керамики и боевых топоров... Это на первый взгляд противоречит сложившимся в науке представлениям о единой "прародине" всех славян и их быстром распространении на огромные территории в V–VI вв. н. э. Однако на деле подобный результат ярко свидетельствует о том, что лингвистическая, культурная история народов и формирование их антропологического облика — разные процессы...» (*Санкина,* 2017. С. 271; см. также: *Балановская и др.,* 2011).

Полностью соглашаясь с этим последним тезисом, я все же хочу подчеркнуть: выявление физической преемственности требует с удвоенным вниманием отнестись к проблеме *субстрата* и реальной возможности передачи культурных элементов, поведенческих кодов и стереотипов от более древнего населения региона к более позднему — *даже при смене языков и идентичностей.* С этим последним предположением вполне согласуются заключения современной регионалистики, согласно которым границы различных историко-культурных зон на Северо-Западе оказываются достаточно определенными на протяжении целого ряда эпох. Новые культуры и группы их периодически «укладывались» в старые границы — факт, давно знакомый археологам, но, как правило, остающийся без серьезного рассмотрения.

В трактовке авторов комплексного исследования регионов Северо-Запада, проведенного в 1990-х гг., «определяющим фактором истории таких зон выступают медленная эволюция, смешение, трансформация и билингвизм в языке и культуре. Старое и новое население веками продолжает жить рядом, вместе и через длинную цепь трансформаций переходит в новое языковое и культурное состояние в тех же исторических границах... Происходящая время от времени миграция извне... — всегда толчок к новой трансформации...» (*Герд, Лебедев /ред./,* 2001. С. 8; см. также: *Герд, Лебедев /ред./,* 1999).

На мой взгляд, проблема появления славян на Северо-Западе, неразрывно связанная с проблемой истоков и составляющих древнерусской культуры,

должна рассматриваться именно в контексте изложенных выводов. В археологии до сих пор широко распространены представления, согласно которым появление славяноязычных сообществ на территории будущих Новгородской и Псковской земель произошло неимоверно поздно — оно синхронизируется с началом эпохи, освещенной письменными памятниками (IX–X вв.). Долгое время считалось, что их проникновение осуществлялось с юга, по Днепру. В последнее время в кругах историков вновь стала популярной гипотеза о приходе славян в Причудье и Приильменье с запада, из Польского Поморья и прилегающих регионов. Оживление интереса к ней во многом обусловлено выдающимися открытиями в области древненовгородского диалекта, выявившими языковые отличия населения Северной Руси от остальных восточнославянских групп (*Зализняк*, 2004. С. 57). Однако этот лингвистический материал не увязывается однозначно ни с одним из культурных единств, фиксируемых археологически. Основой существующих гипотез о миграциях славян на восток послужила в 1980–1990-х гг. весьма упрощенная его трактовка (ср.: *Platonova*, 2016. P. 379–380).

Та же ошибка интерпретации (правда, с точностью до наоборот) имела место полвека назад. Тогда важное открытие в области лингвистики — выявление пласта балтийских гидронимов в верхнем Поднепровье — было однозначно, без должной проверки, спроецировано на этнокультурные реалии раннего Средневековья (*Топоров, Трубачёв*, 1962. С. 236). Археологи настолько уверовали в идею исключительно «балтской» принадлежности огромного ареала раннесредневековых культур лесной зоны, что начисто забыли и об условности лингвистической хронологии, и о неоднозначности соотношения культурных и языковых единств. В результате отечественная наука 1960–1970-х гг. вообще «потеряла» славянский компонент раннесредневекового населения. Об истоках славяноязычности жителей Северной Руси старались до поры просто не задумываться.

Лишь в наши дни обаяние «неславянства» и «чары балтийства» (выражение Й. Вернера) начинают понемногу развеиваться. В этом плане весьма показательным является недавний доклад А. Лухтанаса и О. В. Полякова (Вильнюс) «Галинды на просторах Европы: История одной псевдонаучной гипотезы», озвученный в Санкт-Петербурге 14.11.2017[3]. Исследователи из Литвы выступили с резкой критикой построений акад. В. Н. Топорова о «трансконтинентальных миграциях» галиндов/голяди и выводов о присутствии этого балтского племени буквально во всех концах раннесредневековой Европы. Источниковедческая слабость указанных построений при внимательном рассмотрении оказывается настолько очевидной, что вызывает удивление: почему критика стала звучать только сейчас?

Источниковая база и методы, применявшиеся в ранней (по сути — юношеской!) работе В. Н. Топорова и О. Н. Трубачёва (1962), также требуют крити-

[3] IV Международная научная конференция «Археологические источники и культурогенез. Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н. э.: динамика освоения культурного пространства», СПбГУ, 14–18.11.2017.

ческого анализа на современном уровне. В свое время эта монография, по сути, сформировала «балтскую парадигму» изучения древностей лесной зоны. Ни археологические, ни исторические источники в эту парадигму давно не вмещаются, но по инерции она продолжает оказывать влияние на современные интерпретации археологических фактов.

В этой связи стоит отметить важность новейших раскопок в Приильменье, выявивших на ряде памятников хорошо сохранившиеся и убедительно датированные культурные слои как VIII, так и V–VII вв. Имеются в виду селище Прость, городища Сельцо, Бронница, Городок на Маяте и др. (*Плохов,* 1997. С. 106–107; *Носов, Плохов,* 2005. С. 144; *Еремеев, Дзюба,* 2010; *Еремеев,* 2015. С. 17–24). Некоторые памятники этого круга были известны давно, но малочисленные находки долго не осмыслялись в качестве отдельного культурно-хронологического пласта. Ныне их исследования помогли уяснить, «что на озере Ильмень начальное славянское расселение не спрессовано в один культурно-хронологический пласт с варяжской экспансией середины VIII — X в., а отделено от нее примерно двухсотлетним периодом самостоятельного развития приозерной племенной агломерации» (*Еремеев, Дзюба,* 2010. С. 417). Исходным регионом земледельческой колонизации Приильменья предстает Белорусское Подвинье середины I тыс. н. э. При реконструкции и интерпретации сходств/различий культурных комплексов лесной зоны (традиционно приписывавшихся кому угодно, только не славянам и их предкам) теперь рассматриваются варианты не только прямого родства и заимствования, но и наличия глубокой общей подосновы, а также бытования отдельных категорий вещей в разных этнокультурных сообществах (*Там же.* С. 434–438).

Представляется чрезвычайно показательным замечание И. О. Гавритухина (сейчас, безусловно, ведущего специалиста России по пражской культуре) о принципиальной *невозможности выводить керамическую традицию Северо-Запада последней четверти I тыс. н. э. из пражской культуры сер. IV — сер. VII в.* Облик этой последней, по его словам, уже в VII в. «определяют, прежде всего, сильно профилированные сосуды с S-видной верхней частью, нередко с усложненной моделировкой венчика, а в ряде групп — появление керамики, сделанной на гончарном круге» (*Гавритухин,* 2009. С. 21). Набор керамики последней четверти I тыс. на Северо-Западе России, включая лепные и раннегончарные формы X–XI вв., выглядит неизмеримо архаичнее пражских сосудов VII в. Более обоснованной представляется его связь с памятниками круга Заозерье–Узмень. Важно отметить, что указанный вывод касается не только древностей 3 четверти I тыс. н. э. Он относится напрямую и к тем памятникам IX–X вв., чье родство с собственно древнерусской культурой региона не вызывает сомнений.

В данном контексте принципиально важное значение имеет оценка таких культурных явлений, как раннесредневековые «курганные культуры» Северо-Запада России (длинные курганы и сопки). В былые времена за каждой из них археологи пытались увидеть отдельную, «правильную» археологическую культуру, сформировавшуюся где-то вовне и оттуда мигрировавшую на территорию

будущей Псковско-Новгородской земли. Однако никаких достоверных предшественников той и другой культуры на смежных территориях нет. Оба феномена, несомненно, сложились *на месте*.

Практически одновременное появление длинных курганов на западной и северо-восточной границах их огромного ареала вряд ли можно связывать с массовой миграцией нового населения. Мысль о том, что веер инноваций в культуре населения лесной зоны в V — начале VI в. был инициирован проникновением с юга каких-то небольших военизированных групп (своеобразное «эхо Великого переселения народов»), уже высказывалась целым рядом исследователей (*Кулаков*, 1997; 2002; *Žulkus*, 2000; *Казанский*, 1999; *Ахмедов, Казанский*, 2004; *Михайлова*, 2012; 2014. С. 221–224). Однако сами инновации чаще всего трактуются в традиционном ключе — как результат появления нового этнического элемента, переноса традиций, постороннего влияния и т. д.

На мой взгляд, формирование (в считанные десятилетия!) единого, принципиально нового для данного региона погребального обряда свидетельствует о стремительном распространении новых идеологических представлений. Последнее означало резкое увеличение ***информационной проницаемости*** всего ареала КДК в V–VI вв. и действительно могло явиться результатом регулярных передвижений каких-то небольших, мобильных групп (враждебных или союзных местному населению — в данном случае безразлично) (ср.: *Лесман*, 1989. С. 13–18). Более, чем вероятно, что процесс формирования культуры длинных курганов (КДК) отразил собой кристаллизацию ***новой идентичности***. Однако природа стоящего за ней единства пока не ясна — так же, как и культурно-антропологические механизмы происшедших в нем инноваций. В настоящий момент есть все основания считать КДК частью обширной историко-культурной общности, в которую входил целый ряд культур, которые в отличие от нее не восприняли в третьей четверти I тыс. н. э. курганного обряда (Тушемля-Банцеровщина, удомельский тип и т. д.).

В отличие от КДК, традиция которой уходит корнями в эпоху Великого переселения народов, пик создания классических новгородских сопок приходится непосредственно на эпоху Начальной Руси. Лишь единичные комплексы датируются ранее X в., а функционирование сопок как мест погребения и/или святилищ продолжалось как минимум до конца XI в. (*Кузьмин*, 1992; 2001; *Платонова*, 2002. С. 193–194). То есть перед нами памятники никак не *«дорусского»*, а уже древнерусского населения Новгородской земли. Они синхронны горизонту Д Старой Ладоги и раннему Новгороду X в., когда вблизи княжеской крепости (Рюрикова городища), контролировавшей вход и выход в р. Волхов и оз. Ильмень, было основано несколько новых поселений, послуживших ядром будущего города. Не приходится сомневаться: люди, насыпавшие сопки, составляли основную часть населения Новгородского княжества в период от первых Рюриковичей до Владимира Святого включительно. После Владимира новых насыпей уже не сооружали, однако захоронения россыпью в их вершинах продолжались как минимум до эпохи Ярославичей.

Завершая этот, по необходимости краткий обзор, стоит вновь подчеркнуть: феномен собственно *древнерусской культуры*, ее генезиса и трансформаций требует пересмотра в контексте современных научных представлений об этно- и культурогенезе. Культурная пестрота и вариабельность памятников эпохи Начальной Руси заставляют поставить вопрос о методике фиксации в археологическом материале не только сложившихся, но и *формирующихся* традиций, своеобразных «проб и ошибок» на пути культурного строительства. В таком контексте следует рассматривать целый ряд явлений, развитие которых началось уже в рамках формирующегося древнерусского социума, а затем оказалось оборвано. К этой категории можно отнести и сопки, и древнерусские «большие княжеские курганы», и различные варианты бескурганных ингумаций X–XI вв., с уникальными сочетаниями элементов погребального ритуала.

3. Проблема элиты и элитарных древностей в раннесредневековой археологии Евразии

Борьба и периодическая смена элитарных властных группировок рассматриваются в культурной антропологии как ключевой фактор историко-культурного процесса. Многим он представляется ныне столь же универсальным, как «классовая борьба» в марксистской исторической науке. Общим положением «теории элит», сформулированной впервые в рамках итальянской социологической школы первой четверти XX в., является то, что «во всех обществах (начиная со слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) *существуют два класса людей — класс правящих и класс управляемых* (курсив мой. — *Н. П.*)» (*Моска*, 1994. С. 187).

В современных теоретических разработках «элита» определяется как ключевой элемент, структурирующий социальное пространство. Ее главным признаком считают не экономическое превосходство, а *обладание властью* (*Дашковский /ред./*, 2015). В археологии изучение «элиты» — социально-репрезентативных групп носителей определенных культур — можно рассматривать как один из возможных путей к пониманию процесса возникновения инноваций и их культурно-антропологических механизмов. Закономерно предположить, что именно в рамках элитарных группировок шла выработка новых понятий о социально престижном (и наоборот). В них же преломлялись по-своему чужеземные идеологические, религиозные и иные влияния. Всё это служило основой будущих системных изменений в культуре.

3.1. Проблема синтеза информации археологических и письменных источников

Проблематика социальной стратификации раннесредневековых сообществ Евразии, известных в первую очередь по археологическим данным, разрабатывается ныне в двух основных направлениях: а) историко-культурном

(или культурно-антропологическом), основанном на параллельном рассмотрении различных видов источников; б) собственно археологическом, сосредоточенном на анализе материала из раскопок при подчеркнутой отстраненности от данных, сообщаемых средневековой письменностью.

Историко-культурные разработки первого типа, как правило, выполняются на материалах таких регионов и культур, где яркие археологические находки, свидетельствующие о социальной неоднородности, дополняются более или менее подробными описаниями, сделанными «цивилизованными» соседями. Соответственно их комплексное исследование имеет давнюю традицию. Примером обобщающего труда такого рода (несомненно, удачным) является недавно изданная коллективная монография, посвященная кочевым элитам Южной Сибири, Центральной Азии, Дальнего Востока и т. д. (*Дашковский /ред./*, 2015). В ней четко сформулированы принципы такого подхода:

«...Традиционно считается, что "характер общественной организации кочевников отражается в масштабах и особенностях погребально-поминальной обрядности" ... Для изучения социальной дифференциации по профессиональному или имущественному признаку данная методология, несомненно, является наиболее подходящей... В рамках обозначенной парадигмы ученые предлагают целый спектр признаков элитного погребального обряда... Различные показатели отражают статус погребенного, но лишь в определенной, иногда весьма ограниченной форме. *В большинстве своем они характеризуют сам погребальный памятник как археологический объект, являющийся элитным в сравнении с другими сооружениями. Это обстоятельство накладывает априорную ограниченность на археологические источники. Для разрешения сложившейся ситуации необходимо использовать комплексный подход, основанный на изучении как археологических, так и письменных источников...*» (курсив мой. – *Н. П.*) (*Дашковский, Мейкшан*, 2015. С. 15).

Альтернативный подход к анализу социальной стратификации погребальных древностей, и в частности их элитарной составляющей, декларирует полный отказ от увязки тех дефиниций, которые выявляются в археологических источниках, с социальными (например, сословными) дефинициями, сообщаемыми древней письменностью. Данный подход сложился в Западной Европе в последней четверти XX в. По мнению его последователей, «разные виды источников по разному отражают социальную структуру общества, те и другие... лакунарны и, кроме того, далеко не всегда синхронны» (Казанский, Перен, 2014. С. 263). В настоящее время этот подход разделяется многими отечественными специалистами по раннему Средневековью: «Исследователи благоразумно избегают... прямого сопоставления с сословными группами, известными по письменным источникам, и предпочитают оперировать условными группами или стратами (*Quast*, 1993. S. 111; *Périn*, 1995. P. 251). Действительно, археологические и письменные источники по-разному отражают социальную структуру древних обществ, и их прямолинейное сопоставление весьма рискованно...» (*Мастыкова*, 2014. С. 6).

Безусловно, жесткая увязка отдельных «уровней привилегированности», выявленных на могильниках, с социальными группами, известными по письменным источникам, неправомерна. Информация археологических и письменных памятников, даже полностью синхронных по времени, может качественно «запаздывать» относительно друг друга — хотя бы потому, что посмертные и прижизненные почести — не одно и то же. Важной оговоркой является и реальная асинхронность источников. К примеру, нельзя признать корректными попытки дать социальную характеристику групп населения, похороненных в древнерусских курганах XI–XII вв., на основе документов, отражающих ситуацию на два-три века позднее (даже если в них описаны те же регионы и поселения).

Тем не менее, с моей точки зрения, однозначного решения данного вопроса не существует. Очень многое зависит: а) от целей исследования; б) от состояния базы письменных и археологических источников для конкретного периода на конкретной территории. К примеру, археологические материалы Новгорода XI–XV вв., при всех возможных оговорках, дают блестящую возможность увязки между собой археологических и письменных данных — включая информацию о социальной структуре средневекового новгородского общества. Если бы В. Л. Янин последовал в свое время рекомендации отказаться от сопоставления и увязки между собой дефиниций, выявляемых в письменных, археологических и историко-географических источниках, мы, вероятно, не имели бы сейчас «Очерков комплексного источниковедения» (*Янин*, 1977) и наука много потеряла бы.

Принцип «регрессивной пурификации» Р. Хахмана, декларирующий строго раздельное изучение разных видов источников на первом, источниковедческом этапе освоения материала, является важной исследовательской установкой (*Hachmann*, 1970). Но, вероятно, все же нельзя однозначно переносить рекомендации, выработанные при изучении конкретной проблемы или категории памятников, на все мыслимые ситуации. Тем более что и на первом этапе порой бывает необходима модель, гипотеза — а для этого крайне важна «обратная связь», знание уже имеющихся культурно-антропологических реконструкций, включая модели, выстроенные на материалах смежных наук.

Именно комплексное изучение письменных и археологических источников Центральной Азии и Дальнего Востока помогло уяснить и описать в научных категориях такие явления, как «этносы-элиты» (*Савинов*, 2005. С. 31–41) и т. н. «двойные» элиты, сформировавшиеся в рамках системы социально-этнического подчинения. В состав «двойной» элиты обычно входили «правители и знать подчиненных племен, наличие которых необходимо для осуществления управленческих функций на данной территории» (*Дашковский, Мейкшан*, 2015. С. 14). Многочисленные примеры такого рода наблюдаются при изучении кочевых элит.

Восточноевропейские материалы третьей четверти I тыс. н. э. тоже дают основания говорить о подобных социальных структурах, сформировавшихся на стыке кочевого и оседлого мира. В этом плане очень интересны наблюдения А. М. Обломского и предложенная им модель реконструкции социальных

отношений VII в. в ареале пеньковской культуры. Согласно ей, «связь кочевого и оседлого пеньковского населения не ограничивалась соседскими контактами, была достаточно тесной и имела форму симбиоза... В состав общества... входили как анты, так и кочевники-тюрки. Каждый из народов имел свою знать. Свидетельством ее наличия у пеньковского населения являются богатые мартыновские клады (Мартыновский, Козиевско-Новоодесский, Гапоновский, Суджанский), у кочевников — наборы роскошных вещей (Малое Перещепино, Новые Санжары, Макуховка). Кочевая знать в этом объединении, очевидно, главенствовала... Похожее соотношение кочевнических и оседлых земледельческих элементов зафиксировано, например, в Аварском каганате...» (*Обломский*, 2012. С. 25–26).

Гипотетическое приложение модели «двойной элиты» к начальному периоду древнерусской истории, на мой взгляд, было бы вполне перспективно (особенно в контексте зафиксированного письменными источниками противопоставления руси и Славиний). Ситуация, в которой некая этносоциальная группа с весьма ограниченной экономикой, но обладающая высокой мобильностью и военным могуществом, выступает в роли создателя мощного объединения, «втягивая в сферу своего влияния и зависимости население всех окружающих областей» (*Савинов*, 2005. С. 32), является на деле стереотипной. *По этому алгоритму строились и развивались практически все раннеклассовые политии Евразии.* «Не замечать» этого ученым позволял только всепоглощающий европоцентризм исторической науки XIX — первой половины XX в., заставлявший считать «государство» одним из высших достижений человеческого духа, а о механизмах его сложения судить исключительно по образцу западноевропейского Средневековья. Но указанный вариант являлся результатом романо-германского синтеза, и уже поэтому он не может рассматриваться, как общераспространенная модель. Разработка материалов Начальной Руси в контексте представлений о системе социально-этнического подчинения, разумеется, должна стать темой отдельной работы.

Сложность социального анализа археологических источников состоит в том, что в архаическом социуме принадлежность к «элите» в не меньшей степени определялась социальной психологией, чем экономикой. Конечно, полагать, что «обладание властью» (ключевая характеристика любой элиты) не имело экономического базиса, было бы крайне наивно. Однако в тех случаях, когда имущественные различия выражались во владении (или праве пользования) поголовьем скота или продуктами земледелия (которые на практике оказывались рассредоточенными по разным пунктам, дворам, урочищам, раздавались подвластному населению и т. д.), адекватная социальная трактовка археологических данных практически невозможна без «подсказки» других источников. Сами по себе «археологические материалы не дают возможности выявить ни институциональные формы социальной жизни, ни правовое положение людей, ни формы зависимости населения хозяйственных комплексов» (*Стефанович*, 2012. С. 100).

Только памятники древней письменности и фольклор помогают уяснить, почему харизматический предводитель раннего Средневековья, даже оказавшись формально «неимущим», тем не менее мог в короткое время собрать внушительную воинскую силу. Другой пример: не будь у нас корпуса берестяных грамот, археологи никогда не догадались бы, с каким размахом велись ростовщические операции в Новгородской земле уже в XI–XII вв. (и соответственно на каких «дрожжах» поднялось в Новгороде его знаменитое боярство!). Указанные ограничения следует постоянно иметь в виду.

И все-таки неразрывная связь представлений об «элите» с понятием о социальном престиже, требующем в том числе отчетливого материального воплощения, делает археологическое исследование элитарных древностей отнюдь не безнадежным. Важно и другое: именно социально-репрезентативные группы в первую очередь являлись субъектами, осуществлявшими контакты с более развитыми соседями. «У элитарных слоев гораздо больше возможностей ознакомиться и усвоить элементы иноэтнической культуры. В то же время, поскольку они выступают в качестве референтной группы по отношению к нижестоящим социальным слоям, понятно, что усвоение элитой новшеств подчас почти автоматически приобретает для последних престижное значение» (*Арутюнов*, 1982. С. 13). Поэтому общим для всех подходов к изучению элиты в современной науке является повышенное внимание к проблеме критериев выделения социально-репрезентативных групп и определения «социальных маркеров» этих групп в археологическом материале.

3.2. Проблема социальной стратификации и маркеров элиты в погребальных древностях Восточной Европы

На материалах Восточной Европы конкретные разработки, направленные на выяснение социальной градации раннесредневековых погребальных древностей (по характеру и богатству инвентаря), предпринимаются в основном на материалах южных регионов. Наиболее разработанными в данном направлении являются могильники салтовской культуры, Причерноморья и Кавказа (см.: *Афанасьев*, 1993; *Флёров*, 1993; *Коробов*, 2003; *Мастыкова*, 2008а; 2008б и др.). К материалам этих регионов, как выяснилось, вполне применимы критерии высокого социального положения погребенных, выработанные для синстадиальных памятников Западной и Центральной Европы:

«...Во всей зоне от Кавказа до Атлантики в привилегированных погребениях встречен сопоставимый набор статусных вещей, частично воспроизводящий инсигнии поздней Римской империи... Что же касается изучения “вождеских” погребений в Восточной Европе, то исследователями применяются практически те же самые критерии их выделения, хотя в русскоязычных публикациях они нигде четко не сформулированы...» (*Мастыкова*, 2014. С. 5–6).

Для данного подхода характерна тенденция к резкому разграничению проблематики этно- и культурогенеза. Как свидетельствуют М. М. Казанский

и П. Перен, при рассмотрении материалов меровингского времени «пришлось отказаться... от "этнического" принципа идентификации археологического материала, по которому могилы с богатым убором и набором оружия однозначно определялись как германские, а, например, захоронения в саркофагах считались романскими. Антропологические исследования показали на конкретных могильниках, в частности в парижском регионе, в Бельгии и в Нормандии, а также, за несколькими исключениями, на севере Франции, что население в меровингской Галлии в массе своей оставалось тем же, что и в римское время... поэтому в том, что касается инвентаря и погребального обряда, исследователи предпочитают говорить о германской и галло-римской культурных традициях, охвативших как германскую, так и романскую составляющую населения Галлии...» (*Казанский, Перен*, 2014. С. 263).

Данная установка принципиально совпадает с тем направлением археологической мысли, которое развивалось в СССР ленинградской школой 1970–1980-х гг. Представления о том, что формирование раннесредневековых политических образований («государств») всегда идет на фоне активного межэтнического взаимодействия, стали тогда, по сути, общим местом. Соответственно считалось, что дефиниции, выявленные в материале, на момент сложения новых культурных единств могут не совпадать (и часто не совпадают) ни с этническими, ни с языковыми (см.: *Герд, Лебедев* /ред./, 1989; 2001; *Лебедев*, 1985 и др.).

Отказ от «однозначных» интерпретаций тех или иных археологических признаков как этнических маркеров следует признать совершенно правильным. Археологическое источниковедение имеет дело с вещевым материалом и контекстом находок. Оно, строго говоря, не нуждается в «спущенных сверху» этнических дефинициях, которые на этом этапе исследования только путают картину. Однако за классификацией и группировкой материала, ведущими к выявлению в нем собственных дефиниций, должен следовать анализ уже на конкретно-историческом (или культурно-антропологическом!) уровне (ср.: *Аникович*, [2005]; 2010). И вот здесь без комплексного исследования проблем этничности нам уже не обойтись. Однако данная проблема слишком обширна, чтобы быть раскрытой в рамках настоящей статьи.

К сожалению, критерии социального анализа погребального инвентаря, выработанные на западноевропейских материалах (см. выше), лишь в редких случаях приложимы к памятникам Начальной Руси и предшествовавшего ей пласта древностей лесной зоны. Традиция «княжеских» погребений, зафиксированная в гуннский и постгуннский периоды на юге Восточной Европы (в том числе в Среднем Поднепровье), оборвалась в нач. VIII в. В целом, наиболее яркими отличительными чертами погребальных памятников Поднепровья и более северных регионов в середине – второй половине I тыс. н. э. оказываются именно «бедность» и/или археологическая неуловимость.

Погребальную традицию КДК (см. выше) характеризовала исключительная «монотонность»: «Погребения, совершенные в рамках ее обрядности, не различаются количеством и богатством инвентаря, среди них невозможно

выделить "элитные", "княжеские" или "воинские" захоронения... отсутствуют предметы престижного импорта и особый "княжеско-дружинный" стиль. Этим культура псковских длинных курганов отличается не только от Западной и Центральной Европы, но и от Юго-Восточной Прибалтики или Рязанского Поочья...» (*Михайлова*, 2014. С. 226).

Данную характеристику вполне можно распространить и на ближайших соседей этой культуры, оставивших родственные ей памятники типа Тушемля, «удомельского типа» и т. д. Лишь на рубеже IX–X вв. археологические источники отчетливо свидетельствуют о наступлении новой эпохи, о серьезных сдвигах в социальной сфере и самосознании, затронувших в том числе и область сакрального. Тогда на землях вдоль трансъевропейских речных путей — от Ладоги до Киева — распространяются новые погребальные обряды (камерные гробницы и большие «княжеские» курганы), в которых процесс захоронения обставляется с исключительной пышностью, а инвентарь включает очень дорогие предметы в немалом количестве. Возможно, в основе данного процесса лежало то, что А. Е. Мусин (в другом контексте) назвал стадиальным явлением: «...состояние "социального стресса" требует особой демонстрации общественного и религиозного статуса человека в погребальном обряде» (*Мусин*, 2016. С. 261).

Однако стоит заметить: попытка рассмотрения упомянутых престижных погребальных обрядов в социальном аспекте, предпринятая полвека назад Г. С. Лебедевым, базировалась не на древнерусских материалах, а на опубликованных комплексах могильника Бирка (Швеция) (*Лебедев*, 1970; 1973; 1977). Причиной послужила в первую очередь малочисленность выборки упомянутых выше групп «богатых погребений» в Восточной Европе. Она фактически исключала возможность приложения к указанному материалу методов многомерного статистического анализа. И хотя теперь число камерных погребений, раскопанных на территории Древней Руси, заметно возросло благодаря работам в Гнёздове, Киеве, Удрае, Пскове, и т. д., проблема малочисленности выборки все равно остается.

«Эталонные группы погребений раннесредневековых могильников Германии и Великобритании состояли из сотен, даже тысяч погребений. Лишь при таком широком охвате исследователям удается обнаружить статистические закономерности в распределении инвентаря...» (*Михайлов*, 2016. С. 96). Отечественные исследователи раннесредневековых могильников Юго-Востока Европы и Закавказья также опираются на данные сотен и тысяч раскопанных комплексов. Между тем число достоверных камерных гробниц X–XI вв., исследованных по всей территории Древней Руси, даже сейчас составляет менее сотни (т. е. статистически корректная выборка заведомо отсутствует).

При анализе этих памятников археологи вынуждены опираться в первую очередь на традиционный метод рассмотрения инвентаря по категориям вещей, сравнение вещевых наборов по комплексам с их последующим ранговым упорядочиванием. Важным этапом в осмыслении этих памятников стала работа К. А. Михайлова, положившего в основу социальной характеристики

камерных погребений не только анализ погребального обряда и инвентаря по группам, но и детальный сравнительный анализ *стоимости* последнего исходя из данных о ценах на предметы роскоши, имеющихся в источниках. При этом ему реально удалось обосновать статус «социальных маркеров» для целого ряда типов вещей (*Михайлов*, 2016. С. 162–167).

Количество раскопанных погребений на более поздних древнерусских курганных могильниках XI–XIII вв., конечно, превышает упомянутую выборку в десятки раз. К ним вполне можно было бы применить и многомерную статистику, и те методики, которые вырабатывались специально, с целью выделения уровней социальной стратификации на западно- и центральноевропейских памятниках. Препятствием служат в данном случае как раз огромный объем материала, его недостаточная источниковедческая проработанность, а также наличие в нем ярко выраженных территориальных групп со своими особенностями, каждая из которых требует отдельного исследования. В целом, это работа на много лет — для большого исследовательского коллектива. В настоящее время осуществляются более или менее удачные разработки материалов отдельных комплексов, представляющихся особо показательными и информативными с точки зрения социального содержания и контекста[4]. Безусловно, их следует рассматривать лишь как подступ к большой работе в данном направлении.

В этой связи стоит оговорить еще один момент. Приложение к древнерусским материалам готовых критериев, выработанных на базе памятников других культур, в принципе, представляет интерес. Но куда более желательным является поиск критериев *в самом восточноевропейском материале лесной зоны*, с учетом качественных особенностей именно этого «культурного мира». Точно так же и выводы о наличии различных «уровней» социальной градации в могильниках отдаленных регионов можно лишь с оглядкой проецировать на наш культурный ареал. В лесной зоне Восточной Европы X–XI и XI–XII вв. соответствующие показатели могли отражать иные реалии.

Под конец напомню о том, что уже говорилось на первых страницах работы. Погребальные древности требуют очень большой осторожности при интерпретации их в категориях «богатства — бедности» и проецировании «уровней привилегированности», существующих в мире умерших, на мир живых. Очень многое зависит здесь от комплекса древних представлений о загробном существовании, диктовавших определенные стереотипы действий при захоронении.

Погребальный комплекс — это всегда зашифрованный, полный глубокого символизма текст. Прочесть его правильно без «словаря», который давно утрачен, практически невозможно. Приходится довольствоваться обрывками информации, полученной путем группировки и сравнительного анализа мало понятных элементов. То, что на характер обряда и ритуала влияли помимо социальной принадлежности погребенного еще и принадлежность его к определенному возрастному классу, профессиональная деятельность, языческие

[4] См. в настоящем сборнике статью Е. Р. Михайловой и В. Ю. Соболева, а также Н. И. Платоновой (с приложением, выполненным К. В. Горловым и Н. В. Григорьевой).

представления о потустороннем, возможная сакрализация личности усопшего и просто личные заслуги, давно не вызывает сомнений. Однако на практике разобраться со всем этим нелегко.

4. Заключение

В данный момент можно констатировать: социальный анализ памятников Древней Руси представляет собой назревшую проблему отечественной археологии. Его значение выходит далеко за рамки собственно археологического источниковедения. В настоящий момент особенно важны конкретные, фундированные исследования, включающие тщательную источниковедческую проработку материалов: а) отдельных памятников; б) групп памятников; в) более или менее обширных регионов. Было бы неверно утверждать, что до сих пор в этом плане ничего не сделано. В частности, для лесной зоны середины — второй пол. I тыс. н. э. имеется ряд очень профессиональных обобщений материалов по регионам, культурам и группам памятников (см. напр.: *Лопатин, Фурасьев*, 2007; *Еремеев, Дзюба*, 2010; *Исланова*, 1997; 2006; 2012; *Михайлова*, 2014; *Обломский, Исланова /ред./*, 2016; *Михайлов*, 2016 и др.). Имеются опубликованные каталоги древнерусских погребальных памятников по территориям (правда, немногочисленные) с кратким описанием комплексов (напр.: *Жукова, Степанова*, 2010), а также монографические публикации крупных раскопанных могильников (*Хвощинская,* 2004) и т. д. Но все-таки не систематизированного материала гораздо больше.

Необходимо, чтобы работы по систематизации продолжались. Без источниковедческой подготовки попросту невозможны ни глубокое изучение древностей в социальном ключе, ни обоснованные выводы на сей счет. Однако параллельно с этим должно осуществляться — на основе наличных материалов — культурно-антропологическое исследование феномена Начальной Руси, которую можно рассматривать как период интенсивного культурного строительства, реализации инноваций и выработки новых традиций. Данный процесс двигался вперед «методом проб и ошибок»: отдельные новшества могли не получить продолжения, часть культурных элементов «не прививалась» и отмирала, начавшиеся процессы тормозились или меняли свой характер в силу изменившихся обстоятельств. Тем не менее при рассмотрении культурно-антропологических механизмов сложения древнерусской культуры все эти детали складываются в целостную картину.

Элитарные группировки де-факто становились референтными группами по отношению ко всему остальному населению, служа законодателями новых представлений о социально престижном. Поэтому их изучение крайне важно для понимания самого процесса возникновения инноваций и механизмов их внедрения в культуру. Своеобразное преломление чужеземных культурных, идеологических, религиозных влияний в кругах древнерусской элиты служило основой будущих системных изменений в культуре социума в целом.

В ходе анализа подосновы, на которой складывалась древнерусская культура в лесной зоне Восточной Европы, становится ясно: «балтская парадигма», сложившаяся в отечественной науке в 1960-х гг., более не может служить базовой концепцией, объясняющей, хотя бы в самых общих чертах, ход культурного процесса в регионе. Данная парадигма уже не способна вместить и непротиворечиво структурировать новую информацию, которую дают нам археологические и исторические источники. Ее влияние зиждется, скорее на вненаучных факторах, в том числе на извечной боязни российских интеллектуалов прослыть русскими шовинистами.

Известные группы памятников лесной зоны I тыс. н. э. нередко отличались особенностями, делавшими их малоинформативными для историко-культурных реконструкций. Однако новейшие исследования не подтверждают представлений о незаселенности ряда ее регионов в «дорусский период». Редкость и «бедность» памятников лесной зоны имели в основе не реальную бедность живой культуры, а особенности хозяйственно-культурного типа и древнего мировоззрения, определявшие характер археологизации материала. За этим, вероятно, стояли поведенческие стереотипы, идущие из глубокой древности. Можно предположить: развитие и трансформации традиций зачастую осуществлялись в лесной зоне без резких перерывов преемственности (что вовсе не исключает периодических иммиграций новых групп населения). Определяющими факторами выступали медленная эволюция, смешение, трансформация и билингвизм в языке и культуре при сохранении сложившихся в глубокой древности исторических границ природно-хозяйственных и культурных единств (ср.: *Герд, Лебедев* /ред./, 2001. С. 8). Именно в таком контексте следует рассматривать проблему славянского компонента в числе населения лесной зоны I тыс. н. э.

Таким образом, в настоящее время наряду с систематизацией умножившихся материалов и параллельно с ней насущно необходимо детальное ***культурно-антропологическое исследование самого феномена древнерусской культуры*** — ее подосновы, генезиса, трансформаций и основных составляющих. Наши общие представления об этих явлениях в значительной степени устарели. Они требуют пересмотра с учетом новых археологических данных и современных научных представлений об этно- и культурогенезе.

Литература

Аникович М. В. Принципы археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // Stratum plus 2003–2004. [2005]. № 1. С. 487–505.

Аникович М. В. Методология археологии и новые подходы к изучению верхнего палеолита Евразии. Избранные лекции / Учебное издание. Российские ученые — студентам университетов. Новосибирск: НГУ; ИАЭТ СО РАН. 2010. 56 с.

Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // СА. 1982. № 1. С. 8–22.

Афанасьев Г. Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // РА. 1993. № 4. С. 131–144.

Ахмедов И. Р., Казанский М. М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Докл. научной конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова / Отв. ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 168–202 (Тр. ИИМК РАН, т. XI).

Балановская Е. В., Пежемский Д. В., Романов А. Г. и др. Генофонд Русского Севера: Славяне? Финны? Палеоевропейцы? // Вестник МГУ. 2011. Сер. XXIII. 3. С. 27–58.

Белецкий С. В. Псков в I — начале II тыс. н. э. // РАЕ. 2011. Вып. 1. С. 361–395.

Гавритухин И. О. Понятие пражской культуры // Труды ГЭ, т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб.: Изд-во ГЭ, С. 7–25.

Герд А. С., Лебедев Г. С. /ред./. Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 177 с.

Герд А. С., Лебедев Г. С. /ред./. Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 390 с.

Герд А. С., Лебедев Г. С. /ред./. Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 512 с.

Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°, 2000. 263 с. (Тр. Тульской археологической экспедиции. Вып. 2).

Дашковский П. К. /ред./. Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Коллективная монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 330 с.

Дашковский П. К., Мейкшан И. А. Элита в социальном пространстве кочевого общества (теоретический и методический аспекты) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Коллективная монография / Под ред. *П. К. Дашковского.* Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 11–25.

Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 696 с. (Труды ИИМК РАН, т. XLIV).

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из Варяг в Греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и оз. Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.

Жукова Е. Н., Степанова Ю. В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга, 2010. 351 с.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с. (сер. Studia philologica).

Исланова И. В. Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: ИА РАН, 1997. 304 с.

Исланова И. В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: ИА РАН, 2006. 288 с.

Исланова И. В. Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье). М.: ИА РАН, 2012. 220 с.

Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. 1999. № 6. С. 404–417.

Казанский М. М., Перен П. «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований // КСИА. Вып. 234. 2014. С. 262–286.

Коробов Д. С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб.: Алетейя, 2003. 380 с.

Кузьмин С. Л. Оредежские сопки // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 16–26.

Кузьмин С. Л. Комплекс памятников в ур. Миложь у д. Сковородка в контексте древностей Верхнего Поплюсья рубежа I и II тыс. н. э. // Вестник молодых ученых. Сер. Ист. науки. 2001. С. 56–62.

Кулаков В. И. Истоки культуры пруссов // Vakarų baltai: Etnogenezė ir etnine istorīa. Vilnius, 1997. С. 109–121.

Кулаков В. И. Эхо гуннских войн в Балтии // Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск, 2002. № 17. С. 101–110.

Лебедев Г. С. Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 180–190.

Лебедев Г. С. Отражение социальной структуры в археологических материалах // Философия, история, современность. Л., 1973. С. 55–63.

Лебедев Г. С. Погребальный обряд как источник социальной реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. Вып. 148. М.; Л., 1977. С. 24–30.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 286 с.

Лесман Ю. М. К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов // Славяне. Этногенез и этническая история / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Л., 1989. С. 12–18.

Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. М.: ИА РАН, 2007. 252 с. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 8).

Мастыкова А. В. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. 2008а. С. 149–159.

Мастыкова А. В. «Княжеская» мода эпохи Великого переселения народов и северокавказский женский костюм // РА. 2008б. № 3. С. 26–34.

Мастыкова А. В. Введение. «Вождеская» культура Северного Кавказа эпохи Великого переселения народов и общеевропейский контекст // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 3–8.

Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2016. 272 с.

Михайлова Е. Р. Формирование культуры длинных курганов: процесс на фоне эпохи // Ладога и истоки славянства и Руси. Сб. ст. по материалам X чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 24–25 декабря 2005 г.) / Под ред. Д. А. Мачинского. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 201–210.

Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 427 с.

Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.

Мусин А. Е. Элита Польского государства в эпоху ранних Пястов: археологическое измерение и общеевропейский контекст *(рец. на: Buko A. (ed.). Bodzia: A Late Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland. Leiden: Brill. 2014. 656 p.)* // РАЕ 2015–2016. № 5–6. [2016]. С. 247–265.

Носов Е. Н., Плохов А. В. Новые раскопки поселений в Северном Приильменье // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 122–154.

Обломский А. М. Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н. э. / Под ред. Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 10–33.

Обломский А. М., Исланова И. В. /ред./. Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М.: ИА РАН, 2016. 456 с. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 17).

Платонова Н. И. О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. 2002. С. 181–195.

Плохов А. В. К проблеме появления славян в Приильменье // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20-22 декабря 1997 г. Материалы к чтениям / Под ред. Д. А. Мачинского. СПб., 1997. С. 105–107.

Савинов Д. Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир: Сб. ст. Улан-Удэ, 2005. Кн. 2. С. 31–43.

Санкина С. Л. О западнославянской версии происхождения словен новгородских, скандинавской проблеме и древнеевропейском субстрате (данные антропологии) // Ex Unque Leonem. К 90-летию Льва Самуиловича Клейна / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 256–274.

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М.: Индрик, 2012. 656 с.

Топоров В. Н., Трубачёв О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 271 с.

Флёров В. С. К вопросу о социальном строе в Хазарском каганате (по материалам Маяцкого могильника) // Социальная дифференциация общества: Поиск археологических критериев / Под ред. Г. Е. Афанасьева. М.: Наука, 1993. С. 119–133.

Харке Г., Савенко С. Н. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // РА. 2000. № 1. С. 217–226.

Хвощинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 290 с. (Тр. ИИМК РАН, т. VI).

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М.: Высшая школа, 1977. 240 с.

Christlein R. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Südwestdeutschland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1973. Bd 20. S. 147–180.

Christlein R. Die Alamannen. Archäologie eines lebendigen Volkes. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1978.

Hachmann R. Goten und Skandinavien. Berlin, 1970.

Périn P. Les tombes des «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'Archéologie mérovingienne. 1995. Pp. 247–302.

Platonova N. I. Problems of early medieval Slavonic Archaeology in Russia (a view from St. Petersburg) // Post-Classical Archaeologies. 2016. Vol. 6. P. 333–416.

Quast D. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart: Kommissonsverlag Konrad Theiss Verlag, 1993.

Žulkus V. Die Völkerwanderung und die Westbalten: die Entstehung der Kuren // Archaeologia Baltica. 4. Vilnius: Žara, 2000. S. 89–107.

Проблемы изучения элитарной культуры в древнерусской археологии[1]

О. В. Григорьева (*ИИМК РАН*)

Резюме. Археология играет важную роль в исследованиях элит, обладая значительными ресурсами обновляющихся данных, но в археологической историографии изучения древнерусской элиты существует обширная лакуна. В статье анализируется комплекс основных проблем, определившихся в процессе развития этого научного направления. Рассматриваются сложности, возникающие в ходе социальной интерпретации материала различных типов археологических памятников — погребений, поселений и кладов. В этом ряду выделяются две важные проблемы, требующие скорейшего решения, — это создание особого понятийного аппарата для археологии элит и выделение надежных критериев для определения элитарного характера комплексов. По мнению автора, проблемы исследования элитарной культуры Древней Руси должны решаться комплексно, с привлечением всех данных археологии — поселений, погребений, кладов, специального анализа отдельных категорий находок и объективного соотнесения полученных результатов со сведениями письменных источников.

Summary. Archaeology plays an important role in studies of social elites through its considerable resources of updatable information. Meanwhile, there is a vast lacuna in the archaeological historiography of studies of Old-Russian elites. This paper analyzes the basic complex of problems encountered in the process of the development of this scientific branch. The difficulties arising in social interpretation of the material are considered here through the types of archaeological evidence, viz. burials, settlement-sites and hoards. Among these difficulties, two problems of most importance are distinguishable demanding the speediest solution. These are concerned with the absence of a special conceptual apparatus for archaeology of elites and the absence of reliable criteria for distinguishing the elite character of an archaeological complex. In the opinion of the present author, the problems of identification and studies of the elite culture of Old Rus' undoubtedly must be solved using the interdisciplinary approach employing all the archaeological materials — settlements, burials, hoards, special analysis of particular categories of finds and their unbiased comparison with the information of written sources.

Ключевые слова: элитарная культура, социальные критерии, Древняя Русь, поселения, погребальные памятники, клады.

Key-words: elite culture, social criteria, Old Rus', settlement-sites, funerary sites, hoards.

---

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке ПФИ Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность», проект «Элитарная культура...» (рук. Е. Н. Носов).

На сегодняшний день в отечественной науке отмечается существенный недостаток новых разработок по социальной истории Древней Руси. Говорится о необходимости переосмысления классических советских построений на основе новых методологических подходов и результатов междисциплинарных исследований. Особенно это касается вопросов изучения древнерусской военно-политической элиты, долгое время остававшихся на периферии исследований. Сейчас элита, играющая важнейшую роль в военном, политическом и экономическом отношениях, признается исследователями главным системообразующим элементом средневекового общества (*Макаров, Леонтьев,* 2014. С. 8–9; *Христофоров,* 2014. С. 3). В работах последних десятилетий, посвященных этой теме, был поднят ряд актуальных вопросов, но, конечно, они не предлагают решения всех проблем (*Горский,* 1989; *Горский, Кучкин, Лукин и др.,* 2008; *Свердлов,* 1983; *Стефанович,* 2012).

Археология играет важную роль в исследованиях элит, обладая непрерывно пополняемым запасом данных в отличие от ограниченного круга письменных источников. В древнерусской археологии изучение элитарной культуры так и не выделилось в самостоятельное научное направление, породив обширную историографическую лакуну, объясняемую «сложностью проблемы и состоянием источниковой базы» (*Панова,* 2013. С. 8–9).

Пожалуй, одним из первых препятствий, с которым сталкивается исследователь элитарной культуры, является *отсутствие особого понятийного аппарата.* Вероятно, причиной этому послужило долгое развитие социальной тематики в рамках «археологической истории». Отмечается, что сторонники этого направления обходились без разработки специального аппарата, заменяя его конкретно-историческими представлениями о содержании исторического процесса в данном обществе. Археологические факты использовались в качестве простых иллюстраций для исторических выводов, допуская различные истолкования, вплоть до взаимоисключающих (*Клейн,* 1993. С. 39; *Михайлов,* 2009. С. 179–180). Такое необъективное соотнесение археологических материалов с летописной терминологией, например, привело к широкому использованию в среде археологов термина «дружинный», что сейчас вызывает резкую и вполне справедливую критику у специалистов-историков (*Назаренко,* 2007. С. 171; *Стефанович,* 2012. С. 97–100). Таким образом, одной из первоочередных задач в изучении древнерусской элитарной культуры методами археологии будет являться *поиск верных определяющих понятий.* Более строгие обозначения, объективно фиксирующие отражения социальных различий в археологическом материале, позволят по возможности устранить проблемы противоречивых толкований и появление умозрительных исторических построений.

Кроме этого, различные сложности выявления элиты связаны со спецификой каждого конкретного типа археологических памятников. Исследования, в которых рассматриваются вопросы социальной интерпретации археологического материала, можно разделить на три большие группы, посвященные различным категориям памятников — *погребениям, поселениям и кладам.* Рассмотрим их теперь по порядку.

Погребальные памятники. В отечественной науке основная масса работ социального направления базируется на изучении погребальных памятников. Считается, что из всех археологических источников именно они обладают максимальной социальной нагрузкой (осн. библ. см.: *Гуляев*, 1990а. С. 103–109; *Харке, Савенко*, 2000). В древнерусской археологии комплексное изучение социального ранжирования погребений не стало предметом специальных работ. Чаще всего исследователи обходились кратким анализом социального состава погребенных. Такая ситуация связана с общей проблемой использования данных в древнерусской археологии — недостаточной разработкой методики анализа элементов погребального обряда и его интерпретации.

В похоронной практике Древней Руси широкими возможностями социальных интерпретаций отличаются выразительные погребальные памятники новой элиты (монументальные курганные насыпи и камерные погребения), сложившейся на основе «яркой и эклектичной культуры военизированной знати» в конце IX — X в. С принятием христианства развитие этой традиции постепенно прекращается, появляются новые социально значимые репрезентативные формы, но археологически они улавливаются труднее (*Макаров*, 2012. С. 459; *Михайлов*, 2016; *Мусин*, 2002. С. 215–227). Например, на материалах могильников Суздальского Ополья замечено, что конструктивные особенности погребального сооружения могут нести социальную нагрузку. По мнению М. В. Седовой, большие размеры могильных ям отражают социальный статус погребенных, поскольку «другие способы выражения высокого их социального положения уже были недопустимы по нормам христианской религии». Однако такие предположения требуют тщательной проверки и дополнительных подтверждений (*Макаров Н. А., Зайцева И. Е.*, 2016. С. 186–197; *Седова*, 1997. С. 162–163).

В христианском погребальном ритуале социальное неравенство также могло выражаться, хотя и не так ярко, как в богатых курганных захоронениях. Здесь имели значение выбор места захоронения, объем затрат на создание погребального сооружения, погребальная одежда и инвентарь. Такие отличия в похоронной практике средневекового общества были проанализированы в первом комплексном исследовании Т. Д. Пановой, посвященном городскому погребальному обряду Древней Руси. Особенно ярко они проявлялись в захоронениях самой высшей элиты общества — князей и членов их семей, высших церковных иерархов, посадников (*Панова*, 2004. С. 179–181). Однако и здесь существует проблема недостатка источников по той причине, что неразграбленных княжеских и боярских погребений почти не сохранилось. Часть их оказалась ограблена еще в древности, так как отыскать эти погребения было несложно (*Корзухина*, 1954. С. 51).

Общий методический подход к изучению отдельного могильника заключается в том, что археологи рассматривают наличие нескольких групп захоронений с неравноценным инвентарем как признак социальной стратификации. Однако существует один немаловажный момент, связанный с погребальными памятниками средневековой Руси и отмеченный М. А. Сабуровой: на социальную интерпретацию конкретного археологического комплекса может

влиять зависимость погребального инвентаря от возраста погребенного. «Такая взаимосвязь обычно не учитывается при археологических исследованиях, и наиболее "дорогие" и пышные наборы украшений трактуются как принадлежность погребениям богатых людей. Иными словами, если не учитывать возраста погребенных, то несовершеннолетняя сестра или бабушка молодухи, похороненные с ней на одном кладбище, будут отнесены к разным социальным группам в имущественном отношении» (*Сабурова,* 1988. С. 267–271). Таким образом, необходимо помнить, что археологические комплексы погребального инвентаря древнерусских могильников могут быть сравнимы в социальном отношении только внутри возрастных групп.

Поселения. Социологическое направление в изучении древних поселений в отечественной археологии развивалось не слишком последовательно. В 1920–1930-х гг. советские археологи подчеркивали необходимость широкого социологического изучения поселений, опередив тем самым соответствующие подходы зарубежных исследователей на несколько десятилетий. К этому их подтолкнула перестройка методологии археологической науки на основе марксистского понимания истории, потребовавшая особого внимания к социальным организмам (*Брюсов,* 1926; *Киселев,* 1928). Несмотря на то что работы тех лет отличались широкими социологическими обобщениями, важно отметить, что археологи-медиевисты тогда впервые поставили вопрос о социально-экономическом характере древнерусских городов и стали широко привлекать археологические источники для таких реконструкций (*Арциховский,* 1934; *Равдоникас,* 1934; *Воронин,* 1935; *Тараканова,* 1940, 1945). Однако вскоре отечественные исследователи вновь надолго потеряли интерес к такого рода исследованиям, тогда как в западной археологической науке «археология поселений» постепенно сформировалась в отдельное направление и сейчас занимает важное место в научной мировой практике (*Гуляев,* 1990. С. 94–103).

Начиная с 1960-х гг. интенсивное накопление археологического материала побудило специалистов по древнерусской археологии вновь обратиться к социологическому аспекту исследований. Возникла необходимость определить среди множества вновь открытых древнерусских городищ обобщающие социально-экономические типы. *«Детальное изучение внутренней структуры территории древнерусских городов, выяснение их "социальной топографии" является одной из наиболее актуальных задач советской археологической науки»* (*Раппопорт,* 1967. С. 6). Первые попытки социальной интерпретации поселений выявили отсутствие объективных, прежде всего археологических, критериев для решения этой задачи. Отмечалось, что большинство исследователей предпочитали подходить к социальной трактовке памятников с позиций письменных источников, часто привлекая археологические данные в качестве иллюстраций (*Куза,* 1996. С. 38).

Первопроходцами в деле поиска археологических признаков социальных структур являлись В. В. Седов и П. А. Раппопорт. Они подчеркивали важность археологических источников, полагая, что при определении социального

типа памятника они могут иметь не меньшее значение, чем письменные. Для выявления элитарного поселения особого вида, названного ими «феодальная усадьба-замок», исследователи определили следующие общие признаки: конструктивные особенности поселения, характер жилых построек, определенные комплексы находок (наличие предметов престижного потребления и вооружения) и даже особый рацион питания (*Седов*, 1960; *Раппопорт*, 1967). После этого они поставили важную задачу детального изучения внутренней структуры древнерусских городов и выяснения их социальной топографии, чтобы «судить не только об экономической структуре поселения в целом, но и о том, какие группы населения занимали определенные участки городской территории» (*Раппопорт*, 1967. С. 6, 9).

Эти были первые специальные работы, в которых археологи озвучили важнейшие вопросы социального направления древнерусской археологии: поиски археологических критериев для характеристики социального типа поселений и изучение их социальной топографии. К сожалению, в силу различных причин эти исследования остались тогда незавершенными.

Указанное направление получило продолжение в 1980-х гг. в трудах А. В. Кузы. Занимаясь планомерным изучением социальной топографии древнерусского города, он также попытался разработать шкалу археологически уловимых критериев для определения облика поселения. *«Необходимо, хотя бы в предварительном порядке, установить: какие из археологических характеристик отражают социально-экономические особенности изучаемых поселений?»* (*Куза*, 1985. С. 44). В своей обобщающей работе, посвященной изучению «малых городов», ученый проанализировал весь корпус археологических находок и разделил «городские» признаки по нескольким основным рубрикам. Среди этих рубрик был раздел, помогающий выявить социальную дифференциацию среди жителей изучаемых поселений, который содержал очень малое количество археологических критериев. Быт «феодалов» характеризовался только двумя пунктами, куда входили предметы боярско-княжеского парадного убора и дорогая утварь. Этого было явно недостаточно для объективного анализа присутствия носителей элитарной культуры на поселении (*Куза*, 1989. С. 13). Однако эти перспективные в социальном плане исследования были прерваны безвременной кончиной талантливого ученого и вновь остались незавершенными.

Только в последнее время археологи опять возвращаются к изучению «малых городов». Однако задача их планиграфического исследования наталкивается на одну большую проблему — отсутствие серии сопоставимых памятников, раскопанных большой площадью (*Коваль*, 2014. С. 177–183).

Появление берестяных грамот — уникального источника для изучения внутренней социальной топографии средневекового города — было связано с полномасштабными археологическими раскопками в Новгороде Великом. На основании данных берестяных грамот А. В. Арциховский и В. Л. Янин еще в 1950–1970-х гг. выделили комплекс усадеб, принадлежавших представителям знатных боярских родов. Но для характеристики социальной принадлеж-

ности всех усадеб данных не хватало. Выделением набора археологических критериев для усадебных комплексов разного социального уровня стал заниматься В. А. Буров и пришел к следующему выводу: выделить устойчивый набор признаков боярских усадеб невозможно, можно лишь зафиксировать наиболее яркие черты их материальной культуры (*Арциховский,* 1956. С. 7–43; *Буров* 1989; *Колчин, Янин,* 1982; *Янин,* 1981; 1982).

Материал, связанный с элитарной культурой зачастую действительно, так ярок и заметен сам по себе, что археологи невольно обращают на него внимание. Примеры анализа таких данных встречаются во многих археологических работах: «*...наряду с... однокамерными жилищами, принадлежащими горожанам или ремесленникам, существовали целые жилые комплексы, в социальном отношении несколько отличные от них: они имели большие размеры и выделялись по характеру найденных в них предметов быта, украшений и вооружения*» (*Никольская,* 1981. С. 193); или: «*...богатое жилище характеризуют относящиеся к ним комплексы находок, нередко обильные по количеству предметов и достаточно выразительные по их составу. Об этом же говорят обширность и солидность срубов этих построек... особая тщательность рубки, необычная добротность полов*» (*Спегальский,* 1972. С. 96). Так постепенно складывались стереотипные критерии для выявления элитарных комплексов — это *предметы из драгметаллов, импорты, оружие, большие размеры жилищ или погребений*, то есть самые яркие признаки, проявляющие себя в первую очередь. Однако степень выразительности таких находок часто не уточняется, дается только общая характеристика комплексов без подробного указания состава находок и размеров жилищ. Все это вызывает путаницу, так как сюда могут входить находки, чья выразительная материальная и социальная значимость не вызывает сомнения, а могут входить и те, что имеют незначительную ценность. Представляется, что в настоящее время назрела необходимость определения более строгих критериев для выявления элитарных комплексов.

В последние десятилетия в древнерусской археологии социальная тематика все чаще привлекает к себе пристальное внимание. Отчасти это вызвано появлением новых данных, выходящих за рамки обычных представлений. Как, например, при исследовании древнерусских селищ Суздальской земли, где были найдены нехарактерные для таких памятников предметы престижного потребления, указывающие на высокое социальное положение жителей и их связь с княжеско-боярской средой. Ранее считалось, что такие особенности материальной культуры характерны только для городских памятников (*Макаров, Леонтьев, Шполянский,* 2005. С. 197).

При изучении отдельных социальных категорий древнерусского общества ученые также сталкиваются с проблемой археологического выявления древнерусской элиты как важного компонента городской жизни. Это отмечает А. Е. Мусин в своих работах об археологических реалиях духовного сословия и христианских субкультур различных слоев населения (*Мусин,* 2002; 2010).

Отдельные исследователи возвращаются к осмыслению проблемы социально-топографической структуры древнерусского города. Здесь нужно

отметить работы С. Д. Захарова, который занимался разработками социальных характеристик на материалах древнего Белоозера. Опираясь на общепринятые в древнерусской археологии критерии, он выделил набор предметов, которые можно рассматривать как определенные маркеры социального статуса. Его анализ топографического распределения престижных находок на территории памятника оказался весьма результативным и выявил взаимосвязь между целым рядом участков с концентрацией престижных находок и местами древнейшего заселения (*Захаров,* 2004. С. 85–92).

Конечно, исследователи до сих пор скептически относятся к тому, что археологический материал позволит выработать надежные критерии для выявления отдельных групп элиты как самостоятельных социальных категорий (*Захаров,* 2004. С. 85; *Мусин,* 2014. С. 26). Но сложные вопросы социального характера настойчиво требуют своего решения. Об этом очень верно сказал в свое время П. А. Раппопорт: *«...их необходимо ставить, необходимо решать на каждом этапе нового накопления материала, поскольку без решения этой проблемы нельзя даже и пытаться познать закономерности развития древней Руси»* (*Раппопорт,* 1967. С. 9).

Клады. Проблема социальной интерпретации кладов решается намного проще. Исследователи, как правило, не сомневаются в том, что богатые вещевые клады средневековой Руси принадлежали древнерусской элите. В основной своей массе они относились к так называемым возвратным кладам, владельцы которых прятали их с целью сохранения, намереваясь при удобном случае возвратить спрятанное или накопленное. Есть данные письменных источников о том, что накапливались такие богатства постепенно, главным образом в результате перехода их по наследству. В основной своей массе клады содержат украшения и предметы убора древнерусской знати. Кроме своей большой стоимости эти вещи имели символическое значение, являясь маркерами принадлежности к княжескому сословию (*Жилина,* 2010. С. 116–118, 124; *Корзухина,* 1954. С. 48–53). Встречаются также детали драгоценных, княжеских по типу, уборов, сделанных специально для чтимых Богородичных икон, которые богато украшались и хранились в княжеских храмах (*Стерлигова,* 2017. С. 589–591). Для древнерусских памятников очень важную роль играют места находок таких кладов, поскольку практически всегда они являются индикаторами социальной принадлежности территории, на которой были обнаружены (*Панова,* 2013. С. 222).

В результате всестороннего анализа проблем изучения древнерусской элитарной культуры методами археологии напрашиваются следующие выводы. Только археологические материалы могут дать принципиально новые данные для переосмысления социальной истории Древней Руси. Актуальность таких исследований теперь уже не вызывает сомнений.

Историографический анализ работ, посвященных социальному аспекту изучения древнерусских памятников, показывает неравномерность и перерывы в развитии данного направления. При этом выделяются две главные проблемы, общие для всех категорий археологических памятников и требующие

безотлагательного решения. Первая — это *необходимость формирования особого понятийного аппарата для археологии элиты*. Вторая – *выделение комплекса престижных предметов, которые можно рассматривать как надежные маркеры социального статуса*. Целый ряд вопросов может исследоваться поэтапно на трех основных уровнях анализа по аналогии с теми, что используются в зарубежной "settlement archaeology"[2] (*Trigger*, 1967. P. 149–160). Это *уровень отдельного жилища или погребения* (определение их социальной значимости); *уровень целого памятника* (выявление особенностей социальной топографии поселений и погребений, выделение отдельных социальных типов); *уровень региона* (изучение распространения социальных типов памятников внутри отдельного района). Такие исследования должны проводиться комплексно, с привлечением всех данных археологии — поселений, погребений, кладов, отдельных категорий находок — и их объективного соотнесения со сведениями письменных источников.

Литература

Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // ПИДО. 1934. № 11–12. С. 35–60.

Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // МИА. № 55 (Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 1). М.: Изд-во АН СССР. 1956. С. 7–43.

Брюсов А. Я. Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л.: Прибой, 1926. 125 с.

Буров В. А. К вопросу о социальной топографии Неревского конца древнего Новгорода // СА. 1989. № 4. С. 77–85.

Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, свóбода, село, деревня. Л.: Соцэкгиз, 1935. 75 с. (Изв. ГАИМК. Вып. 138).

Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М.: «Прометей», МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. 124 с.

Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. 480 с.

Гуляев В. И. Проблемы изучения древних поселений в археологии: социологический аспект // КСИА. 1990. Вып. 201. С. 94–103.

Гуляев В. И. Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии // КСИА. 1990а. Вып. 201. С. 103–109.

Жилина Н. В. Тисненый убор по древнерусским кладам X–XIII вв. (от орнаментального рифления до эмблемы княжеской власти) // Stratum plus. 2010. № 5. С. 23–144.

Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Киселев С. В. Поселение. Социологический очерк // Тр. секции теории и методологии (социологической) Института археологии и искусствознания РАНИОН. М.,1928. Вып. 2. С. 35–69.

Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с.

[2] Археология поселений.

Коваль В. Ю. Ростиславль Рязанский и проблема «малых городов» средневековой Руси // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 177–183.

Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Отв. ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 3–137.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1954. 226 с.

Куза А. В. Древнерусские поселения // Древняя Русь. Город, замок, село / сер. Археология СССР / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. С. 39–135.

Куза А. В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 168 с.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников / Отв. ред. А. К. Зайцев. М.: Христианское издательство, 1996. 271 с.

Макаров Н. А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 449–459.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Бескурганные ингумации в могильнике Шекшово: новые материалы к изучению древнерусского погребального обряда XI в. // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. Вып. 6 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2016. С. 186–199.

Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. Предисловие // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 8–9.

Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В., Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I — первой половине II тыс. н. э.: новые материалы // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 196–215.

Михайлов К. А. Погребальные памятники как отражение социальной стратификации древнерусского общества в эпоху раннего средневековья // Труды ГЭ, т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 179–188.

Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2016. 272 с.

Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 269 с. (Труды ИИМК РАН, т. V).

Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 364 с. (сер. Archaeologica Varia).

Мусин А. Е. Отроки и бояре между фактом и артефактом / Диалог о книге П. С. Стефановича «Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв.» // Российская история. 2014. № 6. С. 18–26.

Назаренко А. В. «Слы и гостие»: о структуре политической элиты Древней Руси в первой половине — середине X века // Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: Материалы конференции (Москва, 16–18 апреля 2007 г.). М.: ИВИ РАН, 2007. С. 169–174.

Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.

Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 181 с.

Панова Т. Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII — первой трети XVI века. М.: Таус, 2013. 408 с.

Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 103. С. 102–129.

Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений // КСИА. 1967. Вып. 110. С. 3–9.

Сабурова М. А. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б. А. Тимощук. М.: Наука, 1988. С. 266–271.

Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука. 1983. 240 с.

Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). МИА. № 92. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 156 с.

Седова М. В. Суздаль в X–XV вв. М.: Русский мир, 1997. 320 с.

Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1972. 274 с.

Стерлигова И. А. «Колты» из Старорязанского клада 1822 года: драгоценности рязанской княгини или Царицы Небесной? // В камне и в бронзе: Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб., 2017. С. 583–594 (Труды ИИМК РАН, т. XLVIII).

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М.: Индрик, 2012. 656 с.

Тараканова С. А. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода // Труды ГИМ. 1940. Вып. 11. С. 159–182.

Тараканова С. А. Археологические разведки в новгородских пятинах // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 73–78.

Харке Г., Савенко С. Н. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // РА. 2000. № 1. С. 217–226.

Христофоров И. А. Предисловие / Диалог о книге П. С. Стефановича «Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв.» // Российская история. 2014. № 6. С. 3.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981. 296 с.

Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. 1982. Вып. 1 (11). Новгород: Наука, С. 79–95.

Trigger B. Settlement archaeology — its goals and promise // American Antiquity. 1967. N 32. P. 149–160.

К вопросу о влиянии исторических дат на археологическое исследование

(три ключевые даты эпохи викингов: 793, 862 и 929 гг.)[1]

Й. Шнеевайс (*GWZO*)

Резюме. Несмотря на значительное развитие подходов к пониманию истории, она до сих пор часто воспринимается как событийная. Исторические даты имеют первостепенное значение не только для историографии; велика их роль в процессе формировании личности и/или убеждений тех, кто пишет историю. Начиная с эпохи Просвещения историки всячески стремились конкретизировать обстоятельства и географическую привязку тех или иных событий. Это долго считалось одной из важных задач археологии. События, известные по письменным источникам, по-своему оказывают влияние на археологические исследования — как позитивное, так и негативное.

Только в последнее время большинство исследователей осознали: письменные и археологические источники отражают различные и зачастую независимые друг от друга стороны исторической реальности. Археология создает свою часть истории, с собственными хронологическими шкалами, которые совпадают с историографическими лишь в очень редких случаях.

Настоящая статья призвана продемонстрировать, как важно для археологов уметь выходить из-под влияния письменных источников (конечно, речь не идет о полной изоляции и обособлении археологических данных от исторических). В качестве примеров использованы три известные даты, ставшие ключевыми для эпохи викингов:

793 г. — морские разбойники нападают на Линдисфарн; эта дата символически открывает собой эпоху викингов;

862 г. в Повести временных лет — призвание Рюрика на княжение;

929 г. — войска Генриха I наносят славянам поражение у Ленцена.

Summary. Despite significant developments in different approaches for understanding history, it is still often understood as a history of events. Dates are of central meaning not only in historiography, but also are particularly meaningful for the formation of identity and/or legitimating the beliefs or pretensions of those who are currently writing history. At latest since the Enlightenment historians have sought after the real loci to dates. In that manner the localization of historical events became an increasingly important task for archaeology.

It is only as of recently that most researchers recognize the fact that written sources and archaeological sources reflect completely different and independent parts of historical reality. Archaeology writes part of history, with matching chronologies, which can be aligned with those of historiography only in rare cases. This paper deals with the

[1] Статья является переработанным вариантом доклада, прочитанного на международной конференции «Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья» в СПбГУ (Санкт-Петербург, 3 декабря 2013 г.). Перевод текста с английского С. В. Дерябиной.

relationship between historically conveyed events and archaeological research. It aims to show how the emancipation — not the complete separation — from historical research is of great importance for archaeology. To do this, three dates are used as examples, each dealing with an event in the Viking Age: 793 A.D. — the Vikings raid Lindisfarne, 862 A.D. — the Varangian Rurik is called for leadership, 929 A.D. — Henry I. defeats the Slavs at Lenzen.

Ключевые слова: эпоха викингов, Линдисфарн, Рюрик, Ленцен, событийная история, средневековая археология, необъективное исследование.

Key-words: Viking Age, Lindisfarne, Rurik, Lenzen, history of events, medieval archaeology, biased research.

Введение

Долгое время интерес к прошлому не различал между собой сведения, почерпнутые из аутентичных исторических документов или хроник, от информации древних сказаний, мифов и т. д. Пробелы в знаниях нередко заполнялись легендарными сведениями и более или менее правдоподобными догадками. Научный взгляд на прошлое начался с критического анализа письменных источников. В XVIII в. были выработаны важные принципы исторической науки: точное и методичное следование оригинальным материалам, вносящим элемент объективности в представления о прошлом; признание природной незавершенности исторического знания. Вместе с тем историческое исследование постепенно приобретало относительную независимость от политики. Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738) — один из первых членов Санкт-Петербургской академии наук — установил основной принцип для таких изысканий: *Ignorare malim, quam decipi!*[2] (*Scholz,* 2002. S. 382; 2006. S. 223).

Классическое гуманистическое понимание истории — событийное; даты играют в нем значительную роль. С этим подходом тесно связано начало собственно археологического исследования. Часто оно являлось чем-то вроде «поиска объективных свидетельств» для подтверждения письменных источников. Локализация исторических событий становилась всё более важной задачей археологии. Только сейчас большинство ученых стало осознавать элементарную разницу между письменными и археологическими источниками, отражающими различные и независимые друг от друга стороны исторической реальности.

Из такой предпосылки исходит и настоящая статья. В ее задачу входит как соотнесение исторических событий и археологических исследований, так и прояснение конфликтных ситуаций между историческими датами (письменные источники) и интерпретацией археологического материала. Для примера взяты три даты, ставшие своеобразными хронологическими маркерами эпохи

[2] «Предпочитаю лучше не знать, чем быть обманутым» (прим. ред.).

викингов и оказавшие тем самым заметное влияние на археологию (рис. 1). Они способны в полной мере продемонстрировать наиболее характерные аспекты и особенности анализируемой проблемы.

Рис. 1. Путешествия викингов и скандинавские поселения в Северной Европе. Даты показывают места событий, рассматриваемых в статье (по данным Wikipedia)
Fig. 1. Travels of the Vikings and Scandinavian settlement areas in Northern Europe. The dates show the location of the three events discussed in this paper (after Wikipedia)

1. 793 г. — нападение на Линдисфарн как поворотный исторический момент: начало эпохи викингов

8 июня 793 г. «северяне» атаковали монастырь Линдисфарн. Это событие признается своеобразной границей — от него ученые ведут отсчет эпохи викингов (ср. *Лебедев,* 1985. С. 8)[3]. Англосаксонская хроника под 793 г. сообщает[4]:

[3] Конец эпохи викингов в 1066 г. также привязан к историческому событию, однако этот сюжет не рассматривается в настоящей статье.

[4] В археологических публикациях данное сообщение Англосаксонской хроники (далее: A-C хроника) нередко упоминается без точной ссылки на источник, поэтому здесь мы даем справку на этот счет. Сообщение о разорении монастыря на о. Линдисфарн содержится в трех списках A-C хроники, а именно в рукописях D, E и F, написанных соответственно во 2-й пол. XI и 1-й четв. XII в. Все они относятся к т. н. «северной версии» A-C хроники, создатели которой пополнили летописный свод материалами, заимствованными из нортумбрийских монастырских анналов (*Метлицкая,* 2010. С. 21–22). Вероятно, эти последние и стали источником сообщения о нападении на о. Линдисфарн.

«Год 793. Здесь на землю нортумбрийцев пришли ужасные предзнаменования и страшно напугали людей, и это были огромные вспышки молний, и видели огненных драконов, летающих по небу. Страшный голод последовал сразу за этими знаками, и вскоре после него, в тот же год, за шесть дней до январских ид[5]*, набег язычников страшно опустошил Божью церковь на острове Линдисфарн грабежами и убийствами. Сига умер за восемь дней до мартовских календ»*[6].

Англосаксонская хроника возникла в конце IX в., т. е. приблизительно спустя три поколения после событий в Линдисфарне. Во время ее написания набеги викингов на Британские острова и Империю Франков случались часто, поэтому сделанные тогда наблюдения могли хорошо дополнить картину событий вековой давности. Однако и современниками разорение Линдисфарна воспринималось как знак великой беды и наказания. Так, англосаксонский ученый Алкуин, весьма влиятельный советник Карла Великого[7], в письме к Гигбальду, епископу Линдисфарна, сообщает об этом событии:

«<...> язычники осквернили храм Божий, пролили кровь святых вокруг алтаря, разорили дом нашей Надежды, растоптали тела святых, будто навоз на улице. <...>. Наказывает Бог всякого сына, которого принимает; и потому, возможно, вас более наказал, ибо больше любит» (*Allott*, 1974; цит. по: *Гусакова*, 2012. С. 61–62).

То был отнюдь не первый набег, но именно с конца VIII в. походы викингов на Британские острова и Империю франков заметно участились (рис. 2). Описание Алкуина отражает апокалиптическое ви́дение происходящих событий. Его глубинный смысл заключается в том, что наступила новая эпоха. Ту же тенденцию отражает и еще более усиливает описание Англосаксонской хроники. Большое влияние на восприятие современниками указанных событий как начала новой эпохи оказали письменные источники.

Историографическая концепция «Эпохи викингов» как таковой принадлежит датчанину Йенсу Якобу Асмуссену Ворсо (1821–1885), который развил ее во время научного путешествия по Великобритании и Ирландии в 1846–1847 гг. (*Worsaae*, 1852). Время ее оформления, середина XIX в., — период растущего национализма. В своих поздних работах Ворсо использовал термин «викинги» вместо «северяне» и установил хронологические рамки эпохи с точностью до столетия — 700–1000 гг. н. э. (*Worsaae*, 1873). Определение эпохи, соответствующее сути событийной истории и приравнивающее начальные и конечные

Публикация данного известия на английском языке имеется в сводном издании A-C хроники (*Plummer*, 1892) и целой серии других изданий. Научное комментированное издание рукописей D, E и F в русском переводе отсутствует (прим. ред.).

5 В январе викинги зимовали, а не ходили в морские походы. Корректной датой, упомянутой в анналах Линдисфарна, считается 8 июня 793 г., хотя A-C хроника упоминает 8 января (*vi id lanr*). Причиной этого, возможно, стала ошибка в транскрипции *vi id lun* (8 июня) (ср.: *Swanton*, 2000. P. 57).

6 Перевод фрагмента осуществлен для настоящего издания Е. А. Мельниковой.

7 Алкуин (ок. 732–804 гг.) — уроженец Нортумбрии, ученик будущего архиепископа Йоркского Этельберта, выдающийся деятель Каролингского возрождения (см.: *Гусакова*, 2012; *Ненарокова*, 2011) (прим. ред.).

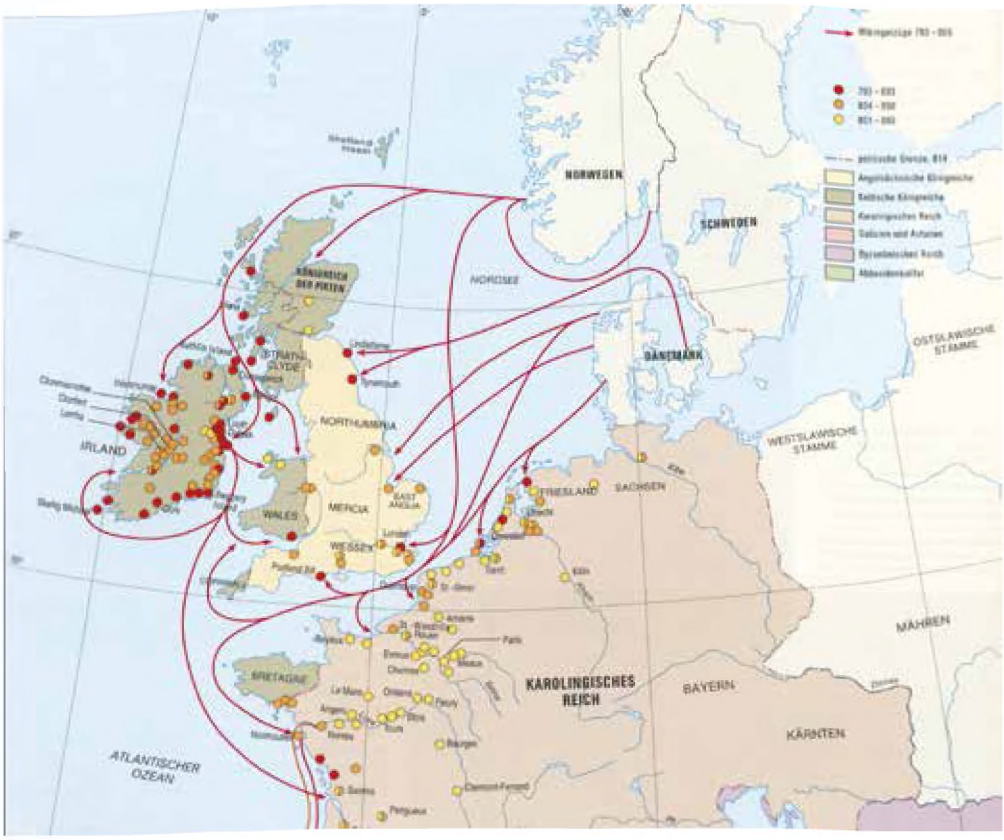

Рис. 2. Набеги викингов на Британские острова в конце VIII — IX в.
(по: *Graham-Campbell*, 1998. P. 126)
Fig. 2. Viking Raids on the British Isles in the late 8th and 9th c.
(after *Graham-Campbell*, 1998. P. 126)

даты к конкретным событиям, впервые произошло в XX в. Оно связано с именем норвежского археолога Хокона Шетелига (1877–1955). Сама идея отождествления начала эпохи викингов с набегом на Линдисфарн в 793 г. была названа аксиомой Шетелига. Именно она превалировала во взглядах ученых 1920–1950-х гг. Суть «аксиомы» заключалась в утверждении параллельности и синхронности в развитии политического устройства, экономики и материальной культуры древних сообществ. Шетелиг сформулировал свои взгляды в начале 1930-х гг. (*Shetelig*, 1933. P. 9–17). В его англоязычной работе 1940 г. мы читаем:

«Безусловно, первые атаки викингов потрясли мир и стали необъяснимым сюрпризом» (Shetelig, 1940. P. 2). И: «<...> люди с побережья Северного моря не могли не знать друг о друге, множественные свидетельства позволяют нам проследить их обмен товарами и элементами культуры на протяжении длительного времени. <...> Но <...> все это — свидетельство торговли и мирно-

го взаимодействия. <...> позитивная историческая информация <...> говорят о том, что постоянные набеги викингов были мучением и прокатились по Западной Европе с конца VIII века» (*Op. cit.* P. 9). В то же самое время события, выбранные в качестве границы для эпохи викингов, отражают западную, среднеевропейскую точку зрения VIII–X вв. В частности, сильное влияние на нее оказал Алкуин, считавший скандинавов исключительно морскими разбойниками.

С развитием археологии как самостоятельной науки дата начала эпохи викингов (793 г.) стала подвергаться серьезной критике (ср., например, *Müller-Wille*, 2002a). Аргументы археологов против датирования по историческим событиям стали особенно вескими начиная с 1970-х гг.[8]. Решающую роль в споре играли непрекращающиеся исследования торговых портов и увеличение банка научных дат для регионов Северного и Балтийского морей (рис. 3). Эти даты подтверждают наличие и соответственно изначальное появление торговых портов уже в VIII в.[9]. Материалы, полученные в ходе раскопок в Дании (как, например, дендродата канала Канхаве[10] – около 726 г.), являются весомыми аргументами в пользу еще более ранних дат – близких скорее к началу VIII в. (ср. *Hedeager*, 2011).

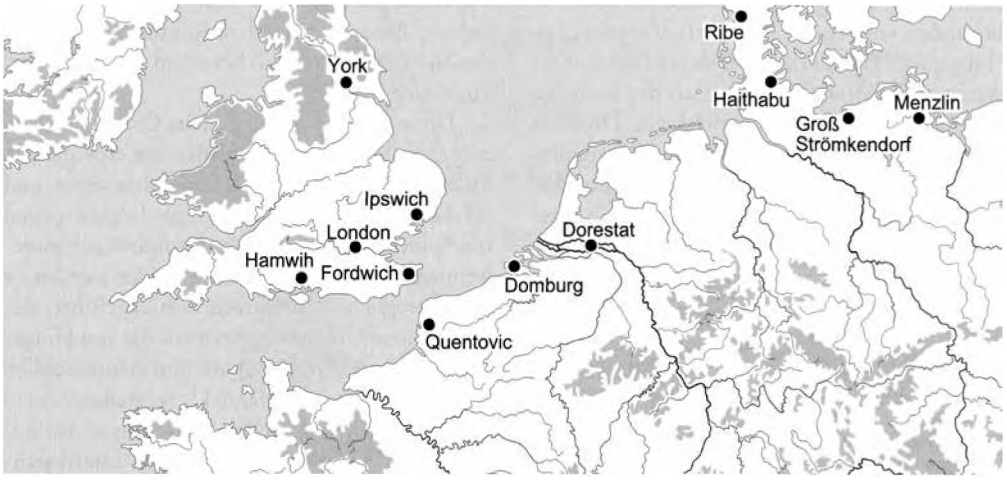

Рис. 3. Торговые порты VII–VIII вв. в регионе Северного моря
(по: *Brather*, 2003. S. 51, Abb. 7)
Fig. 3. Ports of Trade of the 7th/8th c. in the North Sea region
(after *Brather*, 2003. S. 51, fig. 7)

8 Резюме обширной, преимущественно археологической дискуссии по данной проблеме см.: *Brather*, 2003.

9 См., например: для Рибе: *Christensen*, 1990; *Feveile, Jensen*, 2000; для Хедебю: *Steuer*, 1974; *Müller-Wille*, 2002b; для Бирки: *Ambrosiani*,1994/95; для Groß Strömkendorf: *Jöns*, 1998; для Старой Ладоги: *Рябинин, Черных*, 1988; *Ambrosiani*, 2002; *Brather*, 2005; *Кирпичников, Сарабьянов*, 2012.

10 Канхаве (Kanhave) — 500-метровый канал на острове Самсэ в Дании; дендрохронологическая дата его конструкций — 726 г. (прим. ред.).

Изучение эпохи викингов в Скандинавии демонстрирует скорее отсутствие прямой связи между экономикой и материальной культурой, с одной стороны, и набегами викингов — с другой, поскольку видимые следы этого явления в археологическом материале отсутствуют (рис. 4). В значительно большей степени в нем прослеживаются медленные, но непрерывные трансформации, начавшиеся с вендельского периода и показывающие региональные отличия между Норвегией, Данией и Швецией. Эти различия также не стоит упускать из виду (*Brather*, 2003. S. 56).

Таким образом, можно констатировать: в скандинавской и франкской перспективе набеги викингов представлены совершенно по-разному. С одной стороны, для начала эпохи викингов в Скандинавии целесообразно рассматривать более ранние датировки; с другой — вряд ли можно назвать столь точную дату, как 793 г. В данном случае всё зависит от критериев, которые берутся за основу периодизации. Консенсус взглядов «ревизионистов» относит начало ранней эпохи викингов в Скандинавии к середине VIII в. В Дании благодаря ранним датам из Рибе, Ворбассе и Канхаве говорят обычно о начале VIII в. (*Feveile, Jensen*, 2000; *Hedeager*, 2011). «Континентальная» историографическая перспектива «традиционалистов» четко увязывает начало эпохи викингов с набегами конца VIII в. (*Roesdahl*, 1994. S. 112; *Роэсдаль*, 2001. С. 171; *Sawyer*, 1995. P. 2–3; *Сойер*, 2002 и др.[11]). Это проистекает от того, что они касаются конкретной эпохи франкской историографии, в которой викингам, а особенно их набегам, уделяется большое внимание. В конечном счете, дискуссия отражает различные аспекты рассмотрения материала и разные критерии классификации.

Помимо позиции исследователя большое значение для характеристики объекта изучения имеет обоснованность хронологических делений и классификаций. В частности, не следует оставлять без внимания расхождения в темпах развития культуры в сельской среде и в элитарных кругах общества. Экономика и образ жизни сельского населения меняются медленно и постепенно, движимые, как правило, какой-либо внешней силой, сторонним влиянием и т. д. Примером этого может послужить структурный анализ сельских поселений начала эпохи раннего Средневековья (около рубежа VII–VIII вв.) в Скандинавии и Западной Европе: В указанный период они претерпевали относительно быстрые изменения, хотя те же самые процессы в конце раннего Средневековья протекали заметно медленнее (*Peytremann*, 2003; *Nissen Jaubert*, 2012). Трансформация структур поселений, выявленная в результате полевых археологических работ, вовсе не обязательно сопровождалась синхронными изменениями типов вещевого материала. Заметим также, что определенные категории вещей (например, престижные товары) редко попадали в сельские сообщества, где доминировал традиционный уклад.

[11] Русский перевод монографии П. Сойера «Эпоха викингов» насчитывает в России 4 издания — 2002 г. (издан дважды), 2006 и 2008 гг. (прим. ред.).

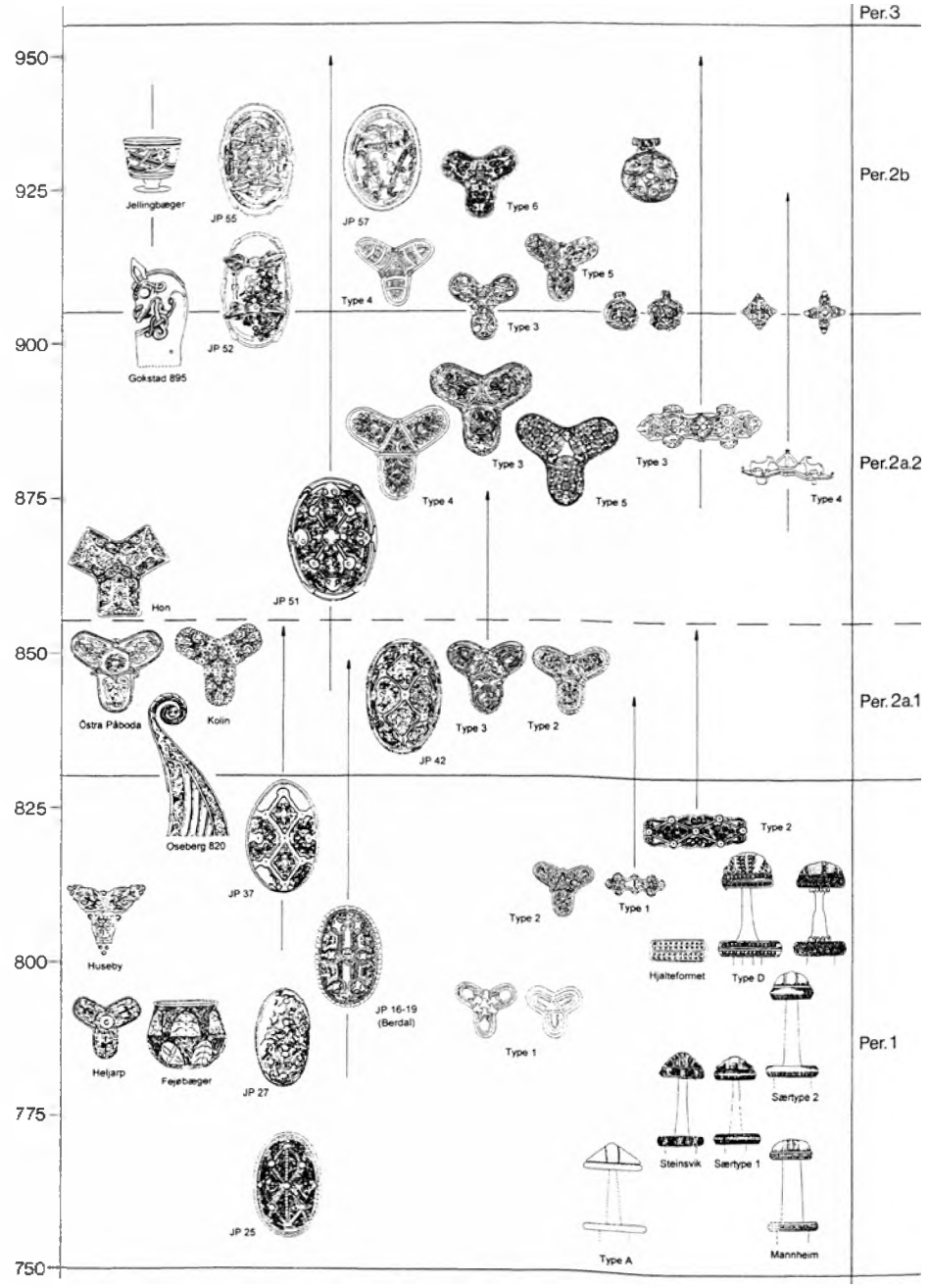

Рис. 4. Хронология некоторых видов фибул и мечей эпохи викингов 750–950 гг. (по: *Brather*, 2003. S. 57, Abb. 10)

Fig. 4. Chronology of some types of Viking Age Fibulas and Swords from 750 to 950 A.D. (after *Brather*, 2003. S. 57, fig. 10)

Итак, основные позиции аксиомы Шетелига не точны: развитие в разных сферах человеческой жизни не происходит параллельно и синхронно. Изолированный, чисто событийный взгляд на историю устарел; большинство процессов и взаимосвязей человеческих сообществ можно понять лишь на основе контекстного анализа. Конкретное специфическое событие само по себе может стать «спусковым крючком» или поворотным моментом в истории. Однако каждому такому событию обязательно предшествуют другие, создавшие для него условия. Деление на хронологические периоды не может осуществляться в разных регионах и на различных направлениях по одному и тому же критерию. Археологические даты, установленные по памятникам материальной культуры, за редким исключением, не превышают уровня точности в одно поколение; они в основе своей менее точны, чем даты, ориентированные на отдельные исторические события[12]. Даже естественно-научное датирование лишь в очень редких случаях дает достаточный уровень точности.

Промежуточный вывод:

Викинги не возникают из ниоткуда в 793 г. Задолго до набегов конца VIII в. в регионе Северного моря существовали экономические связи и торговля, через которые северные воины, готовясь к походам, определяли для себя предпочтительные объекты грабежа. То были предпосылки набегов, начавшихся в конце VIII в. Дискуссия о времени начала эпохи викингов — это прежде всего конфликт исследовательских позиций, имеющий мало общего с реальным изучением эпохи.

2. 862 г. — легендарная дата, отмечаемая как год становления российской государственности, и стоящие за ней реалии

Для раннего периода русской истории самым главным источником, безусловно, остается Повесть временных лет (далее: ПВЛ). Это летописный свод, составленный в начале XII в., включивший в себя работу многих авторов. Именно в нем содержится так называемая легенда о призвании варягов, случившемся будто бы в 862 г.:

«<...> В год 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с поля, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные

[12] Подразумеваемая точность при использовании отдельных исторических дат способна породить новые проблемы. См. раздел 2 настоящей статьи.

готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И избрались трое братьев со своими родам, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — словене, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик. <...>» (*Повесть временных лет*, 2012. С. 17).

Эта легенда об основании первого Русского государства до сих пор имеет большое политическое значение и вызывает бурные споры. С самого начала становления российской исторической науки она считается важнейшим источником для суждений о происхождении российской государственности (ср.: *Scholz*, 2000; рис. 5). Как показало празднование ее 1150-летнего юбилея

Рис. 5. Памятник *Тысячелетие России* в Новгороде, установленный в 1862 г. (по данным Wikipedia)

Fig. 5. Monument *Millennium of Russia* in Novgorod, erected in 1862 (after Wikipedia)

в 2012 г., привязка указанных событий к 862 г. сохраняется и в наши дни (рис. 6). За этим стоит архетип сознания, схема, регулярно повторяемая в истории человечества: легитимация современных отношений через реконструированные (и часто мнимые) традиции.

Рис. 6. Почтовая марка в честь 1150-летия российской государственности с изображением Рюрика, Синеуса и Трувора, явно отсылающая к событиям 862 г., описанным в Повести временных лет

Fig. 6. Official Russian Stamp of the 1150th anniversary of the Russian Statehood in 2012 with Rurik, Sineus and Truvor, clearly referring to the date of 862 in the Primary Chronicle

ПВЛ долго оставалась неизвестной науке. Лишь около середины XVIII в. ее списки были выявлены в архивах и стали доступны для изучения. Г. З. Байер, уже упомянутый выше член Санкт-Петербургской академии наук, знал этот источник и поэтому приписывал основание Российской империи норманнам (варягам). Герхард Фридрих Миллер (1705–1783) ссылался на мнение Байера, когда в 1749 г. выступил в Академии наук с докладом «О происхождении народа и имени Российского»[13]. Его речь вызвала несогласие и многолетние споры, особенно со стороны Михаила Васильевича Ломоносова, назвавшего идеи Миллера «клеветой» (*Клейн*, 2009. С. 21). В какой-то момент мнение Ломоносова возобладало, и Миллер потерял пост ректора Санкт-Петербургского университета.

Таким образом, спор норманистов и антинорманистов начался задолго до публикации ПВЛ как полноценного источника. Основной конфликт развернулся вокруг этнической принадлежности варягов, о которых повествует летопись, и их роли в формировании Руси. Были они норманнами или нет?[14] Первое критическое издание ПВЛ, основанное на сравнении различных списков, было осуществлено в 1802–1809 гг. Августом Людвигом Шлёцером (1735–1809) в Гёттингене[15].

[13] Origines gentis et nominis Russorum.

[14] Исторический очерк дискуссии норманистов и антинорманистов от начала и до сегодняшнего дня: см.: *Клейн*, 2009. Ср. по поводу последнего: *Schneeweiß*, 2010.

[15] *Schlözer*, 1802–1809. Шлёцеровская публикация «Нестора» (Повести временных лет) ознаменовала собой начало строгого научного исследования этого памятника.

В течение XIX в. методы критического анализа источников были освоены и русской исторической наукой. Однако давний «спор о варягах» продолжается до сих пор. Если бы этот вопрос не связывался изначально (в прямом или скрытом виде) с утверждением о неспособности самостоятельного исторического развития и формирования государства славянами (= русским народом), вряд ли дискуссия имела бы место. Одна из последних современных работ антинорманистов — книга В. В. Фомина (2005). В ней он стоит вполне на позициях XVIII в.: разделяет исторический образ мышления Ломоносова, согласно которому история должна служить познанию страны, подъему любви к Отечеству, или, выражаясь более современно, — усилению идентичности политической системы (*Scholz,* 2002. S. 385). Антинорманистское направление в целом руководствуется узким (и устаревшим) концептуальным положением: «Несомненно, что главным ключом в определении этноса варягов, следовательно, правильного решения одного из главнейших вопросов нашей истории, является установление языка, на котором они (т. е. варяги. — *Й. Ш.*) говорили» (*Фомин,* 2009. С. 109).

В действительности суть споров, как прежде, так и сейчас, — поиск точек соприкосновения различных идей о социальной функции истории. Прямая отсылка Фомина к идеям неисторика Ломоносова является анахронистическим воспроизведением ученых споров 1749 г., когда Ломоносов обвинил Миллера в покушении на репутацию русского народа. Миллер тогда сказал: «Он хочет, чтобы писали только о том, что имеет отношение к славе. Не думает ли он, что от воли историка зависит писать, что ему захочется? Или он не знает, каково различие между исторической диссертацией и панегирической речью? Откуда он почерпнул это правило, будто следует умалчивать о том, что не относится к славе?» *(Ломоносов,* 1952. С. 67–68).

В XX в. распри по поводу «варяжского вопроса» перекинулись в археологию. Ожидалось, что именно она найдет те решающие аргументы, которых недостает в письменных источниках. В СССР было проведено масштабное исследование предполагаемых древностей славян, финнов, балтов и скандинавов. В первую очередь речь шла об этногенезе славян, однако серьезные изыскания предпринимались также в области археологии финно-угров, балтов и иранцев в Восточной Европе. В сущности, все эти разработки тесно увязывались между собой[16]. Одним из наиболее спорных вопросов, касавшихся хронологии, являлась «славянизация» российского Северо-Запада. С этим были связаны в первую очередь вопросы об этнической принадлежности длинных курганов и сопок (ср.: *Конецкий,* 1993; *Михайлова,* 2000 и др.).

«Варяжский вопрос» подразумевался во многих трактовках и дискуссиях даже тогда, когда напрямую о нем не упоминалось. Вместе с тем точка зрения,

---

В ней использован образцовый для своего времени филолого-критический метод анализа исторического источника. Ср.: *Henkel,* 2006. S. 101.

[16] Наиболее важные труды, определившие направления концептуальных разработок 1960–1980-х гг., принадлежат П. Н. Третьякову, И. И. Ляпушкину, М. И. Артамонову, В. В. Седову.

высказанная почти 100 лет назад Александром Андреевичем Спицыным (1859–1931), — что сопки имеют скандинавское происхождение и относятся к IX–X вв., вновь получила распространение. Начиная с 1970-х гг. в российскую науку вошла концепция, согласно которой на Руси в период VIII–X вв., как и в ряде других стран Балтийского региона, существовал особый тип протогородских торгово-ремесленных поселений (*Булкин, Дубов, Лебедев,* 1978). Эти последние активно включались в международную торговлю, находившуюся под контролем новых военизированных слоев общества. Древности IX–X вв. с отчетливо прослеживаемой североевропейской традицией фиксировались в таких центрах, как Ладога, Рюриково городище (ранний Новгород), Гнёздово и др. (ср., например, *Кирпичников,* 1988; *Носов, Горюнова, Плохов,* 2005; *Ениосова, Пушкина,* 2016). Наряду со скандинавским влиянием учитывались локальные особенности и градации местных памятников.

С открытием страны в 1990-е гг. круг обсуждаемых вопросов несколько изменился. Регион Русского Севера вокруг Белого озера в Вологодской области ныне детально изучен методами поселенческой археологии (*Макаров,* 1988; *Макаров и др.,* 2001). Там находится «город Синеуса», упомянутый в ПВЛ, однако археологические находки показали, что ни одно из поселений на данной территории не может быть датировано ранее середины X в. (*Захаров,* 2012. С. 38). В то же время Белозерск (Белоозеро) представляет собой самый древний город в регионе (*Захаров,* 2004). Скандинавские влияния на город и район в целом в археологических материалах практически не выявляются.

Схожая ситуация сложилась с Изборском — «городом Трувора». Современные исследования ставят под сомнение дату основания этого поселения в IX в., склоняясь скорее к X в. (*Лопатин,* 2012). Такие противоречия при соотнесении с датами из ПВЛ способствовали поискам других более ранних памятников, которые можно было бы соотнести с упомянутыми в летописи. Сама дата «призвания» (862 г.) редко становится поводом для дискуссии. Между тем противоречие источников кажущееся, так как осознание того факта, что сказание о призвании варягов было внесено в летопись только в XI — начале XII в., пришло давно[17]. Однако лишь недавно появилась возможность утверждать: геополитическая ситуация, в которой Новгород, Белоозеро и Изборск играли значительную роль в севернорусском регионе, оказавшись примерно на одном статусном уровне, имела место в течение короткого промежутка времени — в период княжения Ярослава, около 1014 г. (*Там же.* С. 31). Это можно соотнести с моментом, когда по крайней мере легенда о призвании варягов, с упоминанием именно этих трех городов, появилась в устной традиции, которая позднее была внесена и в летопись.

Между описываемыми событиями IX в. и компиляцией ПВЛ в начале XII в. лежит значительный временной промежуток. В любом случае, ясно, что ПВЛ не излагает достоверные исторические факты. Надежность ее информации заметно ослабевает с увеличением дистанции между временем создания

[17] Об этом с полной определенностью писал уже А. А. Шахматов (1904).

летописи и описываемыми событиями[18]. Можно с достаточной уверенностью считать 862 г. легендарной датой. Изобилие событий, случившихся тогда, свидетельствует о ее нереальности. Якобы в один год имели место и отказ платить дань, и изгнание варягов за море, и война между племенами, а затем — согласие послать за варягами «за море», избрание трех братьев, их переселение со всей родней и народом в Новгород, Белоозеро, Изборск... Несомненно, оригинальный текст «Легенды о призвании...», создавался без даты. Она была вычислена монахами в XI–XII вв., когда на летописный текст оказалась «наложена» погодная сетка, и каждое событие, волей-неволей, должно было получить свою привязку к ней. В целом, хронология древнейшей части ПВЛ очень далека от реальности. Такой взгляд на нее сейчас является общепринятым в научной среде и проводится в работах как зарубежных, так и российских ученых[19].

По причине гетерогенности процесса создания и композиции ПВЛ, вряд ли имеет смысл говорить о единой ее концепции. Она отражает в первую очередь национальное и религиозное самосознание образованного духовенства Руси XI–XII вв. В некотором смысле легенда о призвании варягов могла являться легитимацией «задним числом» существующих реалий. Утверждение, что из-за братоубийственной войны племена на Северо-Западе не смогли объединиться и поэтому позвали правителей из-за моря, безусловно, является вымыслом. Целью его, возможно, было обоснование главенства «руси» над местными племенами в противовес идее захвата власти. Корни легендарного призвания уходят, скорее всего, не дальше X в. — позже Рюрика на одно или два поколения. Они должны были утвердить право варягов (точнее, руси) на власть. Летописец уже потом добавил этот сюжет в Повесть и вычислил примерную дату. Так что этот рассказ никоим образом не отражает исторические реалии IX в.

Уверенность в том, что 862 г. — вымышленная дата и не может использоваться для научного описания событий, позволяет критически оценить современную ситуацию, отодвинув бесконечные споры о варягах в область абсурда. Уже упомянутое символическое значение легендарного призвания имеет для России не столько научный, сколько политический подтекст. Связь эта оказалась зримо продемонстрирована в ходе празднования 1150-летия российской государственности (2012 г.) (рис. 6).

По случаю юбилея и связанных с ним торжеств были проведены новые раскопки и научные конференции, посвященные данной тематике. Впрочем, результаты их показали, что российская научная средневековая археология, в общем, работает независимо от сиюминутных политических веяний (см., напр.:

---

18 Сейчас период создания соотносят с хронологическим отрезком 1060–1116 гг. (*Müller,* 2002. S. 96, 99).

19 При этом существуют самые разные попытки реконструкции исторических процессов и структуры самого источника. Ср., к примеру, *Сендерович,* 2000; *Zuckerman,* 2000; *Müller,* 2006; *Цукерман,* 2007; *Гиппиус,* 2007; 2012; *Михеев,* 2011; *Лопатин,* 2012; *Лушин,* 2016 и др.

Северная Русь и проблемы..., 2012). Показательным в данном контексте явилось и празднование 1050-летия города Белозерска вместо 1150-летия на основе археологических фактов[20] (рис. 7).

Рис. 7. Почтовая марка России 2012 г., посвященная празднованию 1050-летия Белозерска (свидетельства археологии о самом древнем поселении середины X в.)
Fig. 7. Official Russian Stamp of 2012 which shows the 1050th anniversary of Belozersk, according to archaeological evidence for the oldest settlement in the mid 10th c. A.D.

Промежуточный вывод:

862 г. — дата недостоверная. На самом деле критический анализ летописного текста и археологические свидетельства не противоречат друг другу. Продвижение норманнов в Восточную Европу началось раньше 850–860-х гг. Оно было более сложным процессом и прошло большее количество этапов, чем это описано в ПВЛ. Настоящая роль варягов в развитии Руси до сих пор изучена недостаточно. Особенно важными в прояснении этих процессов становятся археологические данные, националистические же споры им только вредят.

[20] Целый ряд русских городов, включая Ростов и Изборск, отмечали в 2012 г. свое 1150-летие как старейшие в России. Белозерск также планировал к этому присоединиться, ибо он также упомянут в ПВЛ под 862 г. Однако было запрошено мнение археологов-экспертов, и результаты оказались однозначными: никаких доказательств наличия поселения IX в. здесь не обнаружено. Город не получил права праздновать 1150-летие. Чтобы не отменять мероприятия целиком, городские власти нашли соломоново решение: отмечать 1050-летие, поскольку археологические находки подтверждают наличие поселения середины X в.

3. 929 г. — пример подтверждения исторических сведений о сражении на Эльбе данными контекстуального анализа археологических источников

Видукинд Корвейский живо описывает в своих «Деяниях саксов»[21] детали сражения при *Lunkini* (Ленцен) в 929 г., когда войско короля Восточно-Франкского королевства Генриха I нанесло сокрушительное поражение славянам. Он передает подробную картину происходившей битвы, которой предшествовали другие важные события. С 928 г. Генрих I предпринимал завоевательные походы на территории соседних славян (ср. рис. 8). Зимой 928/929 г. он захватил городище Бранденбург. Славяне со своей стороны атаковали саксонские укрепления, такие как городище Вальслебен на западном берегу Эльбы. Это и послужило причиной столкновения в сентябре 929 г. Видукинд Корвейский написал «Res gestae Saxonicae» сорок лет спустя (приблизительно в 967 г.), но события там расписаны в мельчайших подробностях:

«<...> Для обуздания их дерзости войско с [особой] военной защитой было вручено Бернарду, вся область ротарей подчинена ему, а в качестве товарища ему был придан Титмар; они получили приказ осадить город по названию Ленцен. На пятый день осады прибыли лазутчики, которые сообщили, что войско варваров недалеко и что в ближайшую ночь [варвары] решили напасть на лагерь. <...> Тем временем прошел день и наступила ночь, она была темнее, чем обычно, по воле божьей и [сопровождалась] сильным ливнем, чтобы расстроить зловещий замысел варваров. И как было приказано, саксы в течение всей ночи были под оружием <...>. С восходом солнца, когда после ливня наступила ясная погода, с поднятыми знаменами они вышли из лагеря, причем военачальник, совершавший наступление на варваров, находился на передней линии. Но небольшое число [его воинов] не могло противостоять бессчетному числу воинов [противника], поэтому он вернулся к [своему] войску и сообщил ему, что конница у варваров невелика, но пешего войска у них бесчисленное множество и что ночной ливень поставил их в такое затруднение, что, даже понуждаемые конницей, они едва ли выступят на битву. Когда заходящее солнце осветило влажную одежду варваров и испарения поднялись до самого неба, у людей появилась надежда и вера в бога, ясный и светлый образ которого сопровождал их. По данному знаку, ободряемые военачальником, отряды войска с громкими криками ринулись на врага. Так как из-за чрезвычайной тесноты доступ к врагу оказался затруднен, с помощью оружия они стали продираться справа и слева и, отделяя каждого от его товарищей, сеяли смерть. И когда битва стала уже изнурительной и многие как с той, так и с другой стороны погибли, а варвары все еще удерживали строй, тогда военачальник и приказал своему помощнику, чтобы тот со [своим] отрядом пришел ему на помощь. Тот послал тогда на край [расположения]

[21] Res gestae Saxonicae, liber I, 36.

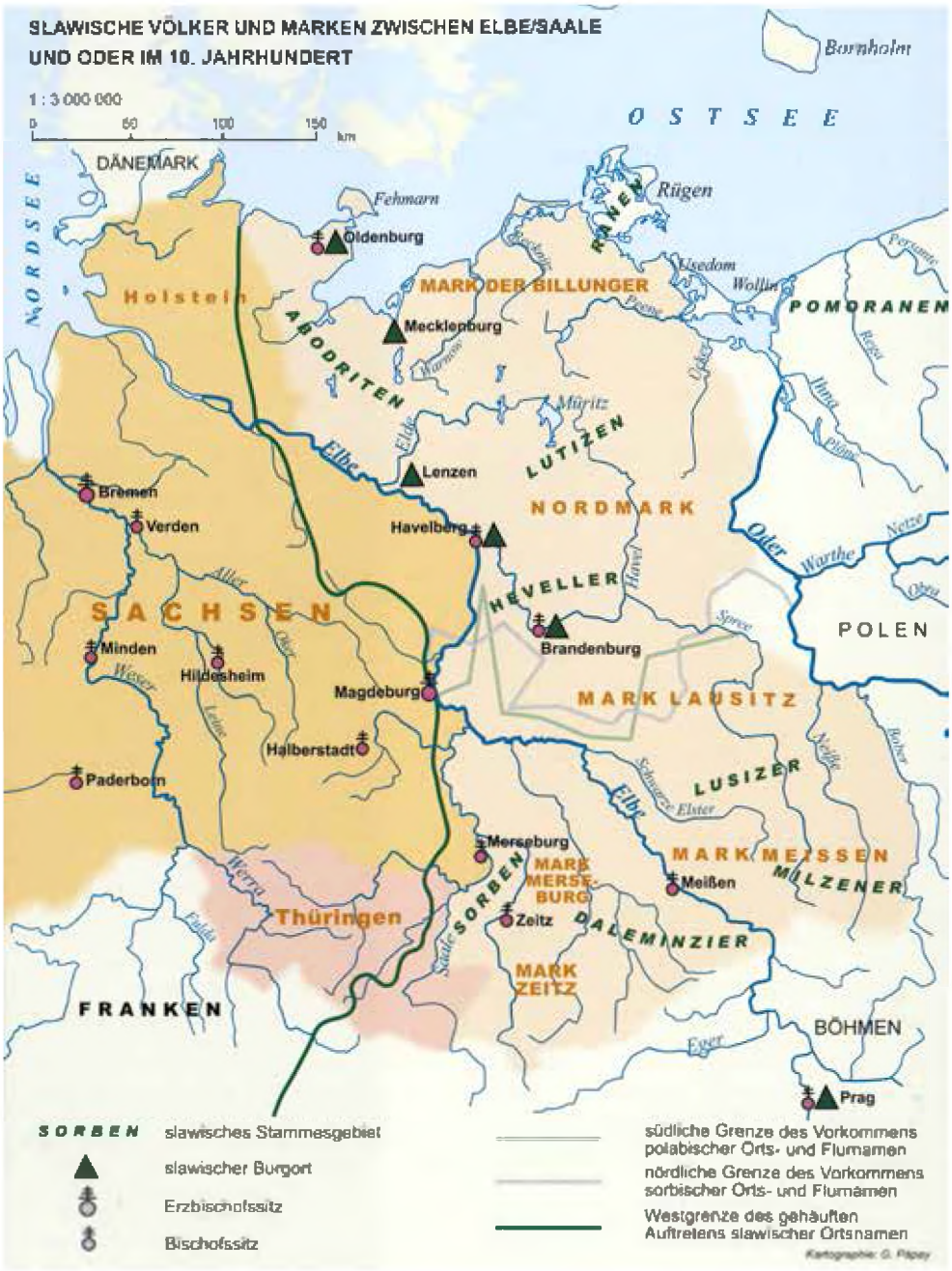

Рис. 8. Славянские племена, городища и даннические территории междуречья Эльбы/Заале и Одера в X в. (по: *Lübke*, 2001. S. 66, Abb. 1)

Fig. 8. Slavic tribes, strongholds and tributary areas between the rivers Elbe/Saale and Oder in the 10th c. (after *Lübke*, 2001. S. 66, Abb. 1)

вражеского [войска] начальника во главе пятидесяти вооруженных [всадников], чем привел в расстройство ряды [неприятеля]; в течение всего дня враги или подвергались истреблению, или обращались в бегство, и так как их убивали повсюду, то они пытались спастись бегством в соседний город. И поскольку помощник военачальника им в этом воспрепятствовал, то они стали бросаться в находившееся поблизости озеро, и произошло так, что все это громадное множество [врагов] было истреблено мечом или утонуло в море. Из пеших не осталось в живых никого, из конных уцелели лишь очень немногие, а битва завершилась поражением всего вражеского войска. Между тем поднялось великое ликование по случаю одержанной победы <...>. На следующий день [победители] направили знамена к упомянутому городу, горожане же сложили оружие и просили только о сохранении жизни, что и получили. Им было приказано безоружными выйти из города; однако слуги, все деньги, жены, дети и имущество короля варваров стали добычей [победителей]. В этом сражении из наших погибли двое Лютариев[22] *и некоторые другие знатные. Итак, военачальник с помощником и другими начальниками вернулись победителями в Саксонию. Король принял их с почетом и воздал им достойную похвалу, ибо они, располагая малым войском, благодаря покровительству божьему одержали славную победу. Ибо были такие, которые говорили, что варваров погибло 200000. На следующий день все пленные, как им и предвещали, были обезглавлены» (Видукинд Корвейский,* 1975. С. 147–149).

«Деяния саксов» Видукинда Корвейского — самый важный источник сведений об этих событиях, а сам Видукинд — весьма яркий персонаж средневековой истории Германии. Достоверность его изложения является предметом долгих и противоречивых дискуссий в исторической литературе[23]. Не так просто понять, что в его описании можно принимать как исторический факт, а что есть фигура речи. Рассказ о битве был записан спустя одно поколение после сражения. Однако существует и современный событиям источник. В Корвейских анналах сказано:

«В 929 году от воплощения Господня, 2-го индикта, в пятницу, 4 сентября, на рассвете, возле реки Эльбы произошла жестокая битва со славянами, в которой из язычников пало 120 000 человек, а в плен было взято 800; из наших же [пало] два герцога Лотаря[24]*, одни были ранены, а другие — убиты»*[25] (*Корвейские анналы,* 2008).

Место событий, которое Видукинд называет *Lunkini*, определено как Ленцен на Эльбе, где находится и важная крепость, так что этот пункт раньше не вызывал никаких разногласий. Музей городской историй в Ленцене гордится диорамой из 8000 оловянных фигур, хотя она не соответствует исторической реальности (ср.: рис. 9, 10). Диорама была творением художника Макса

---

22 См. сноску 24.

23 *Beumann,* 1950; *Lintzel,* 1961; *Althoff,* 1993; *Fried,* 1995; *Althoff,* 2000; см. также: *Санчук,* 1973, 1975.

24 Лотарь I фон Вальбек и Лотарь II фон Штаде (прим. переводчика).

25 Новейшее немецкое издание Корвейских анналов: *Die Corveyer Annalen,* 1982, a. 929.

Рис. 9. Диорама битвы при Ленцене с несколькими тысячами оловянных фигур, иллюстрирующая картину, описанную Видукиндом Корвейским. Создана в 1941 г. Находится в музее крепости Ленцен

Fig. 9. Diorama of the Lenzen battle with several thousands of tin figures, illustrating the report of Widukind of Corvey. Manufacturedin 1941. Museum in the castle of Lenzen

Брауера, создавшего ее в 1941 г., т. е. во времена, когда «Деяния саксов» были основой немецкой идентичности. Тогда их все проходили в школе и не только. Подобная диорама всем была понятна. Сегодня она является скорее курьезом местного значения.

С битвой связано первое упоминание Ленцена в источниках, таким образом, на сегодняшний день она служит свидетельством более чем 1000-летней истории города. Относительно маленькая часть экспозиции посвящена археологии и истории города Ленцен и его окрестностей. При этом основная часть ее показывает природу долины Эльбы, ибо крепость-музей сегодня принадлежит Союзу охраны окружающей среды и природы Германии (BUND). Характерно, что ни об истории диорамы, ни о контексте ее создания и критике ее содержания информации в музее нет. «Деяния саксов» уже давно не проходят в школе. Актуальные результаты исследований, связанных с датой основания Ленцена и локализацией события 929 г. (см. ниже), признаются в самом Ленцене с трудом.

Рис. 10. Примеры изображения участников битвы в Диораме в Ленцене (ср. рис. 11): саксонцы (германцы) всадники/пешие в верхнем ряду и воины-крестьяне славян в нижнем ряду. Диорама ни в целом, ни в деталях не соответствует исторической реальности

Fig. 10. Some examples for the presentation of the participants of the battlein the Diorama of Lenzen (c. f. fig. 9): Saxonian (German) horsemen/soldiers (upper row) and Slavic peasant warriors (lower row). Nearly nothing in the whole diorama has something common with historical reality

Сложнее, чем идентификации *Lunkini* с Ленценом, оказалось локализовать поле боя, так и не найденное, несмотря на долгие поиски. Само собой разумеется, что цифры, названные в источниках, фантастичны и ничего общего с реальностью не имеют. Средневековые авторы, как правило, сильно утрировали количество участников боев и плоды побед (Ср., например, *Sonntag*, 1987. S. 143–145; *Ohler*, 1997; *Scharff*, 2002. S. 241). Сдвиг с мертвой точки произошел 15 лет назад, когда в крепости Ленцен начались раскопки. Эти и другие исследования в данном районе продвинули дискуссию далеко вперед. Самым удивительным при проведении археологического исследования стало то, что древнейшее укрепление в Ленцене было возведено только в 940-е гг., спустя более десяти лет после битвы (*Kennecke*, 2006; 2011). Другими словами, в 929 г. на месте Ленцена еще не было городища. Это открытие показало, что предполагаемая картина сражения верна не полностью. Однако поблизости были обнаружены и другие раннесредневековые городища, которые также подверглись исследованиям (рис. 11).

В 5,5 км выше по течению Эльбы в Ленцен-Нойехаус находилось славянское городище первой половины X в., уничтоженное, возможно, в 929 г. (*Biermann, Goßler*, 2009. S. 147 ff.). Точное датирование невозможно по причине плохой сохранности дерева в культурном слое. Наконечники стрел и следы пожарища говорят о гибели городища в ходе военных действий.

Схожая картина обнаружена при раскопках другого небольшого славянского городища в Эльбхольце, в 4 км от Ленцена и примерно в 3,5 км от Ленцен-Нойехаус (рис. 11), расположенном на противоположном берегу Эльбы. На этом городище конца IX–X в. также обнаружены следы пожара; оно погибло в первой половине X в., возможно, в 929 г. (*Schneeweiß*, 2009). Однако и здесь сохранность дерева не позволяет провести дендрохронологический анализ и указать точную дату.

Более четкую связь с битвой удалось установить для городища Мечов I, датируемого X в. и расположенного примерно в 7 км к юго-западу от Ленцена, на противоположном берегу Эльбы. Здесь достаточно хорошо сохранилось дерево из нижних слоев вала, позволившее точно датировать отдельные строительные фазы укрепления. Итак, после возведения крепости в промежутке 906–915 гг. было произведено ее расширение и укрепление в 929 г. (вероятно, в преддверии атаки). Следующая перестройка и расширение последовали в 940-х гг., в период создания Ленцена. Второе городище X в. на том же месте, Мечов II, было сожжено до основания, поэтому точно сказать, когда это произошло, к сожалению, невозможно. Материальная культура всех перечисленных городищ — славянская. Таким образом, на месте Ленцена не было никаких укреплений в момент сражения, однако вблизи его как раз тогда были уничтожены три других славянских городища.

В источниках, современных событиям 929 г., речь идет только о битве «у реки Эльбы», без конкретного указания места. *Lunkini* добавляется только потом в рассказе Видукинда. Местность вокруг Хёбека между Ленценом и Мечовом кажется подходящей для боя, поскольку ее топографические и стратегические преимущества были налицо и в X в. Это подчеркивает и необыкновенная плотность одновременно функционировавших здесь городищ. Тем не менее поиски поля битвы так и остаются без результатов: нет никаких находок, способных указать направление. Но какие именно находки или остатки можно ожидать? Что из себя представляла такая «битва» (*pugna*) в X в., что это мог быть за конфликт?

Видукинд Корвейский в своем сочинении дает немало информации: он локализует события у *Lunkini*, описывает их с впечатляющими подробностями, указывает число погибших. Велико искушение искать доказательства для тех или иных эпизодов его рассказа или же само поле боя, где погибли тысячи людей. Какое городище имел в виду Видукинд? Где место этой бойни, унесшей жизни якобы 200 тысяч человек? Где находился *Lunkini* в 929 г.? Подобные вопросы задавались раньше и встречаются иногда даже до сих пор в научных работах (напр.: *Biermann*, 2013). Но на эти вопросы нельзя ответить с помощью археологии, так как они исходят из неверного посыла.

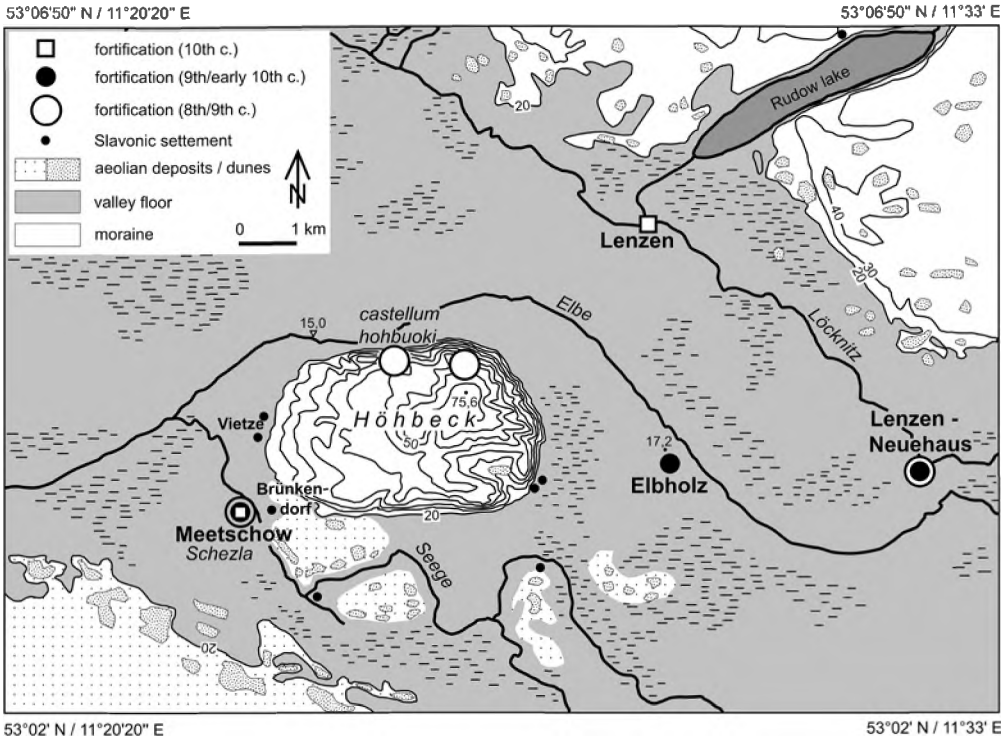

Рис. 11. Географическая ситуация и расположение городищ в районе Хёбека в долине Эльбы. Необычная плотность городищ бросается в глаза (по: *Schneeweiß, Schatz,* 2014. P. 22, fig. 2)

Fig. 11. The geographical situation in the Höhbeck area in the Elbe river valley with the location of the strongholds. The extraordinarily high density of fortifications is striking (after *Schneeweiß, Schatz,* 2014. P. 22, fig. 2)

Нельзя не учитывать того, что автор, в данном случае Видукинд, был весьма пристрастен в своих описаниях. Он вовсе не ставил себе целью полностью объективное описание исторических фактов прошлого. Он создавал «Деяния саксов» в расчете на своих современников и будущее. Давно известно, что прямое, буквальное понимание данных средневековых источников чаще всего неправомерно. К примеру, в Средневековье по возможности старались избегать настоящих военных столкновений, предпочитали символические действия, тактические маневры, опустошение местности и т. д. (*Ohler,* 1997; *Althoff,* 1999).

Еще до 1950-х гг. каждый ребенок в Германии знал «Деяния саксов» Видукинда Корвейского (*Lintzel,* 1953. S. 241): это был инструмент для конструирования немецкой идентичности (рис. 9, 10). В ходе послевоенной истории данный источник потерял эту роль. Особенно важными для современной оценки Видукинда Корвейского стали исторические исследования Хеллмута Бойманна

и затем Герда Альтхоффа (*Beumann*, 1950; 1972; *Althoff*, 1988; 1993). В последнее время с новых позиций оценивают его Матиас Шпрингер и Каспар Элерс (*Springer*, 2004; *Ehlers*, 2007). Остается сформулировать другие аспекты исследования, более соответствующие возможностям источников. К примеру, задать вопрос: можно ли обнаружить события 929 г. в археологическом материале, который сегодня имеется в наличии? Какие выводы возможны на этой основе?

Ситуация в данном районе в начале X в. может быть описана следующим образом: в долине Эльбы было как минимум три славянских городища — одно к востоку от Хёбека (Мечов) и два к западу от Хёбека (Эльбхольц и Ленцен-Нойехаус) (рис. 11). Кроме того, существовал целый ряд открытых поселений, количество которых не до конца установлено. Ничего не известно ни о прежних названиях этих славянских городищ, ни об их возможной иерархии. События зимы 928/929 г., когда был захвачен Бранденбург, могли стать импульсом для расширения и укрепления Мечов I. Значительные следы пожаров и разрушения прослеживаются на всех трех городищах. И всё же определить точную дату пожаров невозможно; известно только, что в Мечов I это произошло до подновления вала в 940-х гг. Городища Ленцен-Нойехаус и Эльбхольц в этом отношении крайне схожи: они сгорели изнутри при очень сильном пожаре. Разрушения оказались критичны (в отличие от Мечов): оба городища даже не были восстановлены — их забросили. Диапазон дат найденных артефактов указывает на то, что пожар произошел в первой половине X в. Таким образом, его вполне можно соотнести с событиями 929 г.

Битва закончилась поражением славян. Соответственно после этого все укрепленные поселения должны были подчиниться новому государю. Два городища исчезли, Мечов, похоже, уцелело. По идее, правители городища отныне находились в зависимости от Генриха I, однако культура его оставалась славянской вплоть до конца X в. Вполне возможно, подчинение данной территории было формальное и ограничивалось периодической выплатой дани. С этим, в общем, согласуются известия о восстании славян в 983 г.

В 940-х гг. городище Мечов было обновлено, в то время как на другом берегу Эльбы появилось новое городище Ленцен (рис. 11). Вместе они могли представлять собой некий плацдарм на данном участке Эльбы, но находки из Мечов (железные и бронзовые шпоры) говорят в пользу более высокого статуса этого поселения в X в.[26]. Не исключено, что здесь правил представитель славянской элиты, возможно, даже христианской (?). Но более детально политический «расклад» того периода восстановить затруднительно. В конце X в. (а окончательно уже в XI в.) городище Мечов утратило свою значимость. На первый план вышло городище Ленцен, развившееся позже в локальный центр (ср.: рис. 8)[27]. Когда Видукинд сочинял свои *Res gestae Saxonicae*, Ленцен/*Lunkini* уже был процветающим местом, хорошо известным адресатам его сочинения. Таким образом, современники могли увидеть смысл в этой информации.

[26] Ср.: *Schneeweiß*, 2011. S. 59–72.

[27] Более подробно об этом развитии и роли изменений ландшафта на Эльбе см.: *Schneeweiß, Schatz*, 2014.

Промежуточный вывод:

Письменные источники и их критический анализ позволяют рассматривать археологические результаты между Ленценом и Мечов в контексте конкретного исторического события. Данные археологии помогают уточнить географическую привязку битвы 929 г., оценить степень точности описаний Видукинда и поставить новые вопросы.

Заключение

Даты, содержащиеся в исторических источниках, могут по-разному влиять на археологическое исследование. Они способны перевернуть, сделать предвзятым анализ археологических материалов; они могут быть даже опасны, поскольку ведут к злоупотреблению в использовании результатов археологических исследований в политических целях, или же они становятся полезными, обогащая археологические результаты и сплетая картины прошлого с жизнью.

Исторические письменные источники отражают реальность времени их создания, они всегда субъективны и абсолютно независимы от археологических открытий и объектов (и наоборот). В сущности, данные истории и археологии сообщают о двух совершенно разных сторонах исторической реальности. Поэтому невозможно «доказать» письменные источники археологическими методами. Контекстуальный анализ, включая историографию, особо важен как для археологического, так и для исторического исследования; в обоих случаях он помогает уяснить степень сложности исторических процессов.

Письменные источники рассказывают историю, зависящую от их авторов, контекста и цели написания. Материальные остатки рассказывают иную историю, вставленную в совершенной другой контекст. Наша задача — расшифровать эти два независимых повествования и найти место их встречи.

Благодарности. Автор благодарен С. В. Дерябиной за перевод текста на русский язык и выражает глубокую признательность Н. И. Платоновой за плодотворное обсуждение статьи и трудоемкую окончательную языковую и научную редактуру.

Автор и редактор искренне признательны Е. А. Мельниковой, осуществившей специально для настоящего издания профессиональный перевод с древнеанглийского погодной статьи 793 г. А-С хроники.

Литература

Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 149 с.

Видукинд Корвейский. Деяния саксов / Вступ. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. М.: Наука, 1975. 272 с. (Сер. Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы.)

Гиппиус А. А. Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 213–220.

Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 36–63.

Гусакова О. В. Культы духовных лиц — жертв викингов (на материале англосаксонской Англии) // Средние века. Вып. 73 (3–4). Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М.: Наука, 2012. С. 47–66.

Ениосова Н. В., Пушкина Т. А. Гнёздово как раннегородской центр эпохи формирования древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государства. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 258–303.

Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Захаров С. Д. Белоозеро на начальных этапах становления Древнерусского государства // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов международной научной конференции. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 32–47.

Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII — XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. Вып. I. С. 38–79.

Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — первая столица Руси. 4-е изд. СПб.: Славия, 2012. 216 с.

Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.

Конецкий В. Я. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I — начала II тысячелетия н. э. // НИС. Вып. 4 (14). Новгород Великий, 1993. С. 3–26.

Корвейские анналы. Электронная версия 2008 г. Пер И. В. Дьяконова по изданию: Annales Corbeiensis. MGH, SS. Bd. III. Hannover. 1839. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Corbeiensis_ann_mai/frametext1.htm Дата обращения 03.11.2017.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 286 с.

Ломоносов М. В. Замечания на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа Российского» // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 17–80.

Лопатин Н. В. О феномене древнейшего летописного упоминания Белоозера и Изборска // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов международной научной конференции. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 21–31.

Лушин В. Г. О некоторых особенностях датировки событий IX — начала XI века в «Повести временных лет» // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2016. С. 4–10.

Макаров Н. А. Средневековые памятники Белозерской округи (археологическая карта и комментарий // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988. С. 57–93.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.

Метлицкая З. Ю. Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. З. Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2010. 288 с.

Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М.: Индрик, 2011. 280 с. (Славяно-германские исследования, т. 6).

Михайлова Е. Р. История изучения псковско-новгородских длинных курганов // Stratum plus. 2000. № 5. С. 32–49.

Ненарокова М. Р. Алкуин и его поэма «О Линдисфарнской резне» // Cursor Mundi: Человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. Вып. 4. Иваново, 2011. С. 235–242.

Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья: новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 404 с. (Труды ИИМК РАН, т. XVIII).

Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.

Роэсдаль Э. Мир викингов: викинги дома и за рубежом. СПб.: Всемирное слово, 2001. 272 с.

Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 72–100.

Санчук Г. Э. Видукинд Корвейский и его «Деяния саксов»: Обзор источников // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М.: Наука, 1973. С. 187–199.

Санчук Г. Э. Видукинд Корвейский и его «Деяния саксов» // Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М.: Наука, 1975. С. 5–63, 198–260.

Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов международной научной конференции / Отв. ред. С. Д. Захаров. Вологда: Древности Севера, 2012. 210 с.

Сендерович С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1. С. 461–499.

Сойер П. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2002. 352 с.

Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // Тр. Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 28. Л.: Наука, 1974. С. 99–113.

Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу, М.: Русская панорама, 2005. 488 с.

Фомин В. В. Южнобалтийские варяги в Восточной Европе // Труды ГЭ, т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 107–125.

Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 343–351.

Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // Изв. Отделения русского языка и словесности Имп. АН. 1904. Т. IX. Кн. 4. С. 284–365.

Allott S. Alcuin of York. His Life and Letters. York: The Ebor Press, 1974.

Althoff G. Causa scribendi und Darstellungsabsicht: Die Lebensbeschreibungen der Königin Mathilde und andere Beispiele // M. Borgolte, H. Spilling (Hrsg.), Litterae medii aevi. Festschrift für Johanne Autenrieth. Sigmaringen: Thorbecke, 1988. S. 117–133.

Althoff G. Widukind von Corvey. Kronzeuge und Herausforderung // Frühmittelalterliche Studien. 1993. 27. S. 253–272.

Althoff G. Die Ottonen. Königsherrschaft ohne Staat. Stuttgart: Kohlhammer, 2000.

Ambrosiani B. Birka und der Beginn der Wikingerzeit // Acta praehistorica et archaeologica. 1994/95. 26/27. S. 36–38.

Ambrosiani B. Osten und Westen im Ostseehandel zur Wikingerzeit // Brandt K., Müller-Wille M., Radtke C. (Hrsg.). Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im nördlichen Europa. Schriften des Archäologischen Landesmuseums 8. Neumünster: Wachholtz, 2002. S. 339–348.

Beumann H. Widukind von Korvei. Untersuchungen zur Geschichtsschreibung und Ideengeschichte des 10. Jh. Weimar: H. Böhlaus Nachfolger, 1950.

Beumann H. Historiographische Konzeption und politische Ziele Widukinds von Corvey // H. Beumann, Wissenschaft vom Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze. Köln-Wien: Böhlau, 1972. S. 71–108.

Biermann F. Die Schlacht bei Lunkini 929 // Willroth K.-H., Beug H.-J., Lüth F., Schopper F., Messal S., Schneeweiß J. (Hrsg.), Slawen an der unteren Mittelelbe. Untersuchungen zur ländlichen Besiedlung, zum Burgenbau, zu Besiedlungsstrukturen und zum Landschaftswandel. Beiträge zum Kolloquium vom 7–9 April 2010 in Frankfurt a. M. Frühmittelalterliche Archäologie zwischen Ostsee und Mittelmeer 4. Wiesbaden: Reichert, 2013. S. 151–158.

Biermann F., Goßler, N. Zwischen Freund und Feind. Die Linonen und ihre Nachbarn im frühen und hohen Mittelalter // Biermann, F., Kersting, T., Klammt, A. (Hrsg.). Siedlungsstrukturen und Burgen im westslawischen Raum. Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte der 17. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumsforschung in Halle an der Saale, 19. bis 21. März 2007. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 52. Langenweissbach: Beyer und Beran, 2009. S. 137–154.

Brather S. Lindisfarne 793 als Beginn der Wikingerzeit? Kulturentwicklung und Ereignisgeschichte im Vergleich. Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters 31, 2003. S. 39–60.

Brather S. s. v. Staraja Ladoga, Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 2005. Bd. 29. S. 519–521.

Christensen K. Wood-anatomical and dendrochronological studies // Bencard M. (ed.). Ribe excavations 1970–1976. Vol. 4. Esbjerg: Sydjysk Universitetsforlag, 1990. P. 169–181.

Die Corveyer Annalen. Textbearbeitung und Kommentar von J. Prinz. Veröffentlichungen der Historischen Kommission Westfalen X., Abhandlungen Corveyer Geschichtsschreibung 7. Münster: Aschendorff, 1982.

Ehlers C. Die Integration Sachsens in das fränkische Reich (751–1024). Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte 231. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007.

Feveile C., Jensen S. Ribe in the 8th and 9th century. A Contribution to the Archaeological Chronology of North Western Europe // Stummann Hansen S., Randsborg K. (eds.). Vikings in the west. Acta Archaeologica 71. Suppl. 2. København, 2000. P. 9–24.

Fried F. Die Königserhebung Heinrichs I. Erinnerung, Mündlichkeit und Traditionsbildung im 10. Jh. // Borgolte, M. (Hrsg.). Mittelalterforschung nach der Wende 1989. München: Oldenbourg, 1995. S. 267–318.

Graham-Campbell J. Die Wikinger. Augsburg: Bechtermünz Verlag, 1998.

Hedeager L. Iron Age Myth and Materiality. An Archaeology of Scandinavia AD400–1000. London-New York: Routledge, 2011.

Henkel T. Der vernünftige Mönch. Die Funktion der Nestorchronik für August Ludwig von Schlözers Selbstverständnis. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 54. 2006. S. 101–117.

Jöns H. Der frühgeschichtliche Seehandelsplatz von Groß Strömkendorf // Lübke C. (Hrsg.). Struktur und Wandel im Früh- und Hochmittelalter. Eine Bestandsaufnahme

aktueller Forschungen zur Germania Slavica. Forschungen zur Geschichte und Kultur im östlichen Mitteleuropa 5. Stuttgart: Steiner, 1998. S. 127–143.

Kennecke H. Wo Slawen gegen Sachsen kämpften // Archäologie in Deutschland 1. 2006. S. 8–13.

Kennecke H. Die slawenzeitliche Befestigung von Lenzen an der Elbe // Willroth K.-H., Schneeweiß J. (Hrsg.). Slawen an der Elbe. Göttinger Forschungen zur Ur- und Frühgeschichte 1. Göttingen: Wachholtz, 2011. S. 39–56.

Lintzel M. Miszellen zur Geschichte des 10. Jahrhunderts // M. Lintzel, Ausgewählte Schriften 2. Berlin: Akademie-Verlag, 1961. S. 220–296. (оригинальная публикация: Berlin, 1953).

Lintzel M. Die Mathildenviten und das Wahrheitsproblem in der Überlieferung der Ottonenzeit. Ausgewählte Schriften 2. Berlin: Akademie-Verlag, 1961. S. 407–418.

Lübke C. Die Ausdehnung ottonischer Herrschaft über die slawische Bevölkerung zwischen Elbe / Saale und Oder // M. Puhle (Hrsg.), Otto der Große. Magdeburg und Europa, Bd. I, Essays. Mainz: von Zabern, 2001. S. 65–74.

Müller L. s. v. Nestorchronik § 1–8. RGA. 2002. Bd. 21. S. 94–100.

Müller L. К критике текста, к тексту и переводу Повести временных лет // Russian Linguistics. 2006. Vol. 30. P. 401–436.

Müller-Wille M. Das northumbrische Kloster Lindisfarne im Jahre 793. Die Überfälle von Wikingern auf Klöster der Britischen Inseln und ihre Folgen in der historischen und archäologischen Überlieferung // Acta praehistorica et archaeologica. 2002a. 34.S. 225–240.

Müller-Wille M. Frühstädtische Zentren der Wikingerzeit und ihr Hinterland. Die Beispiele Ribe, Hedeby und Reric. Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse 2002. Stuttgart: Steiner, 2002b. N 3.

Nissen Jaubert A. Ruptures et continuités dans l'habitat rural du Moyen Âge en Pays de la Loire. // Valais A. (ed.). L'habitat rural au Moyen Âge dans le Nord-Ouest de la France. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2012. T. 1. P. 295–314.

Ohler N. Krieg und Frieden im Mittelalter. München: C. H. Beck, 1997.

Peytremann É. Archéologie de l'habitat rural dans le nord de la France du IVe au XIIe siècle. Mémoires publiés par l'Association françaises d'Archéologie mérovingienne 13. Saint-Germain-en-Laye, 2003.

Plummer Ch. Two of the Saxon Chronicles Parallel (787–1001 A.D.) with supplementary extracts from the others: A revised text / Ed. by Ch. Plummer; on the basis of an edition by J. Earle. Oxford, 1892–1899. Vol. 1–2.

Roesdahl E. Dendrochronology and Viking studies in Denmark, with a note on the beginning of the Viking age // Ambrosiani B., Clarke H. (eds.). Developments around the Baltic and the North Sea in the Viking age. The Twelfth Viking Congress. Birka Studies 3. Stockholm: Riks antikvarieämbetet and Statens Historika Museer. 1994. P. 106–116.

Sawyer P. H. Scandinavians and the English in the Viking age. H. M. Chadwick memorial lectures. 5. Cambridge: University Press, 1995.

Scharff T. Der rächende Herrscher. Über den Umgang mit besiegten Feinden in der ottonischen Historiographie // Frühmittelalterliche Studien 36. 2002/ S. 241–253.

Schlözer A. L. Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer. Göttingen, 1802–1809. Vol. 5.

Schneeweiß J. Siedlungsgeschichtliche Forschungen am Höhbeck: Der slawische Burgwall im Elbholz // Biermann, F., Kersting, T., Klammt A. (Hrsg.). Siedlungsstrukturen und Burgen im westslawischen Raum. Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte der 17. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumsforschung in Halle an

der Saale, 19. bis 21. März 2007. Beiträge zur Ur- und FrühgeschichteMitteleuropas 52. Langenweissbach: Beyer und Beran, 2009. S. 121–130.

Schneeweiß J. Rezension zu L. S. Klejn: Spor o varjagach. Istorija protivostojanija i argumenty storon. [Der Streit um die Waräger. Die Geschichte der Konfrontation und die Argumente beider Seiten.] Evrazija. Sankt Peterburg 2009. // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung 59. Heft 3. 2010. S. 414–416.

Schneeweiß J. Sachsen, Franken, Slawen — zur Geschichte einer Grenzregion an der Elbe. Ein Vorbericht zu den Ausgrabungen des Göttinger Seminars für Ur- und Frühgeschichte am Höhbeck // Willroth K.-H., Schneeweiß J. (Hrsg.). Slawen an der Elbe. Göttinger Forschungen zur Ur- und Frühgeschichte 1. Göttingen: Wachholtz, 2011. S. 57–102.

Schneeweiß J., Schatz T. The impact of landscape change on the significance of political centres along the lower Elbe River in the 10th century A. D. Quaternary International. 324. 2014. P. 20–33.

Scholz B. Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft. Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000.

Scholz B. Russische Historiographie auf neuen Wegen — Von Tatiščev zur Archäographischen Kommission // Donnert E. (Hrsg.). Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlpfordt. Bd. 6. Mittel-, Nord- und Osteuropa. Köln-Weimar-Wien: Böhlau, 2002. S. 381–395.

Scholz B. Die Warägerfrage in der deutschen Historiographie um die Mitte des 18. Jahrhunderts // Dahlmann D. (Hrsg.). Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Pubizistik über das Russische Reich. (= Internationale Beziehungen. Theorie und Geschichte 2). Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht. Bonn: Bonn University Press, 2006. S. 201–227.

Shetelig H. Vikingeminneri Vest-Europa. Oslo, 1933.

Shetelig H. Viking Antiquities in Great Britain and Ireland, Part 1: An Introduction to the Viking History of Western Europe. Oslo: Aschehoug, 1940.

Sonntag R. Studien zur Bewertung von Zahlenangaben in der Geschichtsschreibung des früheren Mittelalters: Die Decem Libri Historiarum Gregors von Tours und die Chronica Reginos von Prüm. Münchener Historische Studien. Abteilung Mittelalterliche Geschichte 4. Kallmünz: Lassleben, 1987.

Springer M. Die Sachsen. Stuttgart: Kohlhammer, 2004.

Steuer H. Die Südsiedlung von Haithabu. Studien zur frühmittelalterlichen Keramik im Nordseeküstenbereich und in Schleswig-Holstein. Die Ausgrabungen in Haithabu6, Neumünster: Wachholtz, 1974.

Swanton M. The Anglo-Saxon Chronicles. London: Phoenix Press, 2000.

Worsaae J. J. A. An account of the Danes and the Norsemen in England, Scotland, and Ireland. London: Murray, 1852.

Worsaae J. J. A. De Danskes Kulturi Vikingetiden. Kjøbenhavn: G. E. C. Gads Forlag, 1873.

Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // Kazanski M., Nercessian A., Zuckerman C. (eds.). Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Réalités Byzantines 7. Paris: Éditions P. Lethielleux, 2000. P. 95–120.

II. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ

«Славянские» фибулы в древностях рязанских финнов: старые и новые находки

И. Р. Ахмедов *(ГЭ)*, **А. П. Гаврилов** *(ШРКМ)*

Резюме. Статья посвящена находкам днепровских фибул в древностях рязанских финнов VII в. н. э. Они включают в себя фибулы, характерные для первой группы «днепровских» кладов по О. А. Щегловой — с декором в виде птичьих головок (серия Б, вариант Майорка по В. Е. Родинковой), пальчатая типа IC по И. О. Гавритухину.

Другие фибулы бытуют в Поднепровье уже после выпадения днепровских кладов первой группы, появляясь там в рамках очередной волны «дунайских» импульсов. Это фрагмент малой пальчатой фибулы подгрупп I C или IF, фибулы I A и B, III, дериват типа IC (все по классификации Й. Вернера), типа II.1 днепровских антропозооморфных фибул по В. Е. Родинковой. Авторы предполагают, что эти находки вместе с другими категориями «днепровских» украшений и отдельными вещами средиземноморского происхождения поступали к рязанским финнам через «пеньковско-колочинское» население верховьев р. Польной Воронеж в середине — третьей четверти VII в. Одна фибула (погр. 7 Кузьминского могильника) происходит из женского захоронения по обряду кремации, возможно, принадлежавшего славянской женщине.

В погр. 931 Шокшинского могильника фибула входила с состав украшений представительницы местного населения. По предварительным наблюдениям авторов, фибулы и другие украшения «днепровского» происхождения входили в состав престижных категорий, характерных для обихода представительниц «элиты» рязанских финнов.

Summary. The article deals with the brooches of the «Dnieper» origin in the antiquities of Ryazan Finns dated back to the 7th century AD. They include fibulae typical for the first group of the "Dnieper" treasures (according to O. A. Shcheglova), with decorations in the form of bird heads (series B variant "Majorka" — V. E. Rodinkova's classification), and radiate-head fibula type IC (I. O. Gavritukhin's classification).

Other brooches prevailed in the Middle Dnieper region later, after disappearance of Dnieper treasures of the first group. The authors suggest that "Dnieper" women's jewelry and some findings of the Mediterranean origin were the result of contacts between the Ryazan Finns and the Slavic population of the Upper Don in mid.— third quarter of the 7th century. One fibula (cremation 7 of Kuzminsky burial ground) possibly belonged to a Slavonic woman.

A fibula as a part of the complex of decorations typical for the local population is represented in the burial 931 of Shoksha burial ground. The authors assume that such brooches and other jewelry of "Dnieper" origin belonged to Ryazan-Finnish women of high social level.

Ключевые слова: Средняя Ока, Верхний Дон, рязанские финны и славяне в начале раннего Средневековья, межкультурные взаимодействия, элитная женская субкультура, погребальные комплексы, фибулы.

Key-words: Middle Oka, Upper Don, Early Middle Ages, Ryazan Finns, Slavs, cultural interaction, elite female subculture, burial complexes, brooches.

Отдельные фибулы VII в., связанные по происхождению с Поднепровьем, были известны в рязанском течении р. Оки еще с конца XIX в. Но только сейчас становится понятен контекст их появления в культуре рязанских финнов. Одним из авторов настоящей статьи уже была высказана гипотеза, согласно которой появление здесь славянских вещей связано с тесными контактами рязанских финнов с группами славян, чьи памятники с колочинскими и пеньковскими чертами расположены в непосредственной близости к южной кромке рязанских земель — в верховьях левых притоков Дона, на границе Липецкой и Тамбовской областей (*Ахмедов,* 2016).

В той же работе было выдвинуто предположение, что именно при посредничестве этого населения на среднюю Оку поступали византийские импорты, представленные фибулами, предметами поясных гарнитур, монетами и т. д. При этом некоторые, предположительно славянские, вещи могли принадлежать женщинам-славянкам, инкорпорированным в местное общество, а другие — входить в состав убора представительниц местной «элиты». Наиболее узнаваемыми категориями такого рода в рязано-окских древностях VI–VII вв. являются фибулы. Некоторые из них были опубликованы еще А. А. Спицыным в его классическом труде (*Спицын,* 1901. С. 87, 88. Табл. XIV: *2, 8, 13, 17*). Но целый ряд находок стал известен лишь в самое последнее время — в конце лета 2016 г., когда они поступили в собрание Шиловского районного краеведческого музея. Значение новых находок для окской археологии чрезвычайно важно, поэтому авторы считают необходимым оперативное введение их в научный оборот[1].

Часть фибул происходит из погребений. Застежка, найденная в погр. 7 Кузьминского могильника в 1894 г. (рис. 1: *5*), принадлежит к фибулам типа II D в рамках группы славянских пальчатых фибул по Й. Вернеру, или фибул с каймой из птичьих голов в составе группы поствосточногерманских пальчатых по И. О. Гавритухину, или днепровским фибулам с каймой из птичьих голов по В. Е. Родинковой (*Спицын,* 1901. С. 87, 88. Табл. XIV: *2, 8*; *Werner,* 1950. S. 161–162. Taf. 40: *38*; *Родинкова,* 2004. С. 233–243; *Curta,* 2012a. P. 29, 33–34, 46, 54, 60. Cat. 21. Fig. 2: *21*; 6). По классификации В. Е. Родинковой, она относится к серии Б, варианту Майорка, одному из наиболее поздних среди подобных фибул 2–3-й четверти VII в. К этому варианту относятся также фибулы из Козиевского клада на Днепровском левобережье и из балки Майоровой в районе днепровских порогов. Подобная фрагментированная фибула найдена также на левобережье р. Оки в округе Серпухова (Зиброво, любезное сообщение А. В. Павлихина) (рис. 5: *1*).

Захоронение 7 Кузьминского могильника совершено по обряду кремации на стороне, видимо, в небольшой ямке. Кости и вещи были накрыты перевернутым сосудом. Вместе с фибулой найдены: браслеты с утолщенными, прямо обрезанными концами, украшенными геометрическим орнаментом; ожерелье из синих стеклянных бус и одной, характерной для женских ожерелий

[1] Авторы выражают благодарность В. Е. Родинковой за дружескую помощь и любезные консультации в процессе подготовки статьи.

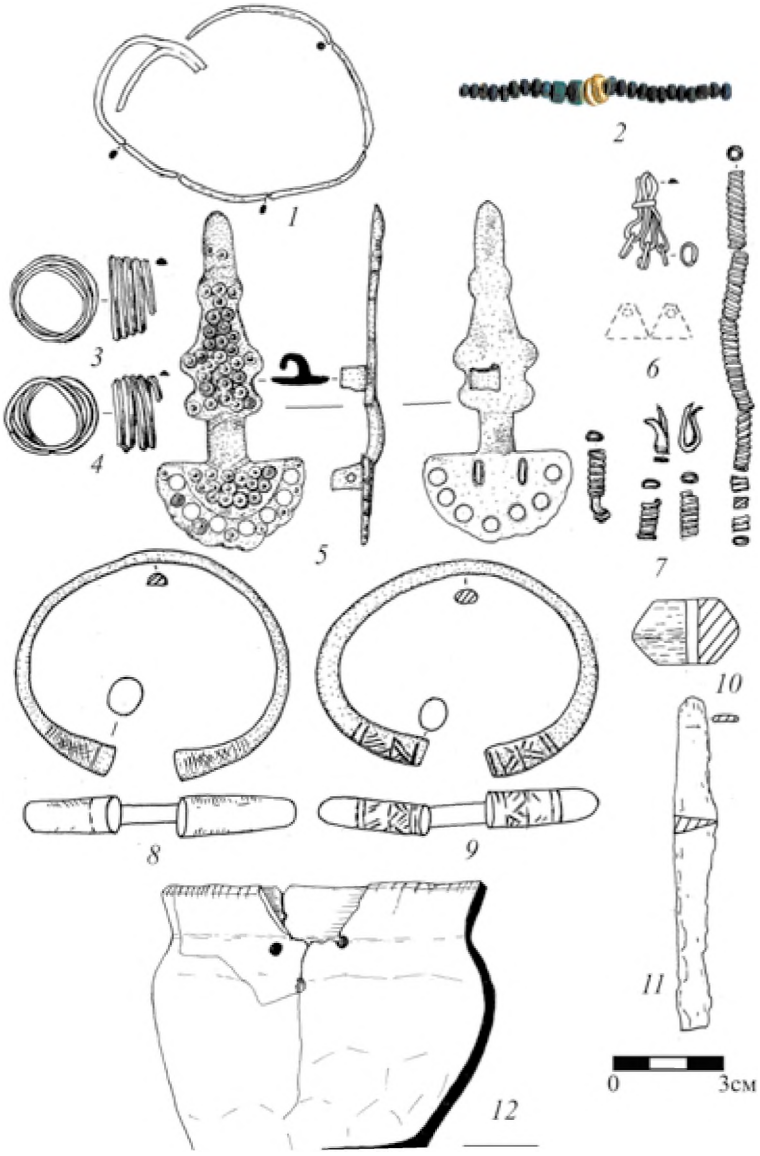

Рис. 1. Кузьминский могильник. Комплекс погребения № 7:
1 — гривна; 2 — ожерелье; 3, 4 — перстни; 5 — фибула; 6 — звено подвески; 7 — пронизи; 8, 9 — браслеты; 10 — пряслице; 11 — нож; 12 — лепной сосуд. *1, 3–6, 8, 9 — бронза; 2 — стекло; 7 — бронза, кожа; 10, 12 — глина; 11 — железо* (рисунки И. Р. Ахмедова)

Fig. 1. Kuzminskoe cemetery. Finds from the Burial № 7:
1 — neck ring; 2 — necklace; 3, 4 — spiral finger rings; 5 — fibula; 6 — part of the pendant; 7 — spiral tubes; 8, 9 — bracelets; 10 — spindle whorl; 11 — knife; 12 — modelled vessel. *1, 3–6, 8, 9 — bonze; 2 — glass; 7 — bronze, leather; 10, 12 — clay; 11 — iron* (drawings by I. R. Akhmedov)

рязанских финнов крупной бусиной красного глухого стекла, а также фрагменты оплавленной в огне гривны; конструкция для привесок (пластинчатых?) из проволоки прямоугольного сечения; бронзовые спиральные перстни из проволоки треугольного сечения; нанизанные на кожаный ремешок спиральные пронизи из проволоки треугольного сечения; железный нож с прямой спинкой; глиняное пряслице; лепной глиняный сосуд с просверленными по обожженной глине ремонтными отверстиями (рис. 1). Из всего комплекса только гривна несет следы воздействия огня — остальные вещи не были на погребальном костре.

Сопоставление состава погребального инвентаря и обряда погребения позволило выдвинуть предположение, что захоронение принадлежало славянской женщине, связанной по происхождению с одной из групп славянского населения верхнего Подонья (*Ахмедов*, 2016. С. 76. Рис. 7). Аналоги браслетам многочисленны в древностях «антов» — например, в Шедеево, в кладе из Суджи–Замостья, Никодимово и т. д. (*Родинкова, Седин*, 2004; *Кашкин, Родинкова*, 2010. Рис. 4, 5; *Володарець-Урбанович*, 2015. Рис. 2: *1, 3*; *Левада, Михайлова*, 2012. С. 39–41).

Из разрушенного при строительстве железной дороги в 1874 г. погребения на Борковском могильнике происходит двупластинчатая антропозооморфная фибула (рис. 2: *1*). Комплекс погребения, к сожалению, остался неизвестен. Она относится к типу II.1 днепровских антропозооморфных фибул по В. Е. Родинковой, датируемых сер.— 2-й пол. VII — 1-й пол. VIII в. (*Спицын*, 1901. Табл. XIV: *13, 17*; *Родинкова*, 2006. С. 50, 61, 62. Рис. 1, 2: *12*; *Казанский*, 2014. С. 53–55).

Видимо, в одном из разрушенных грабителями погребений на могильнике у с. Городище в Шиловском районе Рязанской области находилась крупная пальчатая фибула, обнаруженная А. П. Гавриловым при осмотре площади памятника в 2016 г. (рис. 2: *3*). Вместе с ней были собраны изделия из железа — втульчатый топор, пряжка и нож (рис. 2: *2, 4, 5*). Набор предметов условно учитывается как комплекс 21. Фибула относится к классу IIC по Й. Вернеру, или поствосточногерманских пальчатых днепровской подгруппы — тип IC по И. О. Гавритухину. Специальное исследование посвятил таким фибулам и Ф. Курта. Похожий экземпляр происходит из Березовки; ножка и пальцы орнаментированы циркульным орнаментом, на спинке продольные линии. Более крупные образцы найдены в Новой Одессе, Суук-Су, Судже, Богодухово, Колосково, наиболее западные находки в Карпатской котловине (погр. 14 могильника Чепель) и в Южном Тироле. В углубленном поле на щитке расположен циркульный орнамент на фибулах из Смородино. Из наиболее близких территориально находок следует указать на два фрагмента фибул, найденных на поселении Кривец, в верховьях р. Польной Воронеж, а также фрагмент фибулы из Вязовны, Чернского района, в южной части Тульской области (рис. 5: *2*; 6: *3*) (*Werner*, 1950. S. 160–161. Taf. 39; *Корзухина*, 1996. Табл. 45: *2*; 59: *2*; 60: *12,13*; 99: *1–3*; 100: *1, 2*; 113: *2*; 114: *4*; *Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 37–38, 126. Рис. 50: *2–6*; 74; 101: *7*; 107; *Воронцов* 2003. С. 296, 299. Рис. 3; *Андреев, Филимонова*, 2008. С. 23. Рис. 2: *11*; *Курта*, 2011; *Обломский* 2012. С. 194. Рис. 22: *1, 3*).

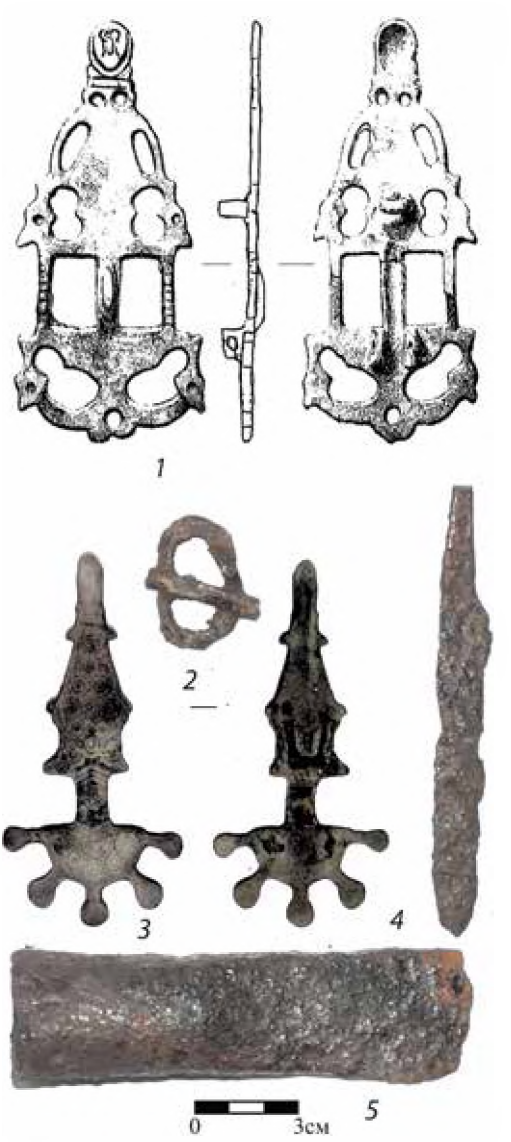

Рис. 2. Фибулы из памятников рязанских финнов:
1 — находка 1874 г. на площади Борковского могильника; 2–5 — находки на площади Городищенского могильника. *1, 3 — цветной сплав; 2, 4, 5 — железо*
(1 — по: *Спицын* 1901, с уточнениями по оригиналу; 2 — фото А. П. Гаврилова)
Fig. 2. Fibulae from the monuments of the Ryazan Finns:
1 — Fibula found in 1874 on the territory of the Borki burial ground; 2–5 — Finds on the territory of the burial ground near the village of Gorodishche. *1, 3 — non-ferrous metals alloy; 2, 4, 5 — iron* (1 — after *Spitsyn* 1901 with additions according to the original; 2–5 — photo by A. P. Gavrilov)

Если фибула действительно составляла единый комплекс с остальными находками, то можно предположить, что она могла быть положена в мужское захоронение в составе погребального «женского» дара. В мужских погребениях рязанских финнов VI–VII вв. не прослежено использование «женских» инокультурных фибул в мужском костюме в отличие от комплексов эпохи Великого переселения народов, в которых двупластинчатые фибулы, характерные для черняховского женского убора, использовались мужчинами наряду с крестовидными (*Ахмедов*, 2010а. С. 107). Однако данная фибула могла происходить и из другого, разрушенного грабителями женского захоронения.

Фибулы обнаружены также в погребальных комплексах Шокшинского могильника — наиболее восточного из памятников рязанских финнов, расположенного на р. Шокше, в Теньгушевском районе Республики Мордовия. Пальчатая фибула была найдена в погр. 913, совершенного по обряду ингумации, в грунтовой яме размерами 141 × 145 см, ориентированной головой на СВ. От костяка погребенного, видимо ребенка (девочки), сохранились только фрагменты костей правой руки внутри браслета. Фибула располагалась в районе нижней части груди погребенной, справа от предполагаемого места головы находились бутыльчатые подвески со сквозными вертикальными отверстиями, с валиками по краям и петлями для привесок по нижнему краю (*Шитов*, 1994. С. 162–164, 175. Рис. 10: *1*) (рис. 3: *1–4*).

Фибула бронзовая, небольших размеров, с пятью выступами — «пальцами» на щитке, с циркульным орнаментом. Ножка декорирована композицией из двух отверстий и углубленных линий и двух направленных в разные стороны стилизованных головок птиц. На конце ножки — овальный выступ. Сохранились остатки железного механизма. Полные аналоги этой фибулы неизвестны, однако круг прототипов и параллелей достаточно представителен. И. О. Гавритухин в рамках работы по подготовке свода фибул Центральной России поместил ее среди миниатюрных фибул группы поствосточногерманских пальчатых, называемых также «малыми пальчатыми» — термин Г.Ф, Корзухиной, введенный в оборот В. Е. Родинковой (тип IC «Марош-Гымбаш-Пергамон» по Й. Вернеру). Из этих последних наиболее территориально близкие найдены на памятниках пражской культуры (Великая Слобода, Черновка), на Пастырском городище и среди случайных находок в Киевской губернии (*Гавритухин*, 1991; *Родинкова*, 2010. С. 265). Они рассматриваются в ряду хроноиндикаторов третьей фазы пражской культуры, которые позволяют соотносить ее с финалом пеньковской и колочинской культур, а также с хронологическими колонками Прибалтики, Подунавья и Причерноморья (*Werner*, 1950. S.153. Abb. 29: *18, 20, 22–24*; *Гавритухин*, 1991; *Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 137. Рис. 105).

Фибула из погр. 913 Шокшинского могильника несколько отличается от других фибул этого типа. Щиток ее украшен небрежно исполненным циркульным орнаментом, причем часть кружков заходит друг на друга, а один — на край щитка. Небрежно имитирован «кербшниттный» орнамент на ножке, а каплевидные отверстия на ножке, характерные для большинства фибул этого

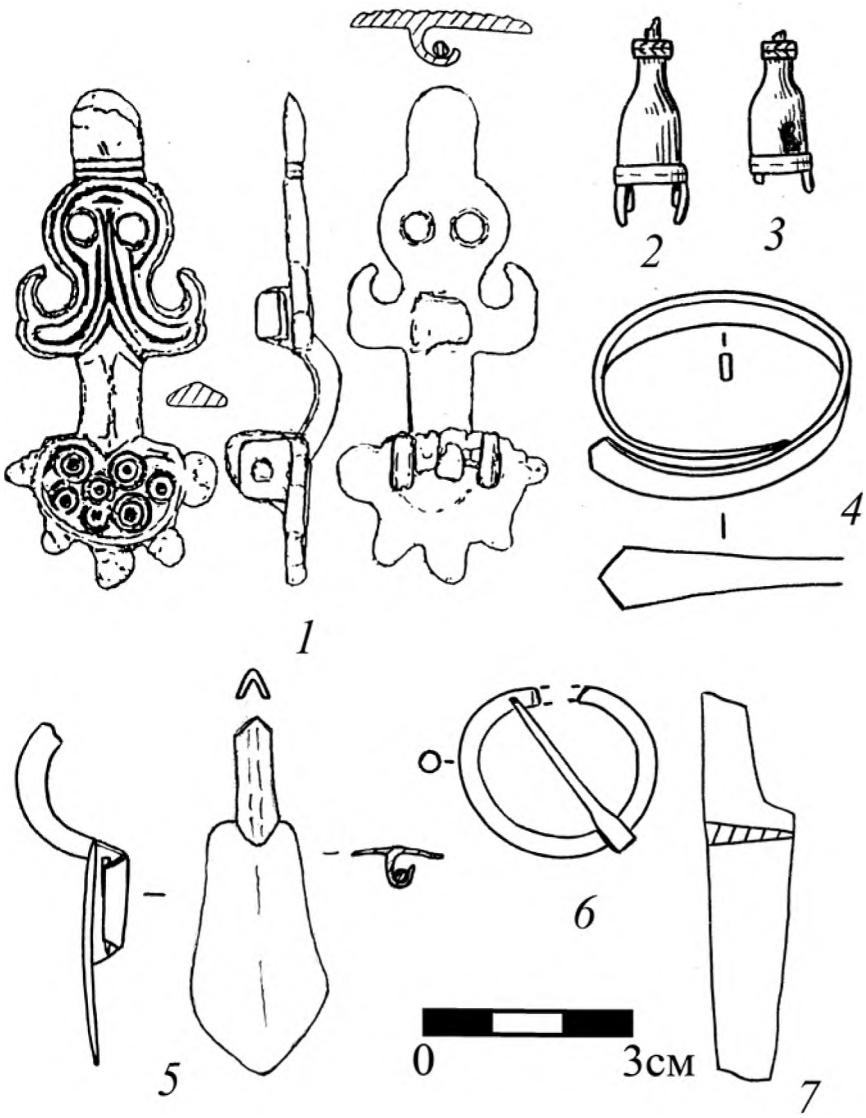

Рис. 3. Шокшинский могильник. Комплексы с фибулами:
Погребение 913: 1 — фибула; 2, 3 — подвески; 4 — браслет.
Погребение 931: 5 — фрагмент фибулы; 6 — застежка-сюльгама; 7 — нож. *1–4 — бронза; 5 — серебро* (1, 5 — рисунок И. Р. Ахмедова; 2–4, 6, 7 — рисунок В. Н. Шитова)
Fig. 3. Shoksha cemetery. Burial complexes with fibulae:
Burial 913: 1 — fibula; 2–3 — pendants; 4 — bracelet;
Burial 931: 5 — fragment of fibula; 6 — horseshoe fibula — "sulgama"; 7 — knife. *1–4 — bronze; 5 — silver* (1, 5 — drawing by I. R. Akhmedov; 2–4, 6, 7 — drawing by V. N. Shitov)

типа, здесь выполнены в виде округлых. И. О. Гавритухин считает эту фибулу «синтезной», сочетающей в своем оформлении элементы днепровских пальчатых и типа IC по Й. Вернеру. Ее особую типологическую позицию среди фибул типа IC подтверждает и анализ по формальным признакам, предпринятый Ф. Куртой. Видимо, эту застежку следует считать воспроизведением типа IC, изготовленным в пеньковско-колочинской среде, с использованием элементов, характерных для днепровских фибул (*Гавритухин, Приймак*, 2001–2002. С. 98, прим. 8; *Curta*, 2012b. P. 8. Fig. 3. P. 73. Cat. N 328).

Привески и круглодротовые браслеты с уплощенными расширенными, округлыми или срезанными под острым углом концами являются обычными для женского убора финального этапа «классического» периода древностей рязанских финнов (*Белоцерковская*, 2014. Рис. 5: *40, 53*; 6: *25–27*). Однако пластинчатые браслеты с такими концами не характерны для рязанских финнов. Они напоминают отдельные находки в древностях «антов» на востоке Днепровского Левобережья — браслеты со срезанными под углом и прямо срезанными концами в кладе в с. Колосково (I группы по О. А. Щегловой), а также находки браслетов прямоугольного сечения с прямо срезанными концами в Козиевском кладе и в Игрень-Подкове (Днепровское Надпорожье). Однако они более массивны, а концы их орнаментированы. Использование таких браслетов В. Е. Родинкова считает результатом взаимодействия раннеславянского населения Среднего Поднепровья с населением лесной зоны Восточной Европы (*Родинкова*, 2011. С. 249). Возможно, шокшинский браслет следует считать местной версией подобных украшений, а поиски общих прототипов еще следует продолжить.

В заполнении погр. 931 того же могильника найден фрагмент двупластинчатой фибулы, изготовленной из белого сплава, со спинкой V-образного сечения и ножкой подромбической формы. Не исключено, что первоначально она могла принадлежать антропозооморфной фибуле простых форм. К сожалению, комплекс погребения включал в себя лишь бронзовую застежку-сюльгаму с обломанными трубочками и фрагмент железного ножа, что не позволяет точно определить дату погребения (рис. 3: *5–7*).

Фрагмент еще одной небольшой пальчатой фибулы происходит с площадки Тереховского городища (рис. 4: *1*) Сохранилась только часть пластины с пятью пальцами высотой 3,2 см. Поверхность сильно повреждена, однако можно проследить остатки орнамента в виде рельефных спиралей. Фрагмент фибулы можно сопоставить с фибулами групп IC (Марош-Гымбаш-Пергамон) или с некоторыми фибулами типа IF (Смела–Добого) по Й. Вернеру. Близкие фибулы из Богачево, Келар (погр. 44), Тумян (погр. 68 и отд. нах.), Тылково, Ваплево (погр. 21) в Восточной Пруссии (ныне Варминско-Мазурское воеводство в Польше) выделены Ф. Куртой в отдельный кластер внутри типа IC. Близка к ним и находка фибулы типа IF из Клецкого района Минской области. Рядом с ними Ф. Курта помещает и ранее рассмотренную фибулу из погр. 913 Шокшинского могильника (*Werner*, 1950: 153–154. Taf. 29: *15, 20, 23, 24*; 30: *33*;

Curta, 2011. Cat. N 2, 32, 37, 78, 81, 83, 97. Pl. 9.1). Однако состояние находки с Тереховского городища не позволяет атрибутировать ее более точно.

Из района с. Надеино происходит небольшая фибула (длина без окончания ножки, утраченного в древности, — 4,5 см) находящая параллели среди фибул групп IA и B по Й. Вернеру, которые Ф. Курта объединяет в одну (*Werner*, 1950. P. 151–152. Abb. 1, 2. Taf. 27: *4–8*; 28; *Curta,* 2005; 2012: P. 6–7, 9, 11) (рис. 4: *2*). Размеры фибул этих групп достаточно различны: как следует из сводки Ф. Курты, максимальное количество фибул имеет длину от 7,1 до 8,5 см, другая концентрация в диапазоне длины от 9,5 до 10,4 см; две фибулы имеют длину соответственно 13 и 13,5 см, еще имеется по одному экземпляру длиной 14,5 и 19,6 см. Видимо, размеры фибулы из Надеино с первоначально утраченным окончанием ножки были близки к 7–8 см. Такие размеры имели фибулы группы IB из находок в Дубоваце, Леше, Неа Анхеалос, Прахово, депаспортизованная находка из Турции.

Общая композиция декора щитка и ножки состоит из симметричных завитков, осевые которых соединяются рельефным ребром на спинке. Эти композиции входят в состав признаков 1А и 2А, выделенных Ф. Куртой для фибул группы 1В. Сочетание признаков характерно для отдельного кластера, в который входят фибулы из Велесницы, Вечела, три экземпляра фибулы из «Восточной Европы», Ржевского-Линкунен, Жеоже де Сус. Длина указанных фибул колеблется в интервале 11,3–13,3 см. Таким образом, фибулу из Надеино отличают от них меньшие размеры, а также количество пальцев и минимум декоративных деталей. Возможно, ее можно считать их прототипом или достаточно ранним вариантом таких застежек.

Почти все они имеют семь пальцев на щитке, лишь две находки в Димитриас в Фессалии и Прахово в Северной Сербии украшены пятью пальцами. Эти фибулы всегда украшены изображением личины на окончании ножки (в одном случае тремя личинами — фибула из собрания Диргардта), в некоторых случаях дополняемым стилизованными птичьими головками по боковым сторонам ножки. На находке из Надеино птичьи головки по углам ножки показаны при помощи композиций из округлой фигуры с полусферической выпуклостью в центре и завитка с выпуклостью, продолжающего рельефный валик по краю ножки. Сходный прием известен на ножке фибулы типа IA из Северной Сербии, хотя на ней клюв показан более реалистично. На этой же находке, как и у фибулы из Неа Анхиалос, отнесенной Й. Вернером к одной группе, присутствуют рубчатые валики по краю ножки. Нижняя часть щитка, где должна была располагаться личина, утрачена в древности. Возможно, это случилось еще при отливке. По краю ножки проходит рельефный рубчатый валик. Щиток фибулы с семью пальцами, орнаментированный в том же стиле, известен среди случайных находок на Пастырском городище (*Корзухина*, 1996. Табл. 28: *13*).

Неизвестно точное место находки малой фибулы типа IH (Пергамон–Тайзее или Пергамон–Бухарест — озеро Тай) по Й. Вернеру, входящей в состав одной из коллекций бывшего музея Рязанской ученой архивной комиссии.

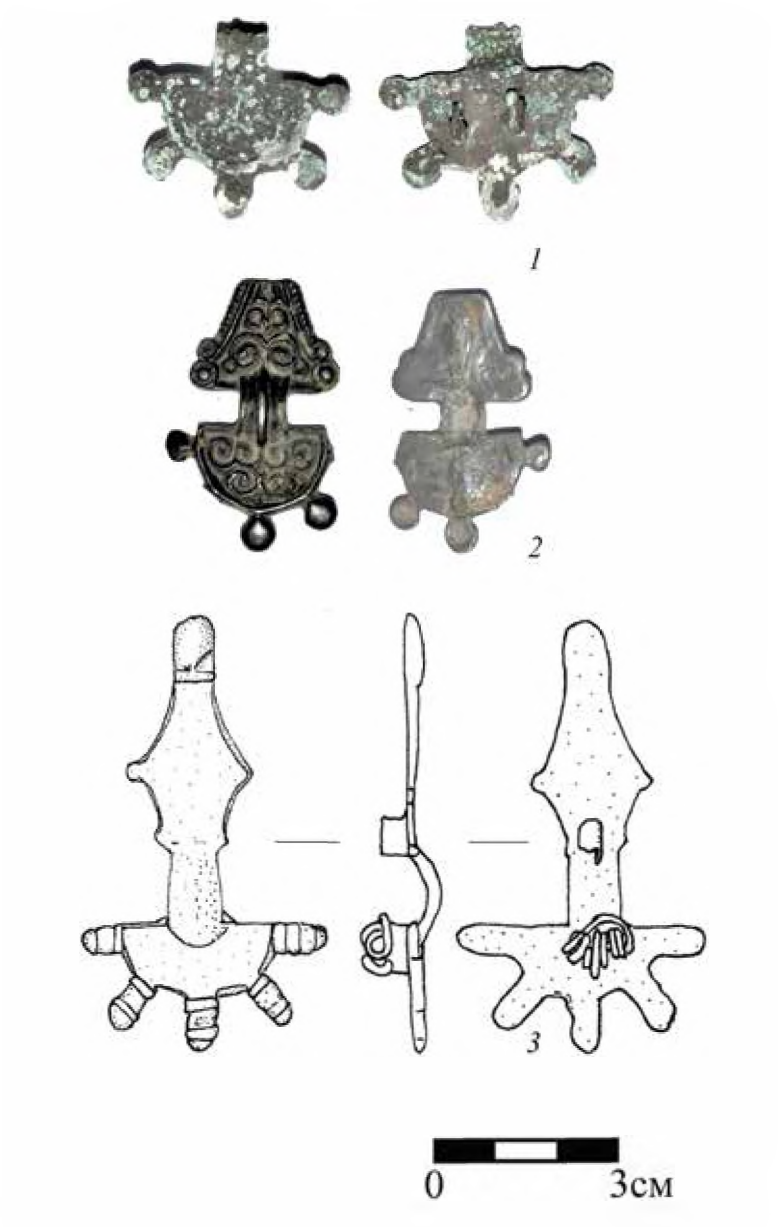

Рис. 4. Находки фибул в Рязанском Поочье:
1 — Тереховское городище; 2 — находка близ с. Надеино; 3 — Рязанская обл.
1–3 — цветной сплав (1, 2 — фото А. П. Гаврилова; 3 — рисунок И. Р. Ахмедова)
Fig. 4. Finds of fibulae in Ryazan part of the Oka-river basin:
1 — Terekhovo hillfort; 2 — the find near Nadeino village; 3 — Ryazan region. *1–3 — alloy of non-ferrous metals* (1, 2 — photo by A. P. Gavrilov; 3 — drawings by I. R. Akhmedov)

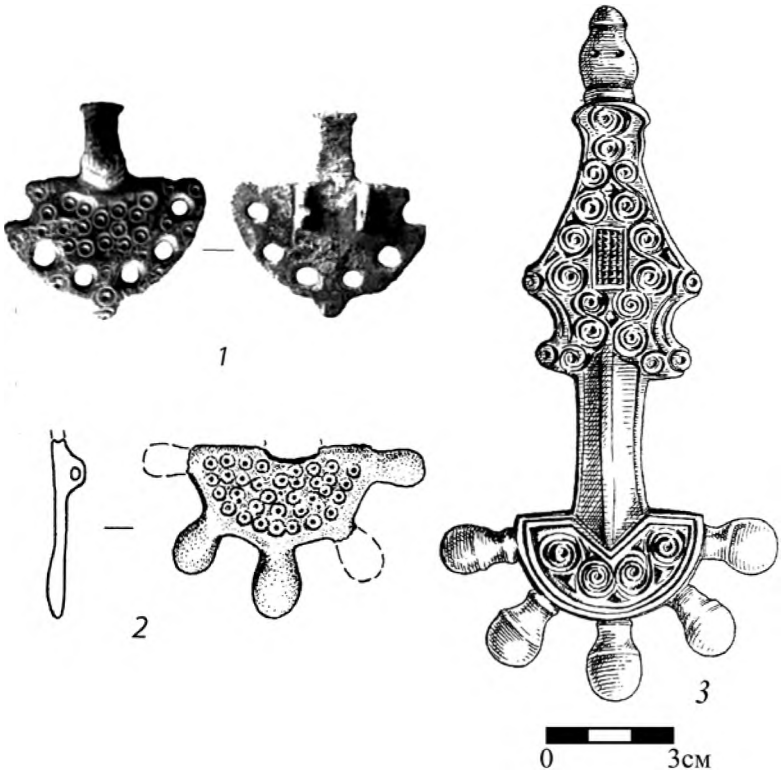

Рис. 5. Находки фибул в Поочье:
1 — Зиброво; 2 — Вязовна; 3 — Подболотьевский могильник, погр. 220. *1–3 — бронза*
(1 — фото предоставлено А. В. Павлихиным; 2 — по *Воронцов*, 2003,
3 — по: *Корзухина*, 1996)
Fig. 5. Finds of fibulae in the Oka — river basin:
1 — Zibrovo; 2 — Vyazovna; 3 — burial 220, Podbolot'evskiy cemetery. *1–3 — bronze*
(1 — photo was provided by A. V. Pavlikhin; 2 — after *Vorontsov*, 2003;
3 — after *Korzukhina*, 1996)

(РИАМЗ, КП 1357, А175, 1) (рис. 4: *3*). Данный экземпляр относится к подтипу неорнаментированных, разновидности миниатюрных, группе поствостогерманских пальчатых фибул по И. О. Гавритухину. Они распространены на территории юга Восточной Европы, от нижнего Дуная до Среднего Поднепровья, самые восточные находки — Глушково и Куриловка в верховьях Сейма и Псла (юго-запад Курской обл.), Батьки в округе Бельского городища, в среднем течении Ворсклы на Полтавщине, Черкесский Бишкинь на Северском Донце в Харьковской обл. Одна застежка известна на верхнем течении Днепра — Никодимово; несколько экземпляров найдено в Мазурском Поозерье (*Гавритухин*, 1991; *Родинкова*, 2010, С. 265–266. Рис. 6, 7; *Володарец-Урбанович*, 2015.

С. 94–95. Рис. 2: 8; 9). Фибула не имеет полных аналогов. По способу оформления выступов–«пальцев» при помощи валиков она близка находкам в Соку–Бэрбэтешти, Сэрата–Монтеору, Рашкове, Селиште, Черкесском Бишкине, хотя у них у всех присутствуют лишь одиночные валики у основания округлых «пальцев», а «пальцы» вытянутой формы только у фибулы из Соку-Бэрбэтешти, где один из «пальцев» украшен двойным валиком. Форма ножки рязанской находки ближе к фибулам из Черкесского Бишкиня, Никодимово, и одной из двух находок на Пастырском городище. Видимо, ее следует выделять в отдельный вариант, близкий варианту Черкесский Бишкинь.

Эти фибулы, дунайские по происхождению, Ф. Курта предлагает датировать VI в., Л. Вагалинский и Дан Теодор — 2-я пол. VI — VII в. По мнению М. М. Казанского, они должны датироваться в рамках 570/600–640/660 гг. Й. Вернер и И. О. Гавритухин определяют время их бытования в целом VII в. Для находок в восточной части их ареала В. Е. Родинкова не исключает определение верхней границы бытования временем 1-я пол. — сер. VIII в., считая их наиболее типологически поздними среди фибул этого типа. Видимо, в рамках VII в. следует датировать и рязанскую фибулу. Несмотря на отсутствие сведений о месте находки, ее всё равно необходимо учитывать в контексте темы данной работы (обзор хронологических определений фибул типа IH см.: *Родинкова*, 2010. С. 266).

Таким образом, фибулы, связанные по происхождению с носителями колочинской и пеньковской культур, в древностях рязанских финнов не единичны и использовались не только в костюме отдельных женщин-«славянок»(?) (как в погр. 7 Кузьминского могильника), но, видимо, и в обиходе местных женщин. Это предположение подтверждается находками в погр. 913 Шокшинского могильника. Ассортимент фибул весьма разнообразен, практически все они принадлежат к разным типам, только тип IC Марош–Гымбаш–Пергамон, возможно, представлен двумя находками. Четыре находки представляют собой фибулы дунайского облика или их переработки в среде «днепровского» населения, остальные относятся к типам, характерным для колочинского и пеньковского женского убора.

При более детальном рассмотрении погребальных комплексов этого времени можно будет выделить и другие категории вещей, поступавших на Среднюю Оку через славянские сообщества в верхнем Подонье. Например, к ним может относиться и серебряная фасетированная гривна из погр. 127 Шатрищенского могильника, датирующегося концом VI — VII в. (раскопки Т. А. Кравченко). Погребенная (возможно, девочка-подросток) была в характерном для рязано-окских финнов «взрослом» женском уборе (Группа 3, VI–VII вв. по И. В. Белоцерковской). Погребение располагалось на мысе 2 (по нумерации Т. А. Кравченко), в группе захоронений VII в. с престижным инвентарем, в непосредственной близости к реконструируемому автором раскопок ритуальному центру некрополя (*Кравченко*, 1974. С. 126–131, 169, 173, 174–175. Рис. 3; 12: *5*; 13: *3;* 14: *6, 11, 15*; 15: *1*; 19: *2*; *Ахмедов*, 2016. С. 82–83. Рис. 9: *9*).

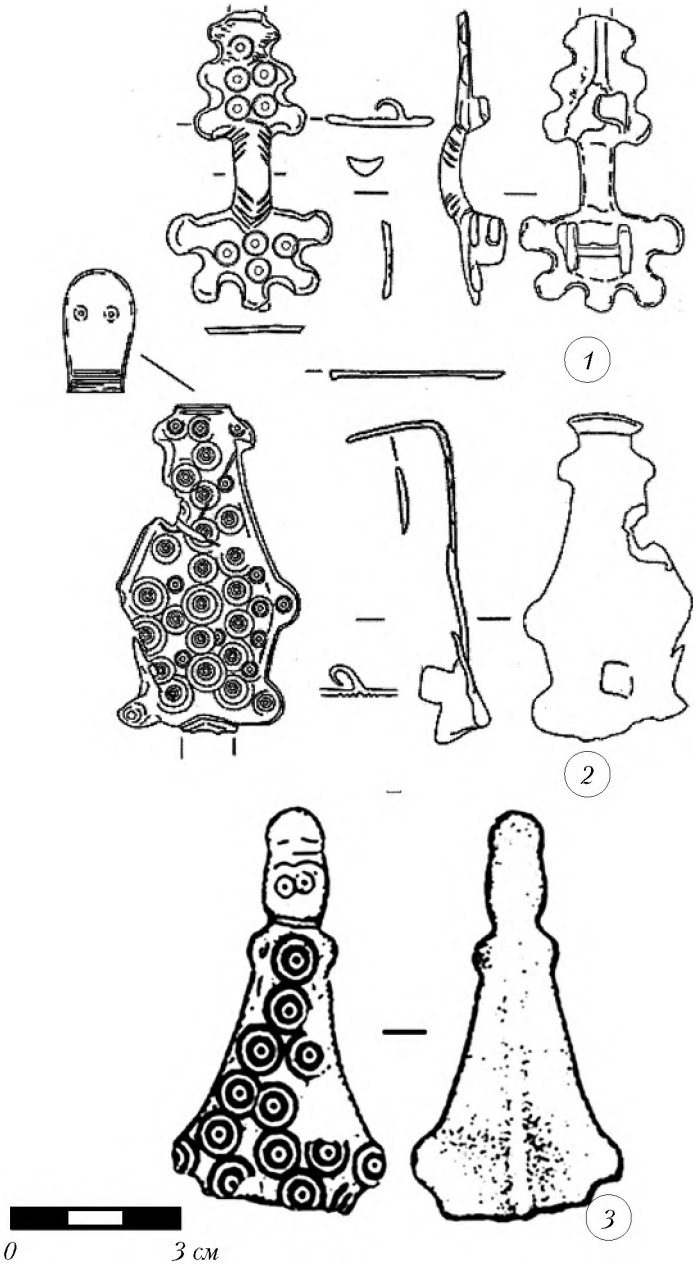

Рис. 6. Находки фибул на селище Кривец 4:
1–3 — бронза (1–2 — по: *Обломский*, 2012; 3 — по: *Андреев, Филимонова,* 2008)
Fig. 6. The Finds of fibulae on the non-fortified settlement Krivec 4:
1–3 — bronze (1–2 — after *Oblomsky*, 2012; 3 — after *Andreev, Filimonova,* 2008)

Гривны, близкие шатрищенской, известны в пеньковских и колочинских древностях. Гривны с гладким обручем, но с замками такой же конструкции найдены в женском погребении в Мохначе. Еще одна происходит из Ильинца Киевской губернии. Фрагменты гривен с фасетировкой известны также в кладах из Великих Будков и Трубчевска. Гривны с гладкой поверхностью и с фасетировкой имеются в Мартыновском кладе. В кладе второй группы в Харивке такой прием использован для декора гривен других типов. О. А. Щеглова предполагает их «днепровское» происхождение (*Эпоха Меровингов*, 2007. С. 362. Кат. № III. 16.1; *Корзухина*, 1996. Кат. № 27: *13*; *15 аб*; 89: *13*. Табл. 14: *1*; 16: *4–5*; 76: *1–4*; *Приходнюк*, 1998. Рис. 20: *17–18*; *Щеглова*, 1999. С. 301).

Находки различных типов фибул и других категорий женского убора, включение их в состав традиционного и достаточно консервативного рязано-окского женского убора свидетельствуют об активном взаимодействии рязанских финнов и «славян». Видимо, можно предполагать и отдельные матримониальные связи, о чем свидетельствуют и находки рязано-окских украшений в Подонье. Разнообразие типов фибул, среди которых есть и характерные днепровские и «дунайские» типы, также свидетельствует об интенсивности этих процессов.

Видимо, через Среднее Поочье такие вещи могли попадать и в другие окские регионы, в том числе на Нижнюю Оку. Примером могут служить широко известная фибула группы IIB по Й. Вернеру (или тип I.А/Б днепровской подгруппы поствосточногерманских пальчатых фибул по И. О. Гавритухину), найденная в погр. 220 Подболотьевского могильника вместе с деталями ременной гарнитуры «геральдического» облика, а также пряжка типа «Сиракузы», найденная в Муромском уезде вместе с ременными накладками геральдического облика, и фибула с каймой из птичьих голов в Зиборово под Серпуховом (*Городцов*, 1914. С. 133. Рис. 60; *Ахмедов*, 2016. С. 84–85). Впрочем, не стоит исключать и возможность транзита таких вещей через ареал мощинской культуры, о чем свидетельствует находка фрагмента фибулы из Вязовны.

Несмотря на то что сведения о находках «славянских» украшений в комплексах рязанских финнов пока немногочисленны, можно предположить, что они являлись элементами престижного убора. В пользу этого пока можно привести лишь косвенные аргументы. Выше указывалось, что погр. 127 Шатрищенского могильника с днепровской серебряной гривной входило в состав группы погребений с престижным инвентарем. Сравнительно «бедный» состав инвентаря девочки в захоронении 913 Шокшинского могильника может быть связан с ее очень молодым возрастом. Тем не менее находка трех подобных фибул на памятниках в округе г. Шилово, принадлежавших представителям «племенной элиты», может свидетельствовать об особом значении, которое придавали этим предметам рязанские финны.

На Тереховском городище кроме упомянутой выше фибулы найдены также византийские вещи: две бронзовые пряжки типа «Сиракузы» (D12), бронзовая пряжка типа D22 по М. Шульце — Дёррлам, медный фоллис Тиберия Маврикия, свинцово-оловянная отливка VII в. с более раннего медальона Септимия

Севера. Найдены здесь и местные статусные вещи, а также инструменты для их изготовления — фигурные пунсоны, использовавшиеся в производстве деталей ременных гарнитур «геральдического» облика, имевших важное значение в составе воинских принадлежностей этого времени. Дунайская фибула из Надеино найдена в том же микрорегионе. Византийские вещи найдены и в расположенном неподалеку могильнике Борок 2. Это дунайско-иллирийские литые фибулы и широкопластинчатая подвязная фибула серии Прахово-Гераклея Понтийская, причем последняя находилась в комплексе богатого воинского захоронения вместе с медным декануммием Юстиниана I (549 г.). На других памятниках рязанских финнов такие находки пока неизвестны. Судя по всему, вещи «средиземноморского» происхождения также входили в состав «престижных» категорий. Однако этот вопрос требует анализа данных по всем составляющим комплекса «престижных» и статусных категорий.

Новые данные позволяют поставить вопрос о хронологии этих взаимодействий. Ранее предполагалось, что кардинальные изменения в жизни рязанских финнов приходятся на период около середины — 3-й четверти VII в. и синхронизируются со временем выпадения «днепровских» кладов I группы (4-й культурно-хронологический пласт раннеславянских древностей, датировка которых определялась в рамках 2–3-й четв. VII в. или, более узко, 2-й четв. — сер. VII в.) (*Ахмедов*, 2010б. С. 16). После этого носители данной культуры сохраняются лишь на «северных» территориях — в труднодоступной озерной Мещере, в Касимовском Поочье и на р. Шокше, в правобережье Мокши, на территории современной Мордовии.

Новые данные для абсолютного датирования момента выпадения кладов I группы были получены В. Е. Родинковой на основе изучения фрагмента византийского серебряного сосуда с клеймом, сохранившегося в комплексе клада из Суджи-Замостья. В надписи клейма упомянут предположительно Константин IV (668–685). Наиболее близкие по типу клейма на серебряных ложках из Новобаязетского клада соотносят с императорами Константом II (641–668) или уже упомянутым выше Константином IV. Это позволяет считать датировку выпадения кладов I группы третьей четвертью VII в. наиболее предпочтительной (*Родинкова*, 2012. С. 158).

Меньше данных имеется для установления времени начала тесного взаимодействия рязанских финнов и славян. Время появления «колочинско-пеньковского» населения в верховьях р. Воронеж пока не установлено. Так, например, А. М. Обломский датирует Ярок 5 — поселение с пеньковскими чертами — достаточно широко, в рамках 2-й четв. V — VII в. Другие памятники «колочинского» круга в этом регионе (Ярлуково, Коровий Брод, Новоникольское 8), а также поселение Кривец 4 со смешанной колочинской и рязано-окской традицией в керамическом материале он относит в целом к VII в., без последних десятилетий (*Обломский*, 2012. С. 198–199). Пока можно только предполагать, что тесное взаимодействие рязанских финнов и носителей пеньковской и колочинской культур в верховьях р. Воронеж происходило в рамках конца VI — VII в. При этом следует отметить, что в рязано-окской керамике, как в погребальной, так и в поселенческой, колочинских элементов пока не прослежено.

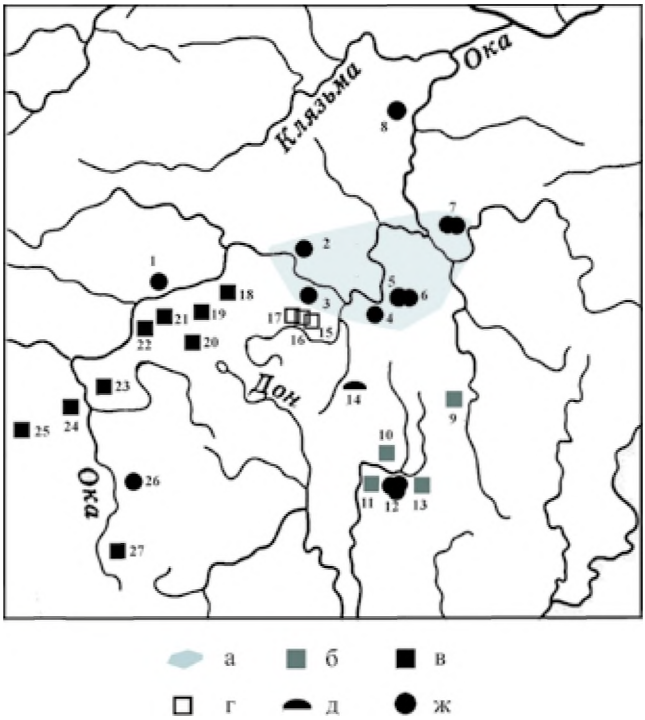

Рис. 7. Памятники Верхнего и Среднего Поочья и верховьев р. Воронеж в VII в. н. э. и находки «славянских» фибул:

а — ареал культуры рязанских финнов; б — колочинские и пеньковские памятники в верховьях р. Воронеж; в — памятники позднего этапа мощинской культуры; г — памятники мощинской традиции в верхнем течении р. Прони; д — погребение кочевника; ж — находки фибул.

1 — Зиброво; 2 — Кузьминский; 3 — Борковский; 4 — Городищенский; 5 — Тереховское городище; 6 — Надеино; 7 — Шокшинский; 8 — Подболотьевский; 9 — Коровий Брод; 10 — Ярок 5; 11 — Ярлуково; 12 — Кривец; 13 — Красный Городок; 14 — Арцыбашево; 15 — Пронск-3 (Вуколов Бугор); 16 — Ёлшинское (Чёртово); 17 — Пронское; 18 — Ростиславль; 19 — Борисово; 20 — Щепилово; 21 — Велегож; 22 — Картавцево; 23 — Акиньшино; 24 — Дуна; 25 — Сосенский (Чёртово); 26 — Вязовна; 27 — Лужки

Fig. 7. Monuments in the regions of the Upper and Middle Oka and the upper reaches of the river Voronezh in the VII century AD and finds of "Slavic" fibulae:

a — cultural area of the Ryazan Finns; б — monuments of Kolochin and Pen'kovka cultures in the upper reaches of the Voronezh river; в — monuments of the late stage of Moshchino culture; г — monuments of Moshchino tradition in the upper reaches of the Pronya river; д — the nomad burial; ж — finds of fibulae.

1 — Zibrovo; 2 — Kuz'minskoe; 3 — Borki; 4 — Gorodishche; 5 — Terekhovo; 6 — Nadeino; 7 Shoksha; 8 — Podbolot'e; 9 — Korovij Brod; 10 — Yarok 5; 11 — Yarlukovo; 12 — Krivec; 13 — Krasnij Gorodok; 14 — Arcybashevo; 15 — Pronsk-3 (Vukolov Bugor); 16 — Elshino (Chortovo); 17 — Pronsk; 18 — Rostislavl'; 19 — Borisovo; 20 — Shchepilovo; 21 — Velegozh; 22 — Kartavcevo; 23 — Akin'shino; 24 — Duna; 25 — Sosenskij (Chortovo); 26 — Vyazovna; 27 — Luzhki

Номенклатура рассматриваемых фибул открывает новые возможности для уточнения хронологии финального этапа культуры рязанских финнов в ее «классическом» виде. Наличие среди них «дунайских» малых пальчатых фибул групп IC, IH, IF по Й. Вернеру, а также сложной антропозооморфной типа II.1 по В. Е. Родинковой, указывает на возможность омоложения верхней границы указанного этапа. Последняя характерна уже для наиболее ранних кладов II группы (Па по И. О. Гавритухину). Со временем бытования находок, составлявших комплексы кладов II группы, синхронизируются и находки малых пальчатых фибул в Поднепровье, в первую очередь на Пастырском городище. Малые пальчатые фибулы в кладах группы II пока неизвестны; в Поднепровье они датируются вплоть до первой половины VIII в. Наличие находок этого горизонта в Среднем Поочье подтверждает мнение В. Е. Родинковой, что катастрофические изменения в Верхнем Поднепровье (Никодимово), Верхнем Подонье (Кривец 4) и в Рязанском Поочье (наиболее яркий пример – Терехово) могли происходить уже после выпадения кладов I группы. Видимо, в пользу этого также могут свидетельствовать находки деталей поясных гарнитур «геральдического» стиля и фигурных пунсонов для воспроизведения их прессованных версий, найденные на Тереховском городище и в его округе. Часть этих последних относится к наиболее поздним составляющим второй группы II периода «геральдических» гарнитур Поволжья и Приуралья. Это псевдопряжки и некоторые формы поясных бляшек, почти не встречающиеся в составах инвентаря наиболее поздних рязано-окских погребений, ранее выделенных И. Р. Ахмедовым в качестве датирующих для верхней границы финального этапа культуры рязанских финнов (*Родинкова*, 2011. С. 242–245; *Обломский, Родинкова*, 2014. С. 385; *Ахмедов*, 2010). Они будут опубликованы в самое ближайшее время. Анализ новых данных позволит продолжить работу по уточнению соотношения датировок финальных погребений на могильниках и наиболее поздних находок на Тереховском поселении и его округе, что позволит скорректировать хронологию и характер реконструируемых событий.

Литература

Андреев С. И. Филимонова Н. А. Раннеславянские культуры в Тамбовской области // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3 / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С. 18–24.

Ахмедов И. Р. К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2 / Под ред. А. М. Воронцова, И. О. Гавритухина. Тула, 2010. С. 105–137.

Ахмедов И. Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии

н. э. Проблемы и материалы / Отв. ред. И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 7–34 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 13).

Ахмедов И. Р. Византийские и славянские находки в рязано-окских древностях // Древности Поочья: Сборник научных работ к 60-летию В. В. Судакова / Сост. А. А. Гомзин, В. И. Завьялов, И. Г. Кусова; отв. ред. А. О. Никитин. Рязань: РИКО, 2016. С. 64–87.

Белоцерковская И. В. Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 2014. Вып. 15. С. 204–205.

Володарец-Урбанович Я. В. Фібули V — першої половини VIII ст. з Полтавщини (знахідки від початку 2000-х років) // Археологія. 2015. № 3. С. 87–106.

Воронцов А. М. К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: Вып. 1 / Отв. ред. А. Н. Наумов, В. П. Гриценко. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2003. С. 294–300.

Гавритухин И. О. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 127–141.

Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст М.: ИА РАН; Курск: Курский обл. археологический музей, 1996. 296 с. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 3).

Гавритухин И. О., Приймак В. В. Пальчатая фибула из Малой Рыбицы // Stratum Plus 2001–2002. № 5. С. 91–99.

Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома // Древности. Т. XXIV. М., 1914. С. 40–216.

Казанский М. М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Самара: Самарский обл. историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 2014. С. 45–137 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 15).

Кашкин А. В., Родинкова В. Е. Памятники суджанского региона эпохи Великого переселения народов // Верхнедонской археологический сборник Вып. 5 / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк, 2010. С. 80–92.

Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье: Каталог памятников / Ред.-сост. А. И. Айбабин // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. V. Симферополь: Таврия, 1996. С. 352–435, 586–705.

Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник: По раскопкам 1966–1969 гг. // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А. Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 116–183.

Курта Ф. Женщина из Дэнчень или к вопросу о фибулах типа ПС по Вернеру // Tiragetia. 2011. Vol. V (XX). № 1. С. 153–192.

Левада М. Е., Михайлова Е. Р. Браслет из могильника Заветное (к вопросу о контактах населения Крыма с лесной зоной Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов) // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Бахчисарай, 2012. С. 39–41.

Обломский А. М. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской

равнины. Вып. 3 / Отв. ред. С. И. Андреев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. С. 172–229.

Обломский А. М., Родинкова В. Е. Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н. э. Хронология событий // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 381–404.

Приходнюк О. М. Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. 170 с.

Родинкова В. Е. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Отв. ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 233–243.

Родинкова В. Е. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (сложные и двупластинчатые формы) // РА. 2006. № 4. С. 50–63.

Родинкова В. Е. Пальчатые фибулы из Южного Побужья // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э.: Проблемы и материалы / Отв. ред. И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 261–276 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 13).

Родинкова В. Е. Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: Материалы школы молодых археологов. Кириллов, 3–12 сентября 2011 г. / Отв. ред. и сост. В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2011. С. 239–265.

Родинкова В. Е. Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом в Восточной Европе // РА. 2012. № 4. С. 151–158.

Родинкова В. Е., Седин А. А. Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию В. В. Седова / Под ред. Н. А. Макарова, А. В. Чернецова, Н. В. Лопатина. М.: Наука, 2004. С. 234–246.

Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. Т. XXV. СПб., 1901. 120 с.

Шитов В. Н. Работы Шокшинской экспедиции в 1991–1992 гг. // Археологические открытия Урала и Поволжья / Под ред. В. В. Никитина. Йошкар-Ола, 1994. С. 162–164, 175.

Щеглова О. А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. 1999. № 5. С. 287–312.

Эпоха Меровингов — Европа без границ. Археология и история V–VIII вв.: Каталог выставки / Отв. ред. В. Менгин // Staatliche Museen zu Berlin. München: Edition Minerva, 2007. 592 с.

Curta F. Female dress and "slavic" bow fibulae in Greece // Hesperia. 2005. 74. P. 101–146.

Curta F. Werner's class IC: Erratum corrigendum cum commentaries // Ephemeris napocensis. Bucureşti, 2011. T. XXI. P. 63–110.

Curta F. The Jägala fibula revisited, or remarks on Werner's class II D // Estonian Journal of Archaeology. 2012a. Vol. 16, 1. P. 26–69.

Curta F."Slavic" Bow Fibulae: Twenty Years of Research // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 2012b. 93. P. 1–108.

Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. — Reinecke Festschrift zum 75. Geburtstag von Paul Reinecke am 25. September 1947 / Ed. G. Behrens, E. Schneider. Mainz, 1950. S. 150–172.

Раннесредневековые погребальные памятники на Карельском перешейке: некоторые результаты текущих исследований

С. В. Бельский *(МАЭ РАН)*

Резюме. Статья посвящена анализу особенностей погребальной обрядности населения Карельского перешейка в X–XI вв. Памятники на этой территории представлены комплексами почти поверхностных трупосожжений. Какие-либо видимые с современной поверхности надмогильные сооружения отсутствуют. Такие особенности затрудняют их выявление, фиксацию и организацию охраны. Погребальная обрядность этого периода обладает локальным своеобразием. Но как явление культуры она может быть помещена в контекст общности бескурганных могильников с кремациями, охватывавшей огромные пространства севера Восточной Европы и восточной Балтики в конце I тыс. н. э. Одновременно результаты текущих исследований позволяют утверждать, что по облику и, очевидно, происхождению материальная культура данного региона являлась западно-финской и находилась под существенным воздействием скандинавской традиции.

Summary. This article presents an analysis of the types of burial rites of the mediaeval population of the Karelian Isthmus in 10th–11th cent. The concerned sites in this territory are represented by complexes of near-surface cremation burials. No above-grave structures visible on the surface are here found. These peculiarities of the rite of the mediaeval population of this region make it very difficult to identify and record them, as well as to organize their protection. The funeral rites of this period has a local identity. But as a cultural phenomenon, it can be treated in the context of community non-mound burials with cremation, which covered vast expanses of North Eastern Europe and Eastern Baltic in the end Ist Millennium AD. The recent data suggests that, judging by their form and perhaps origin, the material culture of the region under consideration was of a West-Finnish character essentially influenced by the Scandinavian tradition.

Ключевые слова: погребальная обрядность, погребальные памятники, материальная культура, эпоха викингов, Карельский перешеек.

Key-words: funerary rites, funerary sites, material culture, Viking Age, Karelian isthmus.

1. Вводные замечания

Проблема происхождения населения, упоминаемого в древнерусских письменных источниках XII–XIV вв. под названием *корела* или производными от него, продолжает дискутироваться в отечественной и зарубежной науке. В связи с поступательным накоплением фактического материала (в археологии

и смежных дисциплинах) она сохраняет актуальность и в наши дни. Как справедливо отметил недавно А. И. Сакса, в решении этой проблемы «первостепенным является вопрос происхождения и истории предшествующего населения основной территории древней Карелии...» (*Сакса*, 2015. С. 227).

Изучение погребальной обрядности населения данного региона уже более столетия упирается в серьезное источниковедческое препятствие — крайнюю немногочисленность и нехватку материала. Достаточно указать, что вплоть до последнего времени здесь имелось всего семь более или менее достоверно реконструируемых комплексов, относящихся к периоду, предшествовавшему появлению могильников с ингумациями (т. е. к XI — началу XIII в.) (*Бельский*, 2014. Рис. 3). Памятников, датируемых более ранним временем, насчитывалось еще меньше. Но даже такая источниковая база позволила сформулировать целый ряд концепций о происхождении и развитии населения в указанный период; разумеется, все они носят достаточно дискуссионный характер (*Кочкуркина*, 1982. С. 5–36; *Сакса*, 2010. С. 41–62; *Nordman*, 1924. S. 96–100; *Uino*, 1997. С. 174–184).

В последние годы количество могильников и/или погребений, совершенных по обряду кремации с сопроводительным инвентарем, как минимум удвоилось по сравнению с предшествующим периодом археологического изучения региона (рис. 1). Новые данные позволили не только уточнить некоторые прежние представления, но и определить принципиально новые направления исследований.

2. Проблема «погребений на каменных вымостках»

Мысль о том, что для погребальной обрядности населения Карелии в железном веке были характерны захоронения на/под *каменными вымостками*, давно и прочно вошла в историографию (*Кочкуркина*, 1982. С. 19; *Сакса*, 2010. С. 75; *Uino*, 1997. P. 52–54). Ее появление связано с открытием А. Европеусом в 1921 г. погребения на участке Наскалинмяки (*Naskalinmäki*) в Лапинлахти (современная дер. Ольховка в Приозерском районе Ленинградской области). По мнению автора раскопок, особенности погребального обряда и состав сопроводительного инвентаря имели здесь отчетливый западно-финляндский облик. Исследователь предположил, что памятник был оставлен переселенцами из области Сатакунта (*Satakunta*), которые не позднее VIII в. начали процесс колонизации Карелии, дав импульс развитию собственно карельской культуры (*Europaeus*, 1923. S. 66–75). Позднее эта гипотеза была поддержана К. А. Нордманом и Э. Кивикоски (*Nordman*, 1924. S. 99; *Kivikoski*, 1944. S. 2–3) и надолго стала господствующей в финляндской историографии. Но важно подчеркнуть: после работ А. Европеуса подобные объекты в рассматриваемом регионе не обнаруживались и не изучались.

Обращает на себя внимание также тот факт, что погребение было совершено не на «вымостке», а под невысокой каменно-земляной насыпью. Она находилась

на поле, в зоне интенсивной аграрной активности (см. фото *Uino*, 1997. Fig. 3: *8, 9*), и по своему облику ничем не отличалась от насыпей, создаваемых при расчистке полей от камней в позднейшее время. Дополнительные сомнения вносят данные радиоуглеродного анализа по углю, собранному, к счастью, А. Европеусом при раскопках памятника. По нему уже в 1990-е гг. была получена дата (Hel-3623): 890 ± 70 BP (кал. 1040–1240 кал. лет н. э.) (*Uino*, 1997. P. 52).

Новое детальное рассмотрение материалов указанного комплекса было осуществлено А. И. Сакса (*Сакса*, 2015. С. 227–244). В частности, он отметил, что погребения под каменной насыпью (как предполагалось в Лапинлахти) распространены в Юго-Западной Финляндии ранее эпохи Меровингов (до VII в.), а за 150–200 лет до того, как было совершено это погребение, там уже преобладали могильники на «каменной вымостке». Характер инвентаря также ставит под сомнение тезис о несомненном «западно-финском» облике памятника (*Сакса*, 2015. С. 235).

Дискуссия могла продолжаться бесконечно по той причине, что памятник до настоящего времени остается единственным изученным объектом предположительно VIII–IX вв. Очевидно, этих данных недостаточно для подтверждения гипотезы о колонизации из Западной Финляндии, на что обращала внимание еще С. И. Кочкуркина (*Кочкуркина*, 1982. С. 17–18). В равной степени их недостаточно для опровержения этой гипотезы.

Однако проблема требует решения. В этой связи обращает на себя внимание ряд более поздних памятников, где удалось зафиксировать черты погребальной обрядности (а не просто произвести сбор отдельных выразительных артефактов). П. Уйно отметила, что «только три памятника во всей Карелии отвечают критериям погребений по обряду кремации, совершенных на “каменной вымостке”» (*Uino*, 1997. P. 52). К ним относятся Куркийоки Лопотти (***Kurkijoki Lopotti***), Куркийоки Кууппала (***Kurkijoki Kuuppala***) и Лапинлахти Хеннонмяки (***Lapinlahti Hennonmäki***). Относительно Лопотти мы располагаем лишь текстовым описанием и набором вещей, бо́льшая часть которых собрана при случайных обстоятельствах. В последних двух случаях помимо описаний имеются отдельные чертежи и фотографии. Кроме того, П. Уйно обратила внимание на мнение Й. Леппяахо, согласно которому каменная «выкладка» в Кууппала вполне может быть остатками фундамента или пола, например, кузницы (*Uino*, 1997. P. 53).

Опыт собственных полевых исследований автора на разных объектах показывает, что если тщательно зачистить и подмести естественную моренную поверхность, то она будет очень похожа на искусственную «вымостку». Таким образом, не исключено, что на самом деле никаких искусственных сооружений из камня при этих комплексах не было. К примеру, П. Уйно опубликовала вполне приемлемого качества фотографии «каменных вымосток», сделанных К. Сойккели в Ляенмяки (*Lääenmäki*) в 1912 г., А. Европеусом в Хеннонмяки (*Hennonmäki*) в 1920 г., Э. Кивикоски в Нуккуталахти (*Nukkutalahti*) в 1938 г. (*Uino*, 1997. Fig. 3: *5, 14, 15*). То, что мы видим на них, представляет собой достаточно небрежно зачищенную моренную поверхность — и не более того.

Результаты исследований, проведенных Приладожской археологической экспедицией МАЭ РАН (Кунсткамера) под руководством автора, позволили прийти к совершенно определенному выводу: на площади памятников, где зафиксированы погребения по обряду кремации, отсутствуют сколько-нибудь очевидные регулярные каменные выкладки, планиграфически или стратиграфически связанные с концентрациями костей или артефактов (рис. 1)[1]. Весьма показательным комплексом в этом ряду является одиночное захоронение Горы 1, открытое в 2015 г. в Приозерском районе Ленинградской области.

3. Погребальный комплекс Горы 1

Весной 2015 г. в распоряжение автора были безвозмездно переданы предметы, найденные в районе пос. Горы (финск. *Unnonkoski*) Приозерского района Ленинградской области (рис. 1: *12*; 2). Находки имели компактное залегание. Это позволило предположить, что они составляют единый комплекс, происходящий, вероятно, из погребения. В него входили:

— три наконечника копий разных типов (рис. 3: *1–3*);

— один целый ладьевидный браслет и фрагмент пластинчатого (рис. 4: *1–2*);

— круглая ажурная фибула со следами термических деформаций (рис. 4: *3*);

— круглая монетовидная привеска с литым орнаментом (рис. 4: *4*).

Учитывая исключительную научную значимость данных находок, а также их компактное залегание, было принято решение произвести разведочные исследования на месте их обнаружения.

Район пос. Горы, расположенный в нижнем течении одного из рукавов озерно-речной системы Вуоксы, недалеко от впадения его в большое озеро Вуокса на северо-востоке Карельского перешейка (рис. 2), чрезвычайно богат находками, относящимися к железному веку и Средневековью (*Uino*, 1997. P. 302, map 29). Однако все они представлены случайными находками, сделанными местными жителями в период до Второй мировой войны в процессе повседневной хозяйственной деятельности. Каких-либо существенных, стационарных археологических исследований в окрестностях поселка не велось. Лишь в 1970-х гг. А. И. Сакса провел здесь серию разведок, в результате которых были открыты средневековые селища (*Сакса*, 2010. С. 219). К сожалению, в последние годы археологические памятники в окрестностях поселка (преимущественно могильники) подверглись масштабному варварскому разграблению. Имеются сведения о том, что в ходе его уничтожено несколько выразительных комплексов эпохи викингов — начала Средневековья. Известны места их расположения, но, к сожалению, археологическое изучение уже не имеет смысла. Публикуемый комплекс, получивший название Горы 1, оказался наименее

[1] Автором подготовлена расширенная публикация памятников, изученных в 2010–2016 гг. В настоящее время она проходит техническую правку.

Рис. 1. Местоположение погребальных памятников, открытых на Карельском перешейке и в Северном Приладожье в 2010–2016 гг.
1 — Лапинлахти Кирконмяки (Lapinlahti Kirkonmäki); 2 — Сянкинмяки (Sänkinmäki); 3 — Пихлаянмяки (Pihlajanmäki); 4 — Ханнукайнен (южный) (Hannukainen (etelä)); 5 — Ристиниеми 1 (Ristiniemi 1); 6 — Кавонсалми Калмистомяки (Kavonsalmi Kalmistomäki); 7 — Кавонсалми Хассинтарха (Kavonsalmi Hassintarha); 8 — Мельничные ручьи 1 (Montrua Kalamaja); 9 — Громово 2 (Sakkola Sakkolanhovi) 2; 10 — Староселье 1 (Keskikylä Murkinakangas); 11 — Свободное 1 (Kirvu); 12 —Горы 1 (Unnonkoski 1); 13 — Соскуа Калманиеми (Soskua Kalmaniemi); 14 — Туркинсалми 3 (Turkinsalmi 3)

Fig. 1. Distribution of cemeteries on the Karelian Isthmus and in the Northern Ladoga lake region discovered in 2010–2016:
1 — Lapinlahti Kirkonmäki; 2 — Sänkinmäki; 3 — Pihlajanmäki; 4 — Hannukainen (etelä); 5 — Ristiniemi 1; 6 — Kavonsalmi Kalmistomäki; 7 — Kavonsalmi Hassintarha; 8 — Melnichnyye Ruchyi (Montrua Kalamaja) 1; 9 — Gromovo (Sakkola Sakkolanhovi) 2; 10 — Starosel'e (Keskikylä Murkinakangas) 1; 11 — Svobodnoe (Kirvu) 1; 12 — Gory (Unnonkoski) 1; 13 — Soskua Kalmaniemi; 14 — Turkinsalmi 3

пострадавшим. В результате сложилась ситуация, позволившая провести стационарные археологические исследования, получить значимые находки и образцы для датирования и в итоге реконструировать обнаруженный памятник.

Указанный комплекс артефактов был обнаружен в 2 км к востоку от пос. Горы, в 0,23 км к западу от западного берега оз. Вуокса, в 0,01 км к югу от грунтовой дороги, идущей на восток от моста в центре пос. Горы к ферме, расположенной на краю большого полуострова, ограниченного заливами Талица, Каменистым и Холмовским озера Вуокса, на территории не существующей сейчас довоенной деревни *Kiisanlahi* (рис. 2).

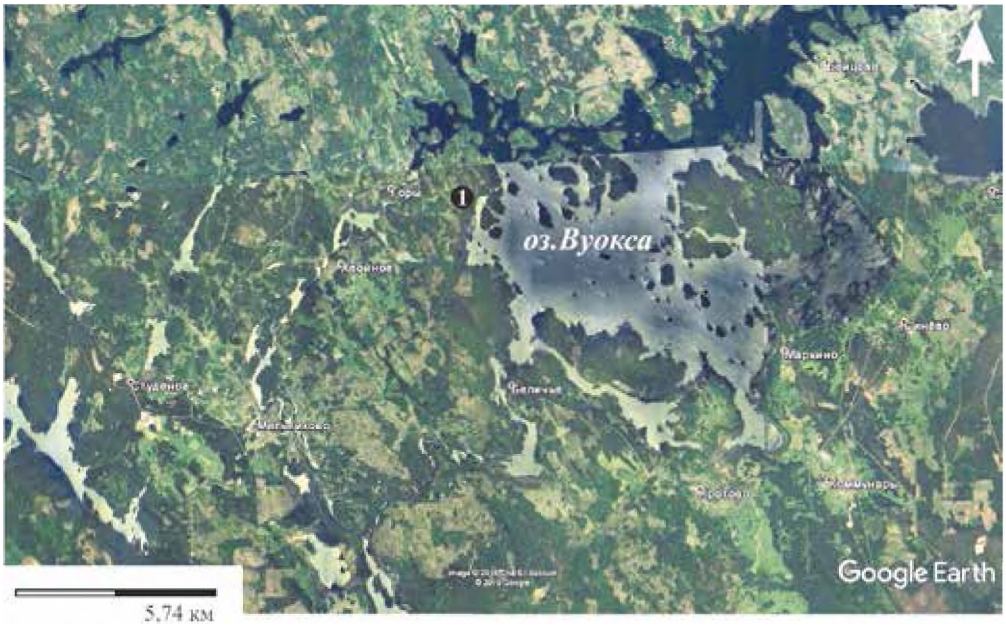

Рис. 2. Местоположение одиночного погребения Горы 1 (Unnonkoski) в нижнем течении Вуоксы
Fig. 2. The location of the "Individual burial" Gory (Unnonkoski) 1 in lower Vuoksi river region

Место находки было локализовано у северного подножия невысокого — не более 3 м над окружающей местностью — каменистого естественного всхолмления, заросшего высокой травой, кустарником и отдельными крупными деревьями, окруженного в настоящее время лугом с высоким травостоем (рис. 5). В центре этого всхолмления присутствуют остатки каменных фундаментов довоенного периода (часть домовладения *Mattila*) и несколько глубоких ям, вероятно, являющихся остатками погребов. По всей видимости, территория использовалась под сад или огород, несмотря на чрезвычайно каменистый характер грунта, о чем свидетельствует растительность — шиповник и заросли иван-чая (*Chamérion angustifólium*), иногда выше человеческого роста.

Артефакты были обнаружены с западной и южной сторон крупного, очень приметного валуна, расположенного у северного склона всхолмления, в 10 м от грунтовой дороги (рис. 6). Высота валуна от современной дневной поверхности составляет максимально 1,8 м; длина его по линии север — юг — 3,5 м, по линии запад — восток — 4 м. Форма камня своеобразна: с юга, востока и запада его боковые поверхности были сравнительно ровными и почти вертикальными. Они сходились друг с другом под острыми углами, образуя выраженные грани. Северная сторона камня — пологая, в верхней части образовывала грань с небольшой, более или менее ровной площадкой. Стоит отметить, что форма валуна была естественной; каких-либо следов обработки его человеком, а также знаков на поверхности камня отмечено не было, несмотря на тщательное обследование.

Еще одним важным элементом комплекса оказалась часть скалы, примыкающая к основанию валуна с юго-запада. До начала раскопок ее вершина возвышалась над уровнем современной дневной поверхности максимально на 0,4 м. Между ней и основанием валуна была заметна естественная узкая расщелина длиной более 1 м (в направлении северо-запад — юго-восток) и шириной 0,2–0,4 м (у юго-восточного края).

Узкий и длинный наконечник копья (рис. 3: *1*) был обнаружен в 0,5 м к юго-востоку от валуна, на минимальной глубине, непосредственно под дерном, в узкой расщелине между двумя скальными выходами (рис. 7: *3*). Два ланцетовидных наконечника (рис. 3: *2, 3*) найдены в 1,2 м к северо-западу от предыдущего, рядом друг с другом, также в 0,5 м к востоку от валуна (рис. 7: *1, 2*).

Южная сторона валуна, обратная по отношению к грунтовой дороге, являлась почти вертикальной и наиболее высокой — 1,8 м от современной дневной поверхности. Именно с этой стороны у подножия камня на глубине около 20–25 см от современной поверхности были обнаружены перечисленные выше предметы из бронзы: литой ладьевидный массивный браслет (рис. 4: *1*; 7: *4*), обломок пластинчатого браслета (рис. 4: *2*; 7: *6*); на некотором отдалении — круглая ажурная фибула (рис. 4: *3*; 7: *5*) и монетовидная привеска с литым рельефным орнаментом (рис. 4: *4*; 7: *7*).

Для изучения выявленного объекта у южной, вертикальной грани валуна был заложен раскоп так, чтобы площадь его охватывала все места находок (рис. 5, 7). До начала земляных работ размеченная площадка (10 кв. м) была покрыта луговой растительностью и мелким кустарником. В центральной и южной частях ее виднелись вершины отдельных крупных валунов. Раскоп был ориентирован по сторонам света.

После снятия дерна выяснилось, что здесь присутствуют моренные отложения, насыщенные камнями и гравием, или сплошной горизонт камня почти без примеси рыхлых отложений, перемежаемый скальными выходами. Фактически на большей части раскопа отсутствовал почвенный горизонт как таковой. Поэтому глубина раскопа в западной и восточной частях оказалась минимальной — от 0,2 до 0,4 м на самых пониженных участках. В процессе работ, там, где это было возможно, камни удалялись с целью проверки, не перемещены ли они

Рис. 3. Одиночное погребение *Горы* 1 (*Unnonkoski*). Находки: *1–3: железо*
Fig. 3. The "Individual burial" *Gory* 1 (*Unnonkoski*). Assemblage of artefacts: *1–3: iron*

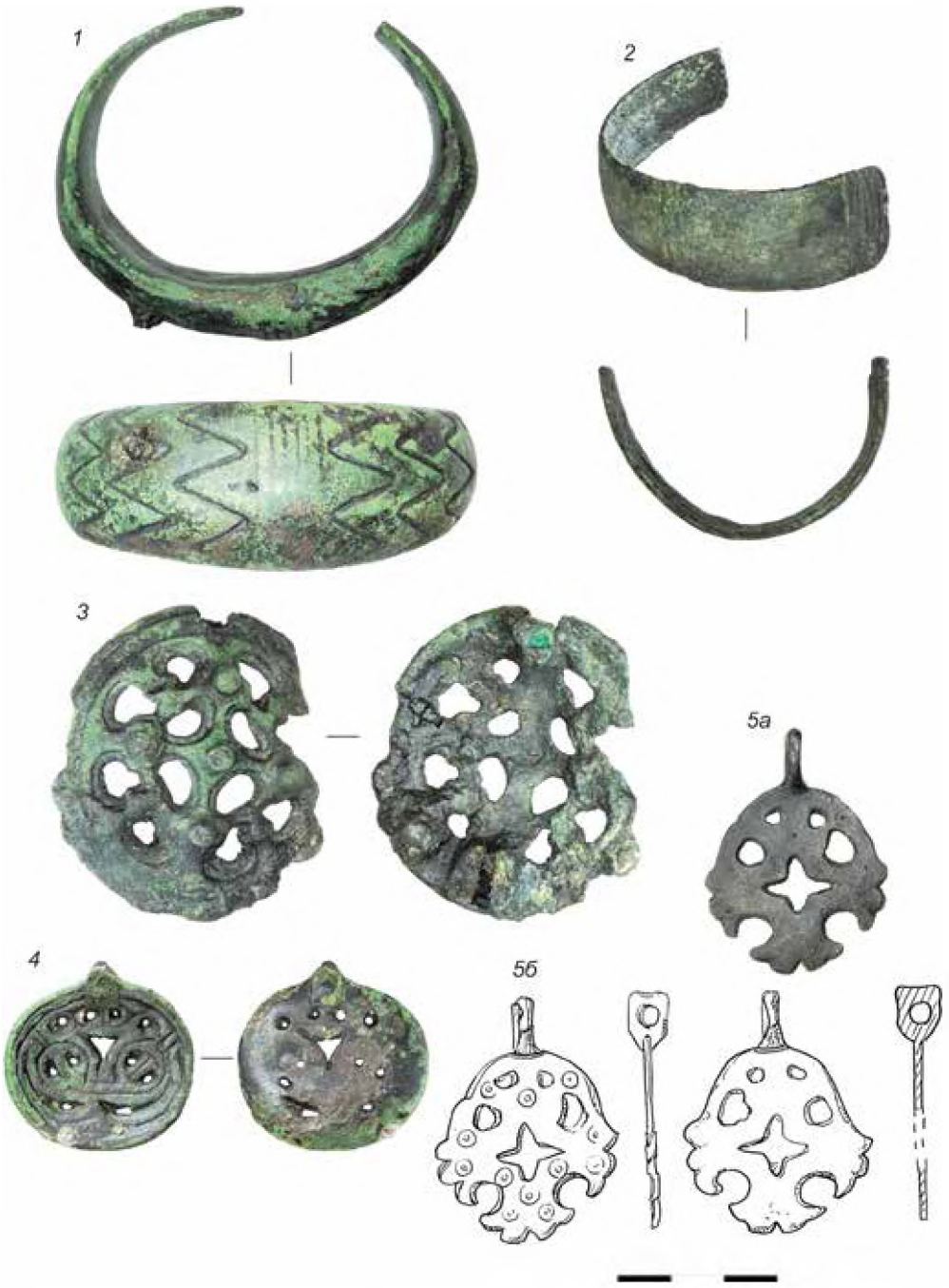

Рис. 4. Одиночное погребение *Горы* 1 (*Unnonkoski*). Находки: *1–4, 5а, 5б — бронза*
Fig. 4. The "Individual burial" *Gory* 1 (*Unnonkoski*). Assemblage of artefacts: *1–4, 5а, 5б — bronze*

сюда в процессе деятельности человека? В большинстве случаев, однако, они залегали в материке или заполняли собой естественные расщелины скал.

Вероятнее всего, три наконечника копий, обнаруженные в западной – юго-западной частях раскопа, были вонзены с поверхности, без удаления грунта. Каких-либо связанных с ними структур, а также костей или угля обнаружить не удалось. Косвенно в пользу данного предположения свидетельствует то, что самый длинный наконечник был сильно погнут (рис. 3: *1*). Последнее, возможно, являлось следствием сильного удара о твердую гранитную скалу,

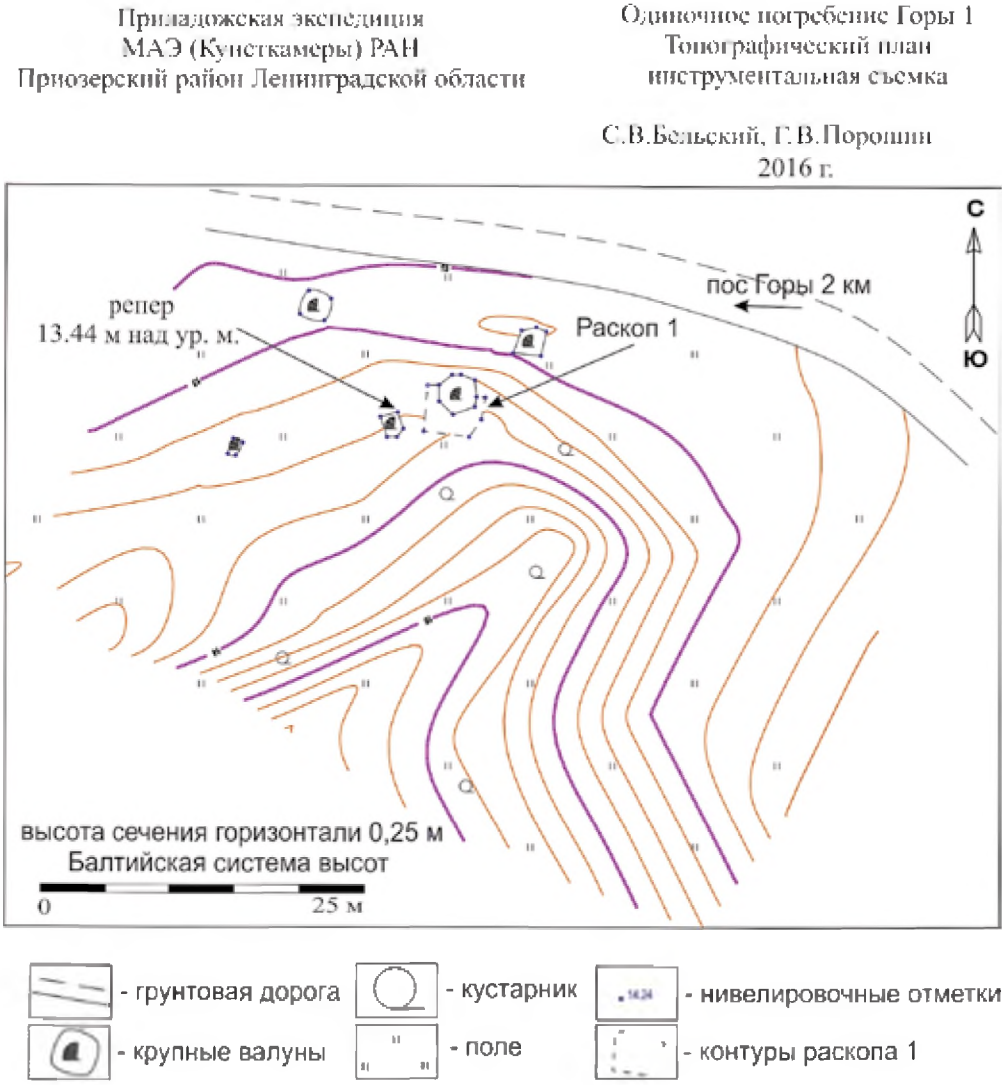

Рис. 5. Одиночное погребение *Горы* 1 (*Unnonkoski*). Топографический план
Fig. 5. The "Individual burial" *Gory* 1 (*Unnonkoski*). Topographic map

в расщелине которой он и был обнаружен. Учитывая ближайшие аналогии подобным находкам (погребение Пихлаянмяки 1 и многочисленные памятники в Финляндии), можно предположить существование ритуалов порчи оружия, в частности вонзание его с поверхности после совершения захоронения и т. п.

В центральной части раскопа площадь немногим более 3 кв. м оказалась почти лишенной камней (рис. 7). Здесь, по-видимому, была специально расчищена от камней небольшая площадка и сделано искусственное понижение поверхности у основания крупного валуна («могильная яма»), где и было совершено захоронение. На данном участке присутствовал горизонт рыхлых отложений (условный *горизонт 1*), представлявший собой слой гумусированной супеси с примесью большого числа камней и гравия мощностью 0,2–0,3 м.

Из этого горизонта происходит целый ряд примечательных находок. С южной стороны скального выхода, в небольшом углублении, образовавшемся, вероятно, вследствие удаления камня, обнаружена несожженная бедренная кость крупного животного, вероятно, коровы (рис. 7)[2]. К сожалению, надежда, что эта находка представляла собой остатки древней тризны, не оправдалась. По образцу кости была получена радиоуглеродная дата, показавшая XIX в.: 157 ± 30 BP (Ua-55758). Очевидно, территория памятника подверглась большему воздействию позднейшей хозяйственной активности, чем казалось до начала раскопок.

Тем не менее к северу от проксимального края кости животного, на том же уровне, находилась половинка глазчатой бусины белого непрозрачного стекла с тремя рельефными черными глазками с красными, черными и белыми «ресничками» (рис. 7: *14*; 8: *6*). В этом же горизонте была найдена целая глазчатая бусина желтого стекла с шестью рельефными глазками белого цвета с красными и белыми «ресничками» (рис. 7: *12*; 8: *4*). Рядом с ней, к северу — фрагмент спиральки из бронзы (рис. 7: *11*; 8: *2*). Кроме того, из того же горизонта происходит половинка глазчатой бусины черного непрозрачного стекла с двумя рельефными глазками зеленоватого цвета с красными и белыми «ресничками» (рис. 7: *13*; 8: *5*); глазки заключены в «петли» белого непрозрачного стекла. При просеивании грунта были обнаружены еще две половинки глазчатой бусины красного непрозрачного стекла (рис. 8: *8*) (склеены при реставрации). Следует обратить внимание, что бусины не имели следов термического воздействия.

Наиболее примечательным и информативным участком раскопа оказалась зона, примыкающая к южной вертикальной стенке центрального валуна. Здесь или в непосредственной близости от нее были сделаны наиболее выразительные находки изделий из бронзы, упоминавшиеся выше. Локализация указанных изделий в непосредственной близости между собой заставляет предполагать наличие на данном участке частично поврежденного погребения.

---

[2] Остеологический анализ находок костей из публикуемого памятника и других, открытых автором за последние годы, произведен Анне Мари Лира (Anne-Mari Liira), Университет Турку (Финляндия). В настоящее время готовится расширенная публикация его результатов.

Структура, которую можно связать с погребением, зафиксирована в виде слабо выраженного, темного и рыхлого пятна гумусированной супеси размерами приблизительно 1,1 м по линии запад — восток и 0,35 м по линии север — юг, расчищенного непосредственно под дерном (рис. 7). Его границы выражены нечетко в силу большого числа плотно прилегающих друг к другу камней — заполнения «могильной ямы». С севера пятно было ограничено вертикальной поверхностью крупного центрального валуна. Причем по мере углубления угол наклона его южной грани относительно поверхности материка становился острым. Иными словами, над углублением, в котором было совершено погребение, находилась естественная поверхность валуна, образуя навес.

При расчистке заполнения было собрано 9 мелких фрагментов костей животных, также свидетельствующих о позднейших повреждениях поверхности. Но ниже, на глубине 0,25 м от современной поверхности, были собраны несколько мелких неопределимых фрагментов кальцинированных костей. Поэтому данный объект «погребением» назвать можно лишь с определенной долей условности. На мой взгляд, к нему ввиду его особенностей применим шире трактуемый термин «погребальный комплекс». Очень небольшое количество кальцинированных костей, явно меньшее, чем должно было бы остаться после совершения трупосожжения, которое во всех известных пока случаях совершалось на стороне, является типичной чертой для карельских могильников железного века — начала Средневековья. Кроме того, необходимо еще раз оговорить, что на данном участке отложения были сильно нарушены при извлечении бронзовых артефактов. Каких-либо других находок при расчистке заполнения обнаружено не было, однако в придонной части были собраны образцы древесного угля, пригодные для датирования.

Особенно примечательным оказался западный край данной структуры. Выше уже была описана скала или крупный валун, поверхность которого несколько возвышалась над уровнем современной поверхности до начала раскопок (рис. 6). Между ним и центральным крупным валуном с поверхности прослеживалась щель шириной 0,2–0,4 м. В процессе расчистки было выяснено, что она заполнена мешаной гумусированной супесью, не являвшейся материком. После ее расчистки была выявлена естественная расщелина с узким верхним промежутком и с относительно широким — 0,5–0,6 м — основанием (рис. 7). При этом она была открыта на северо-западном и юго-восточном краях, образовывая своего рода «входы», достаточно широкие для того, чтобы можно было просунуть руку. Расчищать это, достаточно замкнутое пространство было крайне затруднительно. Дополнительную сложность создавали достаточно мощные корни травянистых растений.

У северо-восточного края — «входа» данной расщелины, уже внутри ее, на материковой поверхности была обнаружена глазчатая бусина желтого непрозрачного стекла, деформированная, имеющая следы термического воздействия (рис. 7: *15*; 8: *7*).

Рис. 6. Одиночное погребение *Горы* 1 (*Unnonkoski*). Вид на место раскопок до начала работ. Вид с юга

Fig. 6. The "Individual burial" *Gory* 1 (*Unnonkoski*). The view to the excavation area before field-work. View from the south

С противоположного края, внутри расщелины, под скальным «навесом», на материковой поверхности были найдены:

- уникальная для Карелии бронзовая, подовальная привеска с фестончатыми краями и крестовидным отверстием в центре (рис. 3: *5а, б*);
- сильно корродированный железный нож (рис. 8: *3*);
- пластинчатое железное кресало (рис. 8: *1*).

Таким образом, мешаный характер грунта в заполнении расщелины, его темный цвет и, главное, обнаружение артефактов подтверждают предположение о том, что данный естественный объект был использован при погребально-поминальных ритуалах в процессе совершения захоронения или непосредственно после него. Следует отметить, что ни костей, ни угля здесь обнаружено не было.

4. Хронология комплекса Горы 1

Хронологию отрытого комплекса позволяет определить типологический состав находок. Некоторые уточнения могут внести результаты радиоуглеродного датирования.

Рис. 7. Одиночное погребение *Горы* 1 (*Unnonkoski*). План поверхности по уровню гор. 1
Fig. 7. The “Individual burial” *Gory* 1 (*Unnonkoski*). Plan of the site. Horizon 1

1. Наконечник копья 1 (рис. 3: *1*) сходен по форме пера и втулки с типом К по типологии Я. Петерсена (*Петерсен*, 2005, С. 64, 65. Рис. 20). В рассматриваемом регионе известны 4 находки таких наконечников (КМ[3] 2489 : 223; 3310 : 28; 9415 : 34; 10721), происходящие с мест крупных могильников: Ряйсяля Раммансаари (*Räisälä Rammansaari*), а также уже упоминавшийся комплекс Наскалинмяки (*Naskalinmäki*) — на Карельском перешейке, Куркийоки Кууппала (*Kurkijoki Kuuppala*) — в Северо-западном Приладожье. Особняком в этом ряду стоит находка такого наконечника (КМ 2489:223) в могиле 1/1886 в могильнике Коверила Кекомякти (*Koverila Kekomaki*). Это коллективное захоронение в совокупности датировано 1250–1310 гг. (*Бельский*, 2014. С. 328. Табл. 2: *11–13*), в результате чего возникает противоречие в хронологии. Учитывая указанную находку, П. Уйно справедливо отметила, что, вероятно, этот тип бытовал в Карелии и в XII–XIII вв. (*Uino*, 1997. P. 233).

Я. Петерсен отмечал, что наконечники копий типа К следует отнести к позднему периоду эпохи викингов. Новейшие исследования позволяют несколько скорректировать их хронологию. Он встречается в комплексах ряда могильников материковой Швеции, относимых Ф. Андрощуком к позднему периоду Бирки, соотносимому с фазой 2 среднего периода эпохи викингов (900–975 гг.) (*Андрощук*, 2013. С. 142, 148, 158. Табл. VI.4). Безусловно, соотношение североевропейской, восточноевропейской и «карельской» как «транзитного» региона хронологий в приложении к определенным типам артефактов — значительная проблема, требующая специального исследования.

2. Наконечники копий 2–3 (рис. 3: *2, 3*) могут быть отнесены к позднему варианту типа Е (с удлиненной втулкой) по Я. Петерсену (*Петерсен*, 2005. С. 60). По материалам могильников Готланда Л. Тунмарк-Нулен датировала разновидность наконечников с удлиненной втулкой временем до XII в. (*Thunmark-Nylén*, 2006. S. 305). А. Н. Кирпичников отмечал, что позднейшие ланцетовидные наконечники найдены в ленинградских и белорусских курганах и относятся примерно к первой половине XI в. (*Кирпичников*, 1966. Рис. 1: *I*. С. 15). Следует отметить, что они также входят в комплекс древностей, специфичный для пограничных территорий Новгородской земли. Анализируя этот специфичный набор вещей, Ю. М. Лесман предложил их датировку временем до начала XII в. или даже всей его первой трети включительно (*Лесман*, 2011. С. 412).

3. Браслет с гравированным волнистым орнаментом (рис. 4: *1*) относится к большой группе узкомассивных литых браслетов, широко распространенной в памятниках Северо-Запада России, Прибалтики и Финляндии (*Седова*, 1981. С. 103; *Кочкуркина*, 1989. С. 266–267. Рис. 84: *1, 3*). Данный экземпляр следует отнести к группе II1b1 по Коркеакоски-Вясянен (*Korkeakoski-Väsänen*, 1981. S. 34, 35). Следует обратить внимание, что район Уннонкоски богат именно находками браслетов, что выделяет его среди других микрорегионов Карельского перешейка (*Nordman*, 1924. S. 120–121. Fig. 99, 100). В частности,

[3] Здесь и далее аббревиатура КМ означает Kansallismuseo — Национальный музей (Хельсинки, Финляндия), где хранятся указанные находки.

в дер. Kiisanlahti — в той же, где был изучен комплекс Горы 1, был найден схожий браслет (*Schwindt,* 1893. S. 97. Kuv. 508). Но эта находка имеет более плавный литой рельефный орнамент. Не исключено, что где-то в этих местах был центр производства таких украшений.

А. И. Сакса высказал мнение, что браслеты, у которых волна переходит в ломаную угловатую линию, представляют местный вариант и датируются, вероятно, X — началом XI в. (*Сакса,* 2010. С. 73). Относительно рассматриваемой группы браслетов с орнаментом «вертикальная змейка» Ю. М. Лесман отмечал, что она связана своим происхождением с одной из групп скандинавских ладьевидных браслетов. Массивные литые изделия с таким орнаментом оказались, по-видимому, столь популярны на Востоке, что появились разнообразные им подражания. На части экземпляров криволинейная «змейка» заменяется более простым ломаным зигзагом, переданным врезной линией. Такое упрощение орнамента могло появиться и в Приладожье, где оно представлено на ладьевидных браслетах традиционной для Скандинавии формы. Их появление исследователь отнес ко времени не ранее начала XI в. (*Лесман,* 2014. С. 60).

4. Фибула круглая ажурная (рис. 4: *3*). Прямой аналогией рассматриваемому изделию является находка из Руоколахти (*Ruokolahti*) в Южном Саво, опубликованная К. А. Нордманом (*Nordman,* 1924. S. 129–130. Fig. 107). Исследователь предполагал, что изделие может быть определено как самостоятельный тип и датировано IX — началом XI в. Сейчас очевидно, что эта датировка слишком широка и никак не обоснована. Прямые аналогии ажурной фибуле из комплекса Горы 1 имеют две находки из могильника с кремациями Староселье 1, обнаруженного в начале 2010-х гг. в Выборгском районе Ленинградской области (рис. 9: *2, 3*). Одно из этих изделий сплавлено с равноплечной фибулой (предположительно группы 7 по Э. Кивикоски). Поэтому не вызывает сомнений, что подобные изделия бытовали и на протяжении XI в. либо здесь имеет место ее раритетное использование. Общая хронология могильника Староселье 1 не противоречит этой датировке. Таким образом, обнаружение такой фибулы в комплексе Горы 1 свидетельствует о существовании серии подобных изделий, т. е. речь может идти о выделении их в самостоятельный тип.

5. Привеска монетовидная (рис. 4: *4*). Схожее изделие входит в состав комплекса женского погребения Тонтинмяки 5:2/1888, еще одна обнаружена на площади могильника Кюлялахти (происходит, вероятно, из разрушенного трупосожжения) (*Schwindt,* 1893. Kuv. 274; *Бельский,* 2012. Рис. 125–11). Кроме того, подобное украшение найдено при раскопках в крепости Корела в 1990 г., в слоях XIII в. и «кургана» в Хелюля (*Сакса,* 2010. Рис. 72: *9*; *Kivikoski,* 1944. S. 5–7). Известна и одна случайная находка у оз. Купова в районе пос. Сосново, происходящая, возможно, из разрушенного пахотой могильника. Последнее изделие было передано автором в 2005 г. в фонды Государственного музея-крепости «Корела».

Наибольшее количество подобных привесок обнаружено в Финляндии, преимущественно в области Сатакунта (*Satakunta*), где они известны с X в.

(*Huurre*, 1983. S. 360–361). Вероятно, концентрация находок в указанном регионе дает основания предполагать их прибалтийское происхождение. По мнению финляндских исследователей, подвеска из погребения Тонтинмяки 5: 2/1888 относится к позднему варианту, продолжающему линию развития подобных изделий (*Kivikoski*, 1973. S. 107. Abb. 781; *Huurre*, 1983. S. 360–361). Я. Петерсен при публикации типологически близкого изделия, найденного в Норвегии, отметил, что они распространены с XI в. (*Petersen*, 1928. S. 143, 146–148. Fig. 174). Подобная привеска найдена в кургане № 14 могильника Новосельск в юго-восточном Приладожье (*Кочкуркина*, 1989. С. 65–66. Рис. 83: *17*), относящегося к поздним этапам существования курганных могильников в данном регионе. С. И. Кочкуркина датировала этот комплекс XI в., О. И. Богуславский — временем после 1070-х гг., Ю. М. Лесман — временем до 1197 г. (*Кочкуркина*, 1989. С. 66; *Богуславский*, 1991. С. 112; *Лесман*, 1996. С. 63. Прил. 1). Таким образом, время наибольшего распространения данных изделий может быть определено XI–XII вв., при том что некоторые экземпляры могли бытовать и позднее.

6. Привеска с фестончатыми краями и крестовидным отверстием в центре (рис. 3: *5а, б*) обнаружена впервые в памятниках Карелии. Изделие находит аналогии в могильниках Юго-Западной Финляндии (*Kivikoski*, 1973. S. 107. Abb. 786). Стилистически оно схоже с привесками, завершающими комплекс нагрудных украшений, наиболее выразительные экземпляры которых известны в могильнике Луистари (*Lehtosalo-Hilander*, 1982a. Plate 15-f; 1982b. Fig. 34). Финляндские изделия датированы первой половиной XI в. Схожие украшения известны в Латвии и Эстонии, но, как отметила П. Л. Лехтосало-Хиландер, там имеют более позднюю датировку (*Lehtosalo-Hilander*, 1982b. P. 117).

7. Железное кресало в виде пластины трапециевидной формы с концом, загнутым петлей в плоскости, перпендикулярной пластине (рис. 8: *1*). Аналогии изделию известны на широкой территории от Псковской области и Нижнего Поволховья до Белозерья и Ярославского Поволжья (*Михайлова*, 2014а. С. 136, 137). Согласно сводке Е. Р. Михайловой, наиболее поздний экземпляр известен в могильнике Минино II на Кубенском озере, где датирован второй-третьей четвертью XI в.

8. Бусы глазчатые с рельефными глазками (рис. 8: *4–8*). Бусам рассматриваемого типа Ю. М. Лесман посвятил отдельное исследование (*Лесман*, 2009. С. 244–262). Новый учет новгородских находок позволил автору расширить интервал бытования типа до первой трети XII в. (точнее до 1134 г.), а не исключено, что и до первой трети XIII в. (точнее, до 1238 г.), хотя время их относительно массового бытования ограничивается 24 ярусом (до 1055 г.). В слоях середины X — середины XI в. в Новгороде найдены две трети (18 из 27) рассматриваемых бус. По мнению Ю. М. Лесмана, сравнительная малочисленность находок в более поздних ярусах, скорее всего, свидетельствует о том, что поступление таких бус в Новгород прекратилось около середины XI в., но еще некоторое время они

Рис. 8. Одиночное погребение *Горы* 1. Находки: *1, 3 — железо; 2 — бронза; 4–8 — стекло*
Fig. 8. The "Individual burial" *Gory* 1 *(Unnonkoski)*. Assemblage of artefacts: *1, 3 — iron; 2 — bronze; 4–8 — glass*

сохранялись в быту, а возможно (благодаря крупным размерам и броскости декора), оказывались и во вторичном или раритетном использовании.

Таким образом, по типологическому составу инвентаря комплекс Горы 1 может быть датирован первой половиной XI в. с вероятным расширением нижней хронологической границы до конца X в.

Итак, реконструировать процесс формирования всего комплекса можно следующим образом: по всей видимости, после выбора места захоронения возле валуна была расчищена от камней небольшая площадка и сделано углубление под основание валуна. Возможно, одновременно с этим была расчищена от рыхлых отложений расщелина как продолжение «могильной ямы» между валуном и скалой. Расщелина стала вместилищем целого ряда артефактов. Далее в понижение или углубление были помещены кальцинированные кости и вещи. К сожалению, необходимо повториться, что некоторые бронзовые предметы были извлечены до начала работ, поэтому точное их местоположение в слое и относительно друг друга не совсем понятно. На завершающем этапе вся структура была вновь засыпана камнями и грунтом, извлеченным во время ее создания. Все совершилось в один этап: каких-либо следов последующего, более позднего вмешательства не зафиксировано.

Памятник можно отнести к отчетливо проявившейся в исследованиях последних лет группе *индивидуальных погребений по обряду кремации*.

5. Проблема индивидуальных или парных погребений по обряду кремации

До настоящего времени данная группа как самостоятельное явление в археологии Карелии эпохи Средневековья в историографии не выделялась, несмотря на то что отдельные объекты были известны. Например, к этой группе можно отнести комплекс из Нукутталахти (*Nukuttalahti*), обнаруженный на острове Риеккалансаари (*Riekkalansaari*) у г. Сортавала, датируемый VI в. (*Uino*, 1997. P. 328, 329). А. И. Сакса также отмечал, что в первую половину эпохи викингов (IX – первая половина X в.) памятники представлены одиночными воинскими погребениями и отдельными случайными находками предметов вооружения и украшений. К ним исследователь отнес Куркийоки Лопотти (*Kurkijoki Lopotti*), Валкярви Уосуккала (*Valkjärvi Uosukkala*) и Юля-Кууса (*Ylä-Kuusa*) (*Сакса*, 2010. С. 75). Следует отметить вновь, что указанные комплексы представляют собой сборы вещей, имевших относительно компактное залегание.

Результаты современных исследований свидетельствуют, что в более поздний период отдельные погребения, содержащие большое количество сопроводительного инвентаря, но не формирующие могильников, распространены на изучаемой территории достаточно широко. Важно подчеркнуть, что такая

погребальная практика существовала синхронно с относительно большими некрополями, а в дальнейшем — с кладбищами, где погребались несожженные тела умерших. Чаще всего они представляют собой захоронения, совершенные в неглубоких ямах или на древней поверхности, общей площадью не более 2 кв. м. При этом, как и в случае с большими могильниками с рассыпными кремациями, отдельные вещи могут находиться вне погребений.

Важно отметить, что часть этих комплексов содержит изделия, характерные для грунтовых могильников с ингумациями XIII в.: овально-выпуклые фибулы, цепедержатели, копоушки, топоры и копья «поздних» типов. Ранее уже высказывалась идея о том, что часть средневекового населения региона даже в XIII в. продолжала практиковать более архаичную погребальную обрядность — грунтовые кремации, синхронные по времени с кладбищами, где погребали несожженные тела умерших (*Бельский*, 2013. С. 22). А. И. Сакса предполагал, что традиции погребальной обрядности эпохи викингов, прежде всего обряд трупосожжения, продолжались до начала или середины XII в. (*Сакса*, 2010. С. 285). Современные данные, в том числе радиоуглеродные датировки (Пихлаянмяки 1), позволяют омолодить подобные объекты еще как минимум на столетие (*Belskiy, Laakso*, 2016. Fig. 9).

Новые материалы свидетельствуют о сложении и длительном существовании на Карельском перешейке и в Северном Приладожье погребальной традиции единичных погребений, не формирующих крупных могильников. С XIII в. зафиксировано сосуществование нескольких погребальных практик. Это обстоятельство, выявленное в ходе исследований последних лет, требует определенного объяснения или интерпретации.

6. Материальная культура: общая характеристика

В составе вещевого комплекса изученных в последние годы кремаций присутствуют схожие черты. Это наличие большого количество предметов вооружения. Они представлены преимущественно широко распространенными в Восточно-балтийском регионе изделиями: мечами поздних типов, наконечниками копий типов Я. Петерсен E, M, G, топорами типа Я. Петерсен M и его вариантами. Для последних двух категорий изделий не исключено местное производство. Наконечники стрел также представлены широко распространенными формами. Характерно наличие в ряде памятников ножей с толстым обушком, что свидетельствует о долгом присутствии в Карелии североевропейских кузнечных традиций.

Не менее показательным является комплекс украшений. Распространение получают разные группы фибул (рис. 9; 10: *2*), браслеты (рис. 4: *1, 2*), привески (рис. 4: *4, 5*). Важно отметить, что в комплексах присутствуют не только

Рис. 9. Могильник Староселье 1 (*Keskikylä Murkinakangas*). Находки: *1–5 — бронза*
Fig. 9. Staroselye 1 burial site (*Keskikylä Murkinakangas*).
Assemblage of artefacts: *1–5 — bronze*

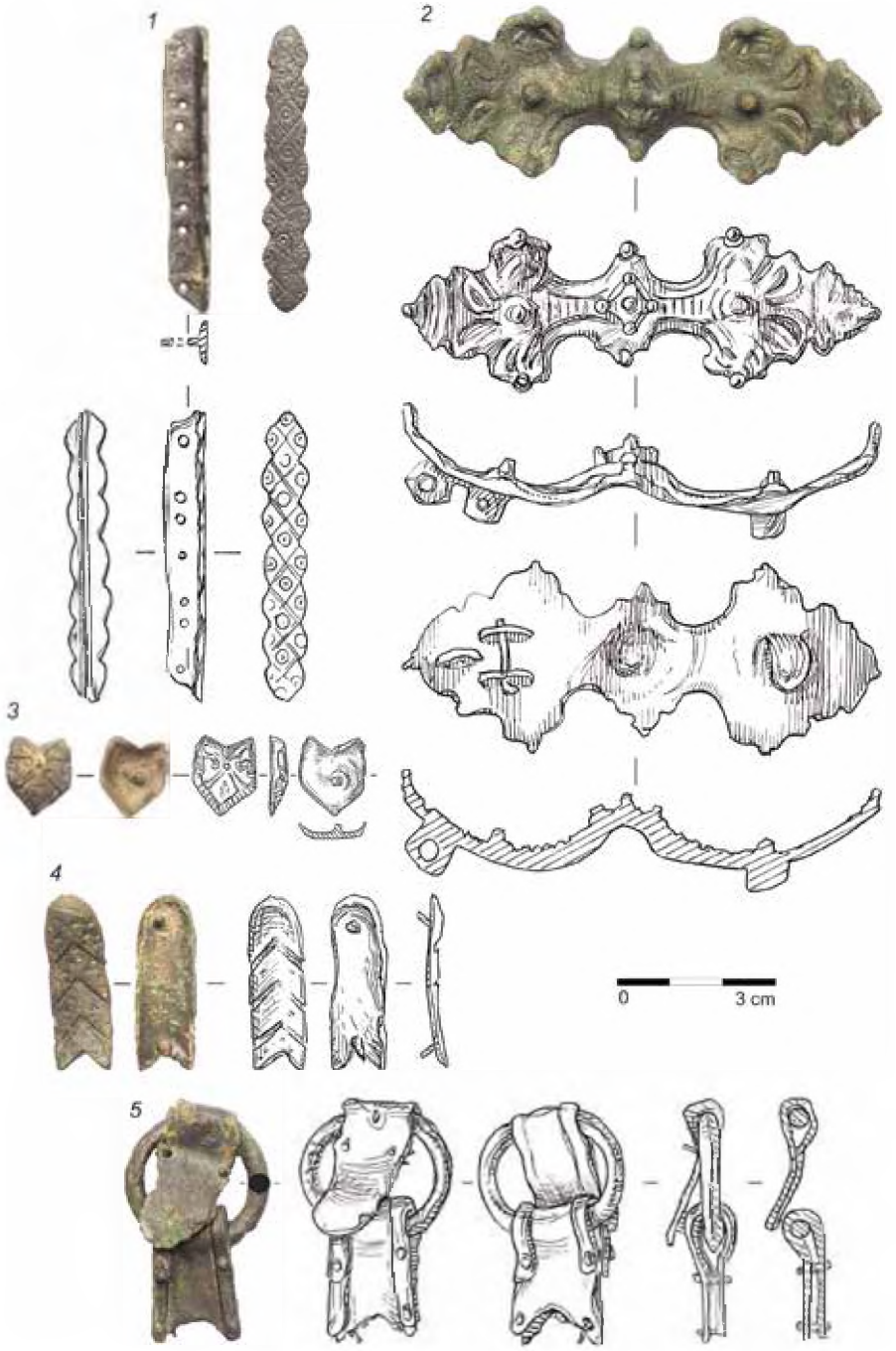

Рис. 10. Могильник Ристиниеми 1. Находки: *1–5 — бронза*
Fig. 10. Ristiniemi 1 burial site. Assemblage of artefacts: *1–5 — bronze*

прямые скандинавские импорты, но и изделия, в которых проявляются следы адаптации к местным «вкусам» по терминологии А. И. Сакса. Этот процесс проявился в орнаменте и форме особенно популярных равноплечных фибул (рис. 10: *2*), в основе которых лежат скандинавские образцы типа Я. Петерсен figg. 67–69 (*Petersen*, 1928. S. 93), овально-выпуклых фибул, восходящих к типам Я. Петерсен fig. 48 и 55 (рис. 9: *1*), круглых ажурных фибул (рис. 9: *2, 3*), массивных литых браслетов и других групп изделий.

Новые материалы позволяют сделать вывод, что указанный процесс уже отчетливо проявляется в материалах XI в. (более вероятно, со второй половины этого столетия). Находки из могильников Староселье 1 (рис. 9), Ристиниеми 1 (рис. 10), Мельничные Ручьи 1 подтверждают его.

Кроме того, само появление местных «дериватов» скандинавских украшений показывает включение региона в систему трансъевропейских торговых связей поздней эпохи викингов. Кроме того, ряд вещевых находок: нумизматический комплекс из Ристиниеми (*Бельский, Горлов, Лемберг*, 2016. С. 297–304), бронзовые детали поясной гарнитуры (рис. 10: *3–5*), разделитель ожерелья (рис. 10: *1*), различные типы бус находят прямые аналогии на обширных территориях Балтийского региона, в частности Готланда, а также Новгородской земли.

7. Выводы

Материальная культура раннесредневековых карельских могильников с кремациями демонстрирует наиболее тесные связи с регионами Варсинайс-Суоми (*Värsinäis-Suomi*) и Сатакунта (*Satakunta*) (Юго-Западная Финляндия). Изучение культурных взаимосвязей между этими областями имеет обширную историографию (обзор см. Uino, 1997. P. 174–179). В материалах открытых памятников присутствует ряд находок, которые считаются центрально-западнофинскими по происхождению. Это фибулы с гранеными головками (рис. 9: *4, 5*), крупные равноплечные фибулы (рис. 10: *2*), литые монетовидные привески (рис. 4: *4, 5*). Кроме того, следует отметить ряд находок, имеющих аналогии в Карелии и в Юго-Западной Финляндии, но неизвестных в районе между ними. К ним относятся мечи типа Я. Петерсен Z, кольцевидные булавки, «геральдические» наборные пояса (рис. 10: *3–5*), разделители ожерелий (рис. 10: *1*), литые монетовидные привески (рис. 4: *5*), инкрустированное оружие. Таким образом, по облику и, очевидно, происхождению, материальная культура изучаемого региона являлась западно-финской, при существенном воздействии скандинавских образцов.

В свою очередь, описанная погребальная обрядность может рассматриваться как локальный вариант традиции, охватывавшей обширные пространства севера Восточной Европы, и в частности восточного побережья Балтики. Например, в настоящее время на Ижорском плато, в Причудье и Понаровье выявлена целая серия объектов такого типа, что позволило И. В. Стасюку выделить круг (горизонт, пласт) памятников Залахтовье — Ратчино (*Стасюк*, 2017.

С. 125–126). Для них характерны грунтовые погребения по обряду трупосожжения и специфический комплекс вооружения и женских украшений (*Стасюк*, 2011. С. 227–229). Указанные черты в значительной части находят прямые аналогии в синхронных материалах погребальных памятников Карелии. Следует также обратить внимание, что Е. Р. Михайлова, анализируя материалы бескурганных могильников близ Которского погоста (верхняя Плюсса), отмечала, что *могильники с рассыпными кремациями* второй пол. I — нач. II тыс. н. э. стали известны в последние годы на огромной территории вплоть до Белозерья и Верхней Волги. Исследовательница предположила, что поверхностные захоронения сожженных останков — очень древняя погребальная традиция, существовавшая во всей лесной зоне Восточной Европы и вытесненная в конечном счете только православными похоронными ритуалами (*Михайлова*, 2014б. С. 332). Это же явление характерно и для Карелии. Погребальная обрядность и особенности материальной культуры относят регион к выделяемой Е. Р. Михайловой «прибрежной» культурной зоне или «миру» (*Михайлова*, 2016. С. 21).

Представляется, что в свете представленных в настоящей публикации новых данных сходные по погребальной обрядности и вещевому комплексу памятники, достаточно далеко расположенные друг от друга, можно поместить в единый культурный контекст. Эта тема открывает новые перспективы в изучении формирования культуры Древней Руси и сопредельных регионов и требует отдельного специального исследования.

Литература

Андрощук Ф. Мечи викингов. Киев, 2013. 712 с.

Бельский С. В. Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье. Результаты археологических исследований 2006–2009 годов. СПб., 2012. 238 с.

Бельский С. В. Погребальные памятники Карельского перешейка и Северного Приладожья XI — XV вв. (хронология вещевых комплексов). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2013. 26 с.

Бельский С. В. Хронология погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. // Stratum Plus. 2014. № 5. С. 317–332.

Бельский С. В., Горлов К. В., Лемберг Е. М. Новый нумизматический материал из погребения в могильнике Ристиниеми 1 (Северо-Западное Приладожье, Республика Карелия) // Stratum Plus. 2016. № 6. С. 297–304.

Богуславский О. И. К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX–XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 99–114 (Археологические изыскания, вып. 3).

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1–36. М.; Л.: Наука, 1966. 147 с.

Кочкуркина С. И. Древняя корела. Л., 1982. 214 с.

Кочкуркина С. И. Курганы Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989. 345 с.

Лесман Ю. М. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки) // Archeologia Petropolitana. Вып. 1. СПб., 1996. С. 52–65.

Лесман Ю. М. К хронологии одного из типов средневековых стеклянных бус (новгородские находки черных бус с глазками в петельках) // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М.: ИА РАН, 2009. С. 244–262.

Лесман Ю. М. Причудье, Ижорское плато и культурная специфика северорусского пограничья в XI–XII веках // РАЕ. Вып. 1. СПб., 2011. С. 396–421.

Лесман Ю. М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus. 2014. № 5. С. 43–87.

Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken, 2014а. 427 с.

Михайлова Е. Р. Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–X вв.: Общество, государство, культура / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014б. С. 317–335.

Михайлова Е. Р. Древности второй половины I тыс. вокруг Финского залива: к предыстории пути из Варяг в Греки // НИС. Вып. 16 (26). Новгород, 2016. С. 4–32.

Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 349 с.

Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э.: Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010. 400 с.

Сакса А. И. Могильник Лапинлахти и проблема происхождения «корелы» русских летописей // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья, 5: Материалы международной конференции «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории» / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб., 2015. С. 227–244.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

Стасюк И. В. Заселение Ижорского плато в I — начале II тыс. н. э. // АиИППЗ. Вып. 57. Материалы 57 заседания. М.; Псков, 2011. С. 224–232.

Стасюк И. В. Культурная специфика русско-эстонского пограничья в X–XI вв. // Новые материалы и методы археологического исследования. От археологических данных к историческим реконструкциям: Материалы IV Конференции молодых ученых / Отв. ред. В. Е. Родинкова, А. Н. Федорина. М.: ИА РАН, 2017. С. 124–126.

Belskiy S. V., Laakso V. Two Burial Traditions of the Crusade Period on the Karelian Isthmus and in Ladoga Karelia // ISKOS21. New Sites, New Methods. Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium, Helsinki, 19–21 November, 2014. Helsinki, 2016. P. 210–222.

Europaeus A. Muinaistutkimuksen tehtäviä Karjalassa. Kalevalanseuran Vuosikirja, 3. Helsinki, 1923. 15 s.

Huurre M. Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia. Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia. I. Kuusamo, 1983. 532 s.

Kivikoski E. Zur Herkunft der Karelier und ihrer Kultur // Acta Archaeologica. XV. København, 1944. S. 1–28.

Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973. 150 s.

Korkeakoski-Väisänen K. Manner-Suomen vikinki- ja ristiretkiajan rannerenkaat ja niiden ornamentiika. Karhunhammas 5. Turku, 1981.

Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari. Vol. I. The graves. SMYA 82 (1). Helsinki, 1982a. 197 s.

Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari. Vol. II. The artefacts. SMYA 82 (2). Helsinki, 1982b. 490 s.

Nordman C. A. Karelska järnåldersstudier. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, XXXIV: 3. Helsingfors, 1924. 197 s.

Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928. 222 s.

Schwindt T. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sita seuraavilta ajoilta. SMYA XIII. Helsinki, 1893. 206 s.

Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands. III: 1–2. Text. Stockholm, 2006. 376 s.

Uino P. Ancient Karelia. Archaeological studies. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 104. Helsinki, 1997. 426 p.

К проблеме изучения раннего древнерусского общества на северо-западной границе Новгородской земли[1]

И. В. Стасюк *(ИИМК РАН)*

Резюме. В археологии средневековой Руси имеется устоявшийся набор критериев, позволяющий охарактеризовать погребения как принадлежащие людям высокого социального статуса: это наличие оружия, импортных предметов, изделий из драгоценных металлов, богатство погребального убора и сопроводительного инвентаря. Применительно к курганам Ижорского плато XII–XIII вв. выделить бесспорно элитарные комплексы по этим признакам затруднительно. Погребения с оружием, серебряными предметами либо с большим количеством предметов из недрагоценных металлов следует рассматривать как принадлежащие рядовым жителям сельских территорий. Для периода X–XI вв., в целом более богатого вещами, социальная стратификация по материалам могильников также не прослеживается.

Summary. In the archeology of medieval Rus there is an established set of criteria that allows describing burials as belonging to people of high social status: the presence of weapons, imported items, precious metal products, wealth of funeral equipment and accompanying equipment. Applied to the barrows of the Izhora plateau XII – XIII centuries. It is difficult to single out indisputably elitist complexes on these grounds. Burials with weapons, silver objects or with a large number of objects from non-precious metals should be considered as belonging to ordinary inhabitants of rural areas. For the period of the 10th–11th centuries, on the whole richer in things, social stratification according to the materials of the cemeteries is also not traced.

Ключевые слова: Новгородская земля, Ижорское плато, курган, жальник, социальная структура, Средневековье.

Key-words: Novgorod land, Izhora plateau, mound, pit, social structure, the Middle Ages.

Ижорское плато относится к числу наиболее археологически изученных древнерусских регионов. В последней четверти XIX в. Л. К. Ивановский раскопал здесь 5877 курганных и жальничных захоронений в 127 группах (*Спицын*, 1896. С. 3). Около ста захоронений на рубеже XIX–XX вв. исследовал Н. К. Рерих. Менее масштабные работы проводили В. Н. Глазов, Л. Н. Целепи, С. А. Теплоухов и другие исследователи. В 1970–1980-е гг. Е. А. Рябинин исследо-

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке ПФИ Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность», проект «Элитарная культура...» (рук. Е. Н. Носов).

вал более 220 погребений (*Рябинин*, 2001. С. 20), и еще столько же раскопал В. А. Кольчатов при участии Г. С. Лебедева. В последние годы раскопки древнерусских погребальных памятников на Ижорском плато проводили С. Г. Попов, К. В. Шмелев, Б. С. Короткевич и др. В общей сложности на самом плато и в его ближайшей округе раскопками изучено более 7 тысяч погребальных комплексов, абсолютное большинство из которых относится к периоду XII–XIV вв.

Большое количество исследованных захоронений, сформировавших значительную источниковую базу, предполагает наличие теоретических обобщений и выводов не только собственно археологического, но и исторического плана, в том числе попыток изучения социальной структуры древнерусского общества на северо-западных рубежах Новгородской земли. В качестве индикатора высокого социального статуса погребенных, как правило, рассматривалось оружие. Так, М. Х. Алешковский посвятил отдельную работу выделению дружинных курганов XП–XII вв. из общего массива сельских погребений (*Алешковский*, 1960. С. 70–90). А. Н. Кирпичников связал наличие мечей в захоронениях с младшей дружиной (*Кирпичников*, 1966. С. 50). Г. С. Лебедев определял захоронение из кургана Озертицы 10 с копьями и стрелами, весами для серебра и навесным пружинным замком как дружинное. Погребения с копьями и боевыми топорами он связывал с новгородским ополчением, пешими «воями», а наличие мечей осторожно определял как свидетельство «погребений людей различного социального положения» (*Лебедев*, 1977. С. 145–147).

В целом, многие авторы, пишущие о древнерусских захоронениях, склонны рассматривать наличие предметов вооружения в захоронениях как признак элитарности (зачастую ставя знак равенства между элитой и дружиной и не раскрывая содержания обоих понятий). Наиболее «элитным» оружием традиционно считается меч: и из работы в работу, как правило, без критики, переходит тезис об «особом социальном статусе» похороненного с этим предметом вооружения.

Ранее я предпринял попытку проанализировать захоронения из курганов Ижорского плато, в которых были найдены мечи (*Стасюк*, 2010. С. 397–409). Мечи в курганных древностях XI–XIII вв., как справедливо отметил А. Н. Кирпичников, попадаются лишь в виде исключения (*Кирпичников*, 1966. С. 50), причем большинство известных находок происходит именно из курганов Ижорского плато. Обо всех этих находках имеются сведения в литературе. Это одна случайная находка 1959 г. из разрушенного кургана у деревни Мануйлово под Кингисеппом (*Кирпичников*, 1966. С. 84–85) и 12 мечей из раскопок Л. К. Ивановского 1872–1892 гг. (*Спицын*, 1896. С. 34; *Кирпичников*, 1966) в следующих комплексах: Мутакюля, курганы 5, 11, 17; Тяглино, курган 7; Яблоницы, курган 9; Смердовицы, курган 24; Хотыницы, курганы 11, 24, 59; Старо-Сиверская II, курган 14; Межно, курганы 10, 11.

В настоящее время в фондах Государственного Эрмитажа сохранились 5 мечей из раскопок Л. К. Ивановского. Они депаспортизованы: в описи указаны лишь

общая дата раскопок Ивановского (1872–1892) и регион — Санкт-Петербургская губерния. Вероятно, депаспортизация находок произошла при распределении коллекции между Эрмитажем и Историческим музеем в 1890-е гг. или, что более вероятно, еще раньше, когда коллекция хранилась на квартире Л. К. Ивановского. Во всяком случае, на этапе публикации находок А. А. Спицыным связь мечей с комплексами уже не устанавливалась. Хранящиеся в Эрмитаже мечи включены А. Н. Кирпичниковым в каталог под номерами 9, 10, 77 (мечи IX — первой половины XI в.), 15, 28 (мечи второй половины XI — XIII в.); в музейном хранении соответственно ЗО/1556, ЗО/6490, ЗО/6498, ЗО/6489, ЗО/6487.

Два из них (ЗО/1556 и ЗО/6490) были отнесены самим Я. Петерсеном к типу H и один (ЗО/6498) — к типу Z (*Петерсен*, 2005. С. 134, 203). Тип H отнесен Г. С. Лебедевым к I группе типов и датируется по североевропейским материалам IX в., «в основном его ранней частью» (*Лебедев*, 1991. С. 296–298), однако в Скандинавии встречается и в позднейших захоронениях вплоть до середины X в. (*Петерсен*, 2005. С. 133; *Андрощук*, 2013. С. 159. Рис. 93). Согласно Г. С. Лебедеву, это массовое оружие дружин викингов периода ранних набегов на побережье Англии и Ирландии, связанное с военно-демократической средой. Тип Z отождествляется с той же социальной категорией, однако распространяется позже и бытует в течение всего XI в. В целом, простые и универсальные типы H и Z, изначально присущие низшей воинской прослойке, для XII–XIII вв. совершенно архаичны. По мнению Г. С. Лебедева, эти типы соотносятся с folkvapn (народным оружием) норвежских источников. В скандинавском обиходе оно удерживается до XIV в., однако уже в X–XI столетиях перестает быть показателем высокого социального статуса (*Лебедев*, 2005. С. 306–307).

Два других меча принадлежат к позднейшим разновидностям. Меч ЗО/6489, тип III по А. Н. Кирпичникову, гарда и навершие литые из медного сплава. А. Н. Кирпичниковым учтены всего 3 находки мечей типа III в древнерусских материалах (*Кирпичников*, 1966. С. 54). Одно седловидное навершие этого типа происходит из гомельской оружейной мастерской, комплекс которой датируется 1239 г. (*Плавінскі*, 2006. С. 15); с территории Беларуси также известен меч с навершием этого типа из кургана в могильнике Засвирь XI–XII вв. (*Плавинский*, 2008. С. 247–248, рис. 1: *1*). В западноевропейских материалах подобные изделия редки и датируются последней четвертью XII — первой половиной XIII в. (*Kazakevičius*, 1996. S. 160). Между тем в землях балтских племен известны 24 находки мечей с седловидными навершиями, датированных XI–XIII вв. (*Kazakevičius*, 1996. S. 78–82). Ближайшая к Ижорскому плато находка типа III — меч из ижорского могильника у дер. Кирсино в бассейне реки Мга (*Сорокин*, 2008. С. 94. Рис. 3). Меч ЗО/6487, тип VI по А. Н. Кирпичникову. Навершие плоское дисковидное, гарда изогнута в направлении острия. Простейшая и популярная с поздней эпохи викингов форма навершия доживает до XV столетия (*Кирпичников*, 1966. С. 5).

Погребения с мечами в курганах Ижорского плато по отдельности с трудом поддаются узкой датировке. Пять из них, кроме меча, не содержат инвентаря. Сравнительно узко датируется погребение Межно-11, относящееся к XII в.

Но по материалам могильников можно попытаться датировать всю группу в целом. Все 12 мечей происходят из могильников, отнесенных Ю. М. Лесманом к периодам II и III (соответственно 1134–1268 и 1238–1313 гг.) (*Лесман*, 1982. С. 70–71). Исключение составляют Межно и Тяглино, возникшие в конце периода I (до 1177 г.), что не принципиально, так как периоды I и II в этой части перекрываются. Для могильников Ижорского плато фиксируется исчезновение оружия и орудий труда из погребального инвентаря с появлением подкурганных могильных ям в середине — третьей четверти XIII в. (*Рябинин*, 2001. С. 41). Таким образом, можно с большой долей вероятности отнести комплексы с мечами к погребениям на горизонте (т. е. без подкурганных могильных ям) и датировать их в пределах второй четверти XII — третьей четверти XIII в.

Каролингские мечи в этот период представляли собой устаревшее, изношенное оружие, изготовленное за несколько столетий до того, как оно было помещено в погребение. Никаких иных атрибутов «элитарности», таких как особо богатый или многочисленный инвентарь, погребальный убор, наличие предметов роскоши — импортов или предметов из драгоценных металлов, в захоронениях с мечами не фиксируется (*Стасюк*, 2010. С. 406).

Рассматривая курганно-жальничные могильники Ижорского плато XII–XIV вв. как единый массив, практически невозможно выделить в нем бесспорно элитарные комплексы. Немногочисленные находки серебряных предметов в целом типичны для сельской округи большинства древнерусских городов и вряд ли могут рассматриваться как признаки высокого социального положения или особой политической роли погребенных. Очевидно, серебряные украшения были в той или иной степени распространены в сельской среде средневековой Руси и эпизодически помещались в захоронения. Это касается в том числе монетного серебра, находимого почти исключительно в составе ожерелий — монист. Погребальный обряд, реконструируемый по данным и дореволюционных, и современных раскопок, при наличии множества мелких нюансов в целом стандартизирован, как и набор помещаемых в захоронение вещей. Сами вещи, как отмечал еще А. А. Спицын, составляют продукцию массового ремесленного производства и не являются произведениями искусства (*Спицын*, 1896. С. 4). Размеры курганных насыпей, варьирующиеся в пределах от 0,4 до 2,5 м по высоте и от 2–3 до 15–18 м диаметром, являются отчасти хронологическим признаком (в тенденции наиболее крупные курганы — наиболее ранние), отчасти могут отражать размер семьи покойного, число родственников или иных лиц, принимавших непосредственное участие в возведении кургана. Но обнаружить устойчивую корреляцию размеров насыпи и богатства погребения (погребений), совершенных в ней, не удается.

В целом, весь огромный массив курганно-жальничных могильников Ижорского плато, полагаю, стоит рассматривать как явление сельской жизни Новгородской земли — захоронения податного, зависимого населения. Возможные исключения из этого правила выявить с должной степенью надежности пока не удается.

Рис. 1. Меч из могильника Ратчино 1 в экспозиции музея Чикагского института искусств (источник фото: http://fjorn-the-skald.tumblr.com/post/134681057774/an-ingleri-viking-sword-date-c-1000-ce-images)

Fig. 1. The sword from Ratchino 1 burial ground in the exposition of the museum of the Art Institute of Chicago (source of photo: http://fjorn-the-skald.tumblr.com/post/134681057774/an-ingleri-viking-sword-date-c-1000-ce-images)

Обращение к более ранним материалам X–XI вв. демонстрирует несколько иную картину. Во-первых, захоронения раннего Средневековья от позднейших классических курганов XII–XIII вв. отличает общее богатство. Количество помещаемых в захоронения предметов заметно больше, а категориальный набор шире, в основном за счет хозяйственно-бытовых предметов и торгового инвентаря. Это фиксируется по материалам могильников Ополье (*Стасюк*, 2008. С. 3–24), Ратчино (*Стасюк*, 2011. С. 86–95) и Малли (*Стасюк*, 2012. С. 70–72). Во-вторых, сам вещевой набор отличается от классического древнерусского и характеризуется наличием типов украшений и орудий труда, характерных для территории Эстонии. В-третьих, степень милитаризации общества, маркируемая находками предметов вооружения, заметно выше. Наряду с широко распространенными топорами и копьями встречается больше таких специализированных изделий, как мечи и их фрагменты (***Михайлова, Стасюк, Федоров,*** 2016. С. 273. Рис. 6: *1–3*), детали щитов, а также однолезвийные боевые ножи, полностью отсутствующие в позднейших материалах.

Интерпретируя новые находки на Ижорском плато, сделанные в начале XXI в., Ю. М. Лесман связал их с загадочными «колбягами» Русской правды — по версии исследователя, особой этносоциальной группой, составленной из профессиональных воинов, рекрутируемых княжеской властью из населения прибалтийско-финского и балтского происхождения (*Лесман*, 2011. С. 414–416). В недавней работе, анализируя материалы близкого по материальной культуре могильника Селище под Псковом, эту точку зрения поддержали А. В. Михайлов и А. Б. Романовский (***Михайлов, Романовский,*** 2016. С. 187). Хотя вопрос о происхождении, функциях и статусе колбягов в раннесредневековой Руси, на мой взгляд, далек от разрешения в связи с крайней скудностью письменных источников, предложенное Ю. М. Лесманом направление представляется в целом верным. При этом оно не противоречит моей интерпретации памятников новгородско-эстонского порубежья как чудских, поскольку чудь в X–XI вв. платит дань Владимиру, активно участвует в военных предприятиях русских князей, в том числе дальних походах на Киев и Византию, и весьма вероятно, что колбяги рекрутировались в том числе из чуди, населявшей Ижорское плато, Причудье и Понаровье (подр. см. *Стасюк*, 2017. С. 124–126).

Однако элитарность этих захоронений также можно поставить под сомнение. Общество X–XI вв. на Ижорком плато, как мы его знаем по погребальным памятникам, было, несомненно, иным по сравнению с обществом XII–XIII вв.: более богатым (или более щедрым на погребальные приношения, что можно связать с языческой обрядовой практикой, постепенно искоренявшейся в классическое древнерусское время), более милитаризованным и, вероятно, более свободным и самодостаточным, менее зависимым от Новгорода. Но материалы известных погребальных памятников также не дают выраженных элитарных комплексов: предметы роскоши, за редким исключением, отсутствуют, «богатство» в виде редких серебряных, а преимущественно бронзовых и стеклянных украшений, железных орудий труда и оружия, керамической тары

распределено в целом равномерно, обряд погребения — бескурганые сожжения — также вполне демократичен. Погребальные памятники Ижорского плато эпохи становления Руси рисуют картину воинственного, свободного, эгалитарного сообщества. Культура его, по всем основным параметрам чудская, имеет местные истоки и восходит к предшествующему периоду, однако в X–XI вв. попадает под мощное влияние Новгорода и в дальнейшем закономерно эволюционирует в древнерусскую. В начале XII в. этот эволюционный процесс, по-видимому, был стимулирован притоком славяно-русского населения (*Лесман*, 1982. С. 69; *Лесман*, 2011. С. 417).

В пользу военно-демократического устройства раннесредневекового общества на западных рубежах Новгородской земли косвенно свидетельствуют серийные находки целых однолезвийных боевых ножей (в отечественной оружиеведческой литературе нередко именуемых скрамасаксами) и их фрагментов в грунтовых трупосожжениях могильников Малли (*Михайлов, Салмин, Стасюк*, в печати) и Селище (*Михайлов, Романовский*, 2016. С. 176. Рис. 2: *9, 10*). В захоронениях эпохи викингов на Руси и в Скандинавии это редкий предмет вооружения, сопровождающий погребения, выделяющиеся богатством инвентаря и пышностью обряда и служивший, по-видимому, действительным индикатором высокого социального статуса, атрибутом военачальника. В интересующей нас зоне однолезвийные боевые ножи встречены в контексте рядовых погребений, а их многочисленность характерна именно для Восточной Прибалтики, где военно-демократический строй со множеством старейшин сохранялся вплоть до эпохи Крестовых походов.

Подобное эгалитарное общественное устройство не исключает, однако, наличия у отдельных его представителей предметов роскоши. Одним из несомненно драгоценных предметов является плакированная серебром богато орнаментированная рукоять меча из могильника Ратчино 1, выкопанная и похищенная кладоискателями в начале 2000-х гг. и экспонирующаяся в музее Чикагского института искусств, в The Deering Family Galleries of Medieval and Renaissance Art, Arms, and Armor (рис. 1). Этот уникальный по исполнению и сохранности экземпляр можно датировать концом XI – XII в.

Литература

Алешковский М. Х. Курганы русских дружинников XI–XII веков // СА. 1960. № 1. С. 70–90.

Андрощук Ф. А. Мечи викингов. Киев: Простір, 2013. 709 с.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли. IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1–36. М.; Л.: Наука, 1966.

Лебедев Г. С. Этюд о мечах викингов // Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 280–304.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.

Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1977. 230 с.

Лесман Ю. М. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 65–74.

Лесман Ю. М. Причудье, Ижорское плато и культурная специфика северорусского пограничья в XI–XII вв. // РАЕ. Вып. 1. СПб., 2011. С. 396–420.

Михайлов А. В., Романовский А. Б. О новом типе погребальных памятников XI в. в окрестностях Пскова // АиИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова. Материалы 61 заседания. Вып. 31. М.; Псков; СПб., 2016. С. 173–189.

Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Фёдоров И. А. Городище Втырка (Пиллово-2) и древности эпохи викингов на Ижорском плато // АиИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова. Материалы 61 заседания. Вып. 31. М.; Псков; СПб., 2016. С. 262–275.

Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 352 с.

Плавінскі М. А. Клінковая зброя X — XIII стст. на тэрыторыі Беларусі. Мінск, 2006.

Плавинский Н. А. «Случайные» находки клинкового оружия XI–XIII вв. на территории Беларуси // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. СПб., 2008. С. 245–249.

Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 247 с.

Сорокин П. Е. Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии Ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб., 2008. С. 88–127.

Спицын А. А. Курганы С.- Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР. Т. XX. СПб., 1896.

Стасюк И. В. Средневековые погребения с мечами в курганах Ижорского плато (по материалам раскопок Л. К. Ивановского) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. Т. II. М., 2010. С. 397–409.

Стасюк И. В. Могильник у поселка Ополье: новые данные о ранних этапах освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб.: Нестор–История, 2008. С. 3–24.

Стасюк И. В. Раскопки могильника Ратчино–I на Ижорском плато в 2009 г. // АиИППЗ Семинар им. акад. В. В. Седова. Материалы 56 заседания. М.; Псков, 2011. С. 86–95.

Стасюк И. В. Культурная специфика русско-эстонского пограничья в X–XI вв. // Новые материалы и методы археологического исследования. От археологических данных к историческим реконструкциям. М., 2017. С. 124–126.

Стасюк И. В. Население Ижорской возвышенности в I — начале II тыс. н. э. // Stratum plus. 2012. № 5. С. 63–88.

Aspelin J. R. Antiquites du nord Finno-Ougrien. Helsingfors. L. III. Helsinki, 1878.

Kazakevičius V. IX–XIII amžių baltų kalavija. Vilnius, 1996.

Kazakevičius V. On one type of Baltic sword of Viking period // Archaeologia Baltica 2. Vilnius, 1997.

К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках 2-й половины XI — начала XII в.[1]

(по материалам Удрайского археологического комплекса)

Н. И. Платонова *(ИИМК РАН)*

Резюме. Обряд ингумации (курганный и бескурганный) распространился на территории северо-западных и центральных районов Новгородской земли очень поздно, не ранее XII в. Лишь отдельные немногочисленные комплексы датируются второй половиной XI в. Эти ранние ингумации на древнерусских могильниках часто выделяются на фоне остальных относительным богатством, необычными деталями конструкций могилы и погребального убора. В настоящей статье анализируется богатое женское погребение посл. четв. XI в., раскопанное в «каменной насыпи» на могильнике Удрай-2 (Новгородская обл., Батецкий р-н). Его отличительными особенностями являются присутствие в костюме серебряных полых пуговиц с гроздевидным окончанием, византийских серебряных монет-подвесок, других изделий из серебра, в т. ч. с чернью, а также деревянной чаши с серебряными обоймицами и крестовидной накладкой. Анализ находок полых пуговиц с гроздевидным окончанием на Северо-Западе показывает, что все они датируются не позднее первых десятилетий XII в.

В целом данное погребение помогает составить представление о более раннем, чем начало XII в., этнографическом комплексе, сложившемся на позднем этапе эпохи викингов и недостаточно известном в силу долгого переживания обряда кремации в данном регионе. Для ингумаций этого периода на сельских могильниках характерно наличие престижных вещей, служивших, по-видимому, маркерами принадлежности к сообществу «знатных людей» (монеты-подвески, в т. ч. византийские; изящные изделия из серебра с чернью, зернью и сканью; стеклянные привозные сосуды; деревянные чашки, украшенные серебром; дорогое оружие; парадный женский костюм с серебряными пуговицами). В первые десятилетия XII в. данный комплекс стремительно вытеснялся из обихода. Причины наступивших перемен коренились в уменьшении проницаемости социальных перегородок в конце эпохи викингов, активизации процесса социального и имущественного расслоения и постепенного превращения жителей Новгородской земли из «мужей» в «смердов».

Summary. The rite of inhumation (in kurgans and flat graves) spread very late (not earlier than the 12th century) throughout the north-western and central regions of the Novgorod Land. Only few particular complexes are dated to the second half of the 11th century. These

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке ПФИ Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность», проект «Элитарная культура...» (рук. Е. Н. Носов) и ПФИ ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы», проект «Археологические культуры Евразии...» (рук. Н. И. Платонова).

early inhumations at Old-Russian cemeteries often are distinguishable from the rest through their relative richness, unusual details of the construction of the graves and funerary costumes. This paper analyses a rich female burial of the last quarter of the 11th century excavated in the 'stone mound' at the cemetery of Udray-2 (Novgorod Oblast, Batetsky District). A distinguishing feature of the grave is in a costume with silver hollow buttons with a grape-bunch terminal, Byzantine silver coin-pendants, other silver objects including those with niello, as well as a wooden bowl with silver ferrules and a cross-shaped mount. Examination of finds of hollow buttons with grape-bunch terminals from the North-West suggests that they all are dating from the period not later than the first decades of the 12th century.

In general, the burial under consideration helps to make us an idea about the ethnographic complexes arisen earlier than the beginning of the 12th century. It must have been formed at the later phase of the Viking Age. They are little known because of the protracted practice of the cremation rite in this region. Inhumations at rural cemeteries of that period are characterized by the presence of prestigious grave goods which evidently served as signs of the belonging to the community of 'noble people' (coin-pendants including the Byzantine ones; fine silver objects with niello, filigree and graining; imported glass vessels; wooden cups decorated with silver; expensive weapons; ceremonious female costume with silver buttons). In the first decades of the 12th century, this assemblage was swiftly ousted from the use. The coming changes were effected by the decrease of permeability of the social partitions in the late Viking Age, activation of the process of the social and ownership stratification and gradual transformation of the natives of the Novgorod Land from 'muzhi' (freemen) into 'smerdy' (serfs).

Ключевые слова: Новгородская земля, древнерусский могильник Удрай-2, каменная насыпь, XI в., богатые погребения, женский костюм с серебряными пуговицами.

Key-words: Novgorod Land, Old-Rusian cemetery Udray-2, stone mound, 11th century, rich burials, female costume with silver buttons.

1. Вводные замечания

Уточнение хронологии древнерусских могильников по новгородской шкале древностей (Лесман, 1988; 1990; 1996а; 2011; Лесман, рукопись) привело к парадоксальному выводу: обряд трупоположения (курганный и бескурганный) распространился на территории северо-западных и центральных районов Новгородской земли очень поздно, не ранее XII в. Лишь отдельные немногочисленные комплексы датируются второй половиной XI в., но и они, как правило, тяготеют к его последней четверти[2]. Учитывая, что к тому времени с момента крещения Руси прошло уже столетие, встает вопрос: какой же погребальный обряд практиковало здешнее население в эпоху Ярослава и Ярославичей?

[2] В данном случае мы оставляем в стороне элитарные камерные погребения IX–X вв., раскопанные в Ладоге и Пскове. Речь идет о начале массового распространения обряда ингумации на сельских могильниках, датируемого не ранее второй половины XI в.

Раскопки немногочисленных грунтовых могильников с кремациями и еще более немногочисленных сопок с непотревоженными вершинами, проведенные на северо-западе Новгородской земли в 1980–1990-х гг., отчетливо показали: трупосожжение на стороне (в том числе — с последующим высыпанием сожженных остатков на вершину сопки) оставалось здесь актуальным, реально практикуемым в XI в. вариантом погребального обряда (*Кузьмин*, 1992; 2001; *Платонова*, 2002. С. 193–194). Из этого следует, в частности, неутешительный для археологов вывод: база археологических источников для реконструкции этнографического убора и костюма населения северо-запада Новгородской земли конца X — XI в. (т. е. времени сложения здесь собственно древнерусской культуры) крайне узка. Ранние древнерусские ингумации («псевдокамерные», грунтовые, жальничные, подкурганные) датируются последней четвертью XI — первой третью XII в. Погребальный обряд и конструкции могил сильно варьируют, что, по-видимому, отражает мозаику различных традиций и влияний, еще не успевших образовать новую устойчивую систему.

Захоронения указанного периода на сельских могильниках часто выделяются на фоне остальных своим относительным богатством и необычными деталями как конструкций могилы, так и погребального убора. В настоящей статье рассматривается одно из таких ранних древнерусских погребений, совершенное в «каменной насыпи» (далее — КН) — монументальном каменно-земляном сооружении, исследованном под руководством Н. И. Платоновой на курганно-жальничном могильнике Удрай-2 в верхнем Полужье (Новгородская обл., Батецкий р-н) в 1981 и 1983 гг.

Высота КН до раскопок составляла 1,8–2,2 м за счет естественного материкового ядра. При этом высота самой плоской насыпи, как выяснилось, лишь немногим превышала 1 м. Длина ее сторон составляла около 17 × 18 м. В насыпи было исследовано 4 мужских погребения по обряду ингумации в камерах (КН-2, КН-5) или ямах с деревянными конструкциями (КН-4, КН-6) (Платонова, 1997) и 2 женских трупоположения в грунтовых ямах (КН-1, КН-3) (рис. 1). В ходе раскопок 1981 г. выяснилось, что с северной и западной сторон к насыпи примыкал грунтовый могильник XII в. — ряды погребений в грунтовых ямах с каменными оградками, утопленными в землю и практически не читавшимися на поверхности (*Платонова*. Отчет... 1981). С юга и востока КН была плотно окружена древнерусскими курганами XII–XIII вв.

2. Погребение КН-1 на могильнике Удрай-2

Погребение КН-1 располагалось в яме, впущенной в насыпь, по-видимому, уже после ее сооружения, и заглубленной в материк на 30 см. Над материковым углублением зафиксированы остатки конструкции, напоминающей «каменный ящик» (деревенская имитация саркофага?). Длина сторон «ящика» составляла 2,3 × 0,6–0,8 м. Высота конструкции над материком — около 0,6 м. В яме

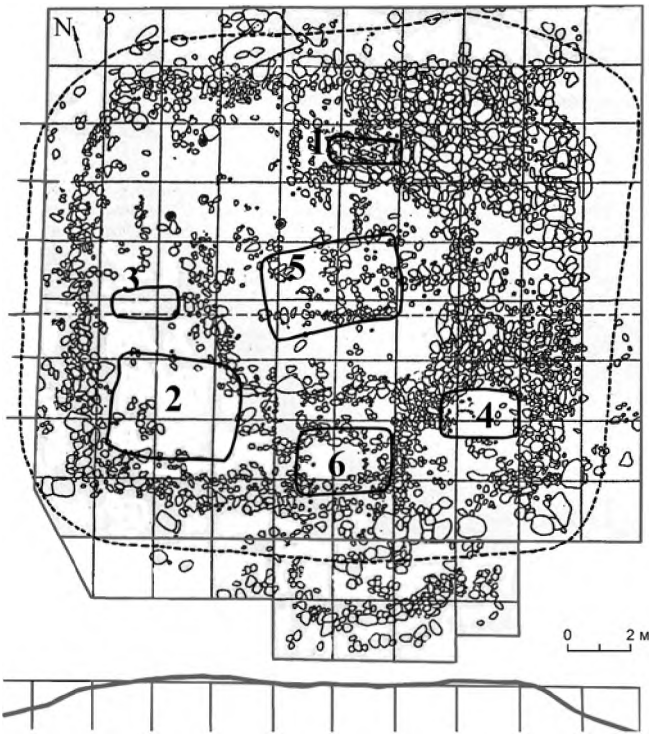

Рис. 1. План «каменной насыпи» на курганно-жальничном могильнике Удрай-2: 1–6 — номера раскопанных погребений в камерах и больших ямах
Fig. 1. Plan of the 'stone mound' (КН) at the kurgan and zhalnik-grave cemetery of Udray-2: 1–6 — numbers of the excavated burials in chambers and large pits

находилось женское погребение по обряду трупоположения, ориентированное головой на запад, с небольшим отклонением к северу (точно по сторонам КН) (рис. 2).

«Ящик» перекрывали многочисленные большие и малые известняковые плиты, частью просевшие вниз. Плиты, поставленные на ребро, опирались на материковые края ямы, а частично сползли в нее. Среди них обнаружено 2 обломка жерновов (рис. 3). Возможно, в момент совершения погребения плиты были подогнаны друг к другу, но потом сильно «разъехались». В разных частях заполнения «ящика» найдено много черепков круговой керамики, склеенных впоследствии в один горшок с линейно-волнистым орнаментом (рис. 4). Судя по положению некоторых фрагментов в яме, горшок был помещен туда вверх дном уже в процессе ее перекрытия и засыпки. Он был раздавлен плитами, просевшими вниз.

Кости сохранились плохо, что затрудняет суждения о положении тела погребенной. Ноги ее вытянуты, однако легкое смещение вправо позволяет

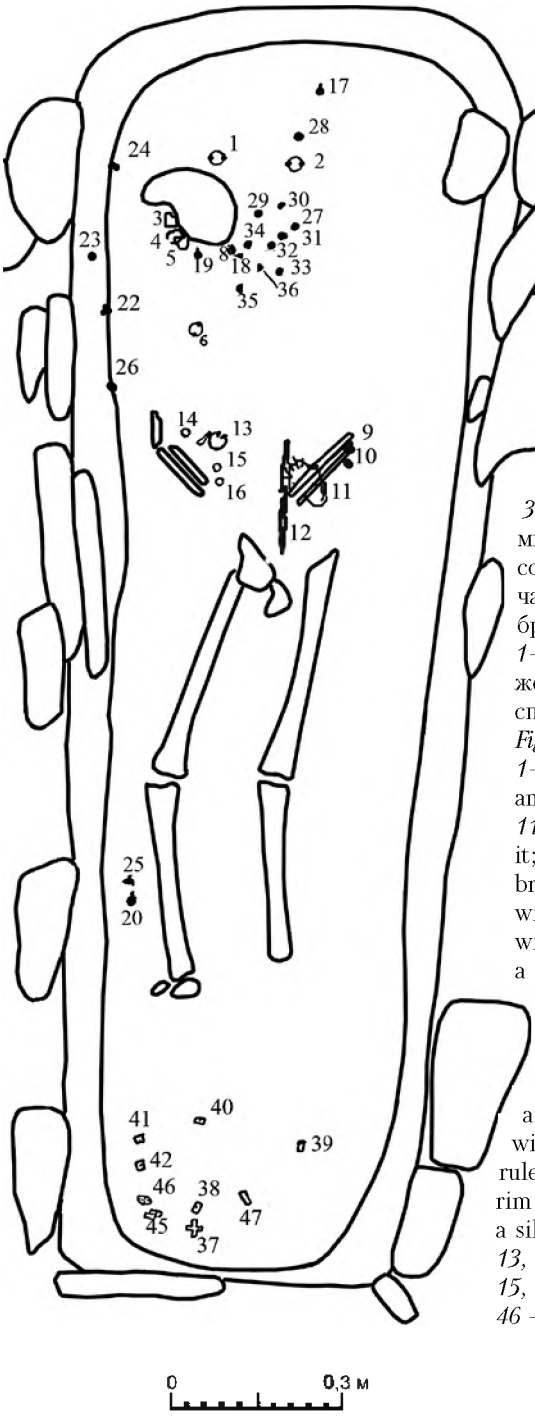

Рис. 2. План погребения КН-1: яма в материке. 1–6 — височные кольца овальнощитковые; *7, 8* — византийские монеты-подвески; *9, 10* — арабские монеты; *11* — браслет с нанизанными колечками; *12* — нож с наборной рукоятью; *13* — фибула спиралеконечная; *14* — перстень с фигурным щитком и чернью; *15* — перстень широкосрединный; *16* — колечко с растительным орнаментом; *17–25* — полые пуговицы с гроздевидным завершением и их половинки; *26* — бусина боченковидная оранжевая (2 экз.); *27* — бусина полая с ложной зернью; *28–36* — бусы гладкие, спаянные из двух половинок, и их фрагменты; *37* — накладка в виде креста, со штифтами и остатками дерева; *38–45* — обоймицы со штифтами и остатками дерева (от венчика чаши); *46* — обломок дерева, прошитый серебряной нитью; *47* — крючок («блесна»). *1–11, 13, 14, 17–25, 27–36* — серебро; *12* — железо, серебро; *15, 16, 47* — серебро или сплав; *26* — стекло; *37–46* — серебро, дерево

Fig. 2. Plan of burial KH-1: pit in the virgin soil. *1–6* — temple rings with oval plates; *7, 8* — Byzantine coin-pendants; *9, 10* — Arabian coins; *11* — bracelet with small rings stringed onto it; *12* — knife with a composite handle; *13* — brooch with spiral terminals; *14* — finger-ring with a figured bezel and niello; *15* — finger-ring widening in the middle; *16* — a small ring with a plant design; *17–25* — hollow buttons and their halves with a grape-bunch terminal; *26* — orange barrel-shaped bead (2 pieces); *27* — hollow bead with a false niello; *28–36* — smooth beads soldered from two halves and their fragments; *37* — cross-shaped mount with pins and remains of wood; *38–45* — ferrules with pins and remains of wood (from the rim of a bowl); *46* — wooden fragment sewn with a silver thread; *47* — hook ('spoon-bait'). *1–11, 13, 14, 17–25, 27–36 — silver; 12 — iron, silver; 15, 16, 47 — silver or some alloy; 26 — glass; 37–46 — glass, wood*

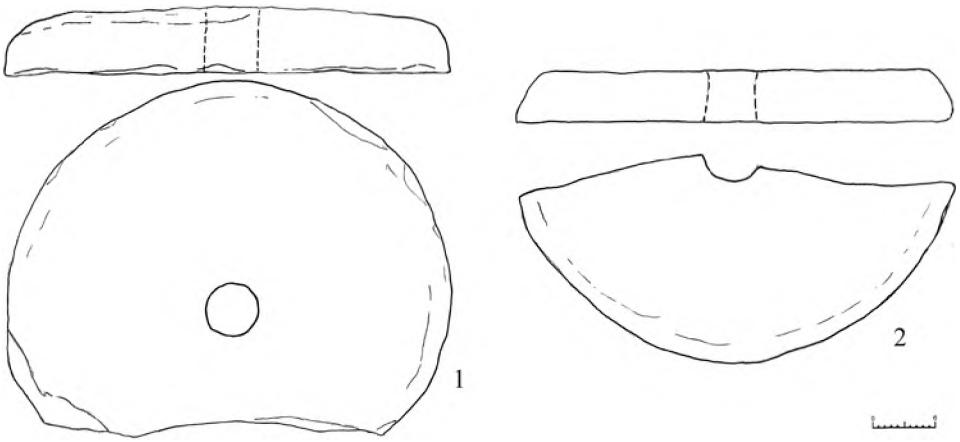

Рис. 3. Обломки жерновов из ограды погребения КН-1 («каменного ящика»)
Fig. 3. Fragments of mill-stones from the fence of burial KH-1 ('stone cist')

предположить, что вначале колени покойницы были слегка приподняты. Частично сохранились локтевые и лучевые кости, показывающие, что руки были сложены на лонном соединении. От черепа сохранилась только крышка: лицевые кости истлели. Череп смещен к ЮЗ углу ямы и повернут вбок (лежит на правом виске). Это позволяет предположить, что изначально верхняя часть тела покойной была приподнята. Возможно, она опиралась спиной на более или менее высокую подушку из органических материалов. Истлевание подушки привело к небольшому перемещению головы, шеи и артефактов, связанных с соответствующими частями костюма.

Украшения головного убора составляли 6 серебряных овальнощитковых колец (D = 3,8–4,2 см; на каждом кольце по 3 щитка, украшенных пунсонным орнаментом и четырьмя кружками) (рис. 5: *1*). Три кольца были найдены вместе под черепом (видимо, изначально они находились на правом виске погребенной). Три других обнаружены в смещенном положении, с разных сторон черепа, в 3–15 см от него. Прямо на черепной крышке и рядом с ней найдены 2 серебряные монеты с напаянным ушком для подвешивания – византийские милиарисии (Василий II и Константин VIII, 977–1025 гг.)[3]. Здесь, же, в районе головы и плеч, достаточно бессистемно располагались следующие находки (см. рис. 2):

– серебряные полые пуговицы, эллипсоидные, с гроздевидным окончанием, спаянные из двух половинок (частично распались) (рис. 5: *2*). Всего таких пуговиц в погребении насчитывается 7, из них 1 целый экз. и 1 половинка обнаружены в восточной части ямы, близ правой голени погребенной;

[3] Определение И. Г. Добровольского.

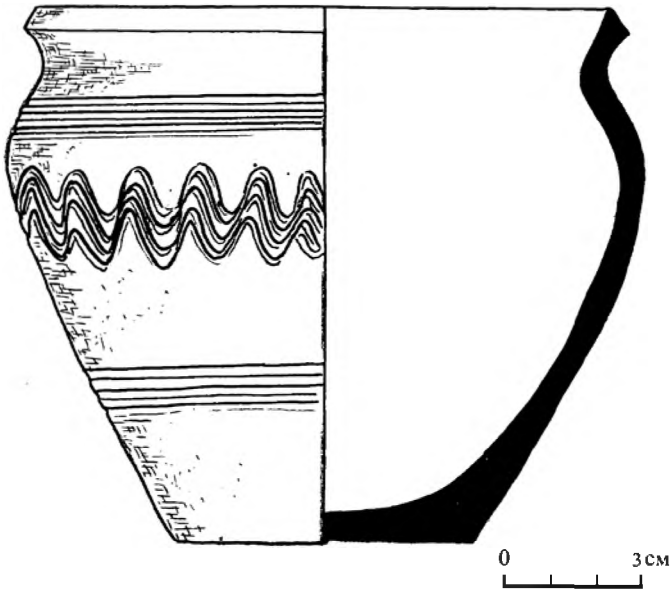

Рис. 4. Горшок с линейно-волнистым орнаментом из заполнения ямы погребения КН-1 (склеен из обломков)
Fig. 4. Ceramic pot with a linear and wavy decoration from the fill of the pit of burial КН-1 (glued together from fragments)

- 9 серебряных гладких полых бусин, также спаянных из двух половинок (рис. 5: *3*);
- 1 серебряная полая бусина с орнаментом из треугольников, имитирующих зернь;
- 2 стеклянные боченковидные печеночные бусины оранжевого цвета.

На животе погребенной найдена серебряная подковообразная фибула со спирально закрученными концами, треугольного сечения, с широким пластинчатым основанием иглы (D = 5,5 см) (рис. 5: *4*). Возможно, изначально она находилась на груди, но затем оказалась смещена вправо и вниз (если только справедливо наше предположение, что верхняя часть тела погребенной была приподнята).

На левую руку усопшей был надет серебряный браслет из тонкой проволоки подтреугольного сечения, с завязанными концами и пятью нанизанными серебряными колечками (рис. 5: *5*). Кольца тонкие, гладкие, замкнутые, в диаметре 2 см. В районе кисти правой руки найдены широкосрединный серебряный перстень с завязанными концами и разомкнутое пластинчатое колечко с растительным орнаментом (рис. 5: *6–7*). Ближе к правому локтю обнаружен еще один серебряный перстень с завязанными концами и пластинчатым фигурным щитком, украшенный рельефным орнаментом с чернью (рис. 5: *8*; 7: *1*).

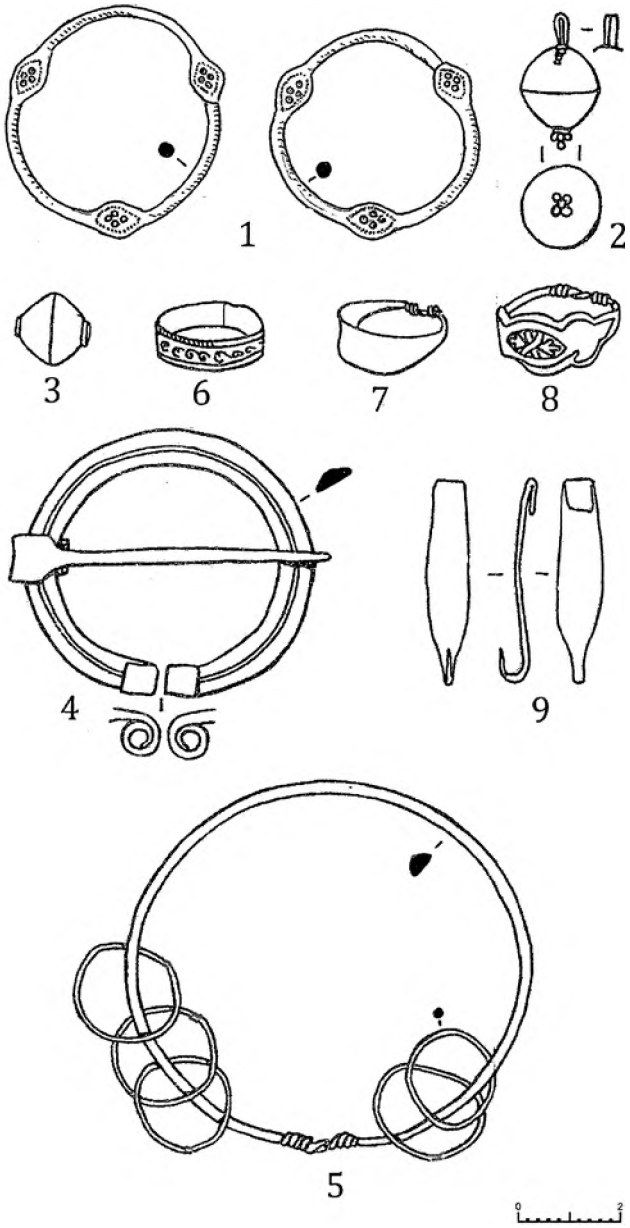

Рис. 5. Инвентарь погребения КН-1. *1* — височные кольца; *2* — пуговица с гроздевидным окончанием; *3* — полая бусина; *4* — фибула; *5* — браслет; *6* — колечко; *7, 8* — перстни; 9 — крючок-«блесна»

Fig. 5. Grave goods from burial KH-1. *1* — temple rings; *2* — button with a grape-bunch terminal; *3* — hollow bead; *4* — brooch; *5* — bracelet; *6* — small ring; *7, 8* — finger-rings; *9* — hook ("spoon-bait")

Слева у пояса погребенной находился железный нож с длинной наборной рукоятью, украшенной четырьмя десятками тончайших серебряных колец (D = 1,3 см) (рис. 6). Лезвие, треугольное в сечении, отковано в технике трехслойного пакета; длина его 7 см. Длина рукояти, судя по длине черенка, составляла более 15 см. Здесь же, у левого локтя, найдены дирхем Мервaнидов (Мумахид ад-даула Абу Мансур, 997–1011 гг.) и 1/4 дирхема Саманидов (Исмаил ибн Ахмад, 894–902 гг.)[4]. Видимо, монеты находились в кошельке.

Рис. 6. Нож с остатками наборной рукояти из погребения КН-1
Fig. 6. Knife from burial КН-1 with remains of a composite handle

В ногах погребенной найдены остатки деревянной чаши с десятью серебряными обкладками по венчику (рис. 7: *1–10*) и фрагмент деревянной стенки того же сосуда, прошитый серебряной нитью (рис. 7: *11*). Следы каких-то металлических вставок в дерево (креплений декора?) видны также в нижнем сломе одного из фрагментов венчика (рис. 7: *10*). Вместе с обоймицами обнаружена накладка в виде креста с расширяющимися концами, вырезанная из тонкого серебряного листа (рис. 7: *12*). На оборотной стороне креста сохранились остатки дерева – того же, что и в обоймицах, но без изгиба, характерного для стенок чаши. По-видимому, крест украшал либо крышку, либо дно чаши изнутри. Здесь же, в ногах погребения, найден крючок в форме «блесны», из бронзы или низкопробного серебра (рис. 5: *9*)[5].

3. Хронология погребения КН-1 и его особенности

3.1. Датировка

Монетный комплекс погребения КН-1 дает нам очень раннюю дату, плохо согласующуюся с хронологией артефактов, — после 997 г. Небольшие кольца с овальными щитками, орнаментированными кружками, найденные в погребении КН-1, относятся к самому раннему варианту этого типа в Новгородской земле. Они также дают нижнюю дату — конец X в. и верхнюю — до первой трети XII в. включительно (*Лесман*, 2011. С. 189–190). Сузить датировку погребения

[4] Определение И. Г. Добровольского.

[5] В настоящее время вся коллекция из погребений КН (за исключением керамики и жерновов) хранится в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

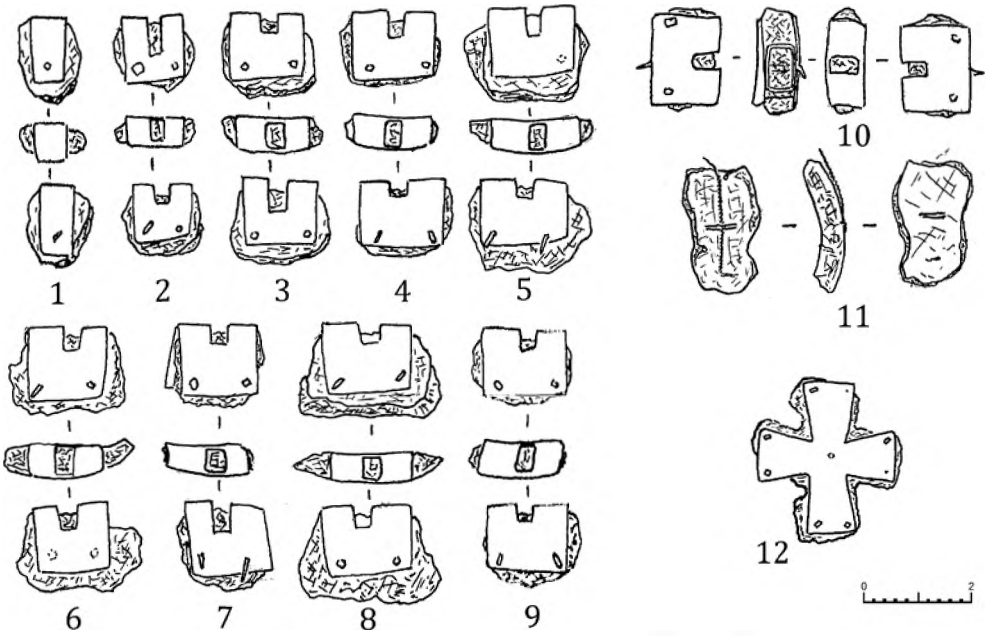

Рис. 7. Инвентарь погребения КН-1. *1–10* — обкладки венчика деревянной чаши; *11* — обломок дерева, прошитый серебряной нитью; *12* — накладка в виде креста
Fig. 7. Grave goods from burial КН-1. *1–10* — ferrules from the rim of a wooden bowl; *11* — fragment sewn with a silver thread; *12* — cross-shaped mount

КН-1 помогает находка серебряной подковообразной фибулы с широким пластинчатым основанием иглы. Она сразу устанавливает нижний хронологический предел комплекса не ранее 1076 г. (*Лесман*, рукопись[6]). Это позволяет, в свою очередь, уточнить датировку серебряного перстня с чернью, датируемого, по сочетанию формы и конструкции, не ранее 1055 г. С этим перстнем связан особый сюжет, детально изложенный ниже.

Деревянный сосуд, отделанный серебром, является достаточно известным атрибутом камерных могил X — начала XI в. в Северной и Восточной Европе. Фрагменты такой деревянной посуды обнаружены в 13 захоронениях могильника Бирка (*Arbman,* 1940. Taf. 214–216). На территории Древней Руси находки деревянных чаш с серебряными оковками известны в Киеве, в могильнике на Старокиевской горе (Кат. № К-10)[7], в Гнёздове (погр. Оль-30 и Дн-13

[6] Здесь и далее датировки даются на рукопись книги Ю. М. Лесмана «Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.)», отражающую самый последний вариант разработки им хронологии погребальных древностей Новгородской земли. В более ранних публикациях Ю. М. Лесмана датировки могут отличаться.

[7] Ссылки даются на номера в Каталоге камерных погребений, составленном К. А. Михайловым (Михайлов, 2016. С. 203–249).

соответственно: Кат. № Г-11 и Г-22), в Псковском некрополе (погр. 3, 6 и 7 в южной части Окольного города, Кат. № П-6, П-9, П-10), а также в соседнем с КН-1 погребении КН-5 на могильнике Удрай-2 (Кат. № У-3). Пожалуй, следует отметить особую популярность этих предметов именно в Северной Руси эпохи викингов. Из 11 раскопанных камерных могил Псковского некрополя 3 содержали деревянные сосуды с серебряными обоймицами. Из шести погребений КН в Удрае остатки деревянных чашек, отделанных серебром, были встречены в двух.

Материалы погребения КН-1 неопровержимо свидетельствуют, что подобные чаши оставались в употреблении вплоть до последней четверти – конца XI в., после чего они, по-видимому, совершенно исчезли из обихода. Редкие находки деревянной посуды с металлическими деталями, встреченные в древнерусских курганных могильниках, демонстрируют уже иную традицию. К примеру, в Верхневолжье, где раскопано большое количество ранних древнерусских комплексов, подобные находки единичны. В обширном могильнике Избрижье остатки деревянных сосудов с обкладками найдены всего в двух погребениях, датируемых не позднее 1-й трети XII в. Однако в одном случае (кург. № 37) обкладка по венчику имеет характер сплошной пластины (*Жукова, Степанова*, 2010. С. 120, 261. Рис. 40, *1–2*). В другом (кург. № 124, погр. 1) серебряные обоймицы покрыты орнаментом, не характерным для чаш эпохи викингов (зубчатый и накольчатый штамп) (*Там же*. С. 120, 129–300. Рис. 80, *12*).

Особенностью чашки из погребения КН-1 является ее символическая (ритуальная?) нагрузка, о которой свидетельствует серебряная накладка в виде христианского креста. Вероятнее всего, она украшала дно чаши изнутри и была призвана «освящать» ее содержимое. Эту любопытную деталь стоит иметь в виду при характеристике самосознания новообращенных христиан Северной Руси XI в.

Если говорить о других характерных чертах комплекса КН-1, заметно отличающих его от общего массива древнерусских курганных погребений Новгородской земли XII в. (включая, по-видимому, и первую треть этого столетия), таковыми являются в первую очередь присутствие в погребении византийских серебряных монет и наличие в нем женского костюма с серебряными полыми пуговицами.

Византийские монеты представляют собой очень редкую находку на древнерусских памятниках, особенно когда речь идет о сельской округе. Современный анализ богатейших нумизматических материалов Гнёздовского археологического комплекса позволяет предположить, что они играли роль не денежных единиц, а скорее социальных маркеров, престижных вещей, владение которыми подчеркивало высокий статус их обладателя (*Шевцов*, 2017). В Гнёздове «треть общего количества медных [византийских] монет и все экземпляры из драгоценных металлов были переделаны в подвески» (*Пушкина и др.*, 2012. С. 263). Крайняя редкость этих украшений в ранних древнерусских ингумациях Северо-Запада позволяет предположить, что в землю они выпали не позднее кон-

ца XI в. и, таким образом, маркировали собой наиболее раннюю группу трупоположений на древнерусских курганных могильниках.

Выше уже оговаривалось: монетный комплекс погребения КН-1 заметно «удревняет» его дату, которая определяется, по сочетанию типов инвентаря, в диапазоне не ранее последней четверти XI в. и не позднее первой трети XII в. Тем не менее важно отметить: в ходе исследований Удрайского археологического комплекса, включающего 4 древнерусских могильника, нами была раскопана целая серия курганов, сравнительно богатых, датируемых не позднее первой трети XII в. Но состав монетных находок из этих погребений (в основном денарии, чеканенные в разных городах Священной Римской империи) заметно отличался от серии, которую дают погребения КН. В этих последних представлены в основном арабские и византийские монеты. Из западноевропейских денариев доминируют английские. Отличие данной монетной серии от курганных находок первой трети XII в. в регионе, на наш взгляд, делает раннюю часть указанного выше хронологического диапазона погребения КН-1 (последняя четверть — конец XI в.) более предпочтительной.

Заметим также: использование в погребальном ритуале КН-1 *очень старых монет* (в данном случае показательно присутствие дирхема рубежа IX–X вв. и другого — рубежа X–XI вв.), возможно, свидетельствует о том, что члены сообщества, совершавшего обряд, знавали лучшие дни, но в тот момент встали перед необходимостью выгребать ценности из кубышки.

3.2. Серебряные пуговицы и проблема реконструкции женской одежды XI в.

Не менее интересной особенностью материальной культуры, специфичной, по-видимому, для XI в., являются гладкие полые серебряные пуговицы, спаянные из двух половинок, с гроздевидным окончанием. «Гроздевидные украшения» (серьги и височные кольца) из серебра и медных сплавов были широко распространены в последней четверти I тыс. н. э. в Подунавье (*Рябцева*, 2010. С. 273–285). Среди них присутствуют как изделия с зернью, так и литые ее имитации. Подобные украшения встречены также на памятниках роменско-боршевской культуры и Начальной Руси X в.[8], так что распространение и развитие указанного декоративного элемента проследить нетрудно.

[8] Традиция гроздевидных окончаний изделий в ювелирном искусстве Центральной и Восточной Европы восходит, безусловно, к византийским образцам — изящным украшениям из золота, датируемым в самой империи 3-й четвертью — концом I тыс. н. э. Примерами таких дорогих вещей могут служить золотые однобусинные серьги с окончаниями в виде пирамидок зерни из склепа второй пол. VI — VII в. раннехристианской базилики на о. Титани (Мани) (Византийский и Христианский музей, Афины. Инв. № ВХМ 195 /a-b/), а также золотые серьги 1-й пол. X в. с перегородчатой эмалью и гроздевидными выступами из треугольников зерни, хранящиеся в Национальном археологическом музее в Афинах (Инв. № ΣΓ 483/a-b/), и т. д. Мастера Подунавья развивали данную декоративную традицию на более дешевых материалах, предназначенных для варварской периферии.

В нашем случае речь идет не об одном элементе декора, а о характерных особенностях женского костюма. Присутствие в погребении КН-1 набора полых, хрупких пуговиц из серебра высокой пробы свидетельствует о наличии верхней (?) женской одежды с галунами, на которые пуговицы пришивались, и широкими петлями, на которые они застегивались. Впрочем, хрупкость изделий может указывать и на другое — на преимущественно *декоративную функцию* указанных вещей. Нельзя исключить, что они нашивались на одежду как украшение, имитируя тем самым детали престижного костюма более ранних времен (или более высокой социальной страты!), где такие пуговицы были функциональны. В погребении КН-1 бóльшая часть находок этих пуговиц обнаружена в верхней части костяка — в районе черепа и груди. Однако отдельные экземпляры оказались заметно в стороне, у самого края ямы — две у правой голени, две — против правого плеча. Возникает вопрос: не были ли они принадлежностью какого-то одеяния или накидки, которой погребенная была покрыта сверху?

Обращение к материалам более раннего периода показывает, что верхняя одежда с пуговицами (кафтан) получила распространение на Руси начиная с середины X в. (*Михайлов,* 2016. С. 120). Она достаточно широко представлена в камерных могилах с ингумациями указанного периода (*Там же.* С. 116–120). Помимо погребений серебряные пуговицы присутствуют в кладах второй половины X в. Так пустотелые круглые пуговицы с петелькой, идентичной удрайской, спаянные из двух половинок, но без гроздевидного окончания, представлены в Гнёздовском кладе 2001 г. (*Меч и златник...* 2012. С. 93). Пуговицы эллипсоидной формы (очень напоминающей удрайскую), также спаянные из двух половинок, но с круглым выступом-«пуговкой» на конце, украшенные рельефным орнаментом и зернью, обнаружены в Гнёздовском кладе 1993 г. (фотографии см.: https://vk.com/photo-3981595_277079284). Наконец, интересный экземпляр серебряной пуговицы того же типа, орнаментированной напаянными колечками рубчатой проволоки, с одним шариком на конце, происходит из культурного слоя городища Любша в Нижнем Поволховье ([*Рябинин*], 2003. С. 205). В ходе раскопок эта последняя находка была предварительно датирована VIII — IX в., но в настоящее время хронология Любши пересматривается, и, скорее всего, дата будет несколько омоложена.

Все перечисленные изделия, в принципе, могли послужить прототипами серебряных пуговиц с гроздевидным окончанием, найденных в погребении КН-1. Но характерным отличием этих последних является хрупкость. Если описанные выше изделия X в. однозначно являлись *функциональными*, способными служить застежками плотных тканей верхней одежды, то применительно к находкам из погребения КН-1 в этом есть некоторые сомнения. В отчете Н. И. Платоновой о раскопках 1981 г. указанные находки еще именовались «подвесками». Но в ходе дальнейшей работы выяснилось: данная форма специфична именно для пуговиц и доживает она в России до XVI–XVIII вв., причем как атрибут *статусной одежды верхней страты общества*[9].

[9] Данный вопрос требует дальнейшей разработки. В настоящий момент мы можем сослаться на свои наблюдения, сделанные в 2015 г. в Русском музее при осмотре

Решение вопроса о преемственности женского костюма с полыми серебряными пуговицами, аналогичными найденным в КН-1, с соответствующими материалами Древней Руси второй половины X в. наталкивается на некоторую трудность: в указанный период такая одежда была специфична для *мужских* погребений. Практически все комплексы древнерусских камер с находками большого числа пуговиц являются захоронениями мужчин. Есть, правда, исключение — погребение № 12 могильника на Старокиевской горе, близ Михайловского собора (Кат. № К-13) (*Михайлов*, 2016. С. 209–210).

По сравнению с основным массивом камерных могил это захоронение является поздним и датируется концом X — началом XI в. Оно было совершено в гробовище, скрепленном гвоздями и поставленном в большую яму, по размерам сопоставимую с камерами. В гробу находилось погребение женщины, на груди у которой помимо бус — стеклянных, каменных и серебряных — оказалось 4 бронзовых литых пуговицы и одна пустотелая пуговица. По мнению К. А. Михайлова, «одежда усопшей отличается от женских рубах, которые застегивались пуговицами или фибулами в районе шеи. Скорее распашная одежда напоминает древнерусские мужские кафтаны или халаты кочевников, которые имели дополнительную внутреннюю пуговицу... до сих пор набор таких пуговиц не находили в женских погребениях...» (*Там же*. С. 135).

Таким образом, поздняя группа камерных захоронений дает нам по меньшей мере один пример того, что на рубеже X–XI вв. древнерусская престижная мода все же включала женскую распашную одежду с пуговицами. При этом стоит обратить внимание: в мужских погребениях X в. обнаружены по большей части литые грибовидные пуговицы. Но мужскому ли костюму принадлежали изукрашенные пустотелые пуговицы эллипсоидной формы из Гнёздовского клада 1993 г. или из Любши — остается неясным. Их появление на Руси, скорее всего, было обусловлено модой, распространявшейся из Подунавья. Заметим в этой связи: изящные шаровидные пуговки с петельками из Микульчиц (Великая Моравия, IX–XI вв.), украшенные треугольниками зерни и/или рельефным орнаментом, явно служили атрибутом дамской одежды (*Жилина*, 1998. С. 108. Рис. 2, *2–3*).

Рассмотрим теперь круг прямых аналогий серебряным пуговицам из погребения КН-1 на могильнике Удрай-2.

3.3. Аналогии серебряным эллипсоидным пуговицам с гроздевидным окончанием на Северо-Западе

Удрай-2, КН-3. Первой и практически полной аналогией можно считать соседнее погребение КН-3, где также было найдено 7 пуговиц указанного типа, в сопровождении византийской монеты-подвески (серебряный милиарисий Константина VII и Романа II, 945–959 гг.) и трех подвесок из денариев

выставок, посвященных русской культуре. К сожалению, бытовая культура России XV–XVIII вв. известна даже хуже, чем древнерусская; имеющиеся коллекции почти не опубликованы.

Этельрёда II (978–1016 гг.). Набор серебряных украшений, как и в случае КН-1, включал полые гладкие бусы, спаянные из двух половинок (4 экз.), а также 2 бусины с зернью и сканью. Погребение содержало богатый набор вещей, из которых следует особо отметить серию монет, в том числе *очень старых*. Помимо четырех уже упомянутых монет, превращенных в украшения, здесь находились: денарии (Оттон I, 936–973 гг., Кёльн; Оттон II или III, 973–1002 гг., Майнц; один неопределенный денарий); скандинавское подражание денарию Этельрёда II; брактеат — подражание дирхему X в.; галльское подражание римской монете II в. н. э.; монетовидный кружок. Отметим также находку весов в бронзовом футляре, набор из 12 железных гирек, обтянутых бронзой, ожерелье из бус, преимущественно ранних типов, тонкие серебряные гладкие кольца (наподобие нанизанных на браслет в погребении КН-1), 2 цепедержателя, поясные бляшки и т. д.

Датировка комплекса по младшей монете дала бы нам дату: *после 978 г.* Однако присутствие немногочисленного бусинного бисера поднимает датировку комплекса как минимум до 1096 г. Наличие боченковидной печеночно-красной бусины устанавливает ее верхний предел — 1116 г.

Хрепле, кург. 20, погр. 1. Третий известный нам комплекс с гладкими серебряными пуговицами с гроздевидным окончанием происходит из раскопок А. В. Арциховского 1929 г. на могильнике у дер. Хрепле (Новгородская обл., Новгородский р-н). Курган представлял собой самую большую и, возможно, самую раннюю насыпь в группе. Он содержал парное погребение; костяки лежали в отдельных ямах. Коллекция находится в фондах Новгородского гос. музея-заповедника (№ 69597, хр. В/6).

В захоронении женщины (№ 1) обнаружен набор из 12 (?) серебряных гладких пуговиц (в коллекции — 11 экз.). А. В. Арциховский называл их в публикации «эллипсоидными подвесками с гроздевидным окончанием» (*Арциховский*, 1930. С. 22). Как и в Удрае, они встречены в комплексе с находками височных колец, серебряных бус (гладких и с ложной зернью), монет — в данном случае арабских (Саманиды, Самарканд: Исмаил ибн Ахмад, 895 г.; Наср ибн Ахмад, 923 г.), а также многочисленных стеклянных бус и бисера. Несомненно, статусной вещью являлся стеклянный сосуд — по-видимому, кубок прозрачного зеленовато-голубого стекла (в обломках). Соседнее погребение мужчины помимо бытовых вещей содержало литую пуговку, секиру и 2 копья.

Овальнощитковое височное кольцо, найденное в Хрепле, относится к варианту несколько более позднему, чем кольца КН-1. Его можно датировать не ранее последней четверти или даже конца XI в. Наличие бусинного бисера точно определяет нижнюю дату погребения концом XI в. (после 1096 г.). На ту же нижнюю дату указывает находка специфической литой пуговки из погр. 2 (мужского). Верхняя дата — 1116 г. — устанавливается для женского погребения по наличию боченковидной печеночно-красной бусины, для мужского — по типу наконечника дротика (*Лесман*, рукопись).

Погост Белые Кресты, кург. 4 (Устюженский у. Новгородской губ.— совр. дер. Сазоново Чагодощенского р-на Вологодской обл.). Курган был раскопан Д. Европеусом в 1874 г. Коллекция находится в фондах Национального музея Финляндии (Хельсинки) (NM 1676: 9–16), опубликована в атласе И. Р. Аспелина (*Aspelin*, 1878. S. 201) Комплекс очень близок по составу КН-1 и КН-3. Включает 8 экз. серебряных пуговиц с гроздевидным окончанием и 8 гладких серебряных бус, спаянных из двух половинок; византийский милиарисий-подвеску (Константин VII и Роман II, 945–959 гг.); денарий-подвеску (Генрих II, Регенсбург, 984–985 гг.); такой же денарий без ушка; дирхем-подвеску (неопр.); фрагменты денария Оттона III (988–1002 гг.). Кроме того, присутствуют браслетообразные височные кольца с далеко заходящими концами; подковообразная фибула со спирально закрученными концами, с широким пластинчатым основанием иглы; серебряный перстень литой, сомкнутый, с продольным рифлением. Щиток перстня круглый, грибовидный в разрезе, сплошь покрыт имитацией зерни. Состав стеклянных бус в ожерелье очень близок КН-3, включает золото- и серебростеклянные бусы ранних типов, красную печеночную бусину, разноцветный бисер.

По типу иглы подковообразной фибулы данное погребение можно датировать не ранее 1076 г. Наличие печеночно-красной боченковидной бусины замыкает хронологический диапазон комплекса 1116 г.

Дрегли, кург. 18. (Новгородская обл., Любытинский р-н). Курган 18 был раскопан В. Я. Конецким в 1978 г. (Архив ИА РАН, Р-1, 7163). Курган расположен в центральной части могильника, по размерам он не отличался от соседних (высота 1,5 м, D — 12 м, насыпан на материковом ядре). Погребение женщины было совершено в большой яме (3 × 2,1 × 0,8 м), ориентировано на запад, с легким отклонением к югу. Содержит 4 гладкие пуговицы с гроздевидным окончанием вместе с набором изящных серебряных украшений. Последний включает круглую плоскую подвеску с зернью и сканью, бусы, украшенные зернью и сканью, бусы гладкие из двух половинок, серебряные височные кольца ранних типов (щитковые и трехбусинные). Вместе с ними найдены стеклянные бусы: мозаичные многогранные, синие двучастные лимоновидные, оранжевые глухого стекла с глазками, сердоликовая 14-гранная и др.

Щитковые височные кольца в Дреглях относятся к тому же наиболее раннему варианту, что и кольца в КН-1 и дают нижнюю дату — рубеж X–XI вв. По наличию синих лимоновидных и сердоликовой 14-гранной бусин достаточно надежно устанавливается верхняя дата — до 1096 г.

Усть-Кеза, кург. 2 (Тверская обл., Максатихинский р-н). Курган раскопан Ю. Н. Урбаном в 1974 г. Отчет отсутствует. Коллекция и опись находок хранятся в фондах Археологического музея. ТвГУ. Описание комплекса опубликовано (*Жукова, Степанова*, 2010. С. 193–195. Рис. 125).

Погребенная лежала головой на восток. При ней обнаружено 11 серебряных полых пуговиц с гроздевидным окончанием, с позолотой. Им сопутствовали гладкие полые бронзовые (?) бусы, спаянные из двух половинок (обломки).

Помимо того, найдено ожерелье из бус и рубленого бисера; браслетообразные височные кольца с заходящими концами; перстнеобразные колечки (в том числе с завитком на одном конце); гладкие трапециевидные подвески; ажурные треугольные подвески из свинцово-оловянистого сплава; железный замкнутый браслет из круглого в сечении дрота и фрагменты двух лепных сосудов.

Типы бус по описанию и рисунку нам не вполне ясны. По-видимому, точно присутствуют оранжевые боченковидные и желтые лимоновидные, датируемые в Новгороде до 1167 г. Однако по наличию лепной керамики представляется возможным отнести комплекс к периоду не позднее XI в.

Этим списком исчерпываются на сегодняшний день все известные нам находки комплексов с гладкими полыми пуговицами с гроздевидным окончанием на Северо-Западе. Приведенные данные подтверждают принадлежность этих находок исключительно женскому костюму. Характерна повсеместная совстречаемость данного типа пуговиц с серебряными полыми бусами, сделанными в той же технике. Не исключено, что бусы несли в костюме ту же функцию, что и пуговицы, — использовались как застежки или имитации застежек, нашитых на ткань. Стоит отметить и общее сходство всех этих комплексов (кроме, быть может, Усть-Кезы) по составу инвентаря, несмотря на значительный территориальный разброс. Для них характерно присутствие «статусных» вещей, каковыми являлись украшения с зернью и сканью, монеты, в том числе византийские, кубок тонкого стекла и т. д. Датировка всех шести погребений подтверждает их принадлежность очень узкому временно́му диапазону: последним десятилетиям XI — первым десятилетиям XII в.

4. Заключение

Материалы погребения КН-1 и синхронных ему по времени «богатых» комплексов на древнерусских курганных могильниках Северо-Запада отражают собой поворотный момент в становлении древнерусского общества и его культуры, который стал одновременно и завершением предшествующего периода, и «точкой невозврата» к прошлому.

Указанные памятники вполне можно рассматривать как источник для изучения и воссоздания более раннего этнографического комплекса Северной Руси XI в., недостаточно известного нам в силу долгого переживания обряда трупосожжения. Этот ранний комплекс, сложившийся на позднем этапе эпохи викингов, стремительно вытеснялся из обихода уже в первые десятилетия XII века. Причины наступавших перемен коренились, по-видимому, в быстром расслоении прежнего — эгалитарного по преимуществу — общества, уменьшении проницаемости социальных перегородок в конце эпохи викингов и превращении жителей сельской глубинки из «мужей» в зависимых «смердов».

Археологическим отражением данного процесса служит достаточно быстрое исчезновение из культуры сельского населения Новгородской земли XII в. тех

социальных маркеров, которые еще присутствуют на раннем этапе функционирования древнерусских могильников, на рубеже XI–XII вв. Таковыми служили византийские монеты-подвески; изящные изделия из серебра, украшенные чернью, зернью и сканью; стеклянные привозные сосуды; деревянные чашки, украшенные серебром; дорогое оружие и т. п. В том же ряду, на наш взгляд, можно рассматривать парадный женский костюм с серебряными пуговицами, реконструируемый на материалах погребения КН-1 и небольшой серии аналогий ему в Новгородской земле. Наличие такой одежды, вероятно, также являлось одним из маркеров принадлежности к сообществу зажиточных, уважаемых людей, претендующих считаться «знатными».

Приложение

К. В. Горлов, Н. В. Григорьева

Серебряные перстни с чернью из могильника Удрай-2 (погребение КН-1) и Старой Ладоги

Отдельный интересный сюжет исследования представляет собой серебряный перстень с пластинчатым фигурным щитком из погребения КН-1, который следует отнести к классу усложненнопластинчатых широкосрединных (рис. 8: *1*). Центральная часть его щитка занята узором в виде вьющейся лозы восьмеркообразной формы, подчеркнутой чернью, с двух сторон от которой располагаются малые рельефные трехлепестковые крины. Центральная композиция окаймлена двумя бордюрами, выполненными чернью, которые, в свою очередь, отделены от края щитка углубленными канавками. Смыкаясь у краев щитка, черневые линии образуют основу крупных боковых кринов, также отделенных от края изделия углубленными канавками. Проволочные концы изделия были завязаны двойным «скандинавским» узлом. Перстень отлит по оттиску в глиняной форме, с последующей механической обработкой[10], пластинчатые концы отливки раскованы в проволоки.

Перстень можно отнести к классу усложненопластинчатых широкосрединных перстней, его щиток несет богатую декоративную нагрузку. Центральная часть занята рельефным узором в виде вьющейся лозы восьмеркообразной формы, подчеркнутой чернью, с двух сторон от которой располагаются малые рельефные трехлепестковые крины. Смыкаясь у краев щитка, черневые линии образуют основу крупных боковых кринов.

На боковой стороне одного из краевых кринов ладожского перстня выявлен след брака матрицы, причем образовавшаяся вследствие этого каверна была заделана мастером при помощи черни. Небольшое отверстие на щитке около одного из малых кринов, видимо, следует связывать с недоливом металла при изготовлении отливки.

---

[10] Авторы выражают благодарность Р. С. Минасяну (Государственный Эрмитаж) за предоставленную консультацию по вопросам техники изготовления перстня.

Рис. 8. Литые перстни с завязанными концами и фигурным щитком, украшенные чернью. *1* — перстень из погребения КН-1; *2* — перстень из культурного слоя Ладожской каменной крепости

Fig. 8. The cast finger-rings with tied ends and figured signet, decorated by niello. *1* — from the burial KH-1; *2* — from the cultural layer of Ladoga stone fortress

Тщательный осмотр обоих перстней — ладожского и удрайского, находящегося в фондах НГОМЗ (инв. № НГМ КП 34112/113 А-101/113 СБ-859), позволил заключить, что оба украшения изготовлены по оттиску одной модели, вероятно, рукой одного мастера. Об этом свидетельствуют совпадение метрических параметров элементов изображения и наличие брака на одном из краев крупных кринов, на экземпляре из погребения КН-1, исправленного пайкой металлом (серебром?). Перстень из Удрая-2 имеет следы значительной механической обработки, что объясняет некоторые различия контуров центрального узора.

Ладожский перстень происходит с небольшого участка не перемещенного слоя черного гумуса, связанного с металлообрабатывающим комплексом, располагавшимся на территории крепостного двора. Период функционирования мастерской следует ограничить временем строительства в крепости церкви Святого Георгия во второй половине XII в. (*Сарабьянов*, 2002. С 9; *Лалазаров*, 2002. С. 85, 114). При этом в одном слое с перстнем найдены две монеты: 1/4 дирхема конца X — начала XI в.[11] и пфенниг герцога Ордульфа или графа Германа второй половины XI в.[12].

Таким образом, из Нижнего Поволховья и Верхнего Полужья происходят два перстня с оригинальным сочетанием технико-декоративных элементов, изготовленные в одной мастерской и соответственно одновременно бытовавшие в культуре. При этом удрайский перстень «выпал в землю», скорее всего, в конце XI в. Ладожский экземпляр оказался потерян владельцем (или сломан и взят в переплавку) в первой половине XII в.

Техника изготовления, орнаментация и хронология рассматриваемых украшений позволяют связывать их с древнерусскими и булгарскими черненными перстнями (*Макарова*, 1976; *Руденко*, 2007, 2010; *Адамов*, 2010). По классификации Т. И. Макаровой[13], они относятся к немногочисленному типу I — с круглым или овальным щитком. На Руси они изготовлялись методом литья или ковкой (*Макарова*, 1986. С. 39).

Декоративные элементы в виде кринов, вьющейся лозы и черненых бордюров широко представлены на древнерусских и булгарских изделиях (*Там же*. Рис. 15: *47, 48, 52, 53*; *Руденко*, 2010. Рис. 1: *6–10, 27*), однако то сочетание, в котором они представлены на перстнях из Удрая-2 и Ладоги, является очень оригинальным.

Вьющаяся лоза — довольно востребованный мотив — обычно занимает центральную часть композиции щитков. Орнамент в виде кринов также популярен, но в подавляющем большинстве случаев он также является центральным элементом композиции с различной вариацией окантовок (*Макарова*, 1986. С. 39, 47; *Руденко*, 2010. С. 21). При этом трилистник, располагающийся на боковых гранях, при переходе от щитка к обручу, как некрупный дополнительный декоративный элемент известен лишь в единичных случаях (*Адамов*, 2014.

[11] Определение В. С. Кулешова.

[12] Определение В. Н. Седых.

[13] Типология на основании формы щитка была принята и К. А. Руденко для перстней булгарского типа (*Руденко*, 2007; 2010).

С. 46). В нашем случае два небольших крина окаймляют завиток лозы в центре; еще два боковых крупных крина наравне участвуют в диалоге с центральной композицией. Среди опубликованных материалов аналогий подобному сочетанию деталей нами не встречено.

Где могли быть изготовлены такие перстни? К импортным изделиям, например булгарского происхождения, их не позволяет отнести техника литья. Все булгарские украшения изготавливались методом ковки (*Руденко*, 2010. С. 10). Кроме того, *двойной* скандинавский узел как способ соединения концов обруча не типичен ни для булгарского, ни для византийского ювелирного искусства. Этот двойной узел, получивший широкое распространение на Руси, имеет североевропейские истоки (*Лесман*, 1996. С. 36). Не исключено, что мастер, отливавший перстни, имел в качестве образца изделие предположительно булгарского происхождения, но в значительной степени переработал его. В этой связи отметим: в комплексе погребения КН-1 присутствует целая серия вещей, концы которых завязаны именно двойным узлом.

На Руси XI в. широкосрединные перстни с завязанными концами имели большую популярность. Мастер-ювелир, занимавшийся их изготовлением, явно осуществил завершение концов изделия в привычной для себя манере. Однако на известных нам *литых* древнерусских перстнях, как элитных, так и рядовых, подобное соединение концов не встречается (*Сарычева*, 1994; *Сумина*, 1999. С. 167–189; *Зайцева*, 2008. С. 278–282 и др.). Материалы Новгорода свидетельствуют, что наиболее ранние литые древнерусские перстни появляются не ранее середины XI в. и изначально имеют сомкнутые концы (*Рындина*, 1963. С. 236; *Седова*, 1981. 129–132; *Лесман*, рукопись).

Находки из Старой Ладоги и Удрая-2 показывают, что по крайней мере небольшая серия литых перстней с завязанными концами существовала в Северной Руси наряду с сомкнутыми. В этих изделиях нашли воплощение различные орнаментальные и ювелирные традиции — и византийский крин, и североевропейский двойной узел, и восточная (булгарская) черневая техника. На сочетании и взаимодействии этих традиций — северной, южной и восточной — строилась древнерусская культура. Возможно, данный вариант перстней также появился в середине XI в., заняв переходное положение между привычными в производстве коваными и выполненными в новой технике литыми перстнями. Если это так, то находки из Старой Ладоги и Удрая-2 можно рассматривать как одну из наиболее ранних форм черненых древнерусских перстней, которые, исходя из географии находок, скорее всего, были изготовлены в мастерской Северо-Западного региона.

Литература

Адамов А. А. Серебряные перстни с чернением булгарского типа из Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 9. Пермь, 2014. С. 44–49.

Арциховский А. В. Раскопки 1929 года в Новгородском округе // Материалы и исследования Новгородского музея. Новгород, 1930. С. 20–30.

Григорьева Н. В. Свидетельства медеплавильного и бронзолитейного производства в Ладоге в XI в. (по материалам раскопок в Ладожской крепости) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб., 2015. Вып. 5. С. 39–47.

Жилина Н. В. Об эволюции металлических бус славянских типов // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.: Памятники исторической мысли, 1988. С. 106–113.

Жукова Е. Н., Степанова Ю. В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников.Тверь: Научная книга, 2010. 351 с.

Зайцева И. Е. Металлические украшения рук Мининского археологического комплекса // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.: Наука, 2008. С. 275–287.

Кузьмин С. Л. Оредежские сопки // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 16–26.

Кузьмин С. Л. Комплекс памятников в ур. Миложь у д. Сковородка в контексте древностей Верхнего Поплюсья рубежа I и II тыс. н. э. // Вестник молодых ученых. Сер. Исторические науки. 2001. № 1. С. 56–62.

Лалазаров С. В. Архитектура церкви св. Георгия // Церковь святого Георгия в Старой Ладоге. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 69–124.

Лесман Ю. М. Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI–XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1988. 26 с.

Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 29–98.

Лесман Ю. М. Двойной узел в средневековых ювелирных изделиях Восточной Европы // Ювелирное искусство и материальная культура: ТД 2-го коллоквиума. СПб., 1996. С. 35–37.

Лесман Ю. М. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки // Archeologia Petropolitana. Вып. 1. СПб., 1996. С. 52–65.

Лесман Ю. М. Сериационная хронология: иллюзии и реальность // ЗИИМК. 6. СПб., 2011. С. 186–198.

Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.). (Рукопись)

Макарова Т. И. Черневое дело Древней Руси.М.: Наука, 1986. 156 с.

Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Выставка в Государственном Историческом музее. М., 2012.

Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси. Камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2016. 272 с.

Платонова Н. И. Отчет об археологических раскопках Лужского отряда Ильменской экспедиции ИА АН СССР в 1981 г. Рукопись. Архив ИА РАН. Р-1, 8740.

Платонова Н. И. Камерные погребения XI — начала XII вв. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Общество, экономика, культура и искусство славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Новгород, 26–31 авг. 1996 г. М.: Изд-во РАН, 1997. Т. 4. С. 372–380.

Платонова Н. И. О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Под ред. А. Н. Кирпичникова. СПб., 2002. С. 181–195.

Пушкина Т. А., Мурашёва В. В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Под ред. Н. А. Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–273.

Руденко К. А. Перстни с чернью из Волжской Булгарии // РА. 2007. № 2. С. 130–140.

Руденко К. А. Булгарское черневое искусство: перстни: Методическое пособие. Казань: МОиНРТ, 2010.

Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. № 117. Новые методы в археологии. М., 1963. С. 200–268.

Рябинин Е. А. У истоков Северной Руси: новые открытия / Отв. ред. Н. И. Милютенко. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003. 224 с.

Рябцева С. С. О «гроздевидных» украшениях // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы МНК, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 273–285.

Сарабьянов В. Д. История церкви св. Георгия, ее изучение и реставрация // Церковь Святого Георгия в Старой Ладоге. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 9–66.

Сарачева Т. Г. Металлические перстни Днепровского левобережья (конец IX — первая половина XIII в.) // История и эволюция древних вещей. М., 1994. С. 69–124.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

Сумина И. А. Металлические перстни средневекового Белозерья // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер. Труды ГИМ. Вып. 111. М., 1999. С. 167–189.

Шевцов А. О. Сравнительная характеристика нумизматических материалов Гнёздовского археологического комплекса // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин.Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29998912

Arbman H. Birka I: Die Gräber. 1–2 Bd: Text. Tafeln. Stockholm, 1940–1943.

Aspelin J. R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1878.

Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения

(на примере Которского погоста)

Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев (*СПбГУ*)[1]

Резюме. В археологии раннего Средневековья выработан перечень критериев, относящих определенные археологические комплексы к т. н. элитарным (привилегированным, княжеским). В статье рассматривается вопрос о возможности применения этих критериев к древнерусским сельским памятникам XI–XII вв. на конкретном примере хорошо изученного комплекса Которский погост. По мнению авторов, действительно элитарные комплексы на территории средневековой Новгородской земли единичны. Необходимым этапом дальнейших исследований являются предварительное распределение материалов древнерусских курганных кладбищ на качественные группы и выделение диагностирующих признаков для каждой из групп. В качестве образца такого исследования могут послужить работы Р. Кристляйна в области изучения меровингских древностей.

Summary. In the archaeological literature for the early Middle Ages compiled a list of criteria of so-called elitist (privileged, princely) complexes. The article examines the possibility of applying these criteria to the medieval rural sites of XI–XII centuries. As an example, take a well-known archaeological complex Kotorskiy Pogost. According to the authors, truly elite complexes are sporadic in the medieval Novgorod Land. A necessary step for further research is distribution of materials of ancient cemeteries for quality-groups and defining diagnostic signs for each group. The sample of this research could be the work by R. Christlein on Merovingian antiquities.

Ключевые слова: элитарные комплексы, раннее Средневековье, погребальные комплексы, социальная структура, методы археологического исследования, Которский погост.

Key-words: elite complexes, early Middle Ages, funerary complexes, social structure, methods of archaeological research, Kotorskiy Pogost.

1. Введение

Выделение и детальное изучение т. н. элитарных («привилегированных», «вождеских», «княжеских», *etc.*) комплексов – одна из «вечных» исследовательских

[1] Настоящая статья является уточненным вариантом текста, опубликованного в сборнике: Новгород и Новгородская земля. История и археология: Мат-лы XXX научной конференции (Вел. Новгород, 26–28 января 2016 г.). Вел. Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2016. С. 181–189.

тем в археологии. Элитарные комплексы чрезвычайно выигрышны источниковедчески: связанные с ними значительные наборы предметов предоставляют наилучшую возможность подробного вещеведческого анализа. Они демонстрируют моду и представления о престижном в конкретном обществе, ложатся в основу хронологических схем, исторических и социальных реконструкций. Наконец, они просто красивы.

В археологических исследованиях за много лет сложился некий стереотип в определении «привилегированных» комплексов: чаще всего их выделяют по наличию дорогих вещей (особенно украшений), большого количества дальних импортов, оружия, торгового инвентаря, монет, а также по топографической обособленности постройки или могилы, их большим размерам и т. д.

Однако нередко, увлекаясь, исследователи расширяют перечень элитарных комплексов, относя к ним практически все, где имеются перечисленные выше категории находок. Очевидно, необходим все же определенный критерий выделения комплексов, связанных именно с общественной элитой.

Предлагаемое сообщение посвящено поискам такого критерия. Объектом исследования послужили материалы комплекса памятников вокруг раннесредневекового Которского погоста в позднейшей Шелонской пятине Новгородской земли, изучением которого авторы занимаются уже давно.

Жители Которского погоста — которяне — в первый раз упоминаются в письменных документах в середине — второй половине XII в.: новгородская берестяная грамота № 640 (фрагмент обширного документа — вероятнее всего, перечня задолженностей) сообщает о «ногате поногатного у которян <...>» (*Янин, Зализняк,* 1993. С. 39).

Публикаторы грамоты отмечают, что термин «поногатное» как некая разновидность побора встречен впервые, а для его истолкования следует привлечь упоминание особой государственной пошлины «ногата», встреченное при позднейшем описании погоста Ужин той же Шелонской пятины (*Там же.* С. 40).

Само слово «поногатное» подразумевает, что это был сбор «по (одной) ногате», т. е. которяне **все вместе** не заплатили новгородской администрации **один** полновесный дирхем.

Заманчиво сопоставить сведения берестяной грамоты с археологическими материалами.

2. Которский погост: археологические комплексы и социальная принадлежность населения

Комплекс средневековых археологических памятников близ современной деревни Которск Плюсского района Псковской области уже неоднократно описан в археологической литературе (см., напр.: *Кузьмин,* 1991; *Соболев,* 2010; *Михайлова,* 2014; *Mikhaylova,* 2014).

Поселение Которский погост возникло на левом берегу р. Городоньки в IX в. и существовало здесь, по-видимому, до рубежа XI–XII вв. Остатки более позднего древнерусского селища зафиксированы на правом берегу. В сложном по составу комплексе погребальных памятников, окружающем поселение, отчетливо выделяются три группы памятников, относящихся к различным хронологическим периодам:

- могильники культуры псковских длинных курганов, сосредоточенные в северо-восточной части комплекса (предварительно их можно датировать только в общих широких рамках существования культуры — с конца V — начала VI в. до X — начала XI в.);
- сопки и бескурганные могильники с рассыпными кремациями раннего древнерусского времени, расположенные в юго-западной части комплекса (хронологически соответствуют селищу Которский погост);
- древнерусские курганные кладбища, возникшие на местах бескурганных могильников с кремациями и использовавшиеся в XI–XII вв. (отдельные наиболее поздние погребения можно отнести к началу XIII в.), т. е. как во время существования поселения на левом берегу реки, так и позднее, после его перенесения на противоположный берег Городоньки.

Таким образом, под древнерусскими курганами похоронены современники автора новгородской берестяной грамоты № 640 — непосредственные участники несостоявшейся уплаты поногатного.

Рассмотрим эти захоронения с точки зрения археологического «богатства» погребенных и их возможного статуса. Вот некоторые, наиболее показательные примеры.

Курган 8 могильника Которск III. Женское захоронение, сопровождавшееся привозным сборным ожерельем из стеклянных бус с бронзовыми лунницами и иконками Успения Богоматери. Как показала М. В. Седова, аналогичные иконки распространены во Владимиро-Суздальской земле и, вероятно, изготовлялись по образцу печати переяславского митрополита Ефрема, об активной деятельности которого в Суздале сообщают летописи (*Седова*, 1988). Кроме ожерелья здесь найдены несколько браслетов и перстней, обломок щиткового височного кольца, небольшой бубенчик и пряслице из розового шифера (рис. 1).

Курган 10 могильника Которск III. В этом захоронении кроме браслетов, перстня и ромбощитковых височных колец найдено другое сборное ожерелье — из тридцати двух однотипных небольших навитых зонных бусин из ярко-зеленого прозрачного стекла, лунницы и четырех круглых бронзовых привесок, украшенных композициями из волют или процветшими крестами. Ожерелье сопровождалось крупной привеской-иконкой архангела Михаила с круговой надписью, напоминающей изображения на некоторых древнерусских змеевиках, найденных, в частности, в Новгороде (ср.: *Никольская, Чернецов*, 1991. С. 49–58. Табл. I–IV) (рис. 2).

Курган 16 могильника Которск III. Погребенную здесь женщину сопровождал примечательный набор украшений, преимущественно из посеребренной

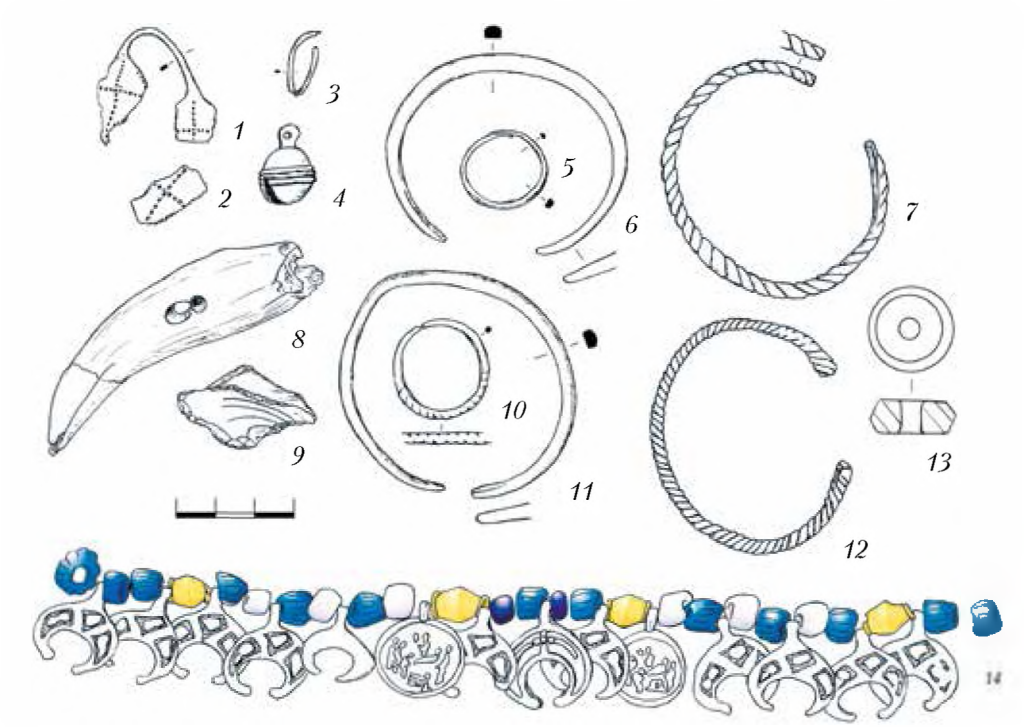

Рис. 1. Комплекс находок из женского погребения кургана 8 могильника Которск III: *1–7, 10–12 — бронза; 8 — клык; 9 — кремень; 13 — розовый сланец;14 — стекло, бронза*
Fig. 1. The cemetery of Kotorsk III, the burial mound 8: Association of finds from the female burial: *1–7, 10–12 — bronze; 8 — canine; 9 — flint; 13 — slate, 14 — glass, bronze*

бронзы и низкопробного серебра: многочисленные массивные металлические бусы (в сочетании со стеклянными), перстни, браслеты, подковообразная застежка, височные кольца (рис. 3).

Курган 6 могильника Которск XI. Женское погребение сопровождалось разнообразными серебряными и бронзовыми украшениями, среди которых обращают на себя внимание входившие в состав ожерелья пять массивных бронзовых лунниц, лунница из листового серебра и семь монет-привесок.

Во многих мужских погребениях встречено оружие, обычно черешковые дротики (Которск IX, курган 2; Которск XI, курган 5; Которск XI, курган 11, погр. 1; Которск XI, курган 19, погр. 1; Которск XI, курган 21), а также копье (Которск XI, курган 19, погр. 2), топор (Которск IX, курган 3) и единственный наконечник стрелы (Которск III, курган 29) (рис. 4).

Целая серия погребений сопровождалась серебряными монетами (табл. 1). Многочисленные монеты найдены и при раскопках селища Которский погост — в общей сложности 24 дирхема (целых и фрагментов).

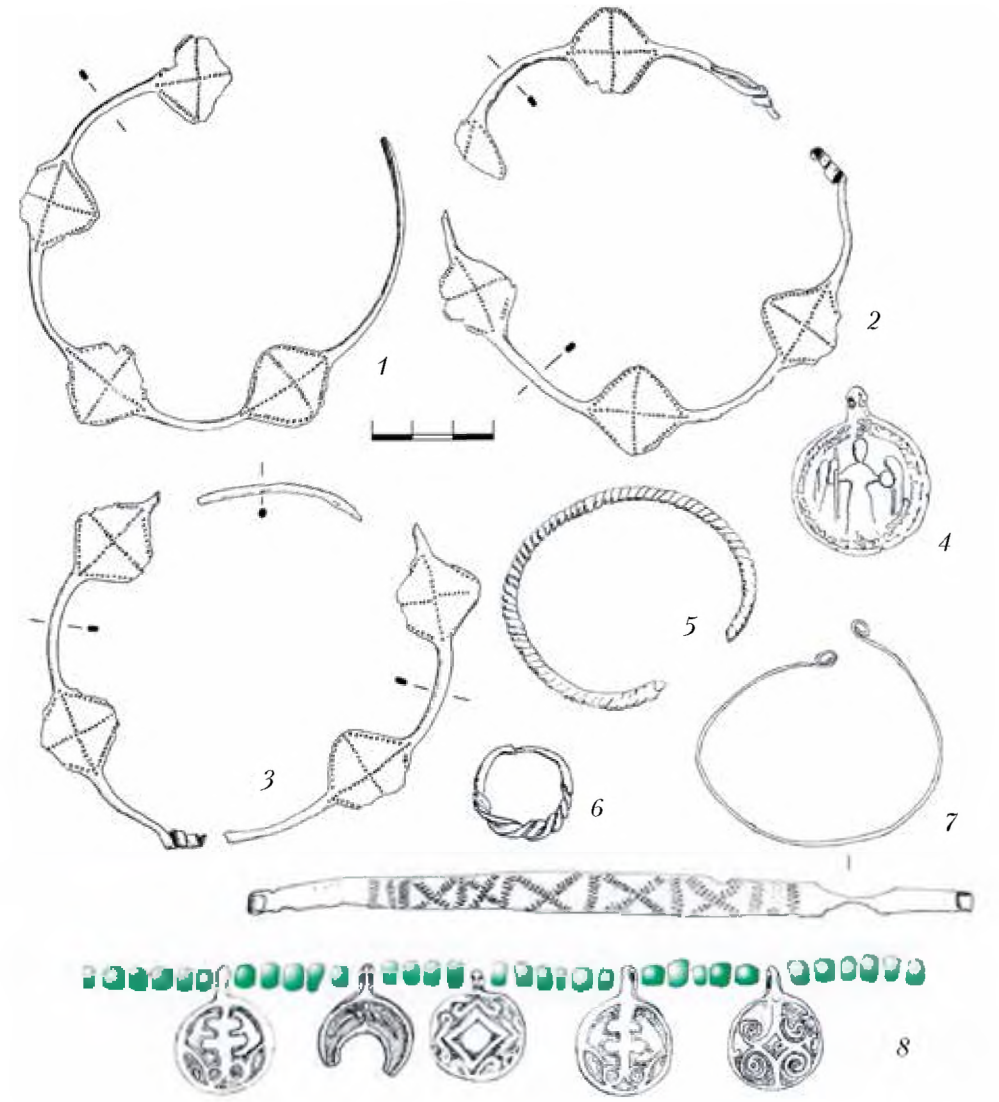

Рис. 2. Комплекс находок из женского погребения кургана 10 могильника Которск III: *1–3 – серебро; 4 – свинец; 5–7 – бронза; 8 – бронза, стекло*
Fig. 2. The cemetery of Kotorsk III, the burial mound 10: Association of finds from the female burial: *1–3 – silver; 4 – lead; 5–7 – bronze; 8 – glass, bronze*

Находки из погребений жителей Которского погоста демонстрируют нам их безусловную зажиточность. Более того, большинство из перечисленных здесь предметов (дорогостоящие ювелирные украшения, предметы вооружения, многочисленные монеты) в древнерусской археологии давно и не беспочвенно трактуются как свидетельства высокого статуса их обладателей. (К этому

Рис. 3. Комплекс находок из женского погребения кургана 16 могильника Которск III: *1, 2, 4–6, 8–10, 14 — серебро; 3, 7, 11 — бронза; 12, 13 — серебро, остатки кожи; 15 — серебро, бронза, стекло (реконструкция); 16 — кремень; 17 — железо*
Fig. 3. The cemetery of Kotorsk III, the burial mound 16. Association of finds from the female burial: *1, 2, 4–6, 8–10, 14 — silver; 3, 7, 11 — bronze; 12, 13 — silver, fragments of leather; 15 — silver, bronze, glass (reconstruction); 16 — flint; 17 — iron*

Табл. 1. Монетные находки из погребальных памятников Которского погоста
Table 1. Coins from the burial sites of the Kotorskiy Pogost

Комплекс	Дирхемы	Денарии	Милиарисии
Которск IX, слой бескурганного могильника	2		
Которск IX, курган 2	1		
Которск IX, курган 3	1		
Которск IX, курган 4(1)		1	
Которск III, курган 15	1		
Которск III, курган 20		1	
Которск III, курган 22	1		
Которск III, курган 29, погр. 1		1	
Которск III, курган 31		2	
Которск III, курган 35	2		
Которск III, курган 36		5	
Которск XI, слой бескурганного могильника		1	

Комплекс	Дирхемы	Денарии	Милиарисии
Которск XI, курган 2		2	
Которск XI, курган 5	1	4	
Которск XI, курган 6	2		1
Которск XI, курган 10	3	4	
Которск XI, курган 11		2	
Которск XI, курган 13		7	
Которск XI, курган 16		1	
Которск XI, курган 17		1	
Которск XI, курган 18, погр. 1		10	
Которск XI, курган 18, погр. 1		1	
Которск XI, курган 19	1		
Которск XI, курган 21		2	
Которск XI, курган 35	1		

перечню следовало бы добавить детали складных весов и гирьки, найденные на Которском селище и в могильниках с кремациями, и целый ряд других находок.)

Ногата поногатного осталась не уплаченной явно не из-за тяжелого финансового положения которян. Однако можем ли мы причислить которских обывателей к элите новгородского населения?

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о социальной структуре Новгорода и Новгородской земли в XI–XII вв. скудны и во многом дискуссионны, однако в определении статуса погостского населения больших разногласий нет. Согласно мнению подавляющего большинства исследователей, жители сельских территорий Новгородской земли выступают в источниках под именем смердов; дошедшие до нас документы четко отличают смердов, находившихся в зависимости от Новгородского государства или отдельного лица, от новгородцев (см., напр.: *Свердлов*, 1993. С. 42–44; *Фроянов*, 1990. С. 177–212, там же библиография вопроса).

Таким образом, наши которяне — это представители податного населения Новгородской земли, зажиточные простолюдины.

3. Проблема «элиты» в Новгородской земле

Применимы ли к древнерусскому обществу XI–XII вв. критерии выделения элитарных комплексов (оружие, свидетельства дальней торговли и т. п.), выработанные для более ранних периодов, да и так ли безусловны эти критерии? Проблема определения *элиты* в настоящее время активно дискутируется во многих социальных науках, и общего методологического подхода к самому

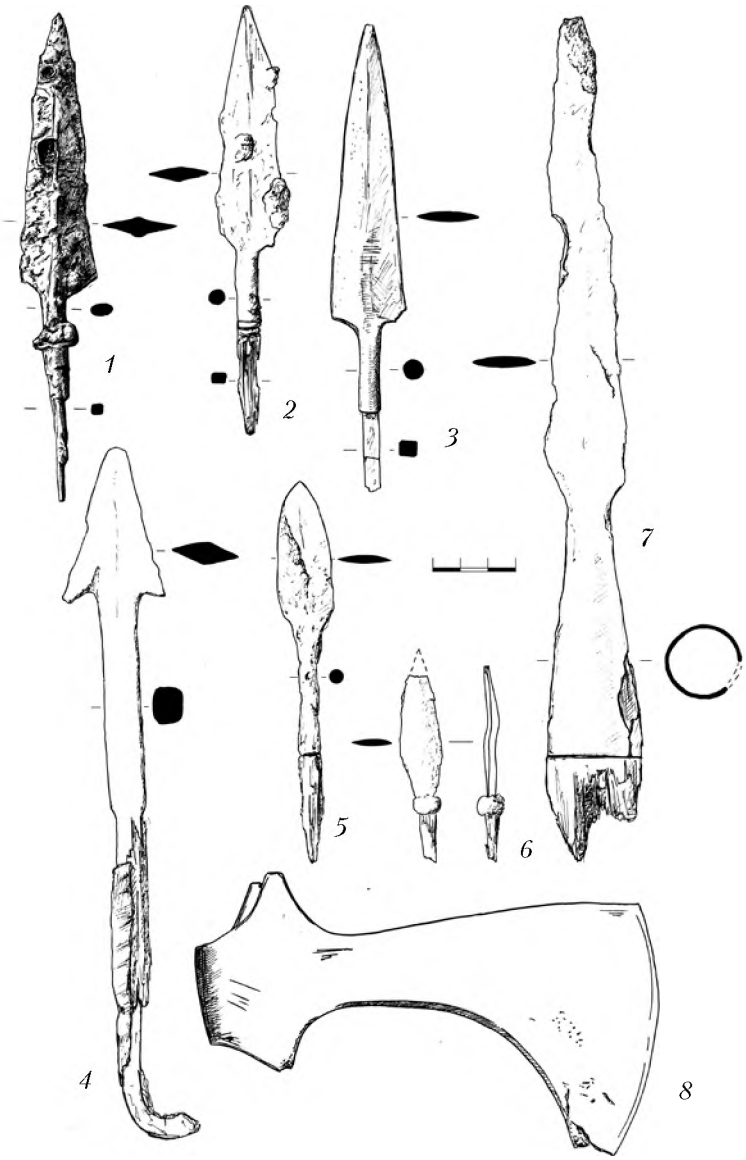

Рис. 4. Предметы вооружения из ингумаций Которского погоста:
1 — Которск IX, курган 2; *2* –Которск XI, курган 5; *3* — Которск XI, курган 11, погр. 1; *4* — Которск XI, курган 19, погр. 1; *5* — Которск XI, курган 21; *6* — Которск III, курган 29; *7* — Которск XI, курган 19, погр. 2; *8* — Которск IX, курган 3 (*1–8 — железо*)
Fig. 4. Items of armament from inhumations of Kotorskiy Pogost:
1 — Kotorsk IX, burial mound 2; *2* — Kotorsk XI, burial mound 5; *3* — Kotorsk XI, burial mound 11, grave 1; *4* — Kotorsk XI, burial mound 19, grave 1; *5* — Kotorsk XI, burial mound 21; *6* — Kotorsk III, burial mound 29; *7* — Kotorsk XI, burial mound 19, grave 2; *8* — Kotorsk IX, burial mound 3 (*1–8 — iron*)

понятию «общественная элита» пока не предложено. Применительно к археологическим данным помимо проблемы дефиниции элит нерешенными остаются еще несколько важных вопросов.

Действительно ли все комплексы, расцениваемые археологией как «привилегированные», связаны с элитами древних социумов? По каким критериям сами представители этих социумов определяли принадлежность к верхним слоям? Как сильно отличалась верхушка общества от основной массы населения? Являлись ли средневековые элиты однородными сообществами, или могло быть несколько разных элит различного происхождения или связанных с различными сферами общественной жизни? И наконец, как именно социальная структура общества отражалась в оставленных древностях?

Плодотворный подход к разрешению этих вопросов продемонстрировали работы европейских исследователей. Наиболее интересны для нас здесь работы по меровингской археологии, изучающие стадиально близкие общества — раннесредневековые христианизированные государства, для которых одним из основных археологических источников являются крупные могильники.

В первую очередь следует упомянуть ставшие уже классическими работы Р. Кристляйна, специально исследовавшего возможности изучения социальной стратификации общества на материалах погребальных памятников эпохи раннего Средневековья (в его случае — на материалах так называемых «регулярных могильников» (Reihengräber) алеманнов и франков VI–VII вв. в Южной и Западной Германии).

Первоначально распределив погребения по их «богатству» на три «качественные группы» (Qualitätsgruppen) A–C (условно «бедные», «средние» и «богатые»), исследователь оговорил, что набор вещей, помещенных в могилу, отражает в первую очередь имущественное положение семьи умершего и только **может** иметь некое социальное значение (*Christlein*, 1973).

Предложенная схема оказалась очень удобным инструментом, была поддержана и позднее развита многими коллегами (подробный историографический обзор на русском языке — *Харке, Савенко*, 2000. С. 221–224). Принципиально важен в построениях Кристляйна и его последователей отказ от однозначного соотнесения результатов группировки археологического материала и юридических терминов письменных документов.

Однако, занявшись описанием конкретного раннесредневекового общества, Р. Кристляйн столкнулся с тем, что предложенная им градация не может описать социальную структуру полностью. Он был вынужден добавить к этой классификации четвертую группу (Qualitätsgruppe D) — «княжеские», или «королевские», погребения в могилах, выделяющихся размерами и сложным устройством (каменными конструкциями), с особенно богатым набором вещей, наличием предметов из золота и драгоценных камней, драгоценного статусного клинкового оружия и т. п. (*Christlein*, 1978).

На наш взгляд, только «привилегированные» захоронения, сравнимые с комплексами Qualitätsgruppe D, и можно считать могилами новгородской элиты, и сосредоточены они, разумеется, в самом Новгороде.

4. Заключение

Под элитой древнерусского общества мы предлагаем понимать не вообще представителей рода Рюриковичей или абстрактных «князей и боярской верхушки», но конкретно тех представителей высшего слоя, которые обладали реальной политической властью, осуществляли государственное управление, объявляли и вели войну и заключали мир, распоряжались собранными налогами и т. п. Их высокое положение подчеркивалось в том числе обрядом и роскошью погребения (конечно, в рамках христианской погребальной обрядности).

Такие захоронения за пределами крупных городских центров единичны. На территории Новгородской земли можно указать, пожалуй, только захоронение в белокаменном саркофаге в Ивоpовском могильнике близ г. Старицы, датирующееся XII в. (*Комаров, Елкина*, 1976. С. 226–228, 229–230).

Безусловно, с элитой общества связано центральное детское захоронение (№ 35) в коллективном подкурганном погребении в Друцке, в непосредственной близости от летописного города – центра княжества (*Левко*, 2010. С. 6; *Войтехович*, 2010).

Большинство же могил на сельских кладбищах, даже сопровождающихся оружием, деталями богатого костюма, многочисленными монетами и т. п. (вписывающиеся в основном в Qualitätsgruppen B и C по Р. Кристляйну), следует все же связывать с непривилегированными группами населения, возможно, с их наиболее зажиточной прослойкой. Очень удачно охарактеризовал похожие по материалу и качеству украшения другого раннесредневекового общества А. К. Амброз: «Украшения готов Дори очень крупные, из плохого серебра, богато украшенные альмандинами и стеклом, очень однородные по виду и по качеству, хотя и сделанные индивидуально и очень тщательно... Такие украшения типичны для слабо дифференцированного общества, состоявшего из свободных зажиточных земледельцев типа северных бондов» (*Амброз*, 1968. С. 22).

Для детального и источниковедчески обоснованного исследования отражения социальной структуры древнерусского общества в погребальных памятниках необходимо, на наш взгляд, проделать работу, аналогичную выполненной немецкими коллегами: разделить материалы древнерусских курганных кладбищ на качественные группы и определить признаки каждой из этих групп. Отталкиваясь от результатов этого исследования, возможно будет перейти к этапу историко-социологических реконструкций.

Литература

Амброз А. К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 10–23.

Войтехович А. В. Погребальный обряд кургана с массовым захоронением у агр. Друцк (Предварительные итоги изучения) // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы

навук. канф., прысвеч. 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага / Рэд. Г. У. Савіцкі, В. А. Шышанаў, А. І. Лагунова. Мінск, 2010. С. 10–15

Комаров К. И., Елкина А. К. Курганный могильник в окрестностях г. Старицы // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы / Отв. ред. Л. В. Кольцов, М. П. Зимина, О. С. Гадзяцкая. М.: Наука, 1976. С. 226–238.

Кузьмин С. Л. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. / Под ред. В. Л. Янина, Е. Н. Носова, П. Г. Гайдукова М., 1991. С. 153–168.

Левко О. Н. Друцкие курганные могильники. Историко-культурный анализ // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф., прысвеч. 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага / Рэд. Г. У. Савіцкі, В. А. Шышанаў, А. І. Лагунова. Мінск: Медысонт, 2010. С. 4–10.

Михайлова Е. Р. Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–X вв.: Общество, государство, культура / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317–335.

Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука, 1991. 124 с.

Свердлов М. Б. К изучению грамоты Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи // НИС. Вып. 4 (14). СПб.; Новгород: Наука, 1993. С. 40–45.

Седова М. В. Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б. А. Тимощук. М.: Наука, 1988. С. 272–279.

Соболев В. Ю. Погребения с южной ориентировкой в курганной группе Которск XI (Плюсский район Псковской области) // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 169–177.

Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 328 с.

Харке Г., Савенко С. Н. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // СА. 2000. № 1. С. 217–226.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993 (Т. IX). 352 с.

Christlein R. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Südwestdeutschland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1973. Bd. 20. S. 147–180.

Christlein R. Die Alamannen. Archäologie eines lebendigen Volkes. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1978.

Mikhaylova E. R. Kotorsky Pogost — a local Centre in the western Part of Novgorod Land // Strongholds and Power Centres East of the Baltic Sea in the 11th — 13th Centuries. A collection of articles in memory of Evald Tõnisson / Ed. H. Valk (Muinasaja Teadus, 24; Proceedings of the Learned Estonian Society, 37). Tartu, 2014. P. 209–237.

Подвески-кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси XI—XII вв.

А. Ю. Чуракова (*ГЭ*)

Резюме. К настоящему времени объем сведений о новых находках крестов «скандинавского типа» заметно увеличился. Если рассмотреть всю совокупность известных на сегодня крестиков «скандинавского типа», без учета их принадлежности к определенным разновидностям, выделенным М. В. Фехнер по признаку орнаментации, то обнаруживается, что они распадаются по простому принципу — по размеру и материалу, на две большие группы: большие кресты из благородных металлов или биллона и небольшие из медных сплавов и олова. Так же как и сами кресты, можно разделить на две группы погребальные памятники, из которых они происходят. Первая группа крестов происходит из камерных захоронений, вторая — из богатых погребений на древнерусских курганных могильниках.

Summary. The information about new finds of the crosses of "Scandinavian type" has greatly expanded now. If one leave aside the varieties of these crosses identified by M. V. Fekhner on the basis of the ornamentation the totality of all known finds is divided into two large groups. The first group consists of relatively large crosses of precious metals or billon, the second one represents small crosses made of copper alloys and tin. These groups may be associated, respectively, with two different groups of funerary monuments. The crosses of the first group were found in the chamber graves, those of the second group — in some rich burials on the Old Rus' cemeteries.

Ключевые слова: подвески-кресты «скандинавского типа», Древняя Русь, погребальный инвентарь, скандинавский элемент.

Key-words: pendants — crosses of "Scandinavian type", Old Rus', burial findings, Scandinavian element.

1. Вводные замечания

История изучения крестовидных подвесок «скандинавского типа» насчитывает уже более 100 лет. Впервые они были выделены и описаны А. А. Спицыным, он и дал этому типу название, опираясь на существовавшее в начале XX в. представление о преимущественном распространении подобных изделий на территории Скандинавии (*Спицын*, 1905. С. 117). Обобщающая работа по крестам скандинавского типа на территории Древнерусского государства принадлежит М. В. Фехнер, которая учла все известные на тот момент экземпляры (более 70), нанесла их на карту и распределила на типы по узо-

ру в средокрестии. Исследовательница пришла к выводу, что «находки крестов “скандинавского типа” ограничиваются территорией Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, Северной Европы и Советской Прибалтики», отметив также, что этот тип крестов появился на территории Древней Руси в X — начале XI в. и не являлся импортом из Скандинавских стран (*Фехнер*, 1968. С. 214). Позже находки этого типа в Скандинавии и их восточноевропейские аналогии рассматривались Й. Штекером, который пришел к выводу о том, что появляется данный тип где-то на территории Северной Руси в XI в. (*Staecker*, 1999. С. 115).

К настоящему времени объем сведений о находках крестов «скандинавского типа» (далее — к. с. т.) заметно увеличился (*Зайцева*, 2008. С. 61; *Петрухин, Пушкина,* 2009. С. 160–161; *Зоценко, Иевлев,* 2010. С. 371–372; *Башков*, 2011. С. 21–22; *Тарабардина*, 2014. С. 238–241; *Макаров*, 2015. С. 121), что позволяет уточнить и конкретизировать представления об их происхождении, распространении, хронологии, классификации и бытовании в культуре.

2. Классификация и типология

В основе настоящей классификации к. с. т. лежат материал и размер изделий.

Если рассмотреть всю совокупность известных на сегодня крестиков к. с. т., без учета их принадлежности к определенным разновидностям, выделенным М. В. Фехнер, то обнаружится, что они распадаются по простому принципу — по размеру и материалу, на три неравные группы.

Внутри каждой группы можно выделить ряды однотипных изделий. Типологические ряды строятся на основе следующих признаков:

- форма креста (узкая или широкая);
- высота рельефа;
- пространство, покрытое орнаментом;
- оформление окружностей на окончаниях лопастей (кольца или жемчужинки);
- оформление средокрестия (кольца, жемчужинки, ромб, крест);
- оформление лопастей (лучи широкие или узкие; наличие или отсутствие псевдозерни).

Нами было выделено: для первой группы — 5 типов, для второй — 5, для третьей — 5 типов (рис. 1–3).

Группа I

К первой группе мы относим 16 крестиков, происходящих из 13 памятников, выполненных из серебра или металлов белого цвета, размеры которых в среднем составляют от 4,0 × 3,7 до 6,0 × 5,8 см. Кресты первой группы происходят из камерных захоронений, богатых курганных захоронений, кладов и из культурного слоя городов.

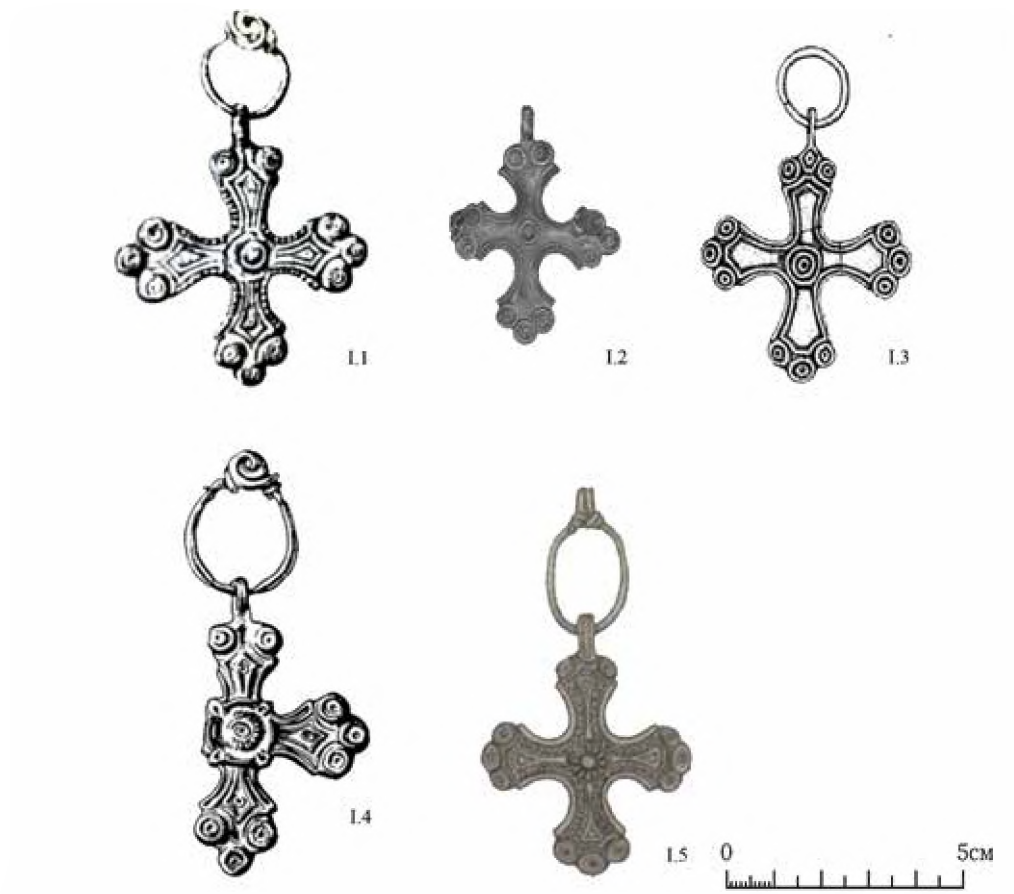

Рис. 1. Кресты «скандинавского типа» группы I: тип I.1 — Тяглино (*Спицын*, 1986. Табл. 5); тип I.2 — Новгород, Троицкий-XIV раскоп (*Тарабардина*, 2014. С. 236); Тип I.3 — Плеснеск (*Ливох*, 2010. С. 489); тип I.4 — Архангельский клад (*Носов, Овсянников,* 1997. Рис. 1); тип I.5 — Псков, камера 6 (*Ершова*, 2010. С. 24–29)
Fig. 1. Crosses of the "Scandinavian type". Group I: Type I.1 — Tyaglino (Spitsyn, 1986. Table 5); Type I.2 — Novgorod, Troitsky-XIV excavation (*Tarabardina*, 2014.C236); Type I.3 — Plesnesk (Livokh, 2010. P. 489); Type I.4 — Arkchangel'sky treasure (Nosov, Ovsyannikov, 1997. Fig. 1); Type I.5 — Pskov, chamber-grave 6 (Yershova, 2010. S. 24–29)

Экземпляры группы I, происходящие из документированных раскопок городских некрополей, были найдены в составе погребального инвентаря вместе с богатым инвентарем дружинной культуры, включавшим материалы скандинавского происхождения, и могут быть датированы по сопутствующим находкам X–XI вв. (*Androshchuk,* 2011. С. 85). Во всех случаях погребения совершались в ямах с деревянными конструкциями, в т. ч. срубными, камерах с деревянными конструкциями, гробовищах в большой яме или «квазикамерах»

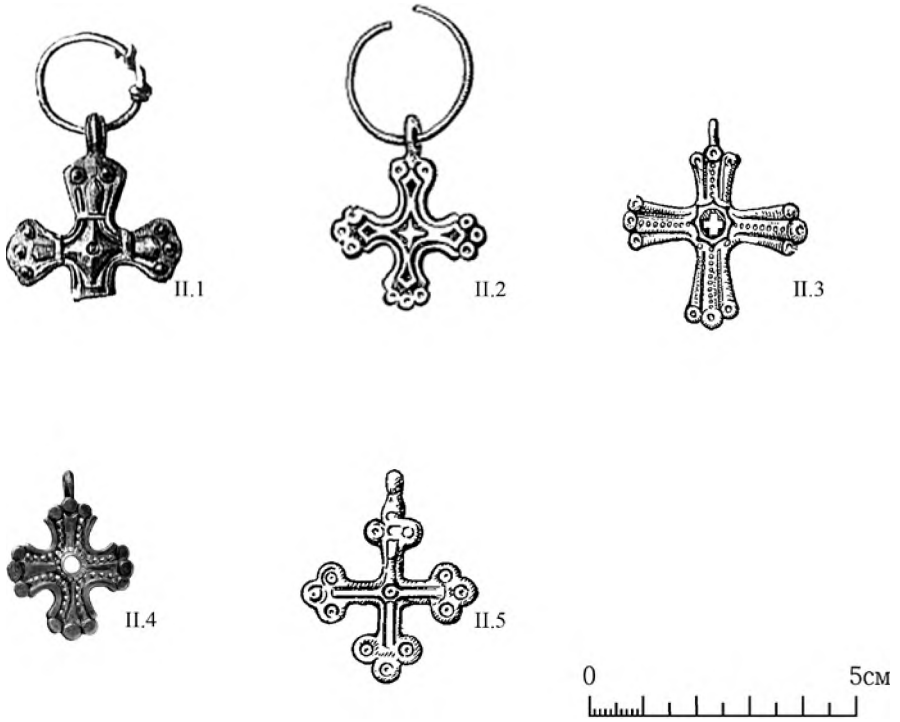

Рис. 2. Кресты «скандинавского типа» группы II: тип. II.1 — Кобанское (*Уваров*, 1872. Табл. 34: *19*); тип II.2 — Красная слобода (Фехнер, 1968. Рис. 1:*5*); тип II.3 — Весь (*Уваров*, 1872. Табл. 34: *18*); тип II.4 — Гнёздовский клад (*Из варяг в греки*... 1996. С. 71); тип II.5 — Веськово (*Уваров*, 1872. Табл. 34: *15*)

Fig. 2. Crosses of the "Scandinavian type". Group II: A type. II.1 — Kobanckoye (Uvarov, 1872. Table 34: No. 19); type II.2 — Krasnaya Sloboda (Fekhner, 1968. Fig.1: *5*); Type II.3 — Ves' (Uvarov, 1872. Table 34: *18*); Type II.4 — Gnezdovsky treasure (*From the Varangians to the Greeks*..., 1996. S. 71); Type II. 5 — Ves'kovo (Uvarov, 1872. Table 34: *15*)

по классификации К. А. Михайлова (*Михайлов*, 2016. С. 53–91). Для них характерен богатый набор погребального инвентаря. Как правило, это предметы, украшенные чернью, сканью или зернью, выполненные из драгоценных металлов. Отметим также, что почти во всех случаях драгоценности находились либо в ларце, либо в кожаной сумке или кошельке (см. приложение 1).

Помимо того, кресты группы I встречены в курганных захоронениях, датируемых в литературе X–XII вв. (Весь, Тяглино, Старица). Все эти памятники были исследованы в начале XX в. и опубликованы без детального описания курганных насыпей, их возможных конструкций и сопутствующего инвентаря (*Спицын*, 1896. Табл. 5, *7*; 1902. С. 56. Табл. 8: *8*; 1905. С. 117).

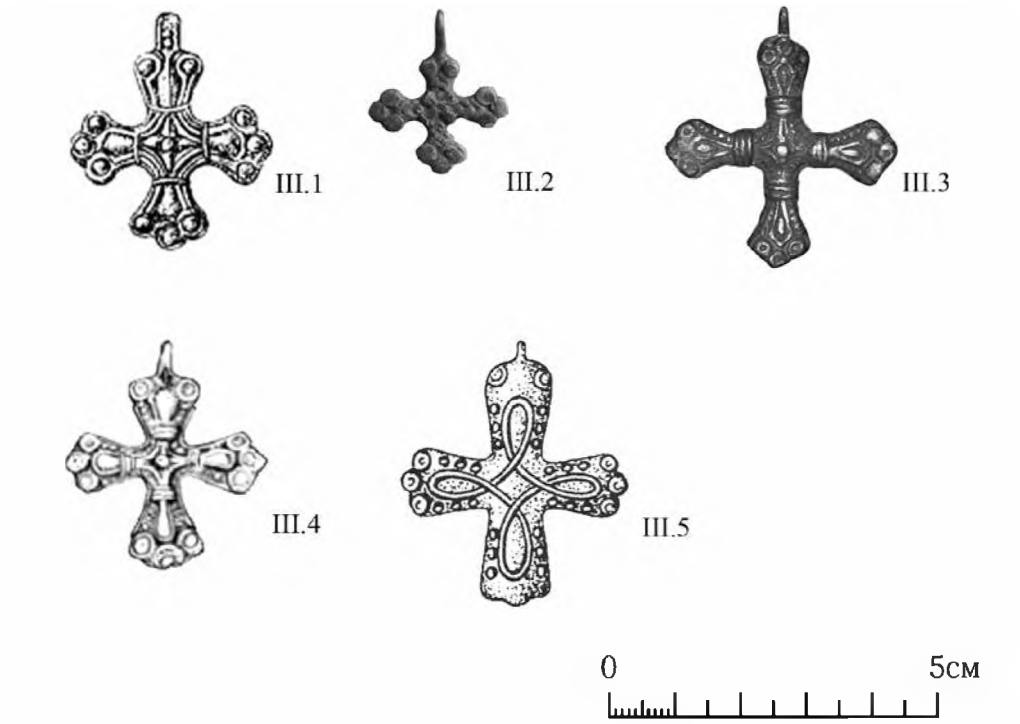

Рис. 3. Кресты «скандинавского типа» группы III: тип III.1 — Вышгород (*Довженок*, 1950. Табл. 7: *16–17*); тип III.2 — Гочево (фото автора: ГЭ инв. № 818/ 71); тип III.3 — Ст. Рязань (*Остапенко*, 2015. Рис. 7: *1*); тип III.4 — Псков (*Салмин, Салмина*, 2008. Рис. 19: *8*); тип III.5 — Ходосовичи (*Башков*, 2011. Рис. 5: *7*)
Fig. 3. Crosses of the "Scandinavian type". Group III: Type III.1 — Vyshgorod (*Dovzhenok*, 1950. Table 7: *16–17*); Type III.2 — Gochevo (photo by the author: ГЭ inv. N 818 / 71); Type III.3 — Ryazan' (*Ostapenko*, 2015. Fig. 7: *1*); Type III. 4 — Pskov (*Salmin, Salmina*, 2008. Fig.19: *8*); Type III.5 — Hodosovichi (*Bashkov*, 2011. Fig. 5: *7*)

Кресты группы I, происходящие из погребальных памятников Древней Руси, как правило, не входили в сложносоставные украшения или ожерелья, как, например, к. с. т. группы III, которые могли входить в состав ожерелья или подвешиваться к цепочке наряду с языческими амулетами.

Кресты группы I встречаются также в составе кладов. На сегодняшний день таких случаев известно три: Архангельский клад (*Овсянников, Носов*, 1997. Рис. 6: *1*); клад у д. Крыжово (*Корзухина*, 1954. С. 99); неопубликованный клад, хранящийся в ГРМ (крест был представлен на выставке «Клады Древней Руси» в 2015 г.). Клад у д. Крыжово Г. Ф. Корзухина датировала рубежом X–XI вв., подвеску из Архангельского клада исследователи датируют, со ссылкой на М. В. Фехнер, X–XII вв., а сам клад — 1130-ми гг. (*Овсянников, Носов*, 1997. С. 154). Отметим, однако, что

подвеска сохранилась во фрагментированном виде, в ней не хватает верхней лопасти и имеются следы ремонта. Последнее может свидетельствовать о длительном ношении подвески и изготовлении ее ранее XII в.

Из культурного слоя городов и поселений происходит 4 к. с. т. группы I. Встречены они в Пскове, Новгороде, на поселениях Минино и Суворотское-8; все представленные кресты имеют точную привязку к X–XI вв. (*Белецкий*, 1991. Табл. 1: *3*; *Тарабардина*, 2014. С. 238–241; *Захаров, Макаров*, 2008. С. 294; *Макаров*, 2015. С. 121).

Помимо материала и размера к. с. т. первой группы объединяет декор. Такие кресты украшены тремя кружочками на концах каждой лопасти, сами лопасти покрыты точечным и линейным орнаментом, в средокрестии присутствует круг, орнаментированный дополнительными элементами или простыми линиями. Иных узоров в средокрестии на крестах первой группы не встречено. Отметим, что к. с. т. из Псковского некрополя украшен чернью и позолотой.

Такие крестики обычно связаны с богатыми захоронениями или найдены в культурных слоях крупных поселений.

Группа II

Вторую группу составляют крестики небольших размеров (от 2,0 × 1,5 до 4,0 × 3,7 см), изготовленные из серебра. Происходят они из грунтовых захоронений, курганов и культурных слоев городов; на сегодняшний день известно 12 экз. на 10 памятниках.

Из грунтового детского захоронения рядом с камерой II Киевского некрополя (Кат. № К-11)[1] происходит крестик типа II.2 с остатками литника. Погребение отнесено авторами раскопок к X в. (*Боровський, Калюк*, 1993. С. 9–12; *Михайлов*, 2016. С. 208).

Крестики группы II встречены также в 9 курганных захоронениях, датированных X–XII вв. (Кекомяки, Тимерёво, Веськово, Кобанское, Городище, Старово, Красная слобода, Гадиловичи, Заручевье) (*Purhonen*, 1998. С. 83; *Мальм*, 1963. С. 37; *Уваров*, 1872. Табл. 34: *15, 16, 18, 19*; *Фехнер*, 1968. Рис. 1: *5*; *Башков*, 2011. Рис. 5: *3*; *Тарабардина*, 2014. С. 236). Встречены они также в культурных слоях Новгорода и поселения Минино. Датируются эти находки X–XI вв. (*Тарабардина*, 2014. С. 236; *Захаров, Макаров*, 2008. С. 294).

В состав клада X в., найденного на Гнёздовском селище (ГИМ, инв. № 108648), входит крестик группы II вместе с вещами скандинавского происхождения (*Из варяг в греки...*, 1996. С. 71).

В целом, группа II, так же как и группа I, может быть отнесена к наиболее раннему периоду бытования к. с. т.

Группа III

Третья группа включает более 80 экз. крестов, которые происходят из 53 памятников. Размеры предметов варьируют от 2,5 × 2,0 до 4,0 × 3,7 см, выполнены такие крестики из медного сплава.

[1] При упоминании камерных погребений указываются их номера по каталогу К. А. Михайлова (*Михайлов*, 2016).

Это самая многочисленная группа крестов; находки сконцентрированы на территории Древнерусского государства и редко встречаются за ее пределами. Кресты третьей группы в основном были найдены в инвентаре богатых курганных захоронений, датированных по сопутствующему инвентарю XI–XIII вв. Практически во всех случаях эти кресты входили в состав многокомпонентных ожерелий, причем в количестве нескольких экземпляров.

Кресты группы III встречены только в женских захоронениях, тогда как кресты групп I, II представлены как в женских, так и в мужских погребениях, в том числе парных (см. приложение 2).

3. Датировка

Исходя из анализа погребального инвентаря, в состав которого входили рассматриваемые подвески, можно сделать вывод об их бытовании в древнерусской культуре на протяжении X–XIII вв. (*Фехнер*, 1968. С. 214; *Башков*, 2011. С. 21–22).

М. В. Фехнер отмечает значимость находок подобных крестов во Владимирских курганах (13 экз.), указывает, что находка из кургана у д. Кобанское позволяет датировать появление этих изделий X в. (ссылаясь при этом на работу А. С. Уварова), и дает перечень аналогичных подвесок из других памятников (*Фехнер*, 1968. С. 212–213). Сам А. С. Уваров не приводит обоснованной аргументации датировки погребения с сожжением у д. Кобанское X в., отмечая, что такая ситуация (сочетание обряда трупосожжения с находкой креста) свойственна скорее начальному этапу христианизации (*Уваров*, 1872. С. 63). Приводимые М. В. Фехнер аналогии подвеске из могильника у д. Кобанское (Тимерёво, Левоча, Беседа, Алехновщина и погребения радимичей) в действительности не являются аналогией рассматриваемому крестику, а относятся к разным видам к. с. т., датированным X–XII вв. Аналогичный крест был найден в одном из курганов у д. Избище и датирован XI в. (*Штыхау*, 1992. С. 89. Рис. 57: *4*).

Уточнить время появления к. с. т. на территории Древней Руси помогают недавние находки этих предметов в хорошо датированных памятниках. Таковы, например, находки крестов в жилом доме № 2 на поселении Минино (X–XI вв.) (*Захаров, Макаров*, 2008. С. 294); находка с Троицкого–XIV раскопа в Новгороде, в слое XI в. (*Тарабардина*, 2014. С. 236); находки из камерных погребений конца X — нач. XI в. (*Ершова*, 2010. С. 257–277; *Ивакин*, 2005. С. 287–304; *Ливох*, 2010. С. 489). Таким образом, мы можем датировать появление к. с. т. концом X — началом XI в.; к этому времени относятся кресты группы I и II. Кресты группы III начинают бытовать в XI в., но широкое распространение получают в XII и встречаются в XIII в.

4. Происхождение крестов «скандинавского типа»

Многие исследователи аргументируют древнерусское происхождение рассматриваемых крестовидных подвесок наибольшей концентрацией таких находок на территории Древнерусского государства. Если отбросить находки крестиков группы III и рассмотреть соотношение крестов групп I и II, которые мы относим к X–XI вв., то мы увидим, что таких находок на территории Руси лишь немногим больше, чем на территории Скандинавии (рис. 4).

Поскольку ранние находки связаны с варяжской, дружинной культурой, исследователи говорят о генетической связи к. с. т. с предшествующими им крестами из листового серебра, которые также связаны с дружинной культурой Северной и Восточной Европы конца IX — начала X в. (*Зоценко, Иевлев,* 2010. С. 373).

Все рассматриваемые кресты группы I объединяет наличие трех кружочков на концах и зачастую круговой композиции в центре. Б. А. Рыбаков относит такие элементы орнамента к солярным знакам, что может объяснить популярность данного узора на изделиях, происходящих с разных территорий и относящихся к разному времени (*Рыбаков,* 1987. С. 339). Мы придерживаемся мнения о том, что кресты-тельники с солярными знаками, а именно с круговым орнаментом в центре и отходящими от центра лучами на лопастях, которые просто расширяются или заканчиваются тремя кружками, — это та основа, которая могла модифицироваться на местах. «Солярные» крестовидные подвески могли появляться одновременно на разных территориях, подверженных влиянию христианизации. Самые ранние находки предметов подобного типа относятся к VIII в. в погребальных памятниках Крыма (Скалистое)[2] и бассейна Северского Донца (Верхнесалтовский могильник) (*Веймарн, Айбабин,* 1993. С. 44. Рис. 26, 23; *Аксёнов,* 2003. С. 136–144).

Другим возможным прототипом к. с. т. могут являться меровингские крестовидные фибулы. Й. Штекер не исключает, что прототип к. с. т. следует искать в Германии. По его мнению, влияние Византийской империи осуществлялось как на Север (Русь), так и на Запад (Италия, Германия). Результатом его на Западе стало появление формы крестовидных фибул (*Staecker,* 1999. С. 115) (рис. 7). То есть истоки крестовидной композиции с тремя округлыми окончаниями следует искать среди восточно-христианских древностей.

На наш взгляд, во всех группах можно выделить ряд крестов, в декоре которых прослеживаются орнаментальные элементы, свойственные скандинавской изобразительной традиции. Речь идет о крестах со средокрестием, украшенным «плетенкой», переплетающимися линиями или кругом с петлями (тип I.4; II.1; III.1–5). Подобные элементы встречаются на изображениях крестов на рунических камнях, распространенных на территории

[2] Выражаю глубокую признательность А. Е. Мусину за указание на публикацию.

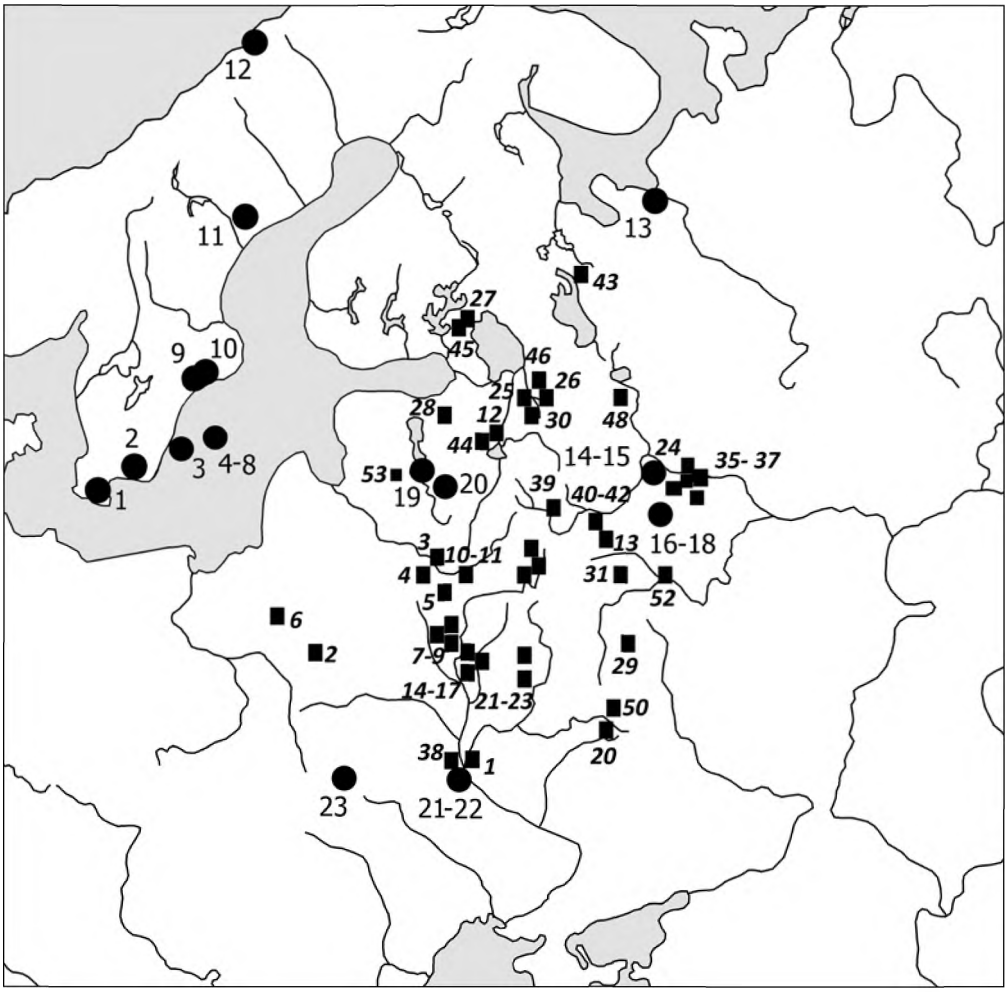

Рис. 4. Карта распространения крестовидных подвесок «скандинавского типа» X–XI вв.
● — к. с. т. групп I и II;
■ — к. с. т. группы III (нумерация совпадает с номерами по приложению 2)
1 — Роскильде; 2 — Сконе; 3-Эланд; 4–8 — Готланд; 9 — Седерманланд; 10 — Уппланд; 11 — Естрикланд; 12 — Лапландия; 13 — Архангельск; 14 — Тимерёво (Ярославская обл.); 15 — Веськово (Ярославская обл.); 16–18 — Владимирские курганы; 19 — Псков; 20 — Крыжово (Псковская обл.); 21–22 — Михайловский некрополь (Киев); 23 — Плеснеск (Львовская обл.)

Fig. 4. Distribution area of cross-shaped pendants of "Scandinavian type" (c. s. t.).
X–XI centuries:
● — c. s. t. groups I and II;
■ — c. s. t. group III (the numbering corresponds to numbers in the Annex 2)
1 — Roskilde; 2 — Skone; 3 — Eland; 4–8 — Gotland; 9 — Södermanland; 10 — Uppland; 11 — Estrikland; 12 — Lapland; 13 — Arkhangel'sk; 14 — Timeryovo (Yaroslavl' Region); 15 — Ves'kovo (Yaroslavl' Region); 16–18 — Vladimirsky burial mounds; 19 — Pskov; 20 — Kryzhovo (Pskov region), 21–22 — Mikhaylovsky necropolis (Kiev); 23 — Plesnesk (L'vov region)

Скандинавии. Так, например, на камне из Фругардена изображен крест, в средокрестии которого располагается кольцо с петельками, а на камне (рис. 8) из Сёдерманланда присутствует аналогичная плетенка в виде вертикальных линий, пересекающих лопасти креста у средокрестия (*Gjedsso*, 2015. Fig. 15a). Исследователи, изучающие изображения на рунических камнях Скандинавии, отмечают, что на многих камнях присутствуют три главных христианских символа: крест, древо жизни и змея, а также другие элементы христианского искусства: круги, треугольники и растительные побеги. Переплетаясь вместе, они образуют композиции в изобразительных стилях эпохи викингов, таких как, например, Урнес и Еллинг (*Zilmer*, 2011. P. 87–112; *Gjedsso*, 2015. P. 55–78). Отметим, однако, что существует и иная точка зрения, трактующая круговые окончания лопастей, а также наличие лучей и фигурного средокрестия как элементы языческой культуры (*Аксёнов*, 2007. С. 207). Однако в данном случае более важное значение имеет не интерпретация орнаментальной композиции, а тот факт, что орнамент на крестах повторяет изображения на рунических камнях.

5. Выводы

Таким образом, при анализе находок, происходящих из документированных археологических комплексов, обнаруживается, что группы I и II к. с. т. следует рассматривать в контексте дружинной элитарной культуры X–XI вв., а группу III — женской провинциальной культуры XI–XII вв.

Кресты групп I и II появляются на территории Древней Руси в конце X — начале XI в. и присутствуют как на территории Скандинавии, так и на территории Древнерусского государства практически в равном соотношении. На некоторых типах крестов можно проследить наличие изобразительных элементов, свойственных скандинавским древностям, что выражается в орнаментике предметов и в их культурно-историческом контексте, где находки к. с. т. ранних типов были найдены вместе с предметами скандинавского происхождения.

Таким образом, можно заключить, что ранние типы к. с. т. имеют восточно-христианское происхождение, однако из-за популярности солярной композиции крестообразных подвесок здесь происходит симбиоз различных культурных традиций. На разных территориях в течение X–XIII вв. могли появляться изделия местного производства с элементами местной изобразительной культуры. Что касается крестов III группы, то они изготовлялись, скорее всего, на Руси, о чем свидетельствуют концентрация и количество находок на рассматриваемой территории, а также находка металлической литейной формочки с изображением креста, подобного крестам II и III групп (*Зоценко, Иевлев*, 2010. С. 371–374).

Приложение 1

Описание некоторых комплексов с находками крестов «скандинавского типа» группы I

I. Камерные погребения

1. ***Псковский некрополь, погребение 6*** (Кат. № П-9) (по: *Ершова*, 2010. С. 24–29; *Ершова*, 2016, 257–277).

Камера состояла из усыпальницы и кладовой. Гробница имела срубную конструкцию (сруб 4 × 3,9 м, высота стен ~0,8 м).

Погребение: М. Кости в переотложенном состоянии. Частично ограблено.

Инвентарь: роговой складной гребень-расческа; железный нож с деревянной рукоятью и серебряной проволокой; кожаный кошелек с дирхемом; золотой самородок; подвеска с княжеским знаком; серебряная, с чернью, оковка деревянной чаши. В центре сруба найден серебряный литой крест с позолотой (рис. 1, тип I.5). Крест найден в нижней части заполнения камеры, видимо, он упал с костяка.

Дата: после 953/954 гг.

2. ***Михайловский некрополь (Киев), погребение 13*** (по: *Ивакин*, 2005. С. 287–304).

Камера (?). Размер погребальной ямы 2,17 × 0,66 м.

Руки погребенного сложены на груди. Зафиксированы остатки гроба.

Пол не определен.

Инвентарь: серебряная с позолотой серьга с полой бусиной, покрытой зернью, фиксировавшейся при помощи тонкой закрученной проволоки. На груди покойного лежал крестик-подвеска (4,0 × 4,5 см) X–XI вв. «скандинавского» типа. На окончаниях лучей креста — по 3 циркульных кружка, образующих крин, в центре двойной круг большего размера, от которого по лучам идут две линии из 6 точек каждая.

Дата: X в.

3. ***Михайловский некрополь (Киев), погребение 49*** (Кат. № К-15) (по: *Ивакин*, 2005. С. 287–304).

Камера. Котлован около 4 × 3,5 м, ориентирован углами по сторонам света, углублен в материк на 0,9 м от древней поверхности. Нарушен оградой XII и зданием XIX в. Следы камеры (3,2 × 2,7 м) из досок шириной 0,2 м, с выступающими торцами.

Пол: Ж.

Инвентарь: латунная чаша с концентрическим орнаментом; «овечьи» пружинные ножницы; пинцет; 27 сегментовидных, трапециевидных и прямоугольных цветных стеклянных нашивок на одежду; серебряная ременная пряжка; цилиндрическая пастовая печеночно-красная бусина; железные детали, вероятно,

ларца, в который эти вещи были сложены. На черепе погребенной следы матерчатого ленточного с серебряной нитью венца с крупной серебряной листовой аппликацией ромбической формы; височное кольцо из рубчатой золотой проволоки с завязанными простым узлом концами и зонной пастовой оранжевой бусиной.

На шее у погребенной — ожерелье из 20 мелких стеклянных бусин и 3 серебряные полусферические подвески, украшенные диагонально-крещатым орнаментом зернью; две ременные серебряные бляшки венгерского стиля сердцевидной и язычковой формы с растительным орнаментом, превращенные в подвески; серебряная полусферическая фибула со сканно-зерненым орнаментом в стиле «Terslev». Два перстня: 1 — с серебряным позолоченным пластинчатым квадрифолийным щитком, на котором находятся 6 каплевидных основ и одна круглая (в центре), контуры их покрыты чернью для утраченных вставок; 2 — с крупным пустотелым полусферическим щитком, полностью покрытым мелкой зернью, пластинчатая дужка перстня украшена гладкой и рубчатой сканью. У левого локтя погребенной сохранились серебряные скобы-зажимы со штифтами и штампованная листовая накладка в виде креста (3 × 3 см) тоже со штифтами, а также серебряный крест-тельник с трехлепестковыми криновидными концами и ромбовидным средокрестием с полусферой в центре. Эти находки связаны с кошельком (сумкой), возможно, в форме «сложенного конверта». Над плечевой костью правой руки покойной — рукоять ножа с проволочными в две зоны обмотками (Рис. 5).

Дата: вторая половина X в.

II. Курганные насыпи с остатками деревянных конструкций

1. ***Некрополь Плеснеска, большой двойной курган, погребение 1*** (по: *Ливох,* 2010. С. 489).

Курган высотой ~2 м, диаметром ~16 м. Прослежены остатки деревянной конструкции. Погребение № 1 парное: М + Ж.

Инвентарь: *М.* — меч с дамаскированным клинком и рукоятью, украшенной медью и серебром; железный чекан; наконечник ножен меча; серебряный браслет; золотой перстень; серебряное кольцо; поясные бляшки, остатки ведер; ножи. Особое внимание привлекают два серебряных крестика, найденных рядом со скелетами, принадлежащие к так называемым «крестам “скандинавского типа”» (рис. 1: тип I.3). Их размеры: 1) выс. — 5,94 см, ш. — 5,14 см, т. — 0,15 см, д. колечка — 1,80 см, в. — 9,62 г.; 2) выс. — 6,10 см, ш. — 5,12 см, т. — 0,15 см, д. колечка — 1,76 см, в. — 10,08 г.[3].

Ж. — 3 серебряных перстня, один из них — с полусферической погремушкой на щитке, украшенной зернью и сканью (рис. 6).

Дата: конец X — начало XI в.

[3] Подробнее см.: https://swordmaster.org/2013/10/27/bolshie-kurgany-letopisnogo-plesnecka.html.

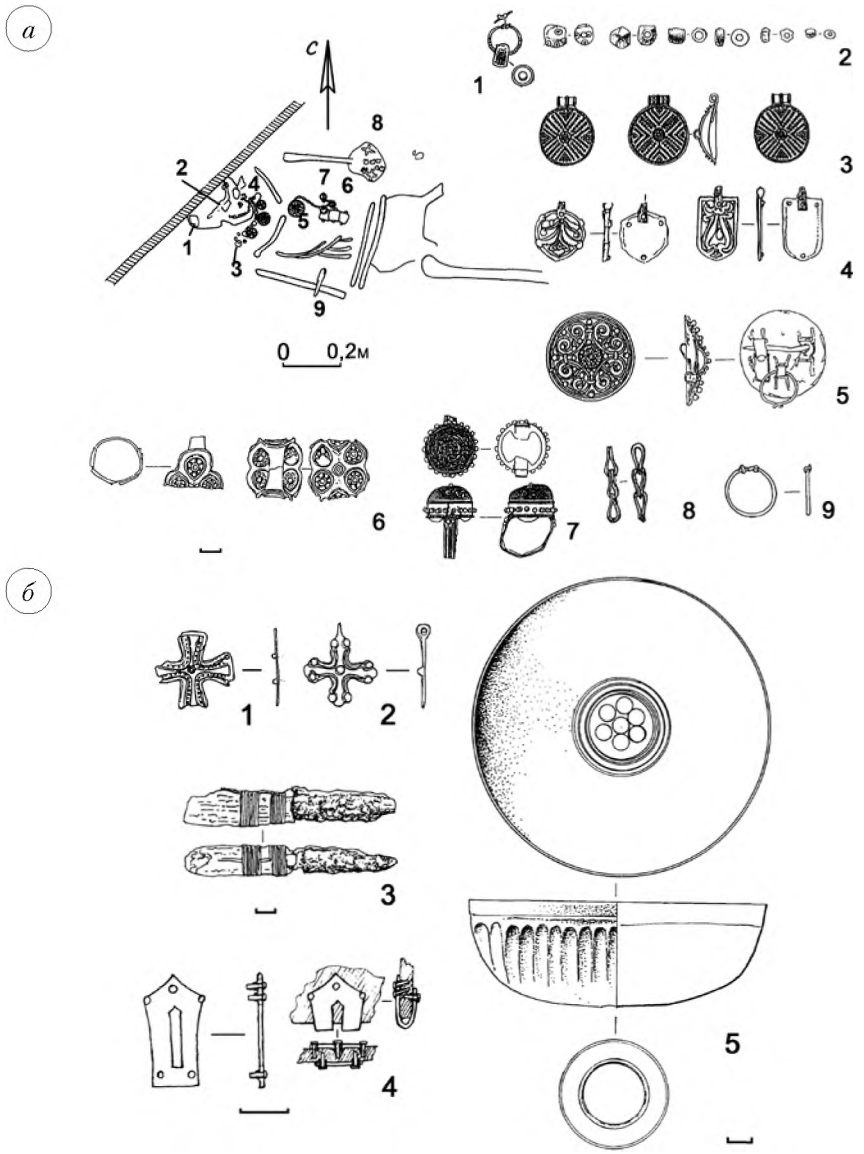

Рис. 5. Погребение 49 Михайловского некрополя (Киев) (по: *Ивакин*, 2005. С. 287–304; *Михайлов*, 2016. С. 211): а — план погребения и инвентарь. *1 — золото, стекло, 2 — стекло; 3, 4 — серебро, золочение; 5 — серебро; 6 — серебро, чернение; 7–9 — серебро.* б — инвентарь (продолжение). *1, 2, 4 — серебро; 3 — железо, серебро; 5 — бронза*

Fig. 5. Burial of 49 Mikhaylovsky necropolis (Kiev) (*Ivakin*, 2005. S. 287–304; *Mikhaylov*, 2016. S. 211): a — plan of the burial and the grave-goods. *1 — gold, glass, 2 — glass; 3, 4 — silver, gilding; 5, 7–9 — silver; 6 — silver, niello*; б — grave-goods (continuation). *1, 2, 4 — silver; 3 — iron, silver; 5 — bronze*

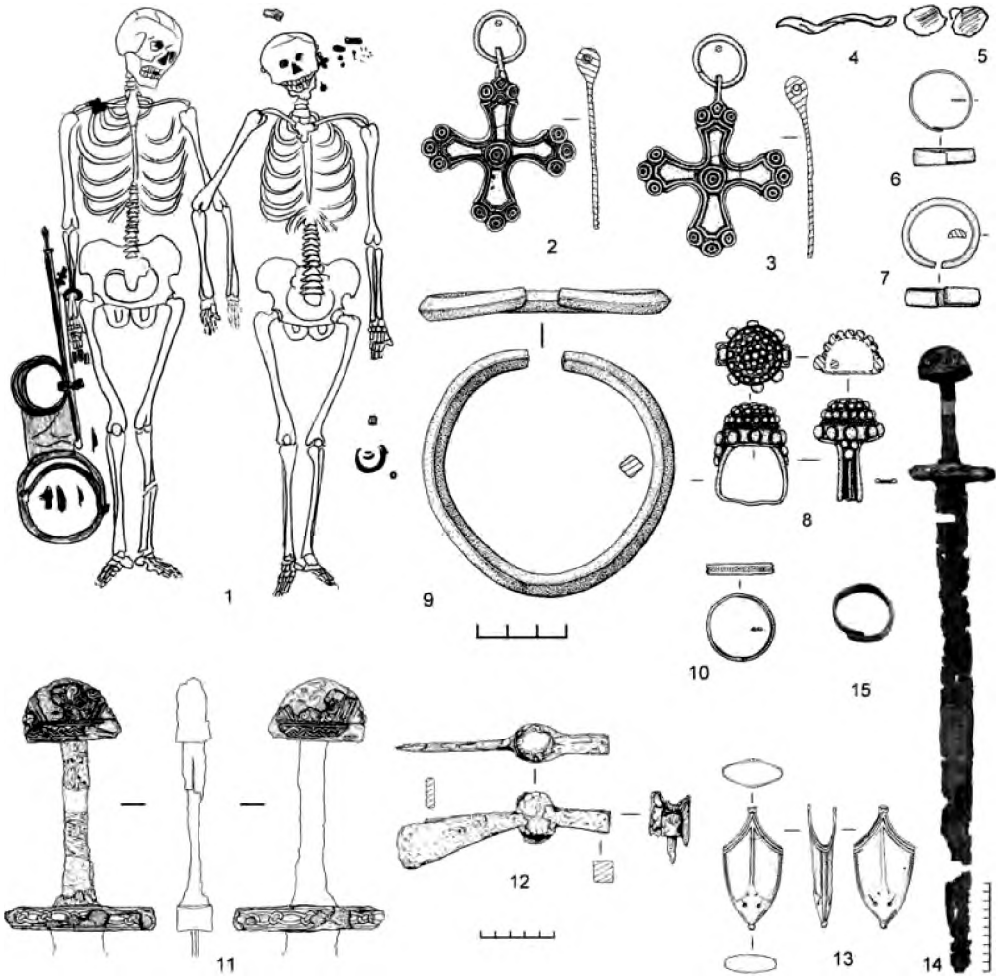

Рис. 6. Погребение 1 некрополя Плеснеска (*Ливох*, 2010. С. 489):
1 — план погребения; 2–15 — находки: *2, 3, 8–15 — серебро; 4–7, 10 — золото; 11–14 — железо*

Fig. 6. Burial 1 of the necropolis of Plesnesk (*Livokh*, 2010. S. 489, fig. 2):
1 — plan of the burial; 2–15 — grave-goods: *2, 3, 8–15 — silver; 4–7, 10 — gold; 11–14 — iron*

Приложение 2

Каталог крестов «скандинавского типа» группы III

1. Киев (*Зоценко*, 2010. С. 371–374)
2. Волковыск (*Башков*, 2011. С. 118)
3. Дмитровщина, курган 3 (*Башков*, 2011. С. 118)
4. Дрисвяты (*Башков*, 2011. С. 118)
5. Избище, курган (*Штыхов*,1992. Рис. 5: *3*)
6. Кукли, каменная могила 4 (*Башков*, 2011. С. 118)
7. Ходосовичи, курган 1 (*Башков*, 2011. С. 118)
8. Юдичи, курган 3 (*Башков*, 2011. С. 118)
9. Звезда, курган 34 (*Башков*, 2011. С. 118)
10. Быв. Витебская губ. (*Башков*, 2011. С. 118. № 212)
11. Быв. Витебская губ. (*Башков*, 2011. С. 118. № 213)
12. В. Новгород, Троицкий раскоп XIV (*Тарабардина*, 2014. С. 236)
13. Хотяжи (*Алексеев*, 2004. Рис. 3: *7*)
14. Грамыки (*Фехнер*, 1968. С. 212)
15. Каменка (*Фехнер*, 1968. С. 212)
16. Веточка 4,5 (*Башков*, 2011. Рис. 5: *1–2*)
17. Залесье (*Фехнер*,1968. С. 212)
18. Минская обл (?), ГЭ инв. № 808/47 (Ш) (*Staecker*, 1999. P. 557)
19. Белая Вежа (*Фехнер*, 1968. С. 212)
20. Гочево, курган 27 (ГЭ инв. № 818/66–73)
21. Пеклино (*Фехнер*, 1968. С. 212)
22. Влазовичи, курган 41 (ЗРАО. Т. 8. Кн. 1)
23. Казаричи, курган 48 (ЗРАО. Т. 8. Кн. 1)
24. Городище (*Уваров*, 1872. Табл. 34)
25. Алеховщина, курган 1, погребение 1 (*Равдина*, 1988. С. 5)
26. Беседа, курган 80, погребение 103 (*Спицын*, 1896. Табл. 5: *12*)
27. Кауккола, погребение 1,3 (*Staecker*, 1999. P. 557)
28. Патреева Гора (*Спицын*, 1896. Табл. 5: *12*).
29. Колодезная (*Башков*, 2011. С. 118. Рис. 9)
30. Левоча (*Фехнер*, 1968. С. 212)
31. Попово 1,2,3 (*Макаров*, 1989. Рис. 2: *1*)
32. Христово (*Фехнер*, 1968. С. 212)
33. Пильня (*Фехнер*, 1968. С. 212)
34. Сукромля (*Фехнер*, 1968. С. 212)
35. Матвейщево, 219 (*Фехнер*, 1968. С. 212)
36. Романово (*Фехнер*, 1968. С. 212)
37. Весь (*Уваров*, 1872. Табл. 34)
38. Вышгород (*Довженок*, 1950. Табл. 7: *16–17*)
39. Пьянково (*Рябинин*, 1986. С. 74)

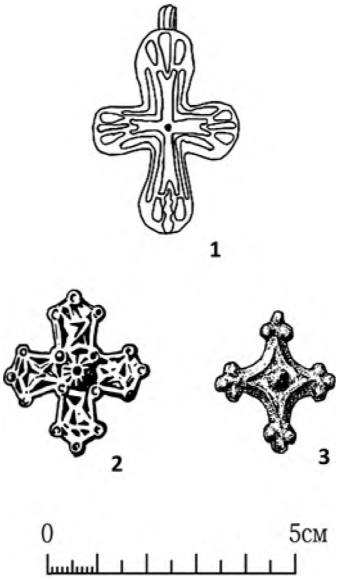

Рис. 7. Возможные прототипы к. с. т.: 1 — крестовидная подвеска; 2, 3 — крестовидные фибулы. 1 — Скалистое, склеп 250 (по: *Веймарн, Айбабин*, 1993. С. 44. Рис. 26, 23); 2 — Вестфалия, Германия (по: *Müller-Wille*, 2003. Fig. 28. *5, 9*); 3 — Вольтвише, Германия (*Müller-Wille*, 2003. Fig. 28. *6, 3*)

Fig. 7. Possible prototypes of the c. s. t.: 1 — cross-shaped pendant: Skalistoye, crypt 250 (*Weimarn, Aibabin*, 1993: 44, fig. 26, 23); 2 — cruciform fibula: Westphalia, Germany (*Müller-Wille*, 2003. Fig. 28. *5, 9*); 3 — cruciform fibula: Voltvische, Germany (*Müller-Wille*, 2003. Fig. 28. *6, 3*)

Рис. 8. Рунический камень из Фругардена с изображением креста (*Gjedsso*, 2015. Fig. 15a)

Fig. 8. Rune stone from Frugarden with a cross (*Gjedsso*, 2015. Fig. 15a)

40. Стрелково (*Беленькая*, 1976. С. 90)
41. Жилые горы (*Беленькая*, 1976. С. 90)
42. Тихвинское (*Беленькая*, 1976. С. 90)
43. Челмужи, 5 (ГЭ 1553/18–49)
44. Деревяницы, 74 (*Мусин*, 2002. С. 179)
45. Кеккомяки, 1 и 3 (*Purhonen*, 1998. С. 83)
46. Шангеничи село 2,3 (*Мусин*, 2002. С. 179)
47. Остенецкий могильник (*Подвигина*, 1965. Рис. 24)
48. Череповец (экспозиция Археологического музея)
49. Ладога (?) (*Мусин*, 2002. С. 180)
50. Линино (КГОМА Инв. № 1.10.112)
51. Суздаль (*Кокорина*, 2012. Кат. № 89)
52. Ст. Рязань (*Остапенко*, 2015. Рис. 7: *1*)
53. Труворово городище (*Седов*, 2007. Рис. 383: *3*)

Литература

Аксёнов В. С. Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца // Хазарский альманах / Под ред. В. К. Михеева. М.: Мосты культуры, 2003. С. 136–144.

Аксёнов В. С. Семантика крестовидных подвесок из катакомбы № 85 Верхне-Салтовского могильника // Человек в истории и культуре: Сборник научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко / Под ред. А. А. Пригарина. Одесса; Терновка: Друк, 2007. С. 202–207.

Алексеев А. В. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья / Под ред. А. В. Энговатовой. М.: ИА РАН, 2004. Вып. 1. С. 177–192.

Башков А. А. Христианские древности Беларуси конца X — XIV в. (предметы христианского культа индивидуального использования). Минск: И. П. Логвинов, 2011. 194 с.

Беленькая Д. А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. 1976. № 4. С. 88–99.

Белецкий В. Д. Древний Псков (по материалам раскопок экспедиции Эрмитажа): Каталог выставки. Л.: Изд-во ГЭ, 1991.

Боровський Я. Є., Калюк О. П. Дослідження київського дитинця // Стародавній Київ. Археологічні Дослідження 1984–1989 р. / Відп. ред. П. П. Толочко. Київ: Наукова думка, 1993. С. 3–42.

Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 202 с.

Довженок В. Й. Огляд археологичного вивичення древнего Вишгорода за 1934–1937 рр. // Археологія. Т. 3. Київ, 1950. С. 64–92.

Ершова Т. Е. Погребение 6 Псковского камерного некрополя и привеска со знаком Рюриковичей // АиИППЗ. Материалы 55 заседания, посвященного юбилею профессора И. К. Лабутиной. М., 2010. С. 24–29.

Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра// Археология северорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: В 3 тт. / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2008. Т. 2. 365 с.

Зоценко В. Н., Иевлев М. М. Бронзовая литейная форма XI в. из Киева // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Мат-лы МНК, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. СПб., 10–16 апреля 2006 г. / Под ред. А. А. Песковой, О. А. Щегловой, А. Е. Мусина. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 371–374.

Ивакин Г. Ю. Погребения X — первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.) // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга / Под ред. Н. А. Макарова, А. В. Чернецова. М.: Наука, 2005. С. 287–303.

Кокорина Н. А. Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника: Каталог. Владимир, 2013.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 226 с.

Ливох Р. Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Мат-лы МНК, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. СПб., 10–16 апреля 2006 г. / Под ред. А. А. Песковой, О. А. Щегловой, А. Е. Мусина. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 486–492.

Макаров Н. А. Средневековый могильник Попово на Каргополье // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 80–84.

Макаров Н. А., Федорина А. Н. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 115–121.

Мальм В. А. Изделия ювелирно-литейного производства // Ярославское Поволжье в X–XI вв. / Под ред. А. П. Смирнова. М.: ГИМ, 1964. С. 36–38.

Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2016. 272 с.

Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 269 с. (Труды ИИМК РАН, т. V).

Носов Е. Н., Овсянников О. В. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры. СПб., 1997. С. 146–157.

Остапенко А. А. Христианские древности Рязанской земли XI–XVI вв. (мелкая пластика): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2015.

Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Новые данные о процессе христианизации Древнерусского государства // Archeologia abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик, 2009. С. 157–168.

Подвигина Н. Л. Раскопки курганов в Псковской области // СА. 1965. № 1. С. 293–296.

Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки / Под ред. В. Л. Егорова. М.: ГИМ, 1996.

Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог.М.: Наука, 1988. 152 с.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М. Наука, 1987. 790 с.

Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 161 с.

Седов В. В. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука, 2007. 424 с.

Спицын А. А. Владимирские курганы // Изв. ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 84–172.

Спицын А. А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. Т. XX. СПб., 1896.

Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова // МАР. Т. XXIX. СПб., 1902.

Тарабардина О. А. Кресты «скандинавского типа» из раскопок в Новгороде // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной / Под ред. Н. И. Асташовой. Тр. ГИМ. М., 2014. Вып. 198. С. 234–241.

Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.

Фехнер М. В. Крестовидные привески «скандинавского типа» // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 210–214.

Штыхау Г. В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоу у Пауночнай Беларусі / Ред. М. А. Ткачоу. Минск: Навука и тэхника, 1992.

Androshchuk F. Symbols of Faith or Symbols of Status? Christian Objects in Tenth-Century Rus´// Early Christianity on the Way from the Varangians to the Greeks / I. Garipzanov, O. Tolochko (eds.). Ruthenica Supplementum. Kiev, 2011. T. 4. C. 70–89.

Müller-Wille M. The cross goes north: Carolingian times between Rhine and Elbe // The cross goes north / Carver M. (ed.). 2003. P. 443–462.

Gjedssø B. L. The Cross Motif on Late Viking Age Art Picture Runestones in: Västergötland. Lund Archaeological Review 20 (2014). 2015. P. 55–78.

Zilmer K. Crosses on rune-stones. Functions and Interpretations // Current Swedish Archaeology. 2011. Vol. 19. P. 87–112.

Staecker J. Rex regum et dominus dominorum: die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhanger als Ausdruck der Mission in Altdanemark und Schweden. Stockholm, 1999.

Purhonen P. Kristinuskon saapumisesta suomeen / Red. Torsten Edgren. Vammals, 1998.

III.

АРХЕОЛОГИЯ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Атрибуция больших построек древнерусского времени в центральной части Рюрикова городища[1]

(к обсуждению вопроса о выделении элитарных жилых комплексов)

Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская (*ИИМК РАН*)

Резюме. В результате исследований центральной части Рюрикова городища к югу и юго-востоку от церкви Благовещения были открыты углубленные в материк части больших древнерусских построек XII–XV вв. Их расположение вблизи княжеской церкви позволяет думать, что они входили в комплекс построек княжеского двора, находившегося на Городище в древнерусское время. Об этом же говорит и богатый материал из их заполнения, часть которого составляли импортные товары, доступные лишь верхам древнерусского общества. В Новгороде они были встречены только на боярских усадьбах, но в гораздо меньшем числе.

Благодаря сохранности особый интерес представляла постройка IV, разобранная в 2008–2009 гг. Ее подвальная часть была впущена в песчаное заполнение древнего городищенского рва, окончательно засыпанного в конце XI в. Стены котлована по периметру были обшиты горизонтально закрепленными досками шириной до 0,15–0,20 м. Древесный тлен от досок сохранился и на поверхности пола. Опорных столбов в подполье не было. В юго-восточном углу обнаружены остатки печи, рухнувшей с верхней части строения. Уникальная стратиграфическая ситуация позволила достаточно определенно выяснить ряд ее важных конструктивных деталей. Мы не знаем, как эта постройка погибла, но до ее разборки подполье оставалось почти пустым. Когда вынули доски пола, в угол подполья упала часть остатков печи, на полу оказались комки глины, фрагменты амфор, керамики, плинфы, кости животных. Видимо, котлован сразу частично забросали гумусированным песком с остатками дерева. Изначальная засыпка котлована находилась только в пределах его углубленной в грунт части. Второй и третий слои засыпи, судя по стратиграфии, выходят за стены котлована на расстояние до 1 м. Эти слои фиксируются с высоты 0,5–0,7 м от уровня края котлована, а значит, сам сруб был шире подполья по крайней мере на 1 м. Размеры дома составляли около 6 × 6 м, а общая площадь — около 36 кв. м. При заполнении подвального помещения стены постройки еще сохранялись на 3–4 венца (0,7–0,8 м), в которые в жилых домах средневекового Новгорода обычно и врубались переводины пола. Таким образом, высота подклета дома с его углубленной в грунт частью составляла около 1,8 м.

В отличие от Городища в самом Новгороде нет ни одной жилой постройки с выраженным подпольем как важнейшей конструктивной части строения. Это связано с характером культурного слоя Новгорода. В Новгороде слой мокрый, а на Городище — сухой. Новгородцы из-за сырости не могли использовать подполья для хозяйственных нужд. Подполья городищеских построек выполняли ту же роль, что подклеты в Новгороде.

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке ПФИ Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность», проект «Элитарная культура...» (рук. Е. Н. Носов).

В настоящее время накопленные материалы меняют некие стереотипные представления о домостроительстве в Северной, Южной и Северо-Восточной Руси. С 1970-х гг., начиная с обобщающей работы П. А. Раппопорта, распространилось мнение, что для Северной Руси характерны наземные дома, а для Южной — полуземлянки. Сам термин «полуземлянка» требует разъяснения. Одно дело жилище с углубленным полом и печкой в углу, другое — углубленное подполье без печи в наземном доме. В монографии В. П. Даркевича и Г. В. Борисевича 1995 г. авторы прямо отмечают, что принятое в археологии деление жилищ на наземные и полуземляночные (земляночные) не подтверждается ни древнерусскими письменными источниками, ни раскопками в Рязани.

Исследования последних лет, проводимые в древнерусских городах и их окрестностях, показывают, что в одних и тех же районах могли сооружаться как дома с подпольями, так и исключительно на подклетах, что зависело от природных климатических условий, доступности материалов и состоятельности и экономической достаточности разных семей и сословий.

Следует иметь в виду и общие строительные тенденции славянского домостроительства с конца I тыс. н. э. На юге наземные срубы восходили к полуземлянкам или постройкам с углубленным полом (не важно, как называть эти сооружения) и с расположенными там же печами, а в лесной зоне Восточной Европы эволюция проходила по линии усложнения изначально полностью наземных срубных домов.

Summary. This paper considers in detail the results of recent excavations of large buildings which were situated in the princely courtyard. Its cellar part was dug in the sand fill of the older town's moat finally filled up in the late 11th century. A number of finds from the fill of underground part of structures suggests the high status of their owners. Among different parts of ornaments and articles of everyday use characteristic of the Old Rus' period, there were represented some objects of prestige characterizing the high social status of house's inhabitants. These include a skein of gold threads, lead pendant seals, shield finger-rings, gilded buttons, a rich set of tableware including, glass vessels, amphora containers.

Of special interest, because of its very good preservation, is the building IV excavated in 2008–2009. Its cellar part was dug in the sand fill of the older town's moat finally filled up in the late 11th century. The walls of the foundation pit were bordered around its perimeter with horizontally fixed planks up to 0.15–0.20 m wide. The decayed remains of them preserved on the surface of the floor. There were no supporting pillars under the floors. In the southeastern corner there were found remains of a stove collapsed from the upper part of the building. The unique stratigraphic situation has enabled us to define quite reliably some of its important construction features. We are unaware why the building under study was ruined but know that its basement space was practically empty. When the boards of the floor had been removed, part of the remains of the stove collapsed into the corner of the cellar and lumps of clay, fragments of pottery, plinthoi and animal bones turned to be lying on the floor. It seems that the cellar pit was soon after covered up with humus containing sand with remains of wood. The initial cellar pit was filled only within its part dug in the ground. The second and third layers of the fill, as suggested by stratigraphy, stretch up to one metre outside the walls of the cellar. These layers are found from the depth of 0.5–0.7 m beyond the level of the edge of the cellar pit. This fact suggests that the framework itself was at least 1 m broader than the cellar. The dimensions of the house were about 6 × 6 m with the total area of approximate-

ly 36 sq. m. After the cellar had been filled, the walls of the house still were preserved at 3–4 rows of beams (0.7–0.8 m) as usually cut into the floor in dwelling houses of mediaeval Novgorod. Thus the ground floor of the house with its part dug into the earth was about 1.8 m.

In comparison of large buildings at Gorodishche with those in Novgorod, it is notable that in the latter there are no dwelling buildings with a cellar. This is explained by the fact that the virgin soil at Gorodishche differs very much from that in Novgorod and accordingly the cultural deposits are different. In Novgorod, the cultural layers are damp while at Gorodishche they are dry. The deep cellars of Gorodishche served as the Novgorodian high ground floors.

Currently, the accumulated materials change some stereotypes about the house buildings in the Northern, Southern and North-Eastern Russia. Since the 1970s, starting with generalizing work of P. A. Rappoport, spread the view that for Northern Russia there were typical houses with foundations on the ground, and to the South region — so called "pit-houses". This point of view requires clarification. One thing is a dwelling with in-deepened floor and a stove in the corner, and another — a ground house with a big pit under it without any fireplace. In the monograph of V. P. Darkevich and V. G. Borisevich, 1995 the authors expressly note that the action in the archeology division of dwellings on the ground and dugouts came (zemlyanochnye) is neither confirmed by ancient written sources or on excavations in Ryazan.

Recent studies conducted in ancient towns and their hinterland, show that in the same areas could be constructed houses with the underground, or without them. Everything was dependent on natural climatic conditions, availability of materials and economic viability and the adequacy of different families and classes.

It should be borne in mind and general construction trends Slavic economy from the end of the I Millennium A. D. In the South land log cabins ascended in huts or buildings with deep floor (no matter how we call these structures, which is also the subject of discussion in the literature, here we are important) and in the forest zone of Eastern Europe's evolution took place through the complications initially fully ground log houses.

Ключевые слова: Рюриково городище, раскопки княжеской резиденции, новгородское домостроительство.

Key-words: Ryurik Gorodishche, excavation of a princely residence, Novgorod house-building.

1. Остатки княжеского двора на Городище: описание и интерпретация

Многолетние исследования центральной части Городища показали, что среди многократно перемешанных отложений и материалов здесь встречаются отдельные непотревоженные комплексы, как правило — их углубленные в материк части с находками соответствующего времени. Большинство их относится к концу I тыс. н. э., но некоторые датируются древнерусским временем.

Открытие последних чрезвычайно важно, поскольку позволяет, хотя бы в самых общих чертах, наметить планировку Городища периода существования на нем неоднократно упомянутой в летописях резиденции новгородских князей.

В раскопе 1984–1985 гг. были открыты три «больших» строения, относящихся к XII–XV вв. Их детальная характеристика и описание материала опубликованы Е. Н. Носовым и А. В. Плоховым (*Носов, Горюнова, Плохов*, 2005. С. 33–47). Общий вывод авторов был следующий: «Большие размеры строений, расположение их вблизи княжеской церкви Благовещения — в 21 м к югу от храма — позволяют думать, что они входили в комплекс построек княжеского двора, находившегося на Городище в древнерусское время. Об этом же говорит и богатый материал из их заполнения. Дорогие импортные товары (стеклянная и керамическая посуда, престижные пищевые продукты, перевозимые в амфорах, украшения) были доступны лишь верхам древнерусского общества. В Новгороде они были встречены только на боярских усадьбах, но в гораздо меньшем числе». Кроме того, о неординарности исследованных построек свидетельствуют найденные при их разборке костяная печать, заготовка вислой свинцовой печати, а также литейная формочка из песчаника для отливки заготовок таких печатей, встреченная в слое над котлованом одного из сооружений. «Подобные находки свидетельствуют о принадлежности построек лицам, которые занимали высокие административные должности и имели право скреплять официальные документы своими печатями» (*Там же*. 46–47).

Учитывая близкое расположение построек княжеского двора и княжеского храма, можно вспомнить, что исследователи предполагали: в Новгороде на Ярославовом дворище княжеские хоромы непосредственно примыкали с запада к княжескому Никольскому собору (1113 г.); из них можно было прямо пройти на хоры (*Каргер*, 1980. С. 130; *Булкин, Овсянников*, 1984. С. 131). Вероятно, похожая ситуация была и на Городище, где строительство княжеского собора (1103 г.) лишь на десятилетие опередило возведение церкви на Торговой стороне. М. К. Каргер, приступив к археологическому поиску остатков городищенского Благовещенского храма 1103 г., считал, что местоположение княжеской церкви и хоро́м взаимосвязано. По его мнению, «находка древнейшего памятника княжеского строительства на Городище даст надежду найти поблизости от него и остатки княжеского двора новгородских князей» (*Каргер*, 1947. С. 148).

Вывод о социальной атрибуции больших построек Рюрикова городища поначалу прошел незамеченным и не стал предметом обсуждения в литературе; лишь В. А. Лапшин обратил на него особое внимание. Он сопоставил с постройками Городища комплексы больших построек из раскопок 2001–2002 гг. Нижегородского кремля. По его мнению, они близки не только по времени, но и по конструкции, но если в Нижнем Новгороде до нас дошли только подполья, то на Городище сохранились и контуры наземных частей строений. Автор согласился и с интерпретацией городищенских сооружений как входящих в комплекс княжеского двора. Он полагал, что в Нижнем Новгороде раскопан-

ная им усадьба располагалась к югу от княжеского двора и принадлежала доверенному лицу князя, связанному с ведением княжеского хозяйства (*Лапшин*, 2010. С. 178, 184). Особую роль при такой интерпретации В. А. Лапшин придавал находке в одной из ям XIV в. рядом с подпольями костяной печати — матрицы, выточенной на токарном станке в форме шахматной пешки (*Грибов, Лапшин*. 2008. С. 145. Рис. 3: *1*). Такие печати, как полагает В. А. Лапшин, «считаются свидетельством княжеского хозяйства и, скорее всего, принадлежали не самому князю, а его доверенному лицу, так как предназначались для опечатывания восковым оттиском княжеского имущества» (*Лапшин*, 2010. С. 184).

В 2008–2009 гг. на Городище, в 15 м к северо-востоку от упомянутых выше построек княжеского двора, было открыто еще одно сооружение подобного типа (IV по общей нумерации). От церкви Благовещения XIV в. оно располагалось в 22 м к юго-востоку (рис. 1)[2]. Его основание было впущено в песчаную

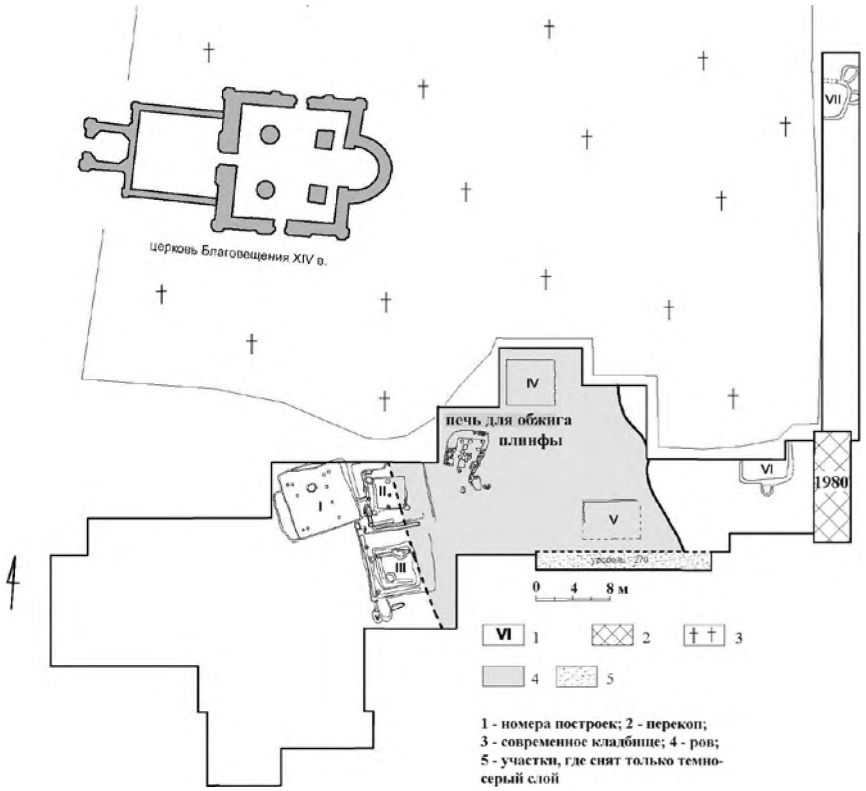

Рис. 1. Сводный чертеж расположения построек древнерусского времени из раскопок 1984–1985 гг и 2005–2009 гг. на Рюриковом городище

Fig. 1. A summary drawing of the location of buildings of Ancient Russian period from excavations of 1984–1985 and 2005–2009 in the Ryurik settlement

[2] Сводный чертеж расположения построек выполнен О. В. Григорьевой.

засыпь рва. Размеры котлована 5,24 × 5,35 м, глубина 1,10 м (рис. 2). Котлован был ориентирован стенками по сторонам света. По всему периметру его вертикальные стены были обшиты горизонтально закрепленными досками шириной 0,15–0,20 м (рис. 3). Тлен от досок сохранился и на плоской поверхности пола. Никаких опорных столбов в подполье не было.

В юго-восточном углу подпольного помещения обнаружены остатки печи, очевидно, рухнувшей в него с первого этажа. Здесь у дна котлована расчищены скопления обожженной глины, насыщенные углем, фрагментами плинфы, керамики и костей. Под глиной на полу зафиксированы обожженные валуны, при расчистке которых встречались кости, куски амфор, обломки плинфы.

Достаточно четкая стратиграфия позволила проследить некоторые конструктивные особенности строения и то, как заполнялся котлован его подпольной части. Выяснилось, что сам сруб был шире подполья по крайней мере на 1 м. Размеры дома достигали 6 × 6 м, т. е. общая площадь оставляла ~36 кв. м. Если следовать классификации новгородских построек, принятой Н. Н. Фараджевой (*Фараджева*, 2010. С. 8), то рассматриваемый дом относился по площади к числу домов «средних по размеру». Судя по стратиграфии, когда в подполье и во внутреннее помещение сруба попала верхняя (основная) часть его фиксируемого заполнения, нижняя часть стен постройки еще сохранялась

Рис. 2. Общий вид на подвальное помещение древнерусской постройки IV. Вид с юго-запада

Fig. 2. General view of the basement of building IV. View from the South-West

Рис. 3. Восточная стенка постройки, обшитая досками
Fig. 3. The Eastern wall of the building, covered with planks

на 3–4 венца (0,7–0,8 м), между которыми в жилых домах средневекового Новгорода обычно и врубались переводины пола. Таким образом, высота подклета дома с его углубленной в грунт частью составляла около 1,8 м, т. е. в нем мог стоять человек во весь рост. Общее время бытования дома определяется достаточно точно. Он был сооружен после окончательной засыпки древнейшего городищенского рва (примерно в конце XI в.) и до разборки в 1342 г. собора 1103 г. князя Мстислава Владимировича. Одним словом, дом в центре Городища стоял тогда, когда здесь существовал первый княжеский храм. Керамический материал позволяет датировать постройку XII–XIII вв. Хронологическая амплитуда некоторых прочих находок дает возможность сузить дату до последней трети XII – начала XIII вв. Новый дом на данном участке так и не был возведен. Котлован сооружения постепенно просел, и при разборке ранней церкви Благовещения в середине XIV в. сюда была снесена часть строительного мусора, состоящая из блоков плинфы с цемянкой.

При разборке котлована помимо фрагментов керамики было сделано более 400 находок. Значительную часть их составляли бытовые предметы. Немногочисленная группа относится к предметам одежды и украшениям, а кроме того, встречаются редкие находки, подчеркивающие социальный статус владельцев данного дома.

Так, среди находок представлены обломки импортной посуды, включающей амфорную тару, в которой привозились престижные продукты с юга (вино и оливковое масло), тарелки ближневосточного происхождения, византийские стеклянные сосуды.

В заполнении подвального помещения были найдены три свинцовые печати. Одна печать с изображением святого Андрея с крестом на аверсе и знака на реверсе; вторая печать принадлежала князю Рюрику Ростиславичу (1170–1171 гг.); третья печать с поясным изображением Пантократора с одной стороны и святого Георгия в полный рост с другой датируется XII–XIII вв.[3]. Данные находки свидетельствуют, что в доме хранились важные документы, и они также очерчивают общие хронологические рамки сооружения.

К числу редких находок относится обрывок золотой нити для шитья, смятый в моточек. В верхней части заполнения котлована отметим находку энколпиона (рис. 4: *3*). На лицевой створке имеется изображение креста с «сиянием», на оборотной — простой крест. Энколпион относится к группе миниатюрных прямоконечных с четырьмя выступами в средокрестии, с черневыми инкрустированными крестами (тип IV.6.*4* по классификации Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой) (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 22. Табл. 103, 104). Подобные кресты-реликварии были широко распространены на территории прежде всего Южной Руси и в целом датируются XII — началом XIII в. (*Там же*. С. 173–178).

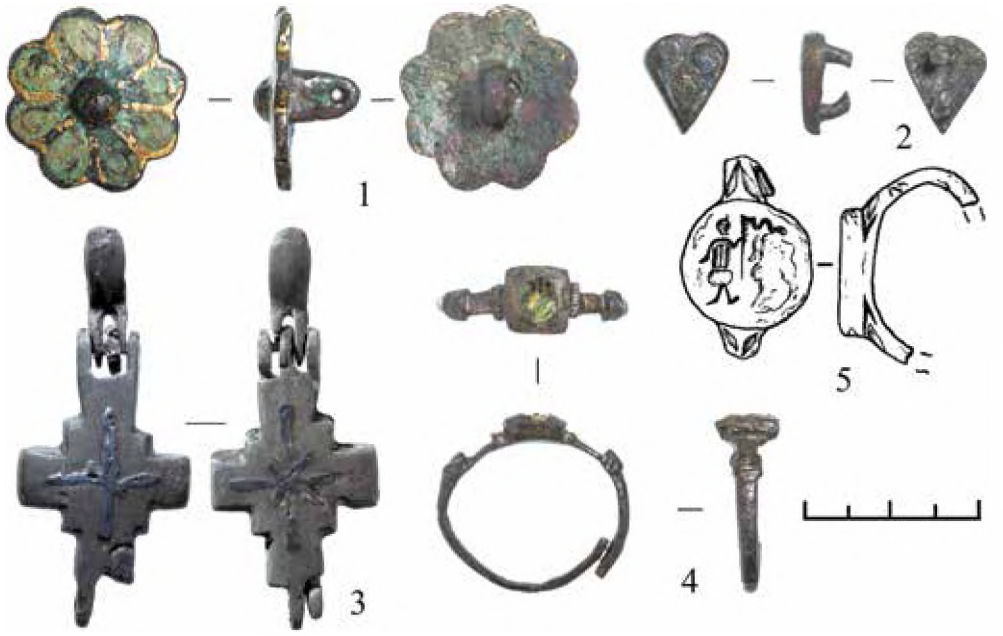

Рис. 4. Находки из заполнения постройки IV (цветной металл)
Fig. 4. Finds from the building IV (non-ferrous metal)

[3] Определения печатей выполнены П. Г. Гайдуковым.

В верхней части заполнения котлована найден еще один предмет личного благочестия — тонкая медная привеска-иконка овальной формы с неотчетливым погрудным изображением святого с одной из сторон. Подобные подвески достаточно разнообразных типов встречаются в Новгороде начиная с XII в. (*Седова*, 1981. С. 62), в это же время они появляются и в погребениях Новгородской земли (*Мусин*, 2002. С. 62).

Из шести перстней, найденных в заполнении котлована, два представляют особый интерес. Один из них имел щиток с пастовой вставкой (рис. 4: *4*). Желтая вставка была инкрустирована зелеными волнообразными нитями. По форме и характеру закрепления вставки так называемым «глухим» способом, когда стекловидная масса входила прямо в тело изделия и зажималась краем канта ячейки, найденный перстень оказывается наиболее близок самой древней группе перстней со вставками. На Неревском раскопе один из таких перстней был встречен в слое третьей четверти XI в., а второй — в слое конца XII в. (*Седова*, 1981. С. 139). Кроме того, в осыпи западной стенки сооружения был найден бронзовый перстень-печатка. На одной из половинок круглого щитка выгравирована фигурка человечка, держащего в левой руке флагшток с развевающимся узким стягом (рис. 4: *5*). Схематичное изображение одежды больше всего напоминает средневековый западноевропейский костюм. Вторая половинка щитка коррозирована, и на ней изображение не сохранилось. Данное украшение принадлежит к группе редких индивидуальных находок, так что привести ему аналогии достаточно сложно.

Несомненный интерес представляет позолоченная бронзовая литая бляшка в виде 8-лепестковой розетки (рис. 4: *1*). Внутренняя часть лепестков была заполнена зеленой эмалью. С обратной стороны имеется петля для крепления. Аналогичное 8-лепестковое украшение, декорированное выемчатой эмалью, найдено при раскопках усадьбы Л в постройке Е-1 Старой Рязани (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 165. Табл. 37: *2*), а с соседней усадьбы О из постройки 1 происходит схожая позолоченная литая бляшка, только в виде 9-лепестковой розетки — каждый лепесток имел миндалевидную перегородку внутри и был украшен эмалью из двух цветов. Перегородки между лепестками были позолочены (*Там же*. С. 165. Табл. 39: *2*). Усадьбы, в которых были найдены рассмотренные украшения, датируются домонгольским периодом — второй половиной XII в.— 1237 г. (*Там же*. С 142).

К числу элементов, входящих в нарядный пояс мужского костюма, относится сердцевидная бляшка, украшенная растительными завитками (рис. 4: *2*). Декор выполнен инкрустацией эмалью (завитки синим цветом, а в центре бляшки под завитками сохранились остатки красной эмали). К ремню бляшка крепилась двумя штифтами. По форме и характеру декора эмалью рассмотренная бляшка в более простом варианте напоминает сердцевидные бляшки из поясного набора Новгорода, обнаруженного в слоях рубежа XIII–XIV вв. По мнению М. В. Седовой, яркий поясной набор с эмалевым узором был продукцией городских мастеров, поскольку подобные нарменные украшения отсутствуют

в материалах многочисленных курганных древностей, оставленных сельским населением (*Седова*, 1981. С. 148–150. Рис. 58: *17*). Ко всему сказанному можно добавить, что из пяти пуговиц две тисненые были позолочены.

Кроме того, некоторые хозяйственные предметы были также связаны с бытом состоятельных жителей Городища. К ним относятся нож с костяной рукоятью, большая железная булавка с подвижным кольцом и с гранеными орнаментированными перемычками (рис. 5: *1*) и два ключа — один от сундучка (рис. 5: *3*), а второй от навесного замка типа А по классификации Б. А. Колчина, стержень которого был инкрустирован медной проволокой (рис. 5: *2*).

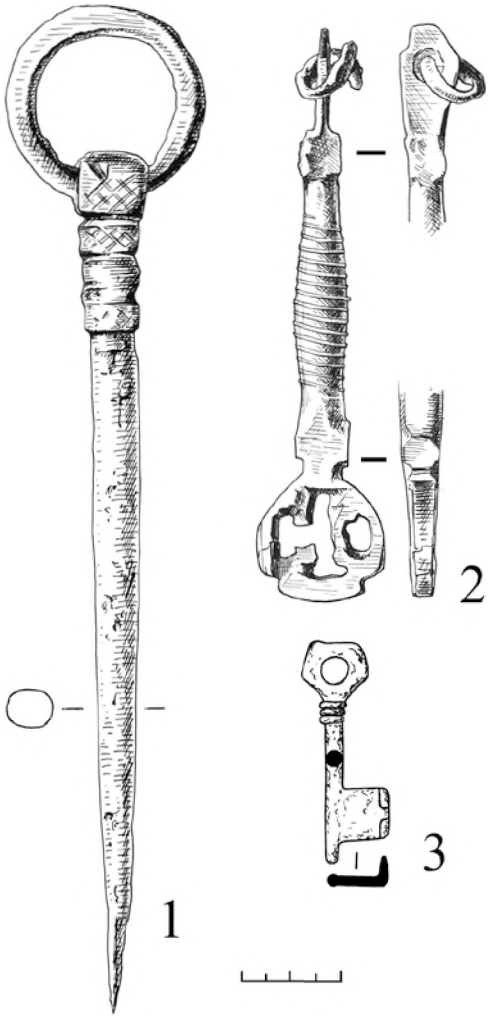

Рис. 5. Находки из заполнения постройки IV (железо)
Fig. 5. Finds from the building IV (iron)

Таким образом, среди многочисленных находок, полученных при исследовании заполнения котлована постройки IV, выявлена группа предметов, свидетельствующих, что владельцы данного дома социально выделялись среди прочих обитателей поселка. Это подтверждается и концентрацией фрагментов стеклянной посуды в темно-сером слое над котлованом подвального помещения, где также было найдено тисненое конусовидное золотое украшение.

Кроме построек, которые можно отнести к комплексу строений княжеского двора, в последние годы на верхней площадке Городища были изучены более скромные жилища. Два из них (VI и VII) расположены за пределами древнего рва и имели также подполья. В раскоп они попали не полностью (примерные их размеры: VI — около 5 × 6 м, глубина 1,18 м; VII — около 4 × 4 м, глубина 0,85 м). Стены домов были ориентированы по сторонам света. Они относились к тому же времени, что и постройка IV, — к концу XII — началу XIII в. Находки из заполнения построек VI и VII достаточно немногочисленны и маловыразительны, характеризовали повседневный быт обитателей древнерусского поселения и обычные для этого времени типы вещей и украшений. Заполнения этих построек были нарушены перекопами и в верхних частях их встречался смешанный материал.

Кроме домов с подпольями при разборке песчаной засыпи рва на уровне –330 м зафиксирована нижняя часть большой позднесредневековой деревянной постройки (V). На фоне светлого серо-желтого песка хорошо выделялись западная и северная стенки в виде тлена от бревенчатой конструкции (диаметр бревен 0,25–0,30 м). Постройка имела прямоугольную форму, размеры 3,68 × 6,44 м, и была вытянута в направлении запад — восток. Ее стены были ориентированы по сторонам света. Сооружение, скорее всего, носило хозяйственный характер. Внутри его рядом с восточной стенкой находилась овальная в плане яма (размерами 1,32 × 2 м, глубиной — 0,56 м) с керамикой XIII–XIV вв. До конца не ясно, связана ли эта яма с постройкой или была вырыта позже. В связи с интерпретацией данного сооружения интересны наблюдения О. В. Григорьевой, сделанные на материалах печатей (*Григорьева*, 2014. С. 245–262), и А. В. Плохова — на материалах стеклянной посуды. В темно-сером слое в районе этой постройки, как и постройки IV, фиксируется достаточно большая концентрация обломков стеклянных сосудов; на этих участках чаще встречаются древнерусские печати. Обе категории находок относятся к престижным изделиям, и такая их локализация позволяет сделать предположение, что это холодное помещение, где остатков печи не зафиксировано, возможно, составляло с постройкой IV какой-то единый комплекс, так как, судя по планиграфии обломков стеклянных сосудов, они «густым пятном» покрывают и пространства между ними.

Итак, в результате многолетних раскопок на центральной городищенской площадке выявлено семь построек древнерусского времени: две наземные и пять с подпольями. Однако не следует забывать, что и на берегу Сиверсова канала были исследованы также наземные небольшие древнерусские срубы с печью-каменкой в углу.

2. «Полуземлянки или наземные жилища с подпольями?..»: итог полувековой дискуссии

При рассмотрении больших городищенских построек с подпольями всплывает еще один принципиальный вопрос, возникающий при их осмыслении. Дело в том, что в самом Новгороде нет ни одной жилой постройки с выраженным подпольем как важнейшей конструктивной части строения. Нет никаких упоминаний о них в специальных работах по новгородскому домостроительству и его реконструкциям П. И. Засурцева, Г. В. Борисевича, Ю. П. Спегальского, Н. Н. Фараджевой и других публикаторов и интерпретаторов построек средневекового Новгорода (*Засурцев*, 1963; *Спегальский*, 1975; *Раппопорт*, 1975; *Раппопорт, Колчин, Борисевич*, 1985; *Фараджева*, 1992. С. 51–61; 2010).

Почему по наличию больших подполий Новгород и Городище так различались, хотя углубленные конструкции (ямы), особенно в нижних новгородских слоях, встречались? Считать, что это связано исключительно только с социальными различиями обитателей Городища (князья и их окружение) и собственно горожанами, нельзя, поскольку на Неревском и Троицком раскопах изучены огромные усадьбы богатейших новгородских боярских кланов, которые могли в смысле устройства своего быта позволить себе все, что позволяли князья. Причина явно лежит в другой плоскости.

Городищенская возвышенность отличалась от территории собственно Новгорода характером материка и соответственно культурных отложений. В Новгороде культурный слой увлажнен, а в случае с Городищем мы имеем дело с сухими напластованиями древнерусского времени. Признанный основоположник изучения новгородского домостроительства П. И. Засурцев справедливо заключил, что «новгородцы из-за сырости лишены были возможности использовать подполья для хозяйственных нужд. Довольно редко сооружались и погреба, которые постоянно затоплялись грунтовыми водами и пригодны были разве что для хранения боченков с соленьями» (*Засурцев*, 1967. С. 102). Вывод, сделанный 50 лет назад, остается справедливым и сейчас, хотя материал по новгородским постройкам постоянно пополнялся все эти годы.

О том, что постройки с углубленными подклетами бытовали в окрестностях Новгорода, свидетельствуют материалы раскопок Перыни, в свое время не понятые до конца. Здесь над остатками древнерусского языческого святилища был изучен культурный слой XII–XV вв. В нем обнаружены, как отмечал В. В. Седов при публикации материала, «полуземляночные постройки жилого и хозяйственного назначения» (*Седов*, 1956. С. 108). Исследовано 19 полуземлянок, которые стратиграфически разделяются на два яруса. Котлованы построек нижнего яруса были выкопаны в материке и относятся к XII в., верхнего — ко второй половине XIII — началу XV в.

Основания построек имеют глубину от 0,5–0,6 до 1,2 м. В них сохранились остатки деревянных стен, иногда дощатых полов, ямы от столбов несущих конструкций. Некоторые из углубленных строений использовались в хозяйственных целях. Важнейшим признаком для выяснения назначения построек является наличие в них печей, стоявших на полу. Таких домов определенно зафиксировано три. Их размеры 4 × 4,5 м, 3,2 × 4 м, 3,5 × 3,5 м, глубина соответственно 0,5, 0,8 и 0,3–0,4 м. Это жилые дома с углубленным в грунт полом. Именно их в литературе упорно называют полуземлянками, хотя по сути дела это вариант наземных домов, у которых 90 % объема здания возвышалось над землей (*Раппопорт*, 1975. С. 116; *Борисевич*, 1978. С. 284–286). Кроме того, раскопаны котлованы как минимум пяти построек другого типа. Их глубина несколько больше — от 0,8 до 1,2 м, в полу двух из них имеются по второй значительной яме глубиной 0,3 и 1 м — «ледники», а общие размеры котлованов: 4,5 × 4,6, 4 × 4, 3 × 4 м и т. д. В заполнении найдены лишь отдельные камни от печей. Это, несомненно, наземные срубные дома с углубленными подпольями, типа домов с Городища, но только меньших размеров. Две небольшие хозяйственные постройки имели плетневые стены. В одной из них на полу были остатки печи. Котлованы других хозяйственных строений в тенденции были несколько меньше по размерам, чем котлованы жилых домов. В одном случае сруб, впущенный на глубину 1,2 м, был сделан из березовых бревен толщиной 15 см.

В. В. Седов, публикуя материалы перынского поселения, придерживался взглядов на древнерусское домостроительство, сложившихся в советской науке к началу 1950-х гг. «Постройки, углубленные в землю, — по его мнению, — характерны для южных областей древней Руси», в северных районах «основной формой жилища становятся наземные срубные постройки», хорошо известные по раскопкам в Пскове, Старой Ладоге, Новгороде, а в средней полосе Восточной Европы оба типа построек существуют одновременно (упомянуты работы А. Л. Монгайта, А. Ф. Дубынина, Н. П. Милонова). Общий вывод следующий: перынские полуземлянки «по своим конструктивным особенностям... ближе всего к среднерусским, известным по раскопкам в Суздале и Твери», вероятно, они свидетельствуют о проникновении в Северное Приильменье населения из более южных районов Древней Руси (*Седов*, 1956. С. 117).

П. А. Раппопорт, включив полуземлянки в Перыни в свой каталог жилищ в монографии «Древнерусское жилище», изложил описание сооружений по В. В. Седову (Раппопорт, 1975. С. 110. № 303). Следуя автору публикации и констатируя вслед за ним своеобразную парность в расположении построек, когда рядом с каждым жилищем находилось чуть меньшее хозяйственное помещение, П. А. Раппопорт оказался в затруднении объяснить сам факт наличия под Новгородом полуземляночных жилищ. В обобщающем разделе каталога он назвал поселение «единственным исключением» и вышел из положения следующим образом: «...единичность данного примера и устойчивое бытование полуземлянок в течение долгого времени (с XII до начала XV в.) в полном отрыве

от территории остальных полуземляночных жилищ заставляют поставить жилища Перыни под сомнение. Не исключена возможность, что эти постройки служили не жилищами, а производственными помещениями (например, для копчения сетей)...» (*Там же*. С. 127).

В советской археологической науке после сенсационных новгородских открытий и раскопок древних Ладоги и Пскова, на фоне исследований в Киеве и в Поднепровье, обобщенных М. К. Каргером, прочно закрепились некие стереотипные представления о домостроительстве в Северной, Южной и Северо-Восточной Руси. Крайне популярной оказалась тенденция объяснять особенности древнерусского домостроительства в разных регионах в первую очередь перемещениями населения из тех или иных районов (*Там же*. С. 166 и др.). О причинах этого часто не задумывались. Например, В. В. Седов полагал, что основным занятием обитателей Перыни ввиду удобства расположения у самого истока Волхова из Ильменя была рыбная ловля наряду с сельским хозяйством и жители поселка снабжали Новгород рыбой. Почему рыбой занялись выходцы с юга Руси, основав обособленный своего рода «земляческий квартал» на всхолмлении на месте древнего капища и построив там на свой манер дома, и сделали своим рыбный промысел на столетия — с XII до XV в.? Местных рыбаков не хватало? Ответа нет. Проще было объяснить появление особого, как тогда казалось, типа построек переселением. Отсутствие углубленных в грунт подполий у части домов древнего Владимира послужило для М. В. Седовой важнейшим аргументом для подтверждения ее предположения о принадлежности этих построек переселенцам из Новгорода, для которых устройство таких подполий было нехарактерно (*Седова*, 2004. С. 128).

Итоги изучения древнерусского домостроительства на начало 1970-х гг. подвел П. А. Раппопорт на основе собранных им сведений о почти 2000 жилищ VI–XIII вв. (*Раппопорт*, 1975). Основной вывод, который он сделал, заключался в том, что славяно-русские жилища всей территории Древней Руси стабильно делятся по двум обширным зонам: северной и южной с двумя типами построек, соответственно наземными и полуземляночными. Под полуземлянками исследователь понимал все жилища «с полом, пониженным по отношению к уровню земли» (*Там же*. С. 116).

«Жилищ наземного типа на славянских поселениях Восточной Европы VI–VII вв. не обнаружено; все жилища здесь полуземляночные» (*Там же*. С. 116). «Жилища VIII–X вв. четко разделяются на две разобщенные между собой группы. Первая группа включает в себя подавляющее большинство памятников этого времени и занимает всю территорию лесостепи, несколько заходя как на юг, в степь, так и на север, в лесную зону. Вторая группа — крайне немногочисленные памятники севера, сконцентрированные в новгородско-псковском районе» (*Там же*. С. 117). В X–XI вв. в «в лесостепной зоне и в южной части лесной зоны по-прежнему господствовал полуземляночный тип жилищ, а в северной части лесной зоны применялся исключительно наземный тип». В итоге у П. А. Раппопорта присутствует достаточно жесткая

констатация наблюдений: «Полное господство полуземляночных жилищ в зоне лесостепи в X–XI вв. не подлежит сомнению». XII–XIII в. — «это время широкого наступления наземных жилищ», а «районом полного преобладания полуземлянок в это время остается по существу лишь Среднее Поднепровье». Попытки доказать, что среди жилищ там большой процент составляют наземные постройки, «анализ археологической аргументации не подтверждает». Неизвестны наземные рядовые жилища и в Киеве. В бассейне Оки встречались оба типа домов (*Там же.* С. 121–123).

Аргументированной критике построения П. А. Раппопорта в своей рецензии на его исследование подверг Г. В. Борисевич. Он поставил под сомнение не только выводы о районах распространения разных типов жилищ, но и важнейшие конкретные положения самой работы (о конструкциях стен, о высотности срубов, о земляных крышах и т. д.). Г. В. Борисевич назвал «искусственным» деление жилищ только на полуземляночные и наземные. Он прозорливо призвал разобраться в вопросе о подклетах домов на Руси (наземных и углубленных), так как это поможет понять целый ряд проблем классификации жилищ. «Пока,— процитируем Г. В. Борисевича, — существование "дома на срубном подклете, частично углубленном в землю" признается только для Москвы XII–XIII вв.». По мнению рецензента, П. А. Раппопорт недооценил то, что по письменным источникам уже в X–XI вв. существовала развитая типология жилых и хозяйственных построек (*Борисевич*, 1978).

После публикации свода П. А. Раппопорта постоянно накапливался новый материал о жилищах славян и Древней Руси, поскольку масштабы новых археологических работ в те годы были достаточно велики. Однако выработка общих взглядов на процесс эволюции домостроительства проходила медленно. Разные исследователи имели почти противоположные мнения по принципиальным вопросам. В 1980-е гг. появился повод создать нечто общее в намеченном к изданию очередном томе «Археологии СССР». Том «Древняя Русь. Город, замок, село» увидел свет в 1985 г. Для написания раздела «Жилище» были приглашены три автора: П. А. Раппопорт, Б. А. Колчин и Г. В. Борисевич. Все они были несомненно крупными учеными, но придерживались разных взглядов на общие проблемы. В результате получился ценный информационный труд, но не получилось цельной концепции. Явственно чувствуются соединительные швы трех разных частей и их противоречия между собой (*Раппопорт, Колчин, Борисевич*, 1985. С. 136–151).

В начале П. А. Раппопорт нарисовал общую картину развития славяно-русского жилища, перелагая главные выводы своей книги 1975 г. о различном характере развития домостроительства на севере и юге Руси. Учитывая новейшие открытия на трассе строительства киевского метро, исследователь заметил, что «совершенно особое место занимает Киев, где в нижней части города, на Подоле, строили наземные дома северного типа. Причина такого явления до сих пор не установлена, и по этому вопросу существуют различные предположения» (*Там же.* С. 136–143).

Во второй части Г. В. Борисевич придерживается совсем иной линии подачи материала о Киеве. Она отдельно выделена как «Жилища Киева». Он отмечает, что дискуссия о киевских постройках восходит к 40–50-м гг. М. К. Каргер, возглавлявший тогда одну из городских экспедиций, доказывал, что «основным типом массового жилья даже в самом крупном городском центре Киевской земли вплоть до XII–XIII вв. продолжала оставаться полуземляночная постройка». Ряд исследователей были с этим не согласны. В. К. Гончаров, В. А. Богусевич, В. И. Довженок, «считая вывод о землянках как основном типе жилищ в Среднем Поднепровье ошибочным, допускали широкое распространение в Киеве срубных сооружений». С этим соглашались, — подчеркивал В. Г. Борисевич, — и историки. «Уж очень бедным и жалким, — замечал М. Н. Тихомиров, — оказывается Киев, "соперник Костантинополя", со своими "полуземлянками"» (*Тихомиров*, 1956. С. 145). Г. В. Борисевич полагал, что в Киеве сосуществовали два основных типа жилищ — наземные срубные и постройки столбовой конструкции с углубленной нижней частью. По его мнению, «выводы о коренном отличии историко-архитектурного развития древнего Киева от Новгорода и других районов лесной зоны Киевской Руси не соответствуют действительности. В результате раскопок Киевского Подола получены материалы, аналогичные раскопанным в Новгороде, Старой Ладоге, Полоцке, Бресте и других городах северо-западных и северо-восточных районов Руси». Отметим и заключительный вывод автора «о преобладании среди массовой застройки Киева IX–XIII вв. общерусских архитектурных типов построек» (*Раппопорт, Колчин, Борисевич*, 1985. 143–147). Наконец, Б. А. Колчину в рассматриваемой монографии принадлежит детальный разбор различных новгородских построек, а общерусских проблем домостроительства он не касался (*Там же*. С. 147–154).

Материал накапливался. Расширялся круг исследования городов с сухим культурным слоем. Очень важную роль сыграли охранные раскопки на сельских средневековых поселениях, которые долгое время оставались в тени. Подчеркнем, однако, что на территории Северной Руси работы были по-прежнему сосредоточены на археологии городов с мокрыми культурными отложениями.

В 1995 г. появилась монография В. П. Даркевича и Г. В. Борисевича, обобщающая результаты многолетних археологических исследований в Рязани. Изложенные в ней суждения об общих принципах понимания древнерусского домостроительства перекликаются с идеями, высказанными Г. В. Борисевичем в рецензии на книгу П. А. Раппопорта. Принятое в археологии деление жилищ на наземные и полуземляночные (земляночные), отмечают авторы, не подтверждается ни древнерусскими письменными источниками, ни по раскопкам в Рязани. «В настоящее время,— продолжают авторы, — можно констатировать, что в Рязани все хоромные строения как в срубной, так и в каркасной технике относятся к наземному типу. Обычно за землянки принимают разнообразные погреба и подполья наземных жилищ». И далее: «...следует отказаться от упрощенных представлений о застройке городов периода расцвета древне-

русской культуры архаичными сооружениями, какими-то "земляными норами"» (*Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 119).

Накопление материалов по раннесредневековому домостроительству Северо-Восточной Руси позволяет исследователям все чаще ставить вопрос о его характерных и особенных чертах. Наличие у многих наземных построек обширных котлованов — подполий сейчас считается важнейшей отличительной чертой жилых строений как городских, так и сельских поселений Северо-Восточной Руси. В 2008 г. С. В. Шполянским предпринят опыт систематизации конструкций подполий позднесредневековых построек в Суздале и его округе. Общее число объектов, привлеченных для исследования, сейчас достигло 50 (*Шполянский*, 2008. С. 56 и сл.).

Серьезное изучение сооружений подобного рода было начато в работах М. В. Седовой с 1997 г. (*Седова*, 1997. С. 168), хотя сама исследовательница чаще всего называла их «полуземлянками». В настоящее время в литературе преобладает мнение о появлении подобных конструкций вследствие перемещения в Волго-Клязьминское междуречье южнорусского населения из Поднепровья (*Там же*. С. 169; *Коваль*, 2007. С. 58). Общий вывод С. В. Шполянского в отношении этого следующий: «...при несомненной близости основных параметров суздальских и южнорусских подполий, в ближайшем рассмотрении заметно своеобразие конструктивных решений, не находящих прямых аналогов в южной традиции». В частности, во-первых, печей в котлованах суздальской традиции нет; во-вторых, на юге нет обшивки деревом котлованов; в-третьих, на севере котлованы по размерам больше и нет наклонных тамбуров-входов. С. В. Шполянский предполагает существование, безусловно, близкой южнорусской, но все-таки самостоятельной традиции сооружения наземных построек с большими подпольями во Владимиро-Суздальской земле (*Шполянский*, 2008. С. 56–62).

Представляется очень значимой статья В. Ю. Коваля об изучении углубленных котлованов и жилищ древнерусского времени и применяемой методике их расчистки и разборки, а отсюда и об общей интерпретации сооружений (*Коваль*, 2007. С. 58 и след.). Помимо выводов В. Ю. Коваля следует отметить работу Ю. Ю. Моргунова, сумевшего убедительно доказать, что размеры срубов были больше и шире подполий (*Моргунов*, 2003. С. 125).

3. Заключение

Находки больших средневековых построек на Рюриковом городище следует рассматривать именно в контексте этой дискуссии.

Можно ли сказать, что на Городище мы сталкиваемся с южнорусской традицией или с традицией Северо-Восточной Руси? Нет. Это общерусская традиция.

Объективно учитывая материалы раскопок Перыни, можно заключить: дома с углубленными подклетами были характерны и для Северной Руси, но сооружали их там, где позволяли условия грунта. Продукты хранились в них лучше

и дольше. Но при высокой увлажненности почвы подклеты, как в Новгороде, выносились над землей.

В одних и тех же районах могли сооружаться как дома с подпольями, так и исключительно дома на подклетах. Зависело это от природных климатических условий, от доступности материалов и экономической состоятельности разных семей и целых сословий.

Следует учитывать и общие строительные тенденции славянского домостроительства с конца I тыс. н. э. На юге наземные срубы восходили к полуземлянкам или постройкам с углубленным полом и расположенными там же печами. Собственно, не важно, как называть эти сооружения, это тоже предмет обсуждения в специальной литературе, здесь нам важна суть. В лесной зоне Восточной Европы эволюция проходила по линии усложнения срубных домов, изначально полностью наземных.

Литература

Борисевич Г. В. Рец. на кн.: *Раппопорт П. А. Древнерусское жилище САИ. Вып. Е 1–32. Л., 1975* // СА. 1978. № 4. С. 282–288.

Булкин В. А., Овсянников О. В. По Неве и Волхову. Л.: Наука, 1984. 238 с.

Грибов Н. Н., Лапшин В. А. Нижегородский Кремль в XIII — XIV и XV веках // Археологические вести. СПб., 2008. № 15. С. 141–155.

Григорьева О. В. Топография актовых печатей раскопок на Рюриковом городище (к вопросу о составе городищенского архива) // ННЗИА. Великий Новгород, 2014. Вып. 28. С. 245–262.

Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Круг, 1995. 428 с.

Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123. Жилища древнего Новгорода. М., 1963. С. 5–165 (Труды Новгородской археологической экспедиции, т. IV).

Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М.: Наука, 1967. 206 с.

Каргер М. К. Основные этапы археологического изучения Великого Новгорода // СА. 1947. Т. IX. С. 137–168.

Каргер М. К. Новгород. 4-е изд., доп. Л.; М., Искусство, 1980. 246 с.

Коваль В. Ю. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // Археология Подмосковья: Матер. научного семинара. Вып. 3. М., 2007. С. 58–70.

Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 432 с.

Лапшин В. А. Комплексы больших построек XIV в. из Нижегородского кремля // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 178–185.

Моргунов Ю. Ю. Сампсониев остров. Пограничная крепость на Посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 2003. 187 с.

Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 269 с. (Труды ИИМК РАН, т. V).

Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Труды ИИМК РАН, т. XVIII). 404 с.

Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. САИ. Вып. Е1–32. Л., 1975. 180 с.

Раппопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В. Жилище // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 136–218 (сер. Археология СССР).

Седов В. В. Поселение XII в. — начала XV в. в Перыни // КСИИМК. М. 1956. Вып. 62. С. 108–117.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир, 1997. 320 с.

Седова М. В. Новгородские выведенцы в городах Владимире и Суздале // Новгородские археологические чтения. Великий Новгород, 2004. Вып. 2. С. 123–130.

Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1972. 274 с.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. 475 с.

Фараджева Н. Н. К вопросу о классификации срубных построек и жилищно-хозяйственных комплексов (по археологическим материалам Новгорода и Пскова) // ННЗИА. Новгород, 1992. Вып. 6. С. 51–61.

Фараджева Н. Н. Постройки Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицких I–XI раскопов): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2010.

Шполянский С. В. Конструкции подполий средневековых построек в Суздале и его округе (опыт систематизации) // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. М., 2008. Вып. 2. С. 56–66.

Раннесредневековые городища Северной Германии

Й. Шнеевайс (*GWZO*)[1]

Резюме. На территории Северогерманской низменности известно большое количество раннесредневековых городищ, которые можно подразделить на саксонские и славянские. Они давно уже находятся в центре внимания ученых, так как этот материал активно используется для решения проблем раннесредневековой истории региона. Но, несмотря на это, степень их исследованности в разных регионах Германии в настоящее время далеко не одинакова. Благодаря длительным и нередко масштабным исследовательским работам, продолжавшимся почти полтора столетия, а также возможности привлечения дендрохронологии славянские укрепления в целом изучены лучше. Их деревянные конструкции отражают исключительно высокий уровень плотницкого мастерства. Для саксонских кольцевидных городищ характерны другие строительные приемы, основу которых составляло использование пластов дерна и песка, в ряде случаев с ограниченным использованием древесины. Социальные функции городищ в данном историческом контексте, помимо наиболее очевидной функции защиты от врагов, исследованы пока недостаточно. Вопрос о них в значительной степени остается открытым.

Summary. A large number of early medieval strongholds is known in the North German Plain. In general, they can be divided into strongholds of Saxon or Slavic origin. They have been in the focus of historical interest for a long time as there are manifold questions of history connected to them. Nevertheless the current state of research differs significantly depending on the particular region. Slavic strongholds are relatively well studied, thanks to long-lasting and often large-scale research for nearly one and a half centuries, as well as to the possibility of widespread use of dendrochronology. The proper timberwork of those fortifications is reflecting the high level of Slavic carpentry. Saxon ringforts, in contrast, are characterized by building traditions using basically sods and sand, sometimes accompanied by supplemental use of timber. In general, further to the basic functions of defence and delimitation, the concrete purpose of a specific stronghold in its historical context most often remains open.

Ключевые слова: крепостное строительство, городище, саксы, западные славяне.

Key-words: construction of fortifications, stronghold, Saxons, Western Slavs.

1. Исследование городищ в Северной Германии — краткий исторический обзор

В эпоху Средневековья Северная Германия (современные земли Мекленбург-Передняя Померания, Шлезвиг-Гольштейн и Нижняя Саксония) представляла собой зону контактов саксонского, датского и славянского населения. Характерным типом укрепленных поселений этого периода, распространенным

[1] Перевод текста с немецкого Зины Лотц.

по всей северогерманской (скорее даже — североевропейской) низменности, являются городища, окруженные кольцевидными земляными валами (рис. 1; ср., напр.: *Heine*, 2000; *Segschneider*, 2009а). В отличие от селищ, исследование которых началось лишь во второй половине XX в., городища рано попали в поле зрения историков и краеведов. В Мекленбурге это произошло уже в середине XIX в. и было связано с деятельностью Фридриха Лиша.

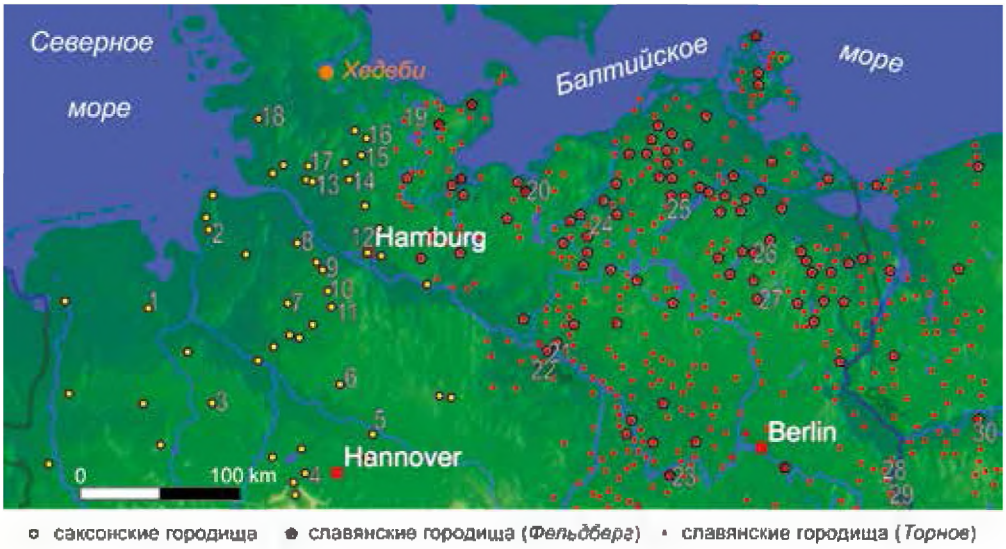

Рис. 1. Раннесредневековые городища в северной Германии (по *Scheschkewitz*, 2009; *Biermann*, 2011; *Lemm*, 2013). *1 — Бокелербург, 2 — Пипинсбург/Сиверн, 3 — Хюненбург у Штёттингхаусен, 4 — Изенбург (Ландрингхаусен), 5 — Альтенцелле, 6 — Хюненбург у Борг, 7 — Хайлсбург/Вирсдорф, 8 — Грос Тун, 9 — Оттензен, 10 — Холленштедт, 11 — Какенсторф, 12 — Гамбург (Нойе Бург, соборная площадь), 13 — Итцехое, 14 — Хитцхузен, 15 — Витторф, 16 — Ейнфельд, 17 — Кааксбург, 18 — Штеллербург, 19 — Шарсторф, 20 — Мекленбург, 21 — Ленцен-Нойехаус, 22 — Мечов, 23 — Бранденбург, 24 — Грос Раден, 25 — Тетеров, 26 — Глинке, 27 — Фельдберг, 28 — Лебус, 29 — Лоссов, 30 — Цантох*

Fig. 1. Early medieval strongholds in Northern Germany (after *Scheschkewitz*, 2009; *Biermann*, 2011; *Lemm*, 2013). *1 — Bokelerburg, 2 — Pipinsburg/Sievern, 3 — Hünenburg near Stöttinghausen, 4 — Isenburg (Landringhausen), 5 — Altencelle, 6 — Hünenburg near Borg, 7 — Heilsburg/Wiersdorf, 8 — Groß Thun, 9 — Ottensen, 10 — Hollenstedt, 11 — Kakenstorf, 12 — Hamburg (Neue Burg, Domplatz), 13 — Itzehoe, 14 — Hitzhusen, 15 — Wittorf, 16 — Einfeld, 17 — Kaaksburg, 18 — Stellerburg, 19 — Scharstorf, 20 — Mecklenburg, 21 — Lenzen-Neuehaus, 22 — Meetschow, 23 — Brandenburg, 24 — Groß Raden, 25 — Teterow, 26 — Glienke, 27 — Feldberg, 28 — Lebus, 29 — Lossow, 30 — Zantoch (Santok)*

В соответствии с уровнем науки того времени исследование первоначально базировалось на письменных источниках, археологические же свидетельства привлекались как иллюстрации, помогающие локализовать исторические события во времени и на географической карте. Деятельность Ф. Лиша и ранняя история изучения городищ Мекленбурга подробно описаны в обобщающей работе Эвальда Шульдта (*Schuldt,* 1965), чья деятельность в послевоенное время сильно продвинула вперед изучение мекленбургских городищ. Он провел масштабные раскопки на многочисленных славянских городищах, которые дали важную информацию о характере оборонительных конструкций (*Schuldt,* 1964; 1965; 1967; 1983; 1985а; 1985б; *Unverzagt/Schuldt,* 1963).

В области Гольштейн, на северном побережье Эльбы, изучение городищ началось значительно позднее — лишь во второй четверти XX в. (отчасти потому, что наибольшее внимание уделялось здесь масштабным исследованиям в Хедебю) (*Struve,* 1965. S. 12). В этой связи следует упомянуть прежде всего Х. Хофмайстера, который первым стал заниматься археологическими исследованиями городищ в Шлезвиг-Гольштейне (*Lemm,* 2013. S. 21).

В Нижней Саксонии систематическая масштабная фиксация (обмер и описание) всех до- и раннеисторических укреплений провинции была начата генерал-майором Августом фон Опперманном в 1880-х гг. С 1892 г. его работу

Рис. 2. «Древнее городище» Холленштедт. Большая часть вала сегодня реконструирована. Вид с запада

Fig. 2. The "Old stronghold" of Hollenstedt. The main part of the rampart is nowadays reconstructed. View from West to East

продолжил Карл Шухардт. Это поручение было дано ему Историческим обществом Нижней Саксонии (*Scheschkewitz,* 2009. S. 185). Завершением их трудов стала детальная публикация, вышедшая в свет сто лет назад (*von Oppermann/Schuchhardt,* 1887–1916). В ходе этих работ Шухардтом была разработана типология городищ (*von Oppermann/Schuchhardt,* 1887–1916; *Schuchhardt,* 1924), которую он сумел вписать в общий контекст мировой истории (*Schuchhardt,* 1931). Конечно, методика исследования памятников впоследствии была усовершенствована, но это не умаляет ценности основополагающих трудов К. Шухардта (*Heine,* 2000. S. 13). Публикации, сопоставимые с ними по значению, посвященные раннесредневековым укреплениям Северной Германии, появлялись в дальнейшем с промежутком примерно в одно поколение — в 1960-х и 1990-х гг. (*von Uslar,* 1964; *Brachmann,* 1993).

«Древнее городище» Холленштедт, близ г. Гамбурга, расположенное в непосредственной близости от славянской территории, является одним из немногих масштабно изученных саксонских укреплений эпохи раннего Средневековья (рис. 1: *10*; 2; ср. *Brandt/Schneeweiß,* 2017). Оно относится к типу саксонских кольцевидных городищ, которые Шухардт рассматривал как укрепленные резиденции саксонских дворян Франкской империи в период после саксонских войн Карла Великого — так называемые «замки гауграфов» (Gaugrafenburgen) (*von Oppermann/Schuchhardt,* 1887–1916; *Schuchhardt,* 1924. S. 75–78; 1931. S. 188). Эрнст Шпрокхофф, напротив, интерпретировал подобные укрепления как королевские — так называемые «замки Генриха» (Heinrichsburgen), которые должны были возводиться по типовым правилам крепостного искусства (Burgenordnung), установленным Генрихом I в 926 г. (*Sprockhoff,* 1937; 1943). Этого взгляда первоначально придерживался и Вилли Вегевитц в отношении Холленштедта (*Wegewitz,* 1950. S. 292–293).

Широкие исследования поселений, начавшиеся в 1950–1960-х гг. (именно тогда в поле зрения археологов впервые попали селища), позволили серьезно скорректировать эти представления. Ученые отошли от узких, основанных в первую очередь на письменных источниках, подходов к интерпретации городищ (*Struve,* 1963; 1965; 1972; *Jankuhn,* 1965; 1976. S. 369). Особую роль в этом сыграло расширение возможностей археологического датирования, показавшее, что период возведения кольцевидных городищ не ограничивался узким временны́м горизонтом (например, правлением Генриха I), а длился на протяжении нескольких столетий (IX–XI вв.). Поэтому сам по себе тип укреплений мало может сказать нам об историческом контексте их сооружения.

В период после Первой мировой войны исследование городищ и совершенствование методов их изучения постоянно находились в центре внимания ученых. В 1927 г. К. Шухардт и В. Унферцагт создали «Рабочее сообщество по исследованию до- и раннеисторических валов и оборонительных сооружений Средней и Восточной Германии» (Arbeitsgemeinschaft zur Erforschung der vor- und frühgeschichtlichen Wall- und Wehranlagen Mittel- und Ostdeutschlands). Запланированный проект был, однако, остановлен в 1930-х гг. Унферцагту

пришлось ограничиться исследованиями городищ Цантох (Zantoch), Лоссов (Lossow) и Лебус (Lebus) (рис. 1: *28–30*; *Brackmann/Unverzagt,* 1936; *Unverzagt,* 1958; ср. *Leube,* 2010).

После окончания Второй мировой войны В. Унферцагт вновь обратился к этой программе, задавшись целью составить «Свод-справочник по до- и раннеисторическим валам и оборонительным сооружениям» (Handbuch vor- und frühgeschichtlicher Wall- und Wehranlagen). Были выпущены первые два тома (*Grimm,* 1958; *Herrmann,* 1960). Славянское городище Тетеров в Мекленбурге (рис. 1: *25*) стало первым памятником такого типа, масштабно раскопанным широкой площадью (*Unverzagt/Schuldt,* 1963). Раскопки проводились в 1950–1953 гг. (рис. 3). Позднее Йоахим Херрманн не стал продолжать проект «свода-справочника», а заменил его сходным крупным проектом, названным «Корпус археологических источников по ранней истории на территории ГДР» (Corpus archäologischer Quellen zur Frühgeschichte auf dem Gebiet der DDR) (*Herrmann/Donat,* 1973–1985). Сюда были включены и все средневековые городища.

В принципе, в изучении раннесредневековых городищ всегда присутствовали два направления: во-первых, широкие разведочные обследования территорий, описание и паспортизация памятников, во-вторых — концентрация внимания на изучении отдельных объектов, их планомерные и многолетние раскопки (см., напр.: *Herrmann,* 1966; 1973). Политические условия послевоенного времени заставили Й. Херрманна ограничить работу над сводом материалов территорией ГДР. Однако и в Западной Германии шла параллельная работа по созданию археологического свода для каждой из федеративных земель. Следует подчеркнуть особую роль земли Шлезвиг-Гольштейн как застрельщика в этом деле (ср. *Lüth,* 2012. S. 23–27). Городища как ключевые памятники везде находились в центре внимания, однако современное состояние исследований укреплений заметно различается по регионам[2].

Существовавшие долгое время стереотипные представления о том, что, например, укрепления саксонских городищ всегда сооружались в виде валов из кусков дерна, без использования дерева, или что для строительства славянских городищ использовались, в зависимости от региона, либо решетчатые, либо срубные конструкции, сегодня могут и должны быть уточнены. Ныне уровень исследований заметно возрос, несмотря на то что значительная часть городищ до сих пор недостаточно изучена и не в должной мере опубликована. Наряду с крупными общими работами, посвященными этой тематике (*Schuchhardt,* 1931; *von Uslar,* 1964; *Brachmann,* 1993), в настоящее время имеется ряд региональных обобщений материалов (*Weidemann,* 1976; *Heine,* 1995; *Lemm,* 2013; для славянской территории — *Ruchhöft,* 2008). Количество масштабно раскопанных памятников, опубликованных на современном уровне, ныне заметно возросло (см., напр.: *Kennecke,* 2015; *Messal,* 2015; ср. также *Мессал,* 2013).

[2] См. обзорные работы для нижней Саксонии: *Heine,* 1995; *Scheschkewitz,* 2009; для Шлезвиг-Гольштейна: *Struve,* 1981; *Müller-Wille,* 1991; *Lemm,* 2013; для Мекленбурга-Передней Померании: *Kempke,* 1999a; 1999b; *Brather,* 2008.

Рис. 3. Разрез восточного вала городища Тетеров (по: *Unverzagt/Schuldt*, 1963. Taf. 92)
Fig. 3. Section of the Eastern rampart of the stronghold of Teterow
(after *Unverzagt/Schuldt*, 1963. Taf. 92)

Йонатан Шешкевитц насчитал в Нижней Саксонии примерно 35 раннесредневековых кольцевидных городищ, которые по большей части не имеют точной хронологической привязки (рис. 1) (*Scheschkewitz,* 2009. S. 190). В целом, их сооружение можно датировать IX–X вв., однако следует учитывать, что жизнь на городищах нередко продолжалась и в XI в. К сожалению, лишь 5–6 городищ изучены настолько, что по ним имеется точная информация о внутривальных конструкциях и их датировке. Севернее р. Эльбы к этому числу добавляется еще дюжина раннесредневековых кольцевидных городищ, которые также изучены в разной степени (рис. 1) (*Lemm/Wilschewski,* 2009. S. 160–163). Для некоторых из них имеется возможность определить детали строительных конструкций, которые, как показал недавний анализ Торстена Лемма, обнаруживают тесную связь с крепостными сооружениями на территории Нижней Саксонии южнее р. Эльбы (*Lemm,* 2013).

Проводившиеся с 1990-х гг. систематические работы в области дендрохронологии памятников и появление дендродат для ряда городищ, в первую очередь в славянских областях, привели к созданию значительно более точной картины развития крепостного строительства, чем та, которую мы имели еще четверть века назад (*Herrmann/Heußner,* 1991; *Henning/Heußner,* 1992; *Henning,* 1998; 2002; *Biermann,* 2000; *Brather,* 2008. S. 122–123). В соответствии с этим удалось установить более точную хронологию разных типов городищ, доминировавших соответственно в VIII — начале IX в. и в конце IX — X в. на северо-западной территории славянского заселения между восточным Гольштейном и Померанией (рис. 1) (*Biermann,* 2011). На раннем этапе это были т. н. *большие городища типа Фельдберг* (*Schuldt,* 1956, S. 55; *Herrmann,* 1968. S. 153, 164–167; 1969)[3], расположенные, как правило, на высоких местах. Во многих случаях их функционирование заканчивается еще в IX в. В конце IX — первой половине X в. их сменяют небольшие кольцевидные городища на низменностях — т. н. *городища типа Торнов,* которые в большом количестве возникают по всей северо-западной славянской территории между Эльбой и Бугом и представляют собой ведущий тип городищ среднеславянского периода (*Herrmann,* 1966; *Łosiński,* 1995; *Henning,* 1998; *Kempke,* 1999б. S. 118–122; *Biermann,* 2006; 2011. S. 152).

[3] *Brather* (1998) выступил с критикой термина «Фельдберг» в применении к городищам, потому что он ассоциируется со славянской керамикой типа Фельдберг, распространение которой не вполне соответствует ареалу городищ типа Фельдберг. Он предложил другой термин: «*большие городища каролингского времени*». Однако терминологическая увязка данного типа городищ с Каролингами также не является подходящей альтернативой, ибо эти памятники расположены исключительно за пределами Каролингской империи, а их культурные связи ориентированы не только на запад, но в значительной мере на север (в Скандинавию) и на восток. Поэтому термин «городища типа Фельдберг» продолжает употребляться; за ним стоят в первую очередь внешние признаки (размеры, топографическое расположение) и привязка (по керамике типа Фельдберг) к хронологическому периоду, который был определен для эпонимного памятника — городища Фельдберг (рис. 1: *27*) (ср. *Biermann,* 2011. S. 156–159).

Правда, следует помнить: для большей части этих памятников время их основания по-прежнему не установлено. К тому же уровень исследованности раннесредневековых городищ на территории саксонского заселения в общем и целом значительно отстает от такового на славянской территории.

2. Саксонские и славянские городища VIII–X/XI вв.

Выше уже упоминалось саксонское «Древнее городище» в Холленштедт, расположенное в нижнем Приэльбье (в широком смысле). Многолетние раскопки и исследования велись там начиная с 1960-х гг. (*Ahrens/Matthies,* 1983; *Ahrens,* 1998). Последние полевые работы были проведены осенью 2014 г. Их результатом, в частности, стали обоснование датировки городища концом IX в. и детальное исследование конструкций вала (рис. 4, 5; *Brandt/Schneeweiß*, 2017).

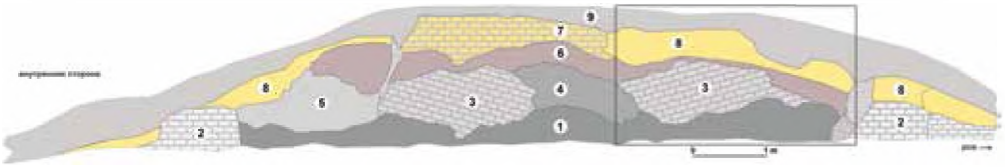

Рис. 4. Стратиграфия разреза вала Холленштедт в 2014 г., элементы сооружения вала. *1 — основа из древесины (обугленная), 2 — стена из кусков дерна, 3 — ядро; куски дерна, 4 — ядро; древесина (обугленная), песок, 5 — смесь разных материалов, 6 — гумусированный песок над древесной корой, 7 — верхнее тело вала; куски дерна, 8 — верхнее тело вала и покрытие; песок; 9 — дерн*

Fig. 4. Profile section of the rampart of Hollenstedt in 2014, structure of the rampart construction. *1 — wooden basis(charred), 2 — wall of sods, 3 — core; pack of sods, 4 — core; charcoal, sand, 5 — mixture of different materials, 6 — humic sand above a layer of bark, 7 — upper part of the rampart; sods, 8 — upper part of the rampart and cover; sands; 9 — topsoil*

В IX в. саксонская территория Нижней Эльбы находилась на перекрестке различных влияний: с запада — франкского (позднекаролингского), с севера — фризско-датского, с востока — славянского. На базе той информации, которая получена ныне о конструкции саксонского городища в Холленштедт, нами предпринята попытка рассмотрения и анализа серии других крепостных сооружений на данной территории, относимых примерно в одному и тому же времени. Задача усложняется, с одной стороны, тем фактом, что бо́льшая часть укреплений вообще не подвергалась раскопкам, а с другой — тем, что качество проведенных исследований (разрезы валов, их документация и публикация) оказывается весьма различным (ср. для Северо-Западной Нижней Саксонии: *Scheschkewitz,* 2009; для Среднего и Западного Гольштейна: *Lemm,* 2013). Отметим, что до 1960-х гг. археологически было изучено лишь около 2 % всех известных городищ Мекленбурга и Польши (*Schuldt,* 1965. S. 79).

Рис. 5. Разрез вала Холленштедт, деталь (ср. рис. 4)
Fig. 5. Profile section of the Hollenstedt rampart in 2014, detail (cf. fig. 4)

2.1. Саксонские городища

Материалы близлежащего региона Северной Эльбы были недавно разработаны Т. Леммом (*Lemm,* 2013), поэтому у нас есть возможность использовать его выводы. В качестве важнейшего элемента при постройке саксонских городищ севернее Эльбы Т. Лемм выделяет использование луговых, травяных или торфяных кусков дерна, что подтверждается всеми профильными разрезами валов (*Lemm,* 2013. S. 54). При этом чаще всего внешний фасад древнейшего вала на городище конструировался из горизонтально уложенных штабелями кусков дерна, в виде отвесной стенки. В качестве примера можно назвать: вал периода IV (начало X в., см. ниже) на соборной площади Гамбурга (рис. 1: *12*); Хитцхузен (Hitzhusen; рис. 1: *14*); второй вал Штеллербурга (Stellerburg; рис. 1: *18*); северный вал Кааксбурга (рис. 1: *17*; 6). Менее отвесными выглядят фронтальные части древнейших валов в Витторф (Wittorf; рис. 1: *15*), Итцехое (Itzehoe; рис. 1: *13*), Новом городище в Гамбурге и Ейнфельде (Einfeld) (рис. 1: *12*, *16*; 7). Кааксбург севернее Итцехое рассматривается Леммом в качестве «показательного примера саксонской конструкции вала с малым использованием древесины» (*Lemm,* 2013. S. 51).

Последний вывод подтверждается чрезвычайно добротно составленной документацией проведенных Леммом многообразных исследований. В данном случае под древнейшей насыпью вала сохранилась срезанная в остальных местах древняя дневная поверхность (луговой гумус). Внутренняя сторона вала была выполнена почти в форме рампы, наружная сторона – весьма отвесно из кусков дерна. Интересной деталью является легкий загиб профиля вала вовнутрь примерно на середине высоты (решающими тут могли послужить статические причины) (*Lemm*, 2013. S. 54). Вымощенная камнем полоса шириной 1,2 м гарантировала внутреннее подножие вала от скольжения; внешнее подножие вала было укреплено бермой[4], покрытой дерном на ширину 0,8 м. Для сооружения ядра вала дополнительно к дерну использовались (в зависимости от наличия) менее устойчивые материалы – гумусированный или белый песок, суглинок, глина (*Lemm*, 2013).

В случае Кааксбурга ядро вала было сложено плотными блоками кусков лугового дерна и сыпучего песка, которые чередовались послойно (рис. 6; *Hofmeister*, 1932. S. 32; *Padberg*, 1940. S. 105; *Bantelmann/Dittmann*, 1972. S. 205). В дальнейшем укрепление было обновлено, при этом большие массы кусков дерна были насыпаны над старыми рвами на ширине около 3 м от прежней наружной стороны. Для наращивания центральных частей вала использовался преимущественно песчаный грунт (*Bantelmann/Dittmann*, 1972. S. 205–206). Связь между фронтом и ядром вала создавалась благодаря уложенному поверх

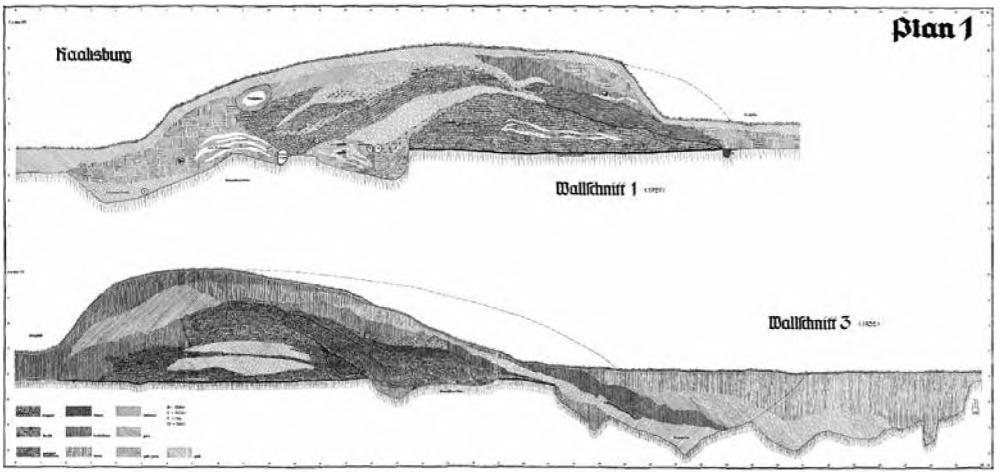

Рис. 6. Стратиграфические разрезы вала Кааксбурга. Выделяются некоторые конструктивные фазы (по: *Hofmeister*, 1932. Plan 1)

Fig. 6. Profile section of the Kaaksburg rampart with several construction phases (after *Hofmeister*, 1932. Plan 1)

[4] *Берма* – горизонтальная площадка (уступ) на откосах земляных или каменных сооружений для придания им устойчивости и улучшения условий их эксплуатации (прим. ред.).

вала пласту из кусков дерна. Такое сооружение из дерна, включавшее в себя слои песка, отражает, видимо, распространенный способ постройки валов без деревянного каркаса. Последний можно наблюдать также на примере северного вала Кааксбурга, где насыпь покоится на подложке из кусков дерна, сам же вал насыпан из песка с прослойками из кусков дерна, а завершение вала осуществлялось путем выкладки по его верху широкой полосы из кусков дерна.

Сооруженный примерно в 900-х гг., частично сохранившийся вал периода IVa на соборной площади (Domplatz) Гамбурга также состоял из перемежающихся слоев дерна и песчаной засыпки. Вал, окружавший площадку диаметром примерно 90 м, имел ширину от 14 до 16 м. Возможно, лишь с северной стороны (обращенной в сторону гееста[5]) он был усилен расположенным спереди рвом (*Kablitz,* 2014. S. 77–80). Одновременно представляется типичным то, что внутренние стороны этих валов значительно менее скошены, чем внешние (*Lemm,* 2013. S. 55 с примерами). Так, например, вал IVa на гамбургской соборной площади имел, видимо, тыльную сторону, облицованную деревянным брусом наподобие лестницы (*Kablitz,* 2014. S. 78).

На более поздних фазах функционирования городищ большинство валов подверглись значительному расширению, причем это, как правило, происходило путем сооружения нового переднего фасада перед старым. Таким образом достигались значительные размеры. Земляной вал городища на гамбургской соборной площади в период IVb (конец X в.) был расширен на 22 м за счет насыпки земли с внешней стороны. Берма и ров более старого городища были при этом перекрыты. С внешней стороны стоял частокол, стабилизированный насыпным клином. Но бывало и так, что новые фасады валов оказывались при перестройке менее отвесными, чем ранние. На это могли влиять статические причины, растущее давление насыпи вала, поскольку «с увеличением размеров вала становилось труднее сооружать почти вертикальный, прочный стенообразный дерновый фасад. Даже дерновые фасады первых фаз строительства валов не могли быть выполнены хотя бы приблизительно вертикально, а должны были примерно с половины высоты приобретать более слабый откос» (*Lemm,* 2013. S. 56).

В своем анализе Лемм приходит к заключению, что деревянные элементы конструкции при сооружении валов в саксонском регионе не были редкостью и являлись их важной составляющей (*Lemm,* 2013. S. 57) даже в тех случаях, когда те традиционно обозначались как сооруженные почти без использования дерева (*Struve,* 1965, S. 11; *Arnold,* 1997. S. 55). Саксонские кольцевидные городища также назывались «дерево-земляными укреплениями», которые, правда, не достигали «высокого стандарта славянской техники деревянных сооружений» (*Heine,* 1998. S. 141).

Основным строительным материалом здесь всегда оставался дерн, который, однако, дополнялся и деревянными конструкциями. При сооружении

[5] *Геест* — геоморфологическая ландшафтная форма ледникового периода в Северной Германии, Голландии, Дании. Сухая песчаная вытянутая возвышенность со скудной растительностью (прим. ред.).

саксонских городищ древесина использовалась как во внешних частях, например в качестве внешнего укрепления валов (ср. *Wilschewski,* 2007. S. 207–210; *Lemm,* 2013. S. 57–58), так и в самом корпусе вала. В Витторфе были обнаружены остатки частично сгоревшей либо сохранившейся в виде торфа деревянной конструкции внутри кольцевидного вала (*Hingst,* 1952. S. 57–58). Следы обработки и вертикальные столбы указывают на то, что это была настоящая конструкция. Балки и брусья, присутствующие в теле вала с целью его укрепления, неоднократно наблюдались и в сооруженном из дерна восточном валу Кааксбурга (*Hofmeister,* 1932. S. 28; *Lemm,* 2013. S. 58. Табл. 80), а также в южном валу Штеллербурга (*Haseloff,* 1937. S. 52–53). Очень трудоемкие деревянные субконструкции обнаружились в Итцехое (*Andersen,* 1980) и Куден (*Lemm/Wilschewski,* 2009. S. 166; *Lemm,* 2013. S. 59–61. Taf. 2, 3). Причину их появления здесь Лемм видит в расположении городища на большом удалении от гееста, среди болот, где мягкая торфянистая основа грунта не выдержала бы обыкновенного дернового или земляного вала (*Lemm,* 2013. S. 59–60).

Степень использования древесины в основании и внутри оборонительных сооружений могла различаться даже в пределах одного и того же вала. Она обусловливалась, скорее всего, характером участка, намеченного под строительство. Куски дерна были пригодны в первую очередь на твердых почвах гееста; почвы, не способные вынести столь большую нагрузку, требовали, очевидно, использования более легких деревянных конструкций (*Lemm/Wilschewski,* 2009. S. 179–180). Так, в основании главного вала Кааксбурга, сооруженного вблизи низины, обнаруживается массивная деревянная подстилающая конструкция; также и внутри вала здесь в большом количестве использовался валежник. Столбов при раскопках выявлено не было (*Bantelmann/Dittmann,* 1972. S. 207–210; *Lemm,* 2013. S. 61–62).

Особую возможность ознакомления с традициями саксонского строительства укреплений с использованием древесины в XI в. предоставляют проведенные между 2014 и 2016 гг. раскопки Нового городища (Neue Burg) в Гамбурге. Здесь благодаря прекрасной сохранности древесины оказалось возможным получить представление о принципах конструкции вала шириной по меньшей мере 27,5 м. Время сооружения этого вала, по результатам дендрохронологического анализа, ограничено периодом между 1021 и 1026 гг. (*Suchowa,* 2016[6]). С внешней стороны тело вала состояло из базисной кладки из сучьев и веток, с уложенным поверх них радиально к ходу вала лесоматериалом. После этого по внутренней стороне вала была выстроена решетчатая конструкция, а по внешней — настоящие ряды из деревянных клеток/срубов. Пространство между этими частями так называемого «строительного вала» заполнялось суглинистыми кусками дерна и покрывалось деревянной решетчатой конструкцией, а также кусками дерна с травой.

[6] В данной публикации названы дендродаты, полученные на первом этапе раскопок: 1021–1024 гг. Ныне имеются новые даты по материалам 2017 г., в том числе — 1026 г. (личное сообщение K. Suchowa).

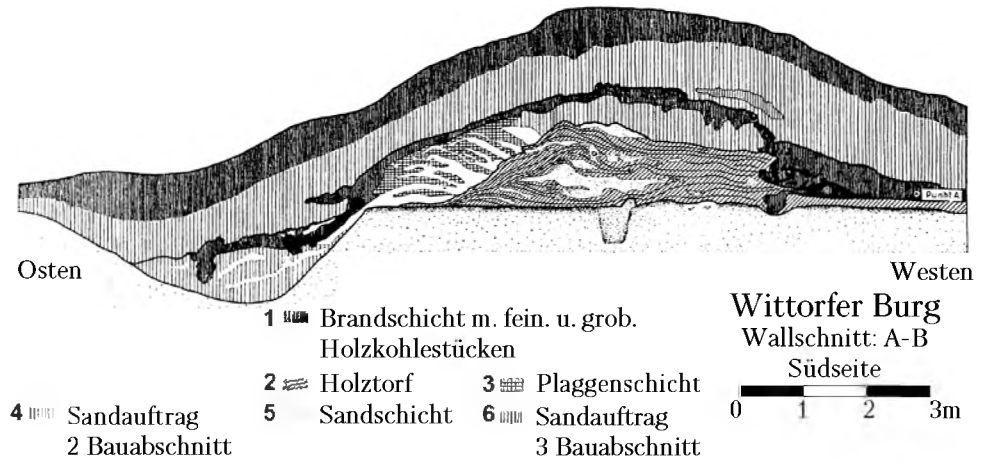

Рис. 7. Стратиграфический разрез через вал городища Витторф (по: *Hingst,* 1952. S. 56 Abb. 2): *1 — слой пожара с кусками древесного угля, 2 — древесный торф, 3 — куски дерна, 4–6 — песок (разные фазы)*

Fig. 7. Profile section of the Wittorf rampart (after *Hingst,* 1952. S. 56 Abb. 2): *1 — burnt layer with charcoal, 2 — woody peat, 3 — sods, 4–6 — sands (different phases)*

Примерно в 1030–1032 гг. вал был по внешней стороне, правда, не расширен, но усилен двумя-тремя дополнительными рядами деревянных клеток, которые были сверху забиты глиной. В качестве строительной древесины использовали прежде всего дуб и ольху, причем дуб в первую очередь применялся для изготовления деревянных клеток, а ольха — в решетчатых конструкциях (*Suchowa,* 2016; старые раскопки: *Lemm,* 2013. S. 59. Taf. 89).

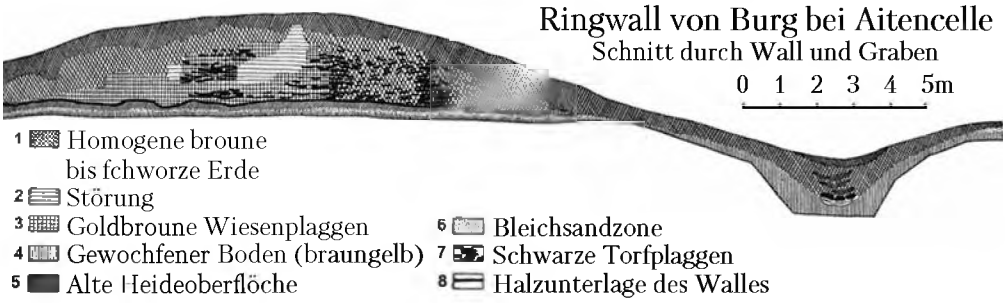

Рис. 8. Стратиграфический разрез через вал городища Альтенцелле (по: *Sprockhoff,* 1937): *1 — однородная черная земля, 2 — нора, 3 — коричнево-золотистые куски дерна, 4 — материк, 5 — древняя луговая поверхность, 6 — подзолистый песок, 7 — черные куски торфа, 8 — деревянная основа вала*

Fig. 8. Profile section of the Altencelle rampart (after *Sprockhoff,* 1937): *1 — homogeneous dark earth, 2 — perturbation, 3 — brownish-golden sods, 4 — in-situ soil, 5 — buried heath soil surface, 6 — pale sand (podsol), 7 — black peat sods, 8 — wooden basis of the rampart*

Наблюдения, сопоставимые со сделанными в Шлезвиг-Гольштейне, произведены и на кольцевидных городищах Нижней Саксонии. Последние, в общем и целом, предоставляют картину, аналогичную саксонским оборонительным укреплениям северного берега р. Эльбы. Одним из первых исследованных городищ Нижней Саксонии является Пипинсбург возле Сиверн (Sievern; рис. 1: *2*), округ Куксхафен. Вал его высотой 5–6 м был сложен, по-видимому, на рубеже X–XI вв., прежде всего из кусков дерна (*v. Oppermann/Schuchhardt,* 1887–1916. S. 97–100; *Scheschkewitz,* 2009. S. 191). Валы из кусков дерна, предположительно IX в., обнаружились и в Хайлсбурге возле Вирсдорф (рис. 1: *7*). Там они были дополнительно укреплены камнями (*Там же*). Другим примером является кольцевидное городище возле Альтенцелле (рис. 1: *5*; 8). Изготовленный из торфяных и травяных кусков дерна вал был там, очевидно, сооружен поверх деревянной подстилающей конструкции, которая, однако, полностью сгнила и была распознана лишь как темная полоса, прослеженная явственнее всего под дерновым наслоением фасада вала (*Sprockhoff,* 1937). Следы деревянных вставок внутри вала обнаружены не были. Возможно, и здесь структура грунта потребовала (частичного?) укрепления основания древесиной. В вал Хюненбурга возле Штеттингхаузена (X–XI вв.; рис. 1: *3*) были встроены слои поперечных бревен. Они должны были служить укреплением фасада вала, сооруженного из кусков дерна, также уложенных слоями (*Sprockhoff,* 1933; *Heine,* 2000. S. 87–90; *Scheschkewitz,* 2009. S. 193).

Иную конструкцию обнаруживает Бокелербург, округ Аммерланд (рис. 1: *1*), датируемый приблизительно рубежом VIII/IX вв. Здесь фасад вала образовывался простым частоколом, позади которого был насыпан вал из песка. Поверхность покрывалась кусками дерна. Внутренняя сторона вала выполнялась уступами и укреплялась плетневым сооружением (*Zoller,* 1970). Такое ступенчатое оформление внутренней стороны вала в виде лестницы или рампы было широко распространено, так что Брахманн исходит из того, что такая конструкция, как правило, препятствовала внутренней застройке на участках, примыкавших к тыльной стороне вала (*Brachmann,* 1993. S. 153–154).

Для Холленштедта ранее была реконструирована казематообразная внутренняя застройка, но эта интерпретация остается спорной. Следует также указать на расположенные далеко на западе кольцевидные городища в Зееланде, Нидерланды, которые были сооружены одновременно с «Древним городищем» в Холленштедте, вероятнее всего, между 885–891 гг.,– Домбург (Domburg), 881–887 A.D.; Миддельбург (Middelburg), 884–892 A.D.; Ост-Субург (Oost-Souburg): ca. 890 A.D. (*terminus ante quem*), Бург (Burgh), конец IX в. (*Dierendonck,* 2009. S. 253[7]). Традиционно они интерпретируются как убежища, которые сооружались в IX–X вв. в связи с набегами викингов.

Все эти кольцевидные городища выстроены по сходному принципу: как внешний, так и наружный фасад вала представлял собой аккуратно сооруженные стены из кусков дерна; находившаяся между ними сердцевина вала состояла из засыпки

[7] Датировки определялись методом радиоуглеродного анализа (*van Heeringen,* 1995, S. 36–39).

песком или песком с глиной. Порой дополнительно встраивались деревянные элементы опоры (*Dierendonck,* 2009. S. 255). Нет никаких указаний на то, что внутренний скос вала был ступенчатым или сформированным в виде рамп.

Большое значение имеют результаты последних исследований двух укреплений раннего Средневековья в Грос Тун (Groß Thun; рис. 1: *8*) возле г. Штаде (Stade) (*Schäfer,* 2011; *Nösler,* 2011). Вероятно, более ранний «Шведский редут» (Schwedenschanze) VII/VIII–X вв. содержал внутри вала плотные пласты балок и брусьев, которые располагались перпендикулярно относительно хода вала; лишь в области основания вала находились деревянные элементы, следовавшие ходу вала. Фасад его был образован частоколом, в верхней части вал был усилен плитчатой болотной железной рудой. Внутренняя сторона подпиралась камнями. Верхнюю часть вала образовывали массивные пласты дернин (*Schäfer,* 2011. S. 344–348).

Второе, находящееся непосредственно по соседству укрепление «Оле дёрп» (Ohle Dörp; рис. 1: *8*) до недавнего времени оставалось неизвестным и было почти полностью снесено. Однако ныне стало возможным доказать, что речь идет о городище VIII–IX вв. величиной 70 × 90 м, с дерновой конструкцией вала (*Nösler,* 2011. S. 129, 144). Этот факт подтверждает наблюдения, согласно которым в саксонских валах древесина применялась прежде всего тогда, когда грунт не мог выдержать нагрузку. Так, «Шведский редут» был сооружен непосредственно в низине р. Швинге (Schwinge), где чисто дерновый вал предположительно был бы слишком тяжелым.

Местонахождение «Оле дёрп» непосредственно в низине на первый взгляд является необычным для саксонского сооружения; чаще предпочитались края террас или геестовые мысы (*Scheschkewitz,* 2009. S. 194). Однако в этом месте геест дотягивается почти до самой р. Швинге (Schwinge) (*Nösler,* 2011. S. 144) и создает, таким образом, типичные, предпочтительные топографические условия. Укрепление «Оле дёрп» было сооружено из кусков дерна непосредственно на твердом грунте гееста; оно не требовало использования деревянных конструкций.

В ходе сравнительного анализа «Древнего городища» Холленштедт особого внимания заслуживают два городища – Оттензен, г. Букстехуде (рис. 1: *9*), и Какенсторф, округ Харбург (рис. 1: *11*). Они расположены, как и Холленштедт, на р. Эстэ (Este) и являются ближайшими соседями «Древнего городища». Вал в Какенсторфе находится на правом берегу р. Эстэ в углу между Эстэ и маленьким притоком Фосбеек (Voßbeek). Вал в наши дни имеет длину 70 м и высоту до 2 м; на местности распознается и расположенный впереди ров. В 1933 г. на основании сделанного местным жителем разреза вала был составлен его профиль (рис. 9). Согласно ему, земляной вал имел в ширину примерно 4 м, был сооружен непосредственно на древней поверхности, имел почти вертикальную фронтальную часть и сравнительно отвесную тыльную сторону. В соответствии с описанием сердцевина вала состояла из песка, представлявшего собой выкид из рва (*Wegewitz,* 1950). По тыльной стороне ее был выложен широкий пласт из кусков дерна, достигавший вершины вала; отдельные прослойки

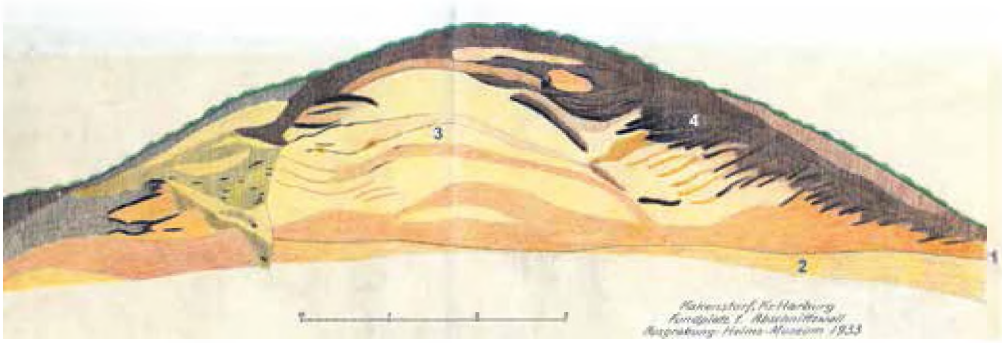

Рис. 9. Стратиграфия разреза через вал в Какенсторф близ Холленштедта (по: *Brandt/Schneeweiß,* 2017. Abb. 127). *1 — древняя поверхность, 2 — материк, 3 — ядро вала, в основном выкид из рва, 4 — куски дерна*
Fig. 9. Profile section of the Kakenstorf rampart near Hollenstedt (after *Brandt/Schneeweiß,* 2017. Abb. 127). *1 — buried ground surface, 2 — in-situ soil, 3 — core of the rampart, mainly excavated material from the ditch, 4 — sods*

этого пласта падают по склону внутрь вала. Сверху вал, видимо, был также покрыт кусками дерна. Сооружение внешней стороны вала не очень ясно. Сверху лежат предположительно куски дерна, как и в основании. Между этими обеими частями обозначена на рисунке клинообразная, простирающаяся вниз до материка темно-серая структура с черными вкраплениями. Речь здесь могла бы идти о столбовой яме, возможно, относившейся к частоколу (см.: *Richter,* 1990. S. 87). В соответствии с этим куски дерна в основании могли иметь целью укрепление частокола. Независимо от решения этого частного вопроса, конструкция вала Какенсторф шириной 10 м по типу вполне соответствует раннесредневековым саксонским городищам, несмотря на отсутствие датирующих находок[8].

Городище Оттензен находится на геестовом мысу на западном берегу р. Эстэ, круто выступающем из низины и ограниченном по сторонам двумя сухими долами (*Richter,* 1990. S. 87–88. Fig. 9, 10). Подковообразный вал окружал территорию диаметром 70–80 м и имел, видимо, на своих оконечностях «бастионы». По сравнению с Холленштедтом и Какенсторфом это городище было защищено значительно более сложно, поскольку там присутствуют дополнительные насыпи и рвы. В 1936 г. здесь были проведены раскопки — явно не очень профессионально. Документация и находки пропали во время Второй мировой войны, так что, к сожалению, этой информацией мы не располагаем. Вал был сооружен из кусков дерна, фасадом служил частокол, который был с помощью ригеля соединен с сердцевиной вала. На валу имелся ход, сооруженный из камней и древесины. При описании находок упоминаются шаровидные горшки

[8] На внутренней площадке городища был найден бронзовый бубенчик, который Вегевитц датировал X в. Однако возможна и позднесредневековая датировка: ср. *Krabath,* 2001. S. 216–218, бубенчик варианта 2.

и каролингские предметы. Вопрос о датировке городища в Оттензен следует в конечном итоге оставить открытым: не исключено позднее Средневековье.

В науке существует мнение об отсутствии собственной саксонской традиции строительства укреплений. В рамках его было выдвинуто предположение, что саксонские дерновые валы следует рассматривать как подражание франкским каменным постройкам того же времени (*Brachmann,* 1993. S. 154; *Scheschkewitz,* 2009. S. 195; *Lemm,* 2013. S. 383). Это заключение, однако, не кажется нам убедительным. При создании оборонительных сооружений определяющее значение имела, по-видимому, зависимость от местных ресурсов в сочетании с локальными строительными традициями. Эту зависимость от ресурсов, кстати, признает и сам Брахманн (*Brachmann,* 1993. S. 154). Описанные выше сооружения могут служить аргументом того, что оригинальная саксонская традиция строительства укреплений, скорее всего, имела место. Топографическое положение выбиралось в соответствии с целями и нуждами строящегося укрепления, а используемый строительный материал всегда был прагматично адаптирован к местным условиям. Поэтому многократно наблюдалось использование различных материалов для насыпи вала, в то время как его фронтальная часть сооружалась из кусков дерна.

В Нижней Саксонии примерами тому может служить Хюненбург близ Борга (Hünenburg bei Borg), округ Солтау-Фаллингбостель (рис. 1: *6*; *Piesker,* 1937. S. 144), а также Хюненбург в Штёттингхаусене (Hünenburg in Stöttinghausen), округ Дипхольц (рис. 1: *3*; *Sprockhoff,* 1933. S. 217). В обоих случаях обнаружено чередование слоев дерна и песка; в Штёттингхаусене для дополнительного укрепления вала использовалось дерево (*Heine,* 1998. S. 141). Однако ресурс древесины нередко оказывался ограниченным. Многие из саксонских городищ изначально возводились на лугах; основным строительным материалом служил луговой, травяной и торфяной дерн. Уже из этого следует заключить, что городища сооружались в основном в безлесном луговом ландшафте, иначе было бы просто невозможно достать дерн в таком количестве. О том же свидетельствует использование различных видов дерна и древесины в случаях, когда древесина вообще применялась. В качестве строительного материала, очевидно, привлекалось все, что имелось в распоряжении. Отметим, что использование дерна при строительстве зданий было давней традицией населения южного и восточного побережья Северного моря и обычной практикой эпохи викингов (ср. *Harck,* 1990; *Segschneider,* 2009б; последний пример жилища со стенами из кусков дерна: *Scholz,* 2015) (рис. 10).

2.2. Славянские городища

Строительная техника, применявшаяся при сооружении славянских городищ, отчетливо отличается от описанных выше способов строительства одновременных им саксонских городищ. Здесь, очевидно, либо не было недостатка в дереве, использовавшемся для строительства очень сложных укреплений, либо имелись возможности его получения извне. Славянские городища сооружались

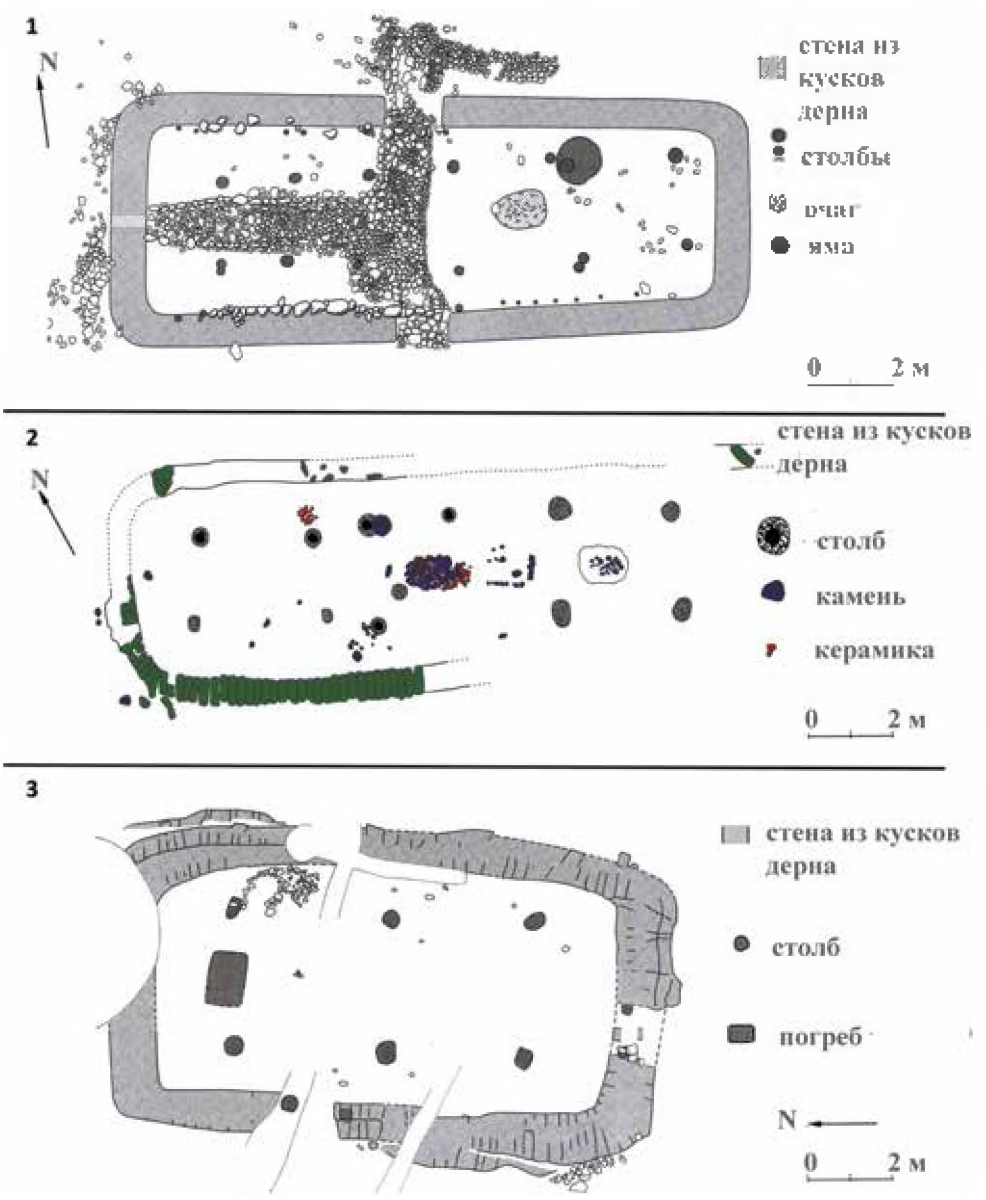

Рис. 10. Примеры для жилищ I тысячелетия на острове Зюльт, стен которых построены из кусков дерна: *1 — Веннингштедт (римское время), 2 — Тиннум (период переселения народов), 3 — Альт-Архсум (викингское время)* (по: *Scholz*, 2015. S. 156. Рис. 13)
Fig. 10. Examples for houses of the 1st millennium A.D. from Sylt with sod-brick walls: *1 — Wenningstedt (Roman Iron Age), 2 — Tinnum (Migration period), 3 — Alt-Archsum (Viking Age)* (after *Scholz*, 2015. S. 156. Abb. 13)

сплошь из дубовой древесины; другие виды дерева применялись лишь в исключительных случаях или в местах, не имевших ключевого конструктивного значения.

Луговые почвы под славянскими валами, как правило, не обнаруживаются — в противоположность описанным выше дерновым валам саксонских крепостей. В конструкциях славянских городищ — все равно, решетчатой или срубной — наблюдается настоящее плотницкое искусство. В нем можно выделить ряд типичных элементов и признаков, как, например, дубовые анкерные и пролетные балки с четырехгранными петельными отверстиями (рис. 11). Обнаруженные на многих славянских городищах и в постройках мостов, они были определены Шульдтом как «универсальный славянский строительный элемент» (*Schuldt,* 1965. S. 83). Собственно, на славянском материале имеется еще более очевидная возможность возводить принципы строительства укреплений к известным традициям домостроительства, чем у саксов (см. выше). В принципе, деревянные клетки внутри вала конструктивно мало отличаются от жилых срубов; многократно встречаемые стены из плах, вытесанных из бруса, ставят плотника перед задачами, сравнимыми со строительством домов из бруса.

Напротив, резка и съем дерна были неизвестны на территориях, заселенных западными славянами; для них не доказано использование кусков дерна

Рис. 11. Дубовые анкерные и пролетные балки с четырехгранными петельными отверстиями, использованы для укрепления внешнего фасада городища Мечов I
Fig. 11. Oak anchor and tie beams with rectangular holes, used within the construction of the external front of the fortification Meetschow I

ни в качестве строительного материала, ни как удобрения. И то и другое имело место в областях саксонского расселения[9]. Это не исключает того, что в отдельных случаях куски дерна использовались в конструкциях дерево-земляных славянских городищ в качестве дополнения — как и в саксонских дерновых валах, могли присутствовать отдельные деревянные конструкции. Факт использования кусков дерна известен для славянского городища Шарсторф в восточном Гольштейне (рис. 1: *19*), а также для самой ранней строительной фазы городища Мекленбург (рис. 1: *20*). В Шарсторфе корпус вала был укреплен кусками дерна (*Struve,* 1975. S. 110); в Мекленбурге (городище А) куски дерна образовывали «внешний фасад, который был сконструирован стабильно и одновременно долговечно» (*Donat,* 1984. S. 19).

При общем рассмотрении славянские кольцевидные городища отличаются большим разнообразием в деталях своих конструкциях, но их общие конструктивные принципы достаточно характерны. Традиционная конструкция славянских дерево-земляных стен с внешним и внутренним фасадами и устойчивым деревянным каркасом в клетках внутри, вероятно, оказала определенное влияние на конструкции укреплений в соседних регионах. Так, например, она считается исходным образцом для городищ типа Треллеборг в Скандинавии; другие образцы для них неизвестны (*Dobat,* 2009, S. 59). Поэтому неудивительно, что в «пограничной зоне» между саксонской и славянской территориями встречаются укрепления, которые содержали конструктивные элементы обеих традиций, как, например, упомянутый выше Neue Burg в Гамбурге (рис. 1: *12*).

В западнославянском регионе пока не имеет параллелей конструкция вала XI в. в Розпрже (Rozprza), воеводство Лодзь в Польше. Актуальными исследованиями там был обнаружен вал, насыпанный без несущих деревянных конструкций и имевший внешний фасад из кусков дерна. Последний отличался более выраженной крутизной, чем внутренняя сторона вала, но был не таким отвесным, как большинство саксонских валов (личное сообщение P. Kittel и J. Sikora, Лодзь). На сегодняшний день это единственный пример подобной конструкции на территории Польши. Его открытие поднимает несколько вопросов, на которые в настоящий момент еще нет ответа; оно вновь показывает, что строительные традиции распространялись не обязательно в условиях близкого, непосредственного соседства. В качестве обратного примера можно упомянуть городище Изенбург (Isenburg) возле Ландрингхаузена, округ Ганновер (рис. 1: *4*), расположенное достаточно далеко от славянской территории. Оно было сооружено около рубежа X–XI вв. как дерево-земляная конструкция из клеток с брусами и анкерами, что является редким исключением для данной территории (*Heine,* 1985; 1998. S. 141–142).

[9] Антропогенная почва «Plaggenesch», образовавшаяся на полях в результате удобрения их кусками дерна («Plaggen»), распространена почти исключительно на северо-саксонской территории. Это подчеркивает значение, которое имело использование дерна в жизни и хозяйстве саксонского населения.

3. Заключение

Между среднеславянскими кольцевидными городищами и саксонскими круговыми валами наблюдается очевидное сходство по целому ряду позиций — планировке (внешней форме), топографической привязке (расположение в низинах) и общей хронологии. Причины таких совпадений до сих пор не вполне ясны. Следует отметить: упомянутое внешнее сходство способствовало явно неверному определению «Древнего городища» в Холленштедте как славянского памятника (*Richter*, 1983; *Laux*, 1997; 2000. S. 76).

Наряду с общими чертами, бросающимися в глаза при поверхностном рассмотрении, между указанными группами памятников выявлен ряд существенных отличий. Кроме того, несмотря на ограничения, накладываемые уровнем исследований, уже сейчас можно утверждать: в конструктивном отношении каждая из этих групп куда менее однородна, чем это считалось ранее (*Lemm*, 2013, S. 50; *Schneeweiß*, 2014). Впрочем, в литературе высказано мнение о «значительном единообразии» в отношении саксонских городищ на позднем этапе (*Scheschkewitz*, 2009. S. 194–195).

Чем обусловлено явное внешнее сходство обеих групп памятников? Весьма сомнительно, что оно подразумевает единство саксонских и среднеславянских укреплений в функциональном отношении. Исторический контекст возникновения тех и других различен, а конкретная функциональная интерпретация не так проста, как это зачастую кажется, — она зависит от целого ряда факторов (*Ruchhöft*, 2003. S. 392–398; *Lemm*, 2013. S. 23). Спектр интерпретаций обычно колеблется между «укрытием» (ведущая функция — защита от нападения) и «символом власти» (ведущая функция — демонстрация силы). Естественно, в чистом виде ни той ни другой версии существовать не могло. Различные функции существовали взаимосвязано, более того — могли меняться по значимости с течением времени в зависимости от местных условий (*Schneeweiß*, 2014. S. 317).

Нельзя установить абсолютное значение таких величин, как, например, высота вала, требуемая для того, чтобы властная функция конкретного укрепления была признана доминирующей. Подобные границы существовали только в представлениях современников и их восприятии. Поэтому при интерпретации функции конкретного укрепленного сооружения следует учитывать общий и частный контекст, пространственную, природную и политическую ситуацию и, конечно, спектр археологических находок, позволяющий делать выводы об обитателях данного городища — постоянных или временных.

Самые существенные различия между саксонскими и славянскими кольцевидными городищами выявляются в конструктивной концепции и размерах укреплений. Славянские кольцевидные городища, как правило, значительно меньше по площади (0,1–0,2 га), чем саксонские (в среднем 0,5–0,6 га). Если на последних высота валов обычно не превышала 2,5–3 м, то дерево-земляные

стены славянских укреплений достигали в высоту 6–8 м. Основными строительными материалами саксонских валов являлись куски дерна и песок (древесина — как дополнение, в отдельных случаях). Славянские крепостные сооружения, напротив, являлись деревянными по преимуществу; дерн и песок употреблялись там лишь в качестве исключения. Наиболее типичными примерами тех и других памятников могут служить реконструированные ныне саксонское «Древнее городище» в Холленштедте (рис. 2; см. выше) и славянское городище-музей в Раддуше (*Ullrich*, 2003) или Грос Радене (рис. 1: *24*; 12).

Рис. 12. Реконструированные ворота в крепость — городище Грос Раден, музей под открытым небом

Fig. 12. Reconstructed tunnel like entrance to the stronghold of Groß Raden (Open Air Museum)

Благодарности. Автор признателен Зине Лотц за перевод текста на русский язык и Н. И. Платоновой, взявшей на себя труд окончательной языковой и научной редактуры.

Литература

Мессал С. Славянские городища на территории федеративной земли Мекленбург — Передняя Померания: укрепленные поселения Фридрихсруэ и Глинке // Археология Балтийского региона / Под ред. Н. А. Макарова, А. В. Мастыковой, А. Н. Хохлова. М., СПб., 2013. С. 184–193.

Ahrens C., Matthies E. Zur Befestigung der Alten Burg bei Hollenstedt // Hammaburg N. F. 5, 1978–80 (1983). S. 149–161.

Ahrens C. Zur Deutung der „Alten Burg" bei Hollenstedt in Niedersachsen // Henning J. / Ruttkay A. T. (Hrsg.), Frühmittelalterlicher Burgenbau in Mittel- und Osteuropa. Bonn, 1998. S. 79–93.

Andersen H. H. Die Burg in Itzehoe. Offa-Ergänzungsreihe Band 4. Neumünster, 1980.

Arnold V. (Red.), Wall und Graben/Voldoggrav. Befestigungen von der Steinzeit bis ins Mittelalter in Schleswig und Holstein. Kataloge der Museen in Schleswig-Holstein 21. Schleswig, 1997.

Bantelmann A., Dittmann K.-H. Ergebnisse einer Rettungsgrabung auf der Kaaksburg, Kreis Steinburg // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen 7. 1972. S. 203–210.

Biermann F. Slawische Besiedlung zwischen Elbe, Neiße und Lubsza. Archäologische Studien zum Siedlungswesen und zur Sachkultur des frühen und hohen Mittelalters (= Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 65). Bonn, 2000.

Biermann F. Siedlung und Landschaft bei den nördlichen Westslawen im späteren 9. und 10. Jahrhundert // K.-H. Spieß (Hrsg.), Landschaften im Mittelalter. Stuttgart, 2006. S. 45–76.

Biermann F. Functions of the Large Feldberg Type. Strongholds from the 8th/9th Century in Mecklenburg and Pomerania // Sprawozdania Archeologiczne 63. 2011. S. 149–173.

Brachmann H. Der frühmittelalterliche Befestigungsbau in Mitteleuropa. Untersuchungen zu seiner Entwicklung und Funktion im germanisch-deutschen Bereich. Berlin, 1993.

Brackmann A., Unverzagt W. Zantoch. Eine Burg im deutschen Osten. Deutschland und der Osten Band 1. Zantoch in der schriftlichen Überlieferung und die Ausgrabungen 1932/33. Leipzig, 1936.

Brandt J., Schneeweiß J. Ein neuer Blick auf die „Alte Burg" von Hollenstedt im Lichte aktueller Untersuchungen. Hammaburg N. F. 17, 2017. В печати.

Brather S. Karolingerzeitlicher Befestigungsbau im wilzisch-abodritischen Raum. Die sogenannten Feldberger Höhenburgen // Henning J., Ruttkay A. T. (Hrsg.), Frühmittelalterlicher Burgenbau in Mittel- und Osteuropa. Bonn, 1998. S. 115–126.

Brather S. Archäologie der westlichen Slawen. Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaft im früh- und hochmittelalterlichen Ostmitteleuropa. Reallexikon der GermanischenAltertumskunde, Ergänzungsband 61. Berlin; New York, 2008.

van Dierendonck R. M. The Early Medieval Circular Fortresses in the Province of Zeeland, The Netherlands: Ten Years After // M. Segschneider (Hrsg.), Ringwälle und verwandte Strukturen des ersten Jahrtausends n. Chr. an Nord- und Ostsee. Neumünster 2009. S. 249–274.

Dobat A. S. Die südskandinavischen Burgen vom Typ Trelleborg // M. Segschneider (Hrsg.), Ringwälle und verwandte Strukturen des ersten Jahrtausends n. Chr. an Nord-und Ostsee. Neumünster, 2009. S. 51–70.

Donat P. Die Mecklenburg — Eine Hauptburg der Obodriten. Schriften zur Ur-und Frühgeschichte, Band 37. Berlin, 1984.

Grimm P. Die vor- und frühgeschichtlichen Burgwälle der Bezirke Halle und Magdeburg. Handbuch der vor- und frühgeschichtlichen Wall- und Wehranlagen, hrsg. von W. Unverzagt, Teil 1. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte Band 6. Berlin, 1958.

Harck O. Archsum auf Sylt, Teil 3. Die Ausgrabungen in den römerzeitlichen Erdwerken Archsumburg, Tinnumburg und Trælbanken an der Westküste Schleswigs. Römisch-Germanische Forschungen 50. Mainz, 1990.

Haseloff G. Die Stellerburg. Die Ergebnisse der Ausgrabungen // Nordelbien 13. 1937. S. 48–76.

van Heeringen R. M. De resultaten van het archeologisch onderzoek van de Zeeuwse ringwalburgen // R. M. van Heeringen, P. A. Henderikx, A. Mars (eds.), Vroeg-Middeleeuwse ringwalburgen in Zeeland. Goes/Amersfoort. 1995, S. 17–39.

Heine H.-W. Die Isenburg bei Landringhausen (Stadt Barsinghausen, Ldkr. Hannover), eine frühmittelalterliche Burganlage im Calenberger Land // Nachrichten aus Niedersachsens Urgeschichte 54. 1985. S. 127–161.

Heine H.-W. Frühe Burgen und Pfalzen in Niedersachsen: von den Anfängen bis zum frühen Mittelalter. Wegweiser zur Vor- und Frühgeschichte Niedersachsens 17. Hildesheim, 1995.

Heine H.-W. Frühmittelalterliche Burgen in Niedersachsen // Henning J., Ruttkay A. T. (Hrsg.), Frühmittelalterlicher Burgenbau in Mittel- und Osteuropa. Bonn, 1998. S. 137–149.

Heine H.-W. Die ur- und frühgeschichtlichen Burgwälle im Regierungsbezirk Hannover. Materialhefte zur Ur- und Frühgeschichte Niedersachsens. Reihe A, Monographien 28 = Reihe B, Inventare 3. Hannover, 2000.

Henning J. Archäologische Forschungen an Ringwällen in Niederungslage. Die Niederlausitz als Burgenlandschaft des östlichen Mitteleuropas im frühen Mittelalter. // Henning J., Ruttkay A. T. (Hrsg.), Frühmittelalterlicher Burgenbau in Mittel- und Osteuropa. Bonn, 1998. S. 9–29.

Henning J. Der slawische Siedlungsraum und die ottonische Expansion östlich der Elbe: Ereignisgeschichte — Archäologie — Dendrochronologie // J. Henning (Hrsg.), Europa im 10. Jahrhundert: Archäologie einer Aufbruchszeit. Mainz, 2002. S. 131–146.

Henning J., Heußner K. U. Zur Burgengeschichte im 10. Jahrhundert. Neue archäologische und dendrochronologische Daten zu Anlagen vom Typ Tornow // Ausgrabungen und Funde 37. 1992. S. 314–324.

Herrmann J. Die vor- und frühgeschichtlichen Burgwälle Groß-Berlins und des Bezirkes Potsdam. Handbuch vor- und frühgeschichtlicher Wall- und Wehranlagen, hrsg. von W. Unverzagt, Teil 2. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte Band 9. Berlin 1960.

Herrmann J. Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte Band 21. Berlin, 1966.

Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neiße und Elbe. Studien auf der Grundlage archäologischen Materials. Schriften der Sektion für Vor- u. Frühgeschichte Band 23. Berlin, 1968.

Herrmann J. Feldberg, Rethra und das Problem der wilzischen Höhenburgen // Slavia Antiqua 16. 1969. S. 33–69.

Herrmann J. (Hrsg.), Die germanischen und slawischen Siedlungen und das mittelalterliche Dorf von Tornow, Kr. Calau. Schriften zur Ur- und Frühgeschichte, Band 26. Berlin, 1973.

Herrmann J., Donat P. (Hrsg.), Corpus archäologischer Quellen zur Frühgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik (7. — 12. Jahrhundert). 1. Lieferung 1973; 2. Lieferung 1979; 3. Lieferung 1979; 4. Lieferung 1985. Berlin, 1973–1985.

Herrmann J., Heußner K.-U. Dendrochronologie, Archäologie und Frühgeschichte vom 6. bis 12. Jh. in den Gebieten zwischen Saale, Elbe und Oder // Ausgrabungen und Funde 36. 1991. S. 255–290.

Hingst H. Die Wittorfer Burg // Offa 10. 1952. S. 54–60.

Hofmeister H. Urholstein. Altsachsenforschung 1. Glückstadt, 1932.

Jankuhn H. „Heinrichsburgen" und Königspfalzen // Deutsche Königspfalzen. Beiträge zu ihrer historischen und archäologischen Erforschung 2. Göttingen, 1965. S. 61–69.

Jankuhn H. Die sächsischen Burgen der karolingischen Zeit // H. Patze (Hrsg.), Die Burgen im deutschen Sprachraum. Ihre rechts- und verfassungsgeschichtliche Bedeutung. Teil 1. Vorträge und Forschungen. Konstanzer Arbeitskreis für Mittelalterliche Geschichte 19. Sigmaringen, 1976. S. 359–382.

Kablitz K. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 2005–2006 // R.-M. Weiss, A. Klammt (Hrsg.), Mythos Hammaburg. Archäologische Entdeckungen zu den Anfängen Hamburgs. Veröffentlichung des Helms-Museums, Archäologisches Museum Hamburg 107. Hamburg, 2014. S. 67–85.

Kempke T. Slawische Burgen des 7.—10. Jahrhunderts // Deutsche Burgenvereinigung (Hrsg.), Burgen in Mitteleuropa. Ein Handbuch Bd. 1. Bauformen und Entwicklung. Stuttgart, 1999a. S. 45–53.

Kempke T. Mecklenburg-Vorpommern, Slawische Burgen // Deutsche Burgenvereinigung (Hrsg.), Burgen in Mitteleuropa. Ein Handbuch Bd. 2. Geschichte und Burgenlandschaften. Stuttgart, 1999б. S. 118–120.

Kennecke H. Burg Lenzen. Eine frühgeschichtliche Befestigung am westlichen Rand der slawischen Welt. Materialien zur Archäologie in Brandenburg, Band 9. Rahden/Westfalen 2015.

Krabath S. Die hoch- und spätmittelalterlichen Buntmetallfunde nördlich der Alpen. Eine archäologisch-kunsthistorische Untersuchung zu ihrer Herstellungstechnik, funktionalen und zeitlichen Bestimmung. Internationale Archäologie 63. Rahden/Westfalen, 2001.

Laux F. Studien zur frühgeschichtlichen Keramik aus dem slawischen Burgwall bei Hollenstedt, Ldkr. Harburg // Hammaburg N. F. 11. 1997. S. 5–183.

Laux F., s. v. Hollenstedt // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 15. 2000. S. 75–77.

Lemm T. Die frühmittelalterlichen Ringwälle im westlichen und mittleren Holstein. Schriften des Archäologischen Landesmuseums Band 11. Neumünster/Hamburg, 2013.

Lemm T., Wilschewski F. Die Ringwälle im westlichen Holstein // M. Segschneider (Hrsg.), Ringwälle und verwandte Strukturen des ersten Jahrtausends n. Chr. an Nord-und Ostsee. Neumünster, 2009. S. 159–184.

Leube A. Prähistorie zwischen Kaiserreich und wiedervereinigtem Deutschland. 100 Jahre Ur- und Frühgeschichte an der Berliner Universität unter den Linden. Studien zur Archäologie Europas 10. Bonn, 2010.

Łosiński W. Zur Genese der frühstädtischen Zentren bei den Ostseeslawen // H. Brachmann (Hrsg.), Burg — Burgstadt — Stadt. Zur Genese mittelalterlicher nichtagrarischer Zentren in Ostmitteleuropa. Berlin, 1995. S. 68–91.

Lüth P. Diachrone Studien zur prähistorischen Siedlungslandschaft im Bereich der Holsteinischen Seenplatte. Offa-Bücher 88. Neumünster, 2012.

Messal S. Glienke. Eine slawische Burg des 9. und 10. Jahrhunderts im östlichen Mecklenburg. Frühmittelalterliche Archäologie zwischen Ostsee und Mittelmeer 5. Wiesbaden, 2015.

Müller-Wille M. (Hrsg.). Starigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des Frühmittelalters in Ostholstein. Neumünster, 1991.

Nösler D. Die keramischen Funde der Grabungen Groß Thun „Schwedenschanze", „Ohle Dörp" und Riensförde, Hansestadt Stade // Hammaburg N. F. 16. 2011. S. 129–158.

von Oppermann A., Schuchhardt C. Atlas vorgeschichtlicher Befestigungen in Niedersachsen (Hannover 1887–1916).

Padberg W. Ein Wallschnitt an der Kaaksburg, Kreis Steinburg // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit 16. 1940. S. 105–106.

Piesker H. Die Untersuchungen auf der Hünenburg bei Borg. Nachrichten aus Niedersachsens Urgeschichte 11. 1937. S. 144–163.

Richter K. Neue archäologische Beobachtungen zur Topographie des mittelalterlichen Zentralortes Hollenstedt, Kr. Harburg // Hammaburg N. F. 5 (1978–1980), 1983. S. 163–173.

Richter K. Mittelalterliche Burgen und befestigte Höfe im Harburger Raum. Kreiskalender, 1990. S. 83–97.

Ruchhöft F. Zur Funktion der mittelslawischen Burgen zwischen Elbe und Oder // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift 44. 2003. S. 387–409.

Ruchhöft F. Vom slawischen Stammesgebiet zur deutschen Vogtei. Die Entwicklung der Territorien in Ostholstein, Lauenburg, Mecklenburg und Vorpommern im Mittelalter. Archäologie und Geschichte im Ostseeraum 4. Rahden/Westfalen, 2008.

Schäfer A. Die Schwedenschanze bei Stade — ein frühmittelalterliches Zentrum an der Schwinge? // Marschenratskolloquium 2009. Flüsse als Kommunikations- und Handelswege. Siedlungs- und Küstenforschung im südlichen Nordseegebiet 34. Rahden/Westfalen, 2011. S. 343–358.

Scheschkewitz J. Die Ringwallanlagen in Nordwestniedersachsen // M. Segschneider (Hrsg.), Ringwälle und verwandte Strukturen des ersten Jahrtausends n. Chr. an Nord- und Ostsee. Neumünster, 2009. S. 185–199.

Schneeweiß J. Zur Einführung: Slawische und sächsische Burgen des 8. bis 10. Jahrhunderts — Typen, Konstruktionsweise, Funktion. In: R.-M. Weiss/A. Klammt (Hrsg.), Mythos Hammaburg — Archäologische Entdeckungen zu den Anfängen Hamburgs. Veröffentlichung des Helms-Museums, Archäologisches Museum Hamburg, Stadtmuseum Harburg 107. Hamburg, 2014. S. 316–317.

Scholz T. Ein Sodenwandhaus der Völkerwanderungszeit bei Tinnum auf Sylt // C. von Carnap-Bornheim, M. Segschneider (Hrsg.), Archäologische Siedlungsforschung auf den nordfriesischen Inseln. Offa-Bücher 89. Neumünster, 2015. S. 137–297.

Schuchhardt C. Die frühgeschichtlichen Befestigungen in Niedersachsen. Niedersächsische Heimatbücher, 2. Reihe (Geschichts- und Kulturbilder), Band 3. Bad Salzuflen, 1924.

Schuchhardt C. Die Burg im Wandel der Weltgeschichte. Potsdam, 1931.

Schuldt E. Die slawische Keramik in Mecklenburg. Berlin, 1956.

Schuldt E. Die Ausgrabungen auf der „Alten Burg" bei Sukow, Kreis Teterow. Jahrbuch der Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern, 1963, 1964. S. 217–238.

Schuldt E. Behren-Lübchin. Eine spätslawische Burganlage in Mecklenburg. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte Band 19. Berlin, 1965.

Schuldt E. Die slawischen Burgen von Neu-Nieköhr /Walkendorf, Kreis Teterow. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke, Rostock, Schwerin und Neubrandenburg 1. Schwerin, 1967.

Schuldt E. Die frühslawische Befestigung von Sternberger Burg, Kreis Sternberg. Jahrbuch der Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern 1982, 1983. S. 97–146.

Schuldt E. Der Burgwall von Groß Görnow und die frühen slawischen Befestigungen im Gebiet der oberen Warnow. Jahrbuch der Bodendenkmalpflege in Mecklenburg 1984. 1985a. S. 311–336.

Schuldt E. Groß Raden. Ein slawischer Tempelort des 9./10. Jahrhunderts in Mecklenburg. Schriften zur Ur- und Frühgeschichte Band 39. Berlin, 1985b.

Segschneider M. (Hrsg.), Ringwälle und verwandte Strukturen des ersten Jahrtausends n. Chr. an Nord- und Ostsee. Neumünster, 2009a.

Segschneider M. Die Ringwälle auf den nordfriesischen Inseln // M. Segschneider (Hrsg.), Ringwälle und verwandte Strukturen des ersten Jahrtausends n. Chr. an Nord- und Ostsee. Neumünster, 2009. S. 99–110.

Sprockhoff E. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabung der Hünenburg bei Stöttinghausen, Bezirk Bremen // Germania 17. 1933. S. 213–218.

Sprockhoff E. Der Ringwall bei Altencelle, Kr. Celle // Germania 21, 1937. S. 118–123.

Sprockhoff E. Die Ausgrabung der Hünenburg bei Emsbüren, Kr. Lingen // Germania 27, 1943, S. 168–183.

Struve K. W. Der Burgwall von Hitzhusen, Kr. Segeberg // Offa 20. 1963. S. 57–73.

Struve K. W. Probleme der Burgenforschung im frühgeschichtlichen Holstengau. Sonderdruck aus „Urkirchspiel im Holstengau" — Schenefelder Geschichtsbeiträge zum Ansgarjahr 1965. Hademarschen, 1965.

Struve K. W. Die frühgeschichtlichen Burgen Dithmarschens im Rahmen der holsteinischen Burgenentwicklung. Dithmarschen 1. 1972. S. 13–21.

Struve K. W. Ziel und Ergebnisse von Untersuchungen auf drei slawischen Burgwällen Ostholsteins // Ausgrabungen in Deutschland 3. Frühmittelalter II. Archäologie und Naturwissenschaften. Mainz, 1975. S. 98–122.

Struve K. W. Die Burgen in Schleswig-Holstein 1. Die slawischen Burgen (= Offa-Bücher N. F. 35). Neumünster, 1981.

Suchowa K.— P. Ausgrabungen im Herzen Hamburgs — Erkenntnisse zur Neuen Burg und Nikolaikirche // Jahrbuch des Alstervereins. 2016/17. S. 9–22.

Ullrich M. Slawenburg Raddusch: Eine Rettungsgrabung im Niederlausitzer Braunkohlenabbaugebiet. Brandenburgisches Landesamt für Denkmalpflege, 2003.

Unverzagt W. Ausgrabungen in der Burg von Lebus/Oder während der Jahre 1941–1944 // Ausgrabungen und Funde 3. 1958. S. 119–126.

Unverzagt W., Schuldt E. Teterow. Ein slawischer Burgwall in Mecklenburg. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte Band 13. Berlin 1963.

von Uslar R. Studien zu frühgeschichtlichen Befestigungen zwischen Nordsee und Alpen. Bonner Jahrbücher, Beiheft 11. Köln, Graz, 1964.

Wegewitz W. Harburger Heimat. Die Landschaft um Hamburg-Harburg. Hamburg, 1950.

Weidemann K. Frühmittelalterliche Burgen im Land zwischen Elbe- und Wesermündung // Aust H. (Hrsg.). Das Elb-Weser-Dreieck II: Forschungsprobleme, Exkursionen; Stade, Zeven, Bremervörde, Buxtehude. Führer zu vor- und frühgeschichtlichen Denkmälern 30. Mainz, 1976. S. 165–211.

Wilschewski F. Die karolingischen Bischofssitze des sächsischen Stammesgebietes. Studien zur internationalen Architektur und Kunstgeschichte 46. Petersberg, 2007.

Zoller D. Die Bokelerburg. Eine Ringwallanlage auf der nordoldenburgischen Geest // Nachrichten aus Niedersachsens Urgeschichte 39. 1970. S. 188–222.

Изделия североевропейского облика в материальной культуре городища Любша IX — начала X в.[1]

(предварительное сообщение)

П. А. Миляев (*ИИМК РАН*)

Резюме. Городище Любша в Нижнем Поволховье определяется разными исследователями то как предшественник, то как «пригород» древнейшей Ладоги. В предварительных публикациях подчеркивались архаичность раннесредневекового комплекса Любши, его структурные отличия от Ладоги и наличие аналогий его крепостным сооружениям в юго-западных славянских землях. Ныне на веб-страницах многочисленных сообществ любителей истории этот памятник зачастую рассматривается как крепость западнобалтийских славян в Поволховье. Ведутся яростные споры о наличии/отсутствии там скандинавского компонента.

Тяжелая болезнь основного исследователя Любши — Е. А. Рябинина (1948–2010) — сильно затруднила систематизацию материала из раскопок. Полевая документация оказалась разрозненной и долгое время была недоступна. Автору статьи удалось разыскать и восстановить полный комплекс полевой документации по памятнику, включая документы, считавшиеся безвозвратно утраченными. Ныне начато исследование комплекса находок из культурного слоя Любши, связанных с ремесленным производством. В ходе его выявилась серия североевропейских импортов, ранее не привлекавших внимания, и сделан вывод о возможном присутствии на городище выходцев из Северной Европы.

Abstract. Lyubsha hillfort on the lower Volkhov, in 1,5 km from Ladoga was identified by different researchers as a predecessor or now as a 'suburb' of earliest Ladoga. Preliminary publications stressed the archaic character of the early mediaeval complex of Lyubsha, its structural differences from Ladoga and the presence of fortifications similar to those in southwest Slavic territories. According to this information, numerous history amateur web-pages now consider this site as a fortress of the west-Baltic Slavs on the Volkhov River. The presence or absence of a Scandinavian component here is widely discussed now.

Evgeniy A. Ryabinin (1948–2010) was the leading researcher of Lyubsha. Regretfully, his prolonged heavy disease made systematisation of materials from its excavations considerably difficult. The field records turned to be disconnected and for a long time had been inaccessible. Now the author succeeded in finding and restoration of the complete set of the field records on this site including the drawings which all had been considered irretrievably lost.

Studies of traces of jewellery-making obtained from the cultural layer of Lyubsha are now in progress. In the course of these investigations, a series of North-European imports, which hadn't been noted before, were identified and the conclusion was drawn on the possible presence of natives from Northern Europe at the site.

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке ПФИ Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность», проект «Элитарная культура...» (рук. Е.Н. Носов).

Ключевые слова: Городище Любша, Ладога, раскопки, культурный слой, славяне, скандинавы, ювелирное производство, североевропейские импорты.

Key-words: Lyubsha hillfort, Ladoga, excavations, cultural layer, Slavs, Scandinavians, jewellery-making, North-European imports.

Присутствие в составе населения Древней Руси представителей элитарных слоев общества определяется в первую очередь по материалам погребальных памятников. Наличие закрытых, узко датируемых археологических комплексов, развитый и сложный погребальный обряд, качество и количество инвентаря — все это служит весьма надежной основой для ответственных выводов об этническом и социальном составе древнерусского общества и привлекает внимание к изучению элитных погребальных памятников.

Иначе обстоит дело с материалами селищ и городищ. Доказать с их помощью присутствие/отсутствие на поселениях представителей элиты крайне проблематично. Особенно это касается памятников периода эпохи викингов и становления Древнерусского государства VIII–X вв. Ведь те самые социально престижные вещи, которые обнаруживаются в богатых погребальных комплексах, в обычном быту редко терялись или ломались, кроме того, некоторые из них вообще не использовались в повседневной жизни. Подобные изделия, происходящие из слоев поселений, бывают сильно фрагментированы и трудно поддаются интерпретации. Данные обстоятельства резко сокращают количество признаков или категорий археологических источников, маркирующих присутствие представителей высших слоев средневекового общества на поселениях. К этому можно добавить и общую малочисленность выразительных, ярких находок в раннесредневековых культурных слоях, а также проблемы с датированием, связанные с ограниченным количеством закрытых комплексов. В итоге вопрос о присутствии на тех или иных древнерусских поселениях IX–X вв. комплексов, которые можно связать с элитой тогдашнего общества, как правило, остается открытым.

Исключением из этого правила являются поселения, элитарный статус которых подтвержден летописными источниками. В качестве примера можно назвать Старую Ладогу, Рюриково городище, Киев, Чернигов, Полоцк и другие города, которые в письменных источниках изначально фигурируют как княжеские резиденции. Материалы археологии, как правило, подтверждают эти сведения, однако о большей части древнерусских поселений эпохи викингов мы не имеем в письменных источниках никакой информации.

Выделение признаков присутствия элиты на средневековых поселениях Северо-Запада особенно актуально, поскольку именно здесь возникло первое раннегосударственное образование с центром в Старой Ладоге (*Кирпичников, Сарабьянов*, 2013. С. 54). Особую роль в его создании играли выходцы из Северной Европы и Скандинавии. Культурный и идеологический вектор раннесредневековой элиты Древней Руси был направлен именно на Север. Судя

по имеющимся данным, полученным по материалам погребальных памятников и городских слоев, очень популярными и социально престижными являлись изделия в североевропейском стиле, прежде всего украшения, предметы вооружения, а также отдельные бытовые предметы и парадная столовая посуда. Однако и простые бытовые изделия североевропейского круга, по-видимому, пользовались стабильным спросом, что привело к их копированию и породило множество подражаний этим предметам. Таким образом, наличие вещей «северной вуали» может указывать на возможное присутствие на поселениях людей высокого социального статуса, а определенный набор этих вещей несет информацию о характере данной социальной группы.

Как уже говорилось выше, ярких и выдающихся находок на поселениях мало, но все же признаки присутствия элиты можно выделить именно среди фрагментов вещей северного облика, по крохам собирая картину социального и этнического состава жителей того или иного поселения и региона.

Следует отметить, что вещи, относящиеся к «северной вуали», бывают различного характера. Чаще всего это популярные «модные» изделия, пользовавшиеся спросом и служившие предметом торговли, реже предметы, использовавшиеся только выходцами из Скандинавии и соответственно имеющие более определенную этническую окраску. В материалах Северо-Запада внимание привлекают в том числе обычные бытовые предметы, генетически связанные с Северной Европой, изготовленные местными мастерами по иноземным образцам и прочно вошедшие в повседневную жизнь населения в эпоху викингов. Они свидетельствуют о заметном влиянии северной традиции на материальную культуру и быт в Древней Руси (*Носов*, 2012. С. 114).

В настоящей статье речь пойдет о вещах североевропейского облика с городища Любша в Нижнем Поволховье. Городище Любша расположено в 1,5 км к северо-востоку от Земляного городища и Каменной крепости Старой Ладоги, на правом высоком берегу реки Волхов (рис. 1). Оно занимает треугольный мыс при впадении в него речки Любши; с напольной стороны окружено подковообразным валом протяженностью около 70 м (рис. 2). Размеры городища 45 × 40 м, общая площадь памятника не более 1800 м^2 (*Рябинин, Дубашинский*, 2002. С. 196). С севера площадка круто обрывается в сторону Волхова, с востока полого опускается к речке Любше. С напольной части к городищу примыкает обширное селище. Сам мыс плотно зарос лесом и кустарником, но поле, на котором расположено селище, свободно от растительности. Памятник сильно поврежден в результате строительно-хозяйственной деятельности в XVIII — начала XIX в., когда его территория входила в состав имения князей Шаховских (*Рябинин*, 1998. С. 2). В 1997–2001 гг. памятник активно исследовался Волховской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством Е. А. Рябинина (*Миляев*, 2015. С. 113–116), из материалов раскопок которой происходят предметы, описываемые в данной статье.

Исследователи Любшанского городища Е. А. Рябинин и А. В. Дубашинский не зафиксировали признаков присутствия на поселении выходцев из Скандинавии, отмечая, что найденные при раскопках вещи имеют аналогии

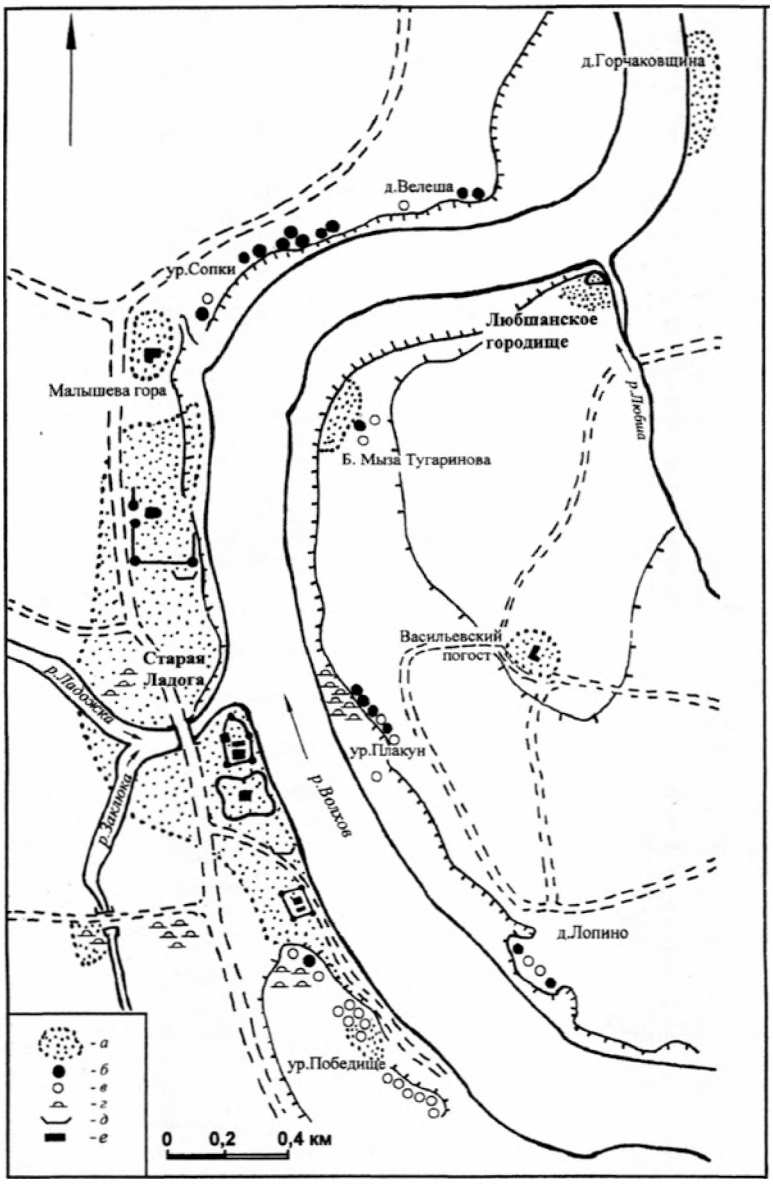

Рис. 1. Старая Ладога и ее окрестности. Схема расположения основных археологических памятников: а — средневековый культурный слой; б — сохранившиеся сопки; в —несохранившиеся сопки; г — курганы; д — грунтовые могильники; е — храмы (по: *Рябинин, Дубашинский,* 2002. С. 197. Рис. 1)

Fig. 1. Old Ladoga and its surroundings. Scheme of the location of the main archaeological sites: a — the medieval cultural layer; b — preserved hills; in — non-preserved hills, g — mounds; d — ground burial grounds; e — temples (after *Ryabinin, Dubashinsky,* 2002. P. 197, Fig. 1)

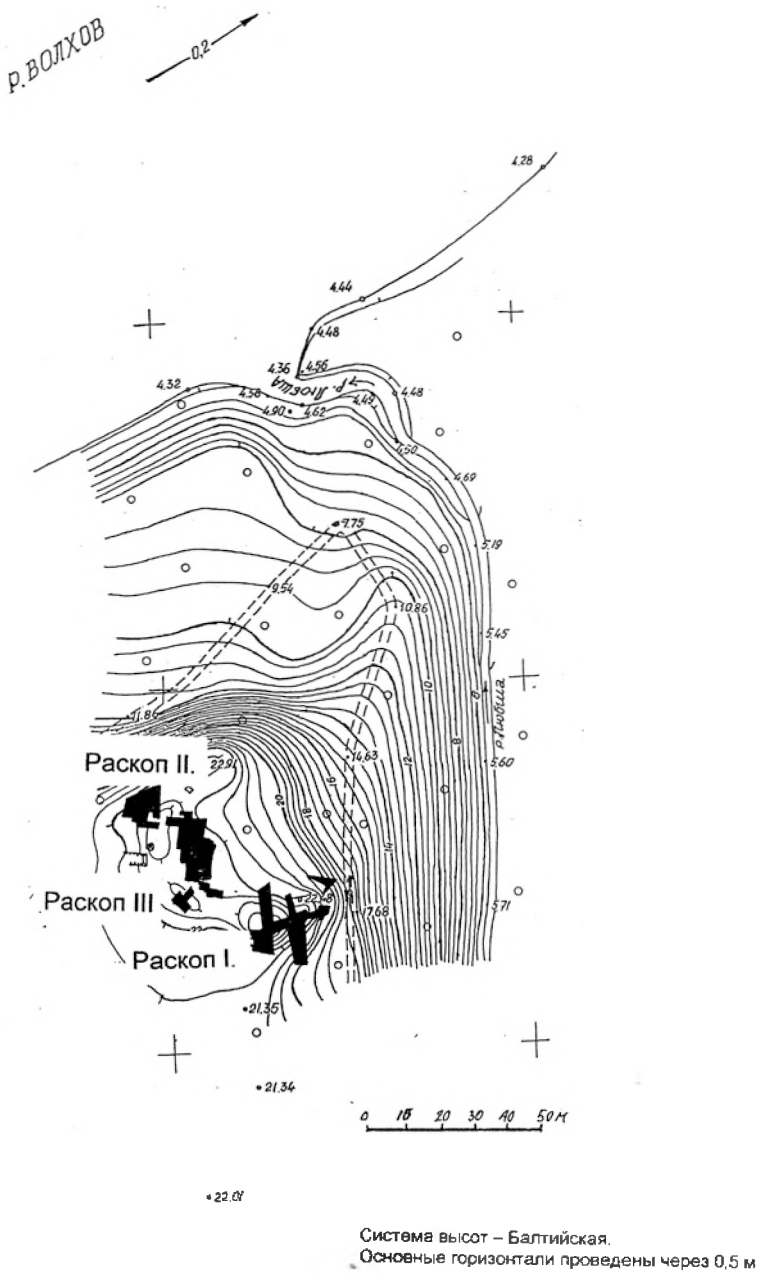

Рис. 2. Городище Любша. Инструментальный топографический план памятника с контурами раскопов 1997–2001 гг. Масштаб 1 : 1000. Автор А. В. Дубашинский
Fig. 2. The Lyubsha hillfort. Instrumental topographical plan of the monument with the contours oa excavation units 1997–2001. Scale 1 : 1000. Made by A. V. Dubashinsky

из археологических памятников Восточной Европы, Юго-Восточной Прибалтики и Подунавья (*Рябинин, Дубашинский*, 2002. С. 200–202). Однако авторами было высказано мнение о том, что жители Любши занимались ремонтом морских судов и обслуживанием судоходного Волжского торгового пути, а в гавани у городища могла быть стоянка крупных морских кораблей (*Там же*. С. 202).

Стоит отметить, что вещи северного круга в археологическом материале городища Любша присутствуют, но действительно выражены не ярко, намного слабее, чем в Ладоге или на Рюриковом городище. В частности, здесь полностью отсутствуют престижные дорогие украшения скандинавского облика. Однако северная традиция все же представлена здесь немногочисленной, но достаточно выразительной серией разнообразных изделий — по большей части бытовых предметов из черных металлов, которые не сразу получили должную оценку и интерпретацию. Некоторые из них напрямую, другие косвенно указывают на вероятное присутствие здесь выходцев из Северной Европы. Относились они к постоянному контингенту населения крепости и окружавшего ее посада или нет, сказать затруднительно. По меньшей мере, они посещали данное поселение. Но возникает вопрос: можно ли причислять их к «элите»?

После открытия Е. А. Рябининым в 1997–2001 гг. мощной каменно-земляной фортификации на Любше (*Рябинин*, 1998. С. 4–6. Рис. 7; *Рябинин*, 2000. С. 9–13. Рис. 3–7) закономерно возник вопрос о статусе этого археологического памятника. Существует мнение о том, что на городище проживали представители военно-дружинной верхушки (*Еремеев*, 2010. С. 203). По какой причине здесь было возведено столь мощное укрепление с внутривальными конструкциями из плит известняка, одно из самых ранних на Руси сооружений такого вида? Была ли Любша в эпоху викингов действительно элитным поселением? Ответ на поставленный вопрос отчасти может дать анализ вещей скандинавского облика из материалов раскопок городища.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что присутствующие в любшанской коллекции вещи северного происхождения связаны с самыми разными сторонами жизни средневекового общества — ремеслом, судостроением, играми, военным делом. Среди них есть предметы быта, украшения и даже части музыкальных инструментов. Необходимо сразу отметить, что большинство выявленных вещей нельзя напрямую связывать с присутствием скандинавов на городище Любша. Это широко распространенные типы изделий, которые отображают некую «северную вуаль» в материальной культуре местного населения: североевропейские по своему происхождению, они широко вошли в бытовую жизнь Руси. Однако в комплексе находок присутствуют и несомненные импорты. Все предметы этого круга из городища Любша датируются VIII — серединой, второй половиной IX в.

Подавляющее большинство вещей североевропейской традиции найдено в юго-западной части жилой площадки городища, где в 1997–2001 гг. был расположен раскоп II (участки 1, 2) Е. А. Рябинина. Планиграфия и стратиграфия данного раскопанного участка были исследованы по выявленным в архивах

ИИМК РАН и ИА РАН документам, и результаты опубликованы в соответствующей статье (*Миляев*, 2018). Раскоп II, самый большой по площади, примыкал к валу с внутренней стороны. В пределах его было исследовано 6 археологических комплексов, являвшихся остатками построек на жилой площадке городища. Большинство их относятся к периоду существования каменно-земляной крепости (VIII–IX вв.). Находки по большей части залегали в так называемом «жилом слое» (по терминологии полевых отчетов Е. А. Рябинина) — сыпучем темно-сером гумусе с золой и костями животных. Однако исследование полевой документации показало, что данная прослойка связана с процессом разрушения укреплений и построек на площадке городища Любша и последующей более поздней хозяйственной деятельности, проводившейся на его территории (*Миляев*, 2018, в печати). Интересующие нас изделия в основном были найдены в верхней части этой прослойки, некоторые вещи встречены в переотложенном состоянии — в слое пахоты или насыпи крепостного вала.

Начать описание стоит с находок, связанных с судостроением. Корабль представлял собой один из самых значимых символов Средневековья и его элиты. Владение кораблем или несколькими судами служило важным социальным, экономическим и политическим маркером, показателем значимости в раннесредневековом обществе. На городище Любша в 1997–2001 гг. найдено более 50 целых ладейных заклепок, а также их фрагменты (целых из них 28 шт.) (*Рябинин, Дубашинский*, 2002. С. 202). В подавляющем большинстве это стандартные изделия с округлой шляпкой, стержнем квадратного сечения и ромбовидной, реже округлой, шайбой (рис. 4: *1*). Самые крупные из них, несомненно, скрепляли доски судовых бортов методом в клинкер, т. е. внахлест. Это типично североевропейская судостроительная традиция, которая получила широкое распространение не только в Европе, но и по всей Балтике (*Сорокин*, 1997. С. 90). Массово встречены они и в Древней Руси — не только в крупных торгово-ремесленных центрах, таких как Ладога (*Равдоникас*, 1949. С. 44), Рюриково городище, Новгород (*Сорокин*, 1997. С. 82), Гнёздово, Тимерёво (*Фехнер*, 1963. С. 13, 16), но и на небольших селищах, расположенных вдоль торговых путей (*Носов, Плохов*, 1991. С. 141).

Далеко не все любшанские заклепки являлись судовыми деталями. Некоторые из них, имеющие небольшие размеры, могли скреплять составные части мебели, повозок, боевых щитов и других деревянных изделий. Однако традиция использования заклепок подобного типа все-таки являлась изначально скандинавской. Она широко вошла в обиход населения Древней Руси, которое стало массово изготавливать их для своих нужд. Серию этих изделий, найденную на городище Любша, не стоит напрямую связывать с проживанием на его территории выходцев из Северной Европы. Скорее это просто один из элементов богатой и разнообразной материальной культуры того периода.

Находкой, несомненно, скандинавского происхождения является железный ключ от нутряного деревянного дверного замка (рис. 3: *6*). Данный тип ключа назван якоревидным и является крайне редкой находкой для территории Восточной Европы. Изделие конструктивно состоит из прямой рукоятки и отходящих

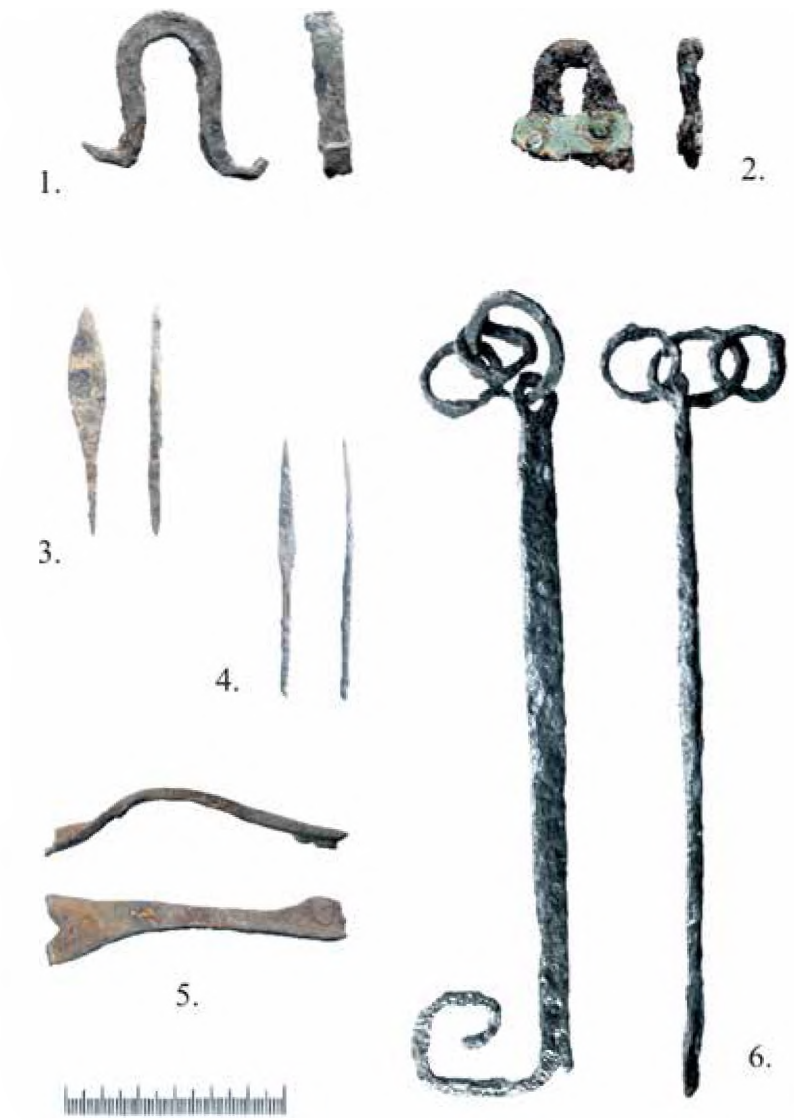

Рис. 3. Городище Любша. Раскопки 1997–2001: *1* — ушко котла (Л 01/№ 125); *2* — ушко котла с приклепанной пластиной медного сплава (Л01/№ 257); *3* — наконечник стрелы (Л01/№ 227); *4* — наконечник стрелы (Л99/№ *78); 5* — ручка сундука или ларца (Л01/№ 251); *6* — ключ якоревидный от нутряного замка (Л98/№ 102).
1, 3–6 — железо, 2 — железо, медный сплав

Fig. 3. The Lyubsha hillfort. 1997–2001: *1* — eye of the boiler (L01 / N125); *2* — eye of the boiler with riveted copper alloy plate (L01 / № 257); *3* — arrowhead (Л01 / № 227); *4* — arrowhead (L99 / № 78); *5* — handle chest or casket (L01 / № 251); *6* — key anchor-shaped from the interior lock (L98 / N102).
1, 3–6 — iron, 2 — iron, copper alloy

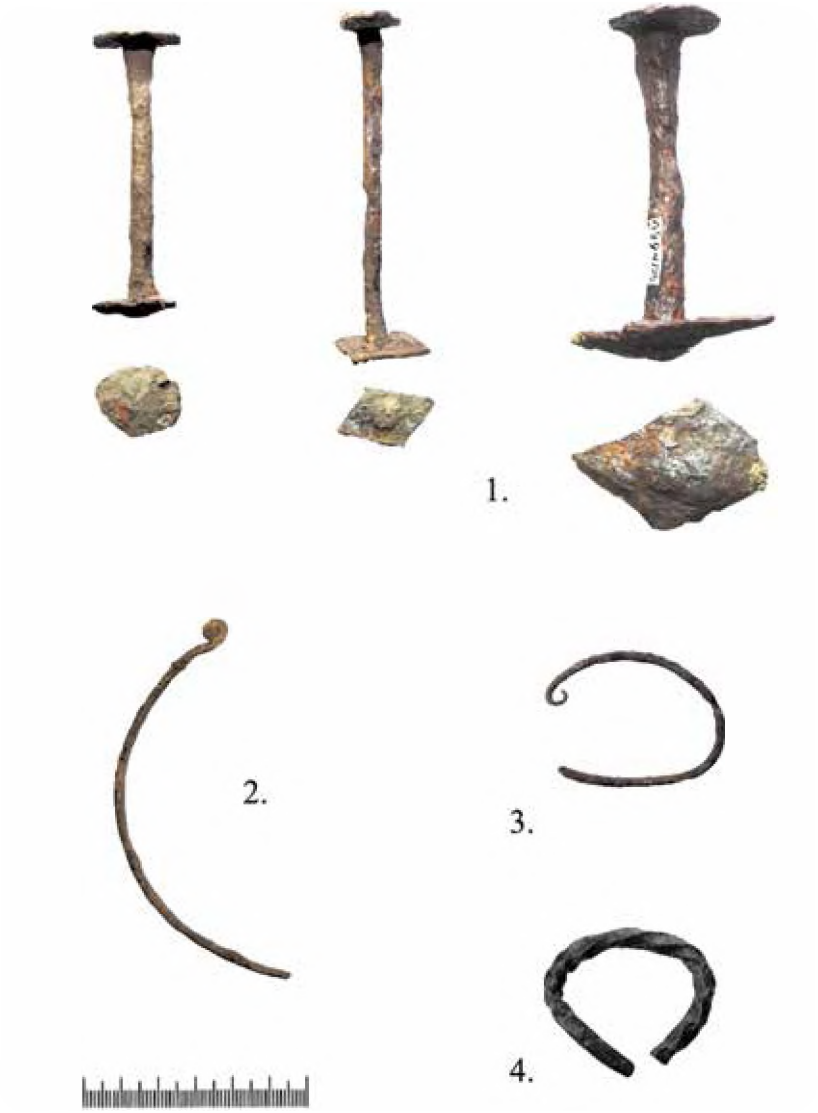

Рис. 4. Городище Любша. Раскопки 1997–2001:
1 — заклепки судовые (Л00/№ 180, Л01/№ 60, Л99/№ 196);
2 — гривны железной фрагмент (Л00/№ 205); *3* — гривны железной фрагмент (Л01/№ 237); *4* — кольцо железное из перевитого дрота.
1–4 — железо

Fig. 4. The Lyubsha hillfort. 1997–2001:
1 — rivets of the ship (L00 / N180, L01 / N60, L99 / N196);
2 — fragment of torc (L00 / N205); *3* — fragment of torc (L01 / N237);
4 — ring made of twisted wire.
1–4 — iron

Рис. 5. Городище Любша/ Раскопки 1997–2001. *1* — формы литейной фрагмент (Л98/№ 68); *2* — слиток-полуфабрикат (Л01/БН); *3* — слиток-полуфабрикат (Л01/БН); *4* — шашка игральная (Л99/№ 145); *5* — кобылка-подставка для струн лиры (Л99/№ 3); *6* –*стенки* сосуда фрагмент (Л98/№ 70)*; 7* — грузила дисковидного для ткацкого станка фрагмент (Л01/№ 295).

1 — песчаник, 2, 3 — медный сплав, 4 — кость, 5 — янтарь, 6 — стекло, 7 — глина

Fig. 5. The Lyubsha hillfort. 1997–2001. *1* — fragment of a casting mold (L98 / N68); *2* — ingot /semi-finished product/ (L01 / BN); *3* — ingot /semi-finished product/ (L01 / BN); *4* — game-checker (L99 / N145); *5* — bridge for lyre strings (L99 / N3); *6* — a piece of glass vessel (L98 / N70); *7* — fragment of a sinker for weaving loom (L01 / N295).

1 — sandstone, 2, 3 — copper alloy, 4 — bone, 5 — amber, 6 — glass, 7 — clay

от нее в нижней части с боков двух закрученных валют, одна из которых на образце из Любши обломана у основания. Длина ключа составляет 21 см, ширина — 7 см, ширина сохранившейся волюты — 3,5 см, сечение его прямоугольное. Помимо любшанского на территории Руси найден всего один ключ такого типа — в Новгороде, где он датирован второй половиной XI в. (*Хорошев*, 1997. С. 253. Табл. 7: *2*; *Кудрявцев*, 2014. С. 94). Ключ, происходящий из слоя Любши, является более ранним и относится к VIII–IX вв. Аналогии таким изделиям имеются в датском Хедебю (*Westphalen*, 2002. Taf. 67: *1–7*, taf. 84: *19, 20*), в Ральсвике на острове Рюген (*Herrmann*, 2005. С. 66r), в польском Трусо (*Pacifica terra*... С. 109), где также зафиксировано присутствие выходцев из Скандинавии. Большинство ключей такого типа имеет более простую форму, без закрученных волют (*Westphalen*, 2002. С. 175. Abb. 80). Полные аналогии ключу из Любши есть только среди находок в Хедебю (*Op. cit.* Taf. 84: *19–20*).

Интересен тот факт, что на навершии ключа укреплено кольцо, в которое продеты еще два малых колечка. Видимо, это была целая связка ключей от дома; подобные ключи могли использоваться для закрывания как входных дверей, так и сундуков. Отметим, что описанный ключ никак не мог быть предметом торговли. Скорее всего, он был изготовлен на городище Любша по скандинавскому образцу выходцем с Севера или мастером, хорошо знакомым с данной технологией и традицией. Владелец такого необычного ключа вполне мог быть этническим скандинавом, проживавшим на Любше или посещавшим ее.

В числе вещей североевропейского круга, которые вошли в домашний обиход населения Любшанского городища, следует также назвать котлы, склепанные из железных листов. Об использовании таких изделий говорят находки их фрагментов — ушек для подвешивания над огнем (рис. 3: *1, 2*). Подобных предметов выявлено не менее четырех, некоторые из них фрагментированы. Одно ушко приклепывалось к краю котла железными заклепками при помощи своеобразной шайбы — полоски из листа медного сплава (рис. 3: *2*). Данная традиция, североевропейская по своему происхождению, также прочно вошла в обиход жителей Руси, утеряв первоначальные этнические маркеры. Находки деталей железных котлов известны почти на всех крупных поселениях Восточной Европы (*Розенфельдт*, 1997. С. 38–39). Стоит особо упомянуть об использовании их для приготовления пищи в быту военных отрядов — дружин древнерусского времени. Железные котлы иногда входили в состав богатого сопроводительного инвентаря в погребениях военной элиты Древней Руси эпохи викингов (*Седов*, 1982. С. 248, 253). На территории Руси они обнаружены в курганах Гнёздово, Черниговщины, Юго-Восточного Приладожья (*Розенфельдт*, 1997. С. 39, 274. Табл. 28; *Седов*, 1982. С. 248, 253, 255, 280. Табл. LXVII), С большой долей вероятности, такие изделия могли использоваться воинским контингентом, постоянно или временно находившимся на Любше.

В домашнем обиходе Древней Руси часто использовались сундуки и ларцы с металлической фурнитурой. Эти вещи также ведут свое происхождение с севера Европы. Среди любшанских находок присутствует большое количество

разнообразных железных оковок, но они чаще всего сильно фрагментированы, и понять, к какому деревянному изделию они принадлежали, крайне сложно. Из всего обилия подобных предметов с уверенностью можно выделить ручку от сундучка (рис. 3: *5*). Это изогнутая железная пластина длиной около 9 см, шириной от 0,5 до 2 см, толщиной 3 мм с расширяющимися концами, в которых пробиты отверстия. В одном из них сохранилась заклепка, при помощи которой деталь крепилась к деревянной основе.

Отметим, что ни детали котлов, ни железные оковки также не свидетельствуют о присутствии этнических скандинавов на городище Любша. Они также являются свидетельством моды и заметного влияния северной традиции.

Интересной находкой является небольшой фрагмент глиняного дисковидного грузила для вертикального ткацкого станка (рис. 5: *7*). Находка представляет собой скол верхней части изделия размерами 65 × 37 × 17 мм, с остатками центрального отверстия. Это типичный бытовой предмет скандинавского круга, связанный с женскими домашними промыслами. Он применялся для натяжения нитей основы, к концам которых подвешивались такие грузила из глины (*Давидан*, 1981. С. 112). От рыболовецких и других подобных изделий их отличают дисковидная форма и профиль в виде линзы, а также глиняное тесто очень высокого качества. Оно хорошо отмучено, примеси почти не заметны, обжиг отличный, цвет однородный. Такие же технологические признаки были отмечены у глиняных дисков, найденных на Земляном городище Старой Ладоги, где они датируются IX–X вв. (*Штакельберг*, 1962. С. 109, 111). Подобные грузила также были найдены на Рюриковом городище (*Носов*, 2012. С. 116–117), в Тимерёво (*Дубов*, 1982. С. 166). Они вполне могут свидетельствовать о присутствии на поселениях женщин-иммигранток — носительниц североевропейских традиций.

Широко распространенным украшением североевропейского происхождения являются железные шейные гривны. На древнерусских поселениях IX–X вв. эти находки считаются признаком вероятного присутствия среди жителей выходцев со Скандинавского севера (*Седов*, 1982. С. 252). Найдены они в Гнёздово (*Там же*. С. 250, 281. Табл. LXVIII; *Пушкина, Мурашёва, Ениосова*, 2012. С. 257), Тимерёво (*Фехнер*, 1963. С. 13, 85), в Ладоге (*Давидан*, 1976. С. 112), на Рюриковом городище (*Носов*, 1990. С. 73–74, 124–126. Рис. 30; 46: *1, 4, 5*) и во многих других поселениях и могильниках. Часто железные гривны имели подвески в виде «молоточков Тора» или железных колец. В самой Скандинавии они зафиксированы преимущественно в материалах погребальных памятников Швеции.

На городище Любша найдены два фрагмента таких гривен, изготовленных из железного дрота круглого сечения диаметром 5 мм. Оба обломка представляют собой концы сломанных изделий, длиной 97 и 48 мм. Конец одного фрагмента оформлен в виде волюты (рис. 4: *2*), другого – в виде крючка (рис. 4: *3*). Судя по материалам погребений, железные гривны не принадлежали к украшениям элиты, но иногда входили в состав инвентаря весьма богатых погребений (*Седов*, 1982. С. 248, 250). Несколько позже, в конце X – XI в., подобные

изделия получили широкое распространение у населения Древней Руси, причем не только на Северо-Западе, но и в других регионах. В Скандинавии железные гривны бытовали в период с VIII по XI в. (*Носов*, 1990. С. 73). На территории Руси они появились в начале второй половины VIII в. (*Давидан*, 1976. С. 112; *Носов*, 1990. С. 73–74). Таким образом, экземпляры из Любши, датированные в целом VIII–IX вв., входят в число наиболее ранних изделий такого типа, происходящих из материалов раскопок раннесредневековых древнерусских памятников.

В круг интересующих нас предметов входит также кольцо с несомкнутыми концами диаметром 6,4 см, изготовленное из перекрученного железного дрота квадратного сечения 5 × 5 мм (рис. 4: *4*). Один конец его обрублен, другой прямой, не имеющий крутки на длину 25 мм. Предметы эти являлись амулетами (*Носов*, 1990. С. 125; *Дорофеева*, 2011. С. 189–190). Нередко в одно большое кольцо продевалось несколько малых, к ним также могли прикрепляться подвески в виде «молоточков Тора». Изделия такого типа — весьма частая находка в Северной Европе (*Носов*, 1990. С. 76, 126; *Дорофеева*. 2011. С. 188–189), а на поселениях Руси их наличие, с некоторой долей вероятности, может указывать на присутствие скандинавов в составе населения. Подобные изделия найдены, например, в Старой Ладоге (*Гроздилов, Третьяков*, 1948. С. 135. Табл. XII), на Рюриковом городище (*Носов*, 1990. С. 74, 76, *Носов, Хвощинская, Медведева*, 2012. С. 88–90, *Поветкин*, 2007. С. 179–181. Рис. 1: *1, 2, 4, 5*; *Дорофеева*, 2011. С. 187–188), в Новгороде (*Покровская*, 2007. С. 281), где скандинавский компонент в составе материальной культуры выделяется достаточно отчетливо. Маловероятно, что эта вещь могла быть предметом торговли: она относится к сакральной, магической сфере (*Дорофеева*, 2011. С. 193).

Самой яркой, выдающейся находкой из числа изделий скандинавского происхождения является «кобылка» — подставка под струны музыкального инструмента, изготовленная из куска янтаря. Это уникальная, единичная для территории Древней Руси вещь, которая, безусловно, заслуживает отдельной публикации. До сих пор она была известна лишь по материалам полевого отчета (*Рябинин*, 2000. С. 51. Рис. 26, 17) и фотографиям в альбомах «У истоков Северной Руси. Новые открытия» (*Рябинин, Коротенко*, 2003. С. 202) и «Русь изначальная» (*Рябинин, Коротенко*, 2003б. С. 197).

Длина изделия составляет 27 мм, высота — 20 мм, ширина в основании — 10 мм (рис. 5: *5*). Основание выполнено в форме трех ножек конусовидной формы, в верхней части имеются 6 пропилов для струн. В. И. Поветкин атрибутировал данный предмет как «кобылку» шестиструнной щипковой лиры, указал на ее единичность в российском археологическом материале и предположил западноевропейское происхождение изделия. В качестве аналогий автором указывались находки из Хедебю, Нидерландов и Швеции (*Поветкин*, 2002. С. 76–77). Аналогичная деталь музыкального инструмента со схожими параметрами найдена на о. Готланд в богатом погребении VIII — начала IX в. в Бруа, Халла (Broa, Halla) (*Янссон и др.*, 1996. С. 24).

Не вдаваясь в подробности конструкции самого инструмента, к которому относится указанная деталь, необходимо выяснить, принадлежала ли она к культуре раннесредневековой элиты? Находки деталей струнных музыкальных инструментов нечасты и для более поздних периодов истории Руси (XI–XIV вв.), хотя отмечается некоторое их распространение в среде городского населения (*Поветкин*, 1997. С. 179–183). Однако в период VIII–IX вв., к которому относится «кобылка» из Любши, подобные инструменты являлись предметами роскоши и принадлежали исключительно элитарной культуре. В средневековых письменных источниках присутствуют описания пиров у правителей и знатных людей, на которых исполнялись скальдические стихи под аккомпанемент струнных инструментов, чаще всего — лиры (*Роэсдаль*, 2001. С. 43). Контекст аналогичных находок в погребальных памятниках абсолютно точно подтверждает их принадлежность представителям элиты североевропейского раннесредневекового общества.

В 1998 г. на городище был найден фрагмент стенки импортного стеклянного сосуда (рис. 5: *6*) зеленоватого стекла размерами около 15 × 15 мм, толщиной 2 мм. К сожалению, мы не можем сказать, к какому типу сосудов принадлежал данный осколок, однако можно утверждать, что в VIII–IX вв. это было дорогое импортное изделие, из числа тех, что поставлялись в Северную и Восточную Европу из Империи Каролингов или с мусульманского Востока. Для любшанской находки логичнее предположить франкское происхождение, хотя возможен и второй вариант. Точно можно сказать, что стеклянная посуда на территории Восточной Европы являлась предметом роскоши и, несомненно, принадлежала элитарной культуре. В этой связи можно вспомнить богатые погребения Скандинавии, в состав инвентаря которых входили сосуды из стекла (*Лебедев*, 2005. С. 189–190), а также находки их в Старой Ладоге (*Кирпичников*, 2008. Илл. 22) и несколько более поздние — на Рюриковом городище (Плохов, 2007. С. 168–169). Стремление подражать Империи франков, роскоши ее элиты было характерно для скандинавов в VIII–X вв. Поэтому находка такого фрагмента на Любше весьма важна для характеристики социального контекста, хотя напрямую связать ее с представителями Северной Европы невозможно.

Важное место в жизни и досуге людей Древней Руси занимали различные игры, из которых многие были североевропейскими по своему происхождению. В настольные игры с применением костяных, каменных, глиняных или стеклянных шашек играли все, вне зависимости от социального положения. Среди артефактов с Любшанского городища имеется костяная полусферическая шашка для игры диаметром 24 и высотой 28 мм (рис. 5: *4*). На ее нижней поверхности имеется конусообразное углубление, на верхней части также есть небольшая выемка. Наличие их может указывать на то, что предмет был изготовлен при помощи токарного станка. При раскопках в Старой Ладоге были найдены костяные игральные шашки, выточенные на токарном станке и датированные второй половиной VIII — IX в. (*Давидан*, 1970. С. 82). Подобные вещи были широко распространены в Северной Европе, особенно в Швеции и Нор-

вегии (*Корзухина*, 1963. С. 90; *Articus*, 1983. С. 92–94). Находки их есть на поселениях, но более интересны целые наборы из погребений, где игры иногда входили в состав инвентаря. Известны они в камерных погребениях и богатых «княжеских курганах», таких как Черная могила, Гульбище, некоторых курганах Шестовиц и Гнёздово (*Корзухина*, 1963. С. 89; *Михайлов*, 2016. С. 125). Конечно, говорить о принадлежности любшанской шашки к одному из подобных роскошных комплектов затруднительно, однако она свидетельствует о распространении североевропейских настольных игр в среде населения городища.

Предметы вооружения северного облика в материалах городища Любша практически отсутствуют. В качестве примера подобной традиции можно привести лишь две стрелы североевропейских типов. Обе они черешковые, одна — шиловидная (рис. 3: *4*), вторая ланцетовидной формы (рис. 3: *3*). Впрочем, последняя форма классической не является, она ближе к листовидной. Такие наконечники широко встречены на пространствах Восточной Европы. Конечно, это не типичные скандинавские изделия, а, скорее всего, подражания им, изготовленные в Поволховье.

О влиянии североевропейской традиции на ювелирное дело Любшанского городища свидетельствует большое (30 шт.) количество слитков медного сплава, отлитых в каменных открытых формах — изложницах (рис. 5: *2, 3*). В коллекции есть целые и фрагментированные экземпляры различной длины и веса. Сечение изделий в основном трапециевидное, хотя есть и иные (полукруглые, овальные). Подобные слитки и каменные формы для их изготовления в раннем Средневековье были связаны с североевропейской металлургической традицией и впоследствии широко распространились по всему Балтийскому региону (*Кирпичников, Ениосова*, 2004. С. 295). Есть такие находки и на территории Руси, в крупных торгово-ремесленных поселениях, на которых было выявлено присутствие скандинавов. Найдены они были в Ладоге (*Давидан*, 1980. С. 62, 65. Табл. 2: *1–4, 6, 7, 10*), на Рюриковом городище (*Носов*, 1990. С. 92), в Гнёздово и Тимерёво (*Кирпичников, Ениосова*, 2004. С. 295), а также на Сарском городище (*Леонтьев*, 1996. С. 128. Рис. 50: *1, 3, 4, 7–11*) и в Городке на Ловати (*Горюнова*, 2016. С. 44. Фото 12). Определенно часть сырья, используемого местными ювелирами, была привозной и поступала из стран Севера, возможно, слитки могли использоваться как платежное средство (*Кирпичников*, 2001. С. 208).

Комплекс находок, отражающих влияние северных ремесленных традиций, дополняет каменная форма-изложница для изготовления слитков, длиной 70 мм, шириной 55 и толщиной 40 мм (рис. 5: *1*). Она была вырезана из песчаника и изначально была прямоугольной, но затем была разбита, и ее крупный подтреугольный фрагмент использовался в качестве точильного камня, о чем говорят характерные следы на его внешней стороне. Форма предназначалась для отливки двух слитков в виде стержней полукруглого сечения шириной 5 и толщиной 4 мм. Негативы расположены параллельно на расстоянии 8 мм друг от друга. Наиболее территориально близкие аналогии этому изделию были обнаружены в Ладоге (*Давидан*, 1980. С. 65; *Кирпичников*, 2007. С. 208)

и Рюриковом городище (*Хвощинская*, 2007. С. 200–201), также они были найдены в Скандинавии, Северной Германии, Британии (*Кирпичников*, 2007. С. 208). Обычно каменные изложницы массивны, негативы слитков имеют в основном трапециевидное сечение. В случае с любшанской формой мы, скорее всего, имеем дело с изделием местных мастеров, выполненным в североевропейской традиции, уже несколько изменившейся в среде населения Нижнего Поволховья.

На основе анализа представленных находок североевропейского облика с городища Любша можно сделать следующие предварительные выводы:

— В археологических материалах городища Любша выявлена серия находок, типы которых связаны происхождением со Скандинавским регионом. Материальная культура поселения была полиэтнична, в ней присутствовали разные компоненты, в том числе североевропейский. Утверждать полное отсутствие на городище скандинавских выходцев явно не стоит.

— Сравнительно небольшое количество находок северной традиции не позволяет говорить о сколько-нибудь значительном скандинавском присутствии на Любше. Вероятно, большинство носителей этой традиции не проживало на самом городище, а останавливалось во время корабельных стоянок на открытом поселении, которое выявлено к югу и юго-западу от вала городища. Всего найдено около 16 индивидуальных находок «северной вуали», не считая ладейных заклепок и фрагментов железных оковок. Основное население Любши составляли, по-видимому, носители славянской традиции.

— Посещение Любшанского городища выходцами с Севера, вероятно, имело место со второй половины VIII в. Вряд ли оно могло происходить раньше основания поселения в Ладоге (около 753 г.).

— Большая часть описанных в статье находок не являются импортами из Скандинавии; они представляют собой подражание северным изделиям, что отражает следование определенной модной тенденции и влияние северной традиции на материальную культуру местного населения Нижнего Поволховья — так называемую «северную вуаль».

Интересно отметить полное отсутствие на городище целых или фрагментированных украшений скандинавского облика, как мужских, так и женских, а также восточного монетного серебра (*Рябинин*, 2002. С. 56). К украшениям скандинавского облика можно отнести разве что 2 фрагмента железных гривен, что говорит о практическом отсутствии на городище Любша постоянного скандинавского населения.

Абсолютное большинство вещей северной традиции связаны с различными ремеслами, в первую очередь с судостроением и бронзолитейным делом. Устье реки Любша в Средневековье было удобной гаванью. Возможно, в ней стояли и ремонтировались корабли. Об этом свидетельствуют не расклепанные и бракованные ладейные заклепки, а также большое количество кузнечных полуфабрикатов и отходов. Заклепки изготовлялись на месте насельниками Любшанского городища по северной технологии для кораблей с клинкерной обшивкой бортов.

Мастера на поселении занимались литьем ювелирных украшений из медного сплава, используя привозные скандинавские слитки, отлитые в каменных формах-изложницах, и литейные формы из песчаника для этих слитков, также изготовленные в северной традиции. Мастера не были скандинавами, но на традиции ремесла Север оказывал большое влияние и являлся сырьевой базой. Изделия предназначались, конечно, для местного населения.

О возможном проживании скандинавов на Любше могут свидетельствовать только якоревидный ключ, амулет в виде железного кольца из перекрученного дрота и янтарная подставка для струн лиры. Это вещи типично североевропейские, они не могли быть предметом торговли и подражания. Хотя, с другой стороны, они могли быть утеряны их владельцами при эпизодическом посещении городища.

Выходцы из Северных стран, посещавшие Любшу, в основном представляли собой ремесленников и купцов, которые одновременно могли быть и воинами. Какие-либо яркие свидетельства заморской торговли здесь отсутствуют; видимо, торг происходил в Ладоге, а возле Любши располагалась стоянка кораблей и производился их ремонт.

Так или иначе, на поселении присутствовали, а может быть, и проживали время от времени, отдельные представители элиты раннесредневекового общества. Об этом свидетельствует в первую очередь находка янтарной «кобылки» — подставки для струн лиры. Это изделие было доступно лишь представителям высших слоев населения. О том же говорит и осколок дорогого импортного стеклянного сосуда. Скорее всего, это были судовладельцы и предводители дружин.

Постоянный скандинавский военный контингент на Любше отсутствовал, при раскопках было найдено оружие только местных типов. Однако северные дружины могли посещать городище в составе судовых команд. Об этом свидетельствуют фрагменты железных клепаных котлов и шашка для игры, которые, судя по материалам погребений, были связаны с мужской дружинной субкультурой.

По составу этой небольшой, но выразительной коллекции можно сделать определенные выводы и о статусе поселения на Любше в VIII–IX вв. Это не было элитное поселение; точнее, оно могло выступать таковым для местных жителей, но не для посещавших его выходцев с Севера. Интересно почти полное отсутствие следов международной торговли, тесно связанной с выходцами из Скандинавии, характерной для многих поселений Поволховья эпохи викингов. Возможно, Любша была своеобразным пригородом Ладоги, игравшим некую военно-административную роль для жителей Ладожской округи. Косвенно об этом свидетельствует само географическое расположение Любши. Это были «ворота» Ладоги — крепость, расположенная в 1,5 км ближе к «морю» (Ладожскому озеру), чем основное поселение. Здесь морские корабли делали первую остановку, стояли на рейде, ремонтировались, но не вели широкой торговли, которая осуществлялась в Ладоге. Можно предположить, что купцы ждали на Любше своей очереди для прохождения неких досмотровых действий

и операций, предваряющих торговлю (от этого ожидания и остался ряд несомненно привозных статусных вещей, вроде фрагмента стеклянного сосуда или подставки для струн лиры).

Стоит отметить, что данный перечень находок североевропейского облика может незначительно пополниться при дальнейшем изучении материалов раскопок городища Любша. Расширить наше понимание данной категории изделий поможет привязка упомянутых вещей к стратиграфии и планиграфии памятника, возможность которой появилась только сейчас, после обнаружения всех чертежей и сведения воедино всего комплекса полевой документации. Несомненно, это поможет выделить уже не единичные вещи, а комплексы с находками североевропейского происхождения и уточнить их датировку.

Литература

Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XIII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 352 с.

Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н. описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н. И. Репниковым в 1909–1913 гг. // Старая Ладога / Отв. ред. В. И. Равдоникас. Л., 1948. С. 71–107.

Давидан О. И. О времени появления токарного станка в Старой Ладоге // АСГЭ. 1970. Вып. 12. С. 81–88.

Давидан О. И. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. 1976. С. Вып. 17. 101–118.

Давидан О. И. Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 59–67.

Давидан О. И. Ткани Старой Ладоги // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 100–113.

Дорофеева Т. С. Скандинавская погремушка X в. с городища под Новгородом // ННЗИА. 2011. Вып. 25. С. 187–193.

Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.

Еремеев И. И. Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. Археологические и палеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.

Кирпичников А. Н. Новые материалы о международных торговых связях средневековой Ладоги с Балтийским регионом и странами Востока (по данным раскопок 2002 г.) // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 195–220.

Кирпичников А. Н. Новые археологические исследования раннесредневекового города Ладога (по данным раскопок 2007 г.) // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 329–362.

Кирпичников А. Н., Ениосова Н. В. Литейные формы для производства слитков из Старой Ладоги // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию В. В. Седова / Под ред. Н. А. Макарова, А. В. Чернецова, Н. В. Лопатина. М.: Наука, 2004. С. 290–297.

Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб.: Славия, 2013. 216 с.

Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси // СА. 1963. № 4. С. 85–102.

Кудрявцев А. А. Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода: Автореф. дис. ... канд. истор. н. М., 2014. Т. I.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.

Леонтьев А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.

Миляев П. А. Городище Любша в Нижнем Поволховье (по материалам архивов ИИМК РАН и ИА РАН) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб., 2015. Вып. 5. С. 108–124.

Миляев П. А. Городище Любша в Нижнем Поволховье. Планиграфия и стратиграфия памятника по материалам полевой документации 1997–2001 гг. (Раскоп II, участки 1, 2) // Археологические вести. 2018. Вып. 24. В печати.

Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси. Камерные погребения IX–XI веков в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2016. 272 с.

Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 216 с.

Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М., Вологда: Древности Севера, 2012. С. 93–119.

Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение Золотое Колено на средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. / Под ред. В. Л. Янина, Е. Н. Носова, П. Г. Гайдукова. М., 1991. С. 117–149.

Носов Е. Н., Хвощинская Н. В., Медведева М. В. Новгородская Русь. Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб.: ЛИК, 2012. 224 с.

Поветкин В. И. Музыкальные инструменты // Древняя Русь. Быт и культура / сер. Археология СССР. М.: Наука, 1997. С. 179–185.

Поветкин В. И. Старое и новое в музыкальной археологии Северо-Запада России // ННЗИА. 2002. Вып. 16. С. 69–77.

Поветкин В. И. Гудебный обиход Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 178–194.

Покровская Л. В. Металлические предметы скандинавского происхождения из раскопок на Троицком раскопе: топография // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 280–284.

Пушкина Т. А., Мурашёва В. В., Ениосова Н. В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–273.

Равдоникас В. И. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // СА. 1949. Вып. XI. С. 5–54.

Розенфельдт Р. Л. Металлическая посуда, кухонная и столовая // Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 41–42.

Роэсдаль Э. Мир викингов. СПб.: Всемирное слово, 2001. 272 с.

Рябинин Е. А. Отчет Волховского отряда ИИМК РАН об исследовании Любшанского городища в 1997 г. Рукопись. Архив ИА РАН. 1998. Ф. 1. Р. 1. № 21337.

Рябинин Е. А. Отчет Волховского археологического отряда ИИМК РАН в 1999 г. Рукопись. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22205, 2000.

Рябинин Е. А. Раскопки Любшанского городища в Нижнем Поволховье (предварительные результаты археологических исследований) // Культура, образование, история Ленинградской области Тезисы научно-практической конференции. СПб.: Вести, 2002. С. 53–58.

Рябинин Е. А. У истоков Северной Руси. Новые открытия / Отв. ред. Н. И. Милютенко. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003. 224 с.

Рябинин Е. А., Дубашинский А. В. Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб., 2002. С. 196–203.

Рябинин Е. А., Коротенко И. А. Русь изначальная. СПб.: Развитие регионов, 2003. 215 с.

Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / сер. Археология СССР. М.: Наука, 1982. 328 с.

Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 208 с.

Фехнер М. В. Тимерёвский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников / Под ред. А. П. Смирнова. М., 1963. С. 5–19.

Хвощинская Н. В. Каменные литейные формочки в коллекции Рюрикова городища и стеатитовые находки на Руси // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 199–202.

Хорошев А. С. Замки, ключи, замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура / сер. Археология СССР. М.: Наука, 1997. С. 14–16.

Штакельберг Ю. И. Глиняные диски из Старой Ладоги // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 109–115.

Янссон И., Мельникова Е. А., Тегнер Е, Панова Т. Д. Наследие варягов. Диалог культур: Каталог выставки. Boras, 1996.

Articus R. Vom Brettspiel der Wikinger // Duisburg und die Wikinger. Duisburg, 1983. C. 91–96.

Herrmann J. Ralswiek auf Rugen. Die Funde aus der Hauptsiedlung. Scwerin, 2005.

Pacifica terra. Prusowie-Slowianie-Wikingowie u ujscia Wisly: Katalog wystawy. Malbork, 2004.

Westphalen P. Die Eisefunde von Haithabu. Neumunster: Wachholtz, 2002.

Горшок знахаря из «большой постройки» Старой Ладоги

(раскоп 1973 г. на Варяжской улице)

Т. Б. Сениченкова, С. О. Урюпов (*ГЭ*)[1]

Резюме. В 1973 г. в Старой Ладоге в раскопе на Варяжской ул. были найдены фрагменты лепной керамики с темно-серым веществом внутри. Это вещество было исследовано в лаборатории Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа методами электронной микроскопии с зондовым элементным анализом (РСМА) и газожидкостной хроматографии с масс-спектрометрическим детектированием (ГЖХ–МС). Проведенное исследование свидетельствует о том, что в состав представленного вещества входят: белый наружный слой березовой коры (береста), компоненты живого растения (растений), возможно — растительное масло, жир (или иные продукты) позвоночного животного, весьма вероятно — лососевых рыб. На основании проведенного исследования можно считать исследованное вещество лекарственным средством, скорее всего, наружного применения (мазью).

Стратиграфический анализ позволил связать находку с языческим святилищем, разрушенным в 986–991 гг. В исландской Саге о Стурлауге Трудолюбивом есть эпизод: один из героев, будучи тяжело раненным, идет за врачебной помощью именно в Альдейгьюборг. Есть основания предполагать, что ладожское святилище, где не только отправляли культы, но и лечили недужных, было достаточно известно в эпоху викингов.

В историческое время мелкотолченую бересту, смешанную со сливками, использовали для лечения ран и ожогов. В настоящее время широко рекламируется лекарство, приготовленное на основе коры березы, — бетулин. Его научное открытие (1788 г.) приписывается российскому химику Иоганну Тобиасу Ловицу. Находка в Ладоге древнего лекарственного средства как нельзя лучше подтверждает поговорку: «Новое — это хорошо забытое старое».

Summary. In 1973, in excavation no. 1 in Varyazhskaya Street in Staraya Ladoga, there were found several fragments of bases of ceramic vessels with some dark gray substance on inside. Notably, rainbow spots running on the water were left at the attempt of washing off the earth from them. The substance was investigated in the laboratory of the Department for Scientific and Technical Examination of Monuments of the State Hermitage using the methods of electron microscopy with probe elemental analysis (EDRS) and gas-liquid chromatography (GLC) with mass-spectrometry detection (GLC–MS).

The shape of the remains of the substance suggests that in the course of filling the vessel it had a liquid or semi-liquid consistence and afterwards had solidified preserving the form of the vessel (Fig. 1:2). Before solidification, the substance possessed highly adhesive properties as suggested by its surface layer retaining parts of the vessel's clay (light areas in Fig. 2).

[1] Статья представляет собой дополненный вариант публикации, вышедшей в журнале Stratum plus: *Сениченкова Т. Б., Урюпов С. О.* Горшок знахаря из Старой Ладоги // Stratum plus. 2017. N 5. С. 163–172.

The investigation conducted (see Figs. 2–11) has demonstrated that the substance under study included: the white external layer of birch bark, components of a live plant (plants), possibly vegetable oil, fat (or meat or genital materials) of vertebrates – very probably salmon fishes.

A mixture of this kind can have been prepared only intentionally since it is very difficult to pound birchbark into powder. It has no usable for man macroscopic properties (e. g. as a glue, dye, putty, etc.) but possesses biological activity owing to its composition. Therefore the investigated substance seems to have been a medicine, probably for external use (ointment).

Stratigraphic analysis of the pottery suggested that the find was related with a pagan sanctuary destroyed, according to dendrochronological evidence, in 986–991, evidently during Christianization (Fig. 12–1). The folk medicine in Rus' was part of the heathen culture. With the introduction of the Christianity, its achievements were reclaimed and partly have survived until now.

In one of the Icelandic sagas (Saga about Sturlaugr the Industrious), there is a subject directly connected with our study. One of the heroes of this saga, having been badly wounded, three days is going for medical assistance exactly to Aldeigjuborg (Ladoga) where, to his knowledge, there lives a konung's daughter famous as a good healer. There is information that in Karelian villages still in the middle of the past century, finely ground birchbark mixed with cream was used for treating wounds and burns. An old medicine book kept in the Russian National Library describes the following remedy: «If you want that the rotten meat were eaten away then the ground birch bark must be poured into the rotten wound». At present, the internet advertises widely a medicine prepared from birch bark, viz. betulin (from *Lat.* betula – birch). The discovery of betulin (1788) is ascribed to German-Russian chemist Johann Tobias Lowitz, associate of Mikhail V. Lomonosov. The authors of Wikipedia enthusiastically declare the various healthful properties of betulin. The title itself of one of the articles – «Medicine against death» – tells its own tale. The Ladoga find of an ancient healing remedy in the best way possible confirms the proverb: «Everything new is well-forgotten old».

In our opinion there are grounds to suppose that the Ladoga heathen sanctuary where not only cults were practised but also wounded and ill were treated was fairly well known in the Viking Age. Evidently, the rumour about it spread throughout the entire Austrvegr and reached Iceland where subsequently, in this intricate way, it transformed into one of the subjects of sagas about old times.

Ключевые слова: Старая Ладога, языческое святилище, керамика, методы электронной микроскопии и газожидкостной хроматографии, лекарство X в.

Key-words: Staraya Ladoga, heathen sanctuary, ceramic, methods of electron microscopy, gas-liquid chromatography, medicine of the 10th century.

В 1973 г. в Старой Ладоге в раскопе № 1 на Варяжской ул. были найдены несколько фрагментов придонных частей круговых (?) сосудов (как минимум двух) с темно-серым веществом внутри (рис. 1). Обратило на себя внимание то обстоятельство, что при попытке отмыть их от земли на воде оставались расплывающиеся радужные пятна. «По горячим следам» не удалось опреде-

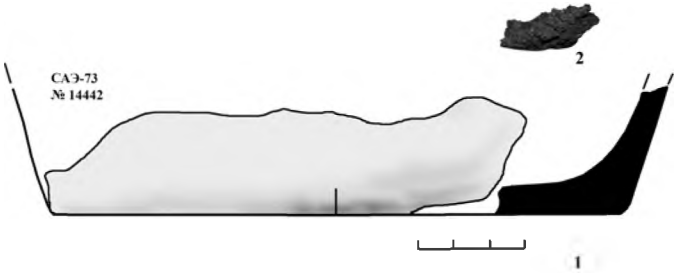

Рис. 1. Фрагмент днища сосуда с темно-серым веществом внутри (рис. 1: *1*) и затвердевший кусок этого вещества (рис. 1: *2*), повторяющий контуры сосуда
Fig. 1. Fragment of a vessel bottom from Staraya Ladoga with a dark grey substance inside *1* and a solidified piece of the substance *2* preserving the outlines of the vessel

лить состав этого вещества[2]. В настоящее время благодаря появлению новых средств и методов исследования необходимый анализ был проведен.

1. Аналитические исследования

Исследование методом электронной микроскопии с элементным анализом было выполнено на сканирующем электронном микроскопе Hitachi TM 3000 (Япония) с зондовым элементным анализом (энергодисперсионный анализатор Bruker Nano, Германия), напряжение на катоде 15 кВ.

Исследование методом газожидкостной хроматографии с масс-спектрометрическим детектором (ГЖХ–МС) проведено на комплексе Trace 1310 – ISQ производства Thermo Scientific, США. Условия анализа: ручной ввод 1 мкл; колонка ThermoTG-5MS, длина 30 м, внутренний диаметр 0,25 мм, толщина неподвижной фазы 0,25 мкм; газ-носитель гелий, расход 1 мл/мин, режим постоянного расхода; сканирование по полному ионному току 33–600 Да; задержка на растворитель 4 мин; температура инжектора 200 °С, температура трансферлайна 250 °С, начальная температура колонки 50°С 1,5 мин, подъем температуры со скоростью 10 °С/мин до 280 °С, выдержка при максимальной температуре 15 мин; интегрирование пиков вручную; расчет площадей пиков по методу внутренней нормализации.

Пробоподготовка — экстракция метанолом в ультразвуковой ванне; гидролиз в метанольном растворе соляной кислоты при 80 °С, последующая экстракция гексаном.

Представленное на исследование вещество имело вид твердой, хрупкой, плотной темно-серой массы без выраженной морфологии. Ее исследование начали с электронной микроскопии (рис. 2).

[2] Химики Ленинградского университета, к которым обратился тогда один из авторов, могли определить только элементный состав вещества, что для наших целей было явно недостаточно.

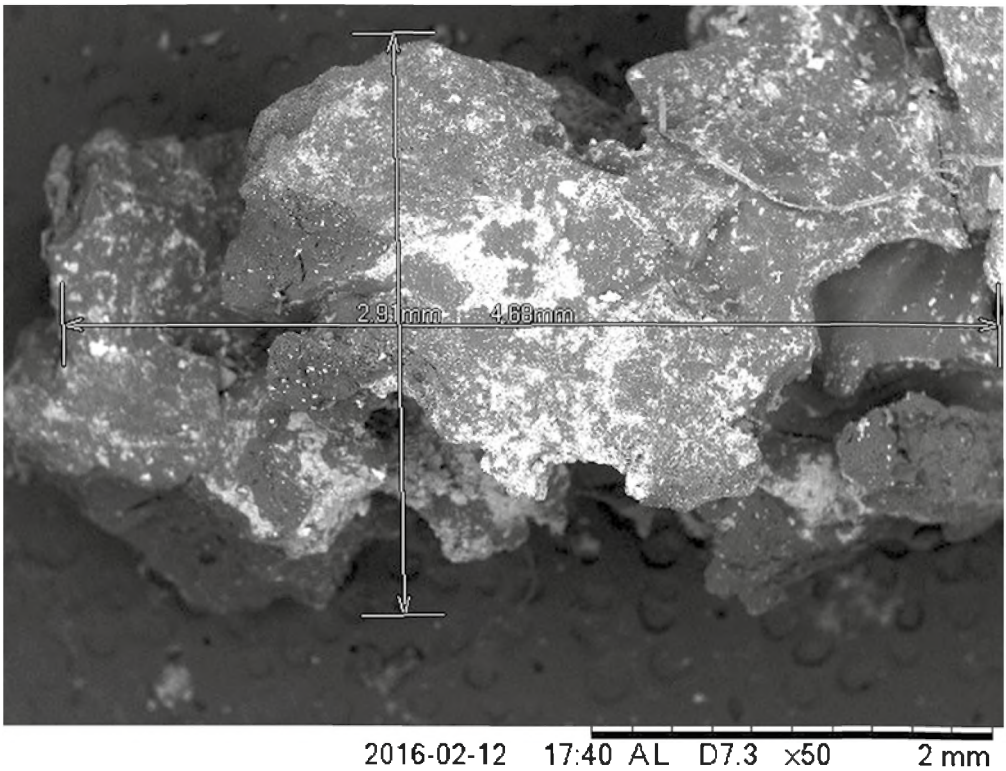

Рис. 2. Внешний вид вещества под электронным микроскопом, увеличение 50×
Fig. 2. Scanning electron microscope image of the substance, magnification 50×

По форме вещества видно, что при заполнении сосуда оно имело жидкую или полужидкую консистенцию, а потом затвердело, сохранив форму сосуда (рис. 1: *2*). До затвердевания вещество обладало высокими адгезивными свойствами, о чем свидетельствует сохранение в его поверхностном слое захваченных им частиц глины сосуда (рис. 2 — см. светлые участки).

Вещество нерастворимо в воде и органических растворителях, его метанольный экстракт имеет светло-желтый цвет (об исследовании этого экстракта см. ниже). После длительного (в течение недели) размачивания в таком сильном растворителе, как диметилформамид, вещество разделилось на смолоподобную субстанцию и упругие нерастворимые частицы, состав и морфологию которых исследовали на электронном микроскопе (рис. 3). Как видно из иллюстрации, эти частицы сохранили клеточную структуру, свойственную растениям, из чего можно сделать вывод, что они имеют растительное происхождение и больше всего напоминают пробковый слой древесной коры.

Кроме частиц с клеточной структурой были обнаружены также минеральные частицы (на иллюстрации видны как более светлые участки) и волокна, судя по их морфологии, растительного происхождения (рис. 4).

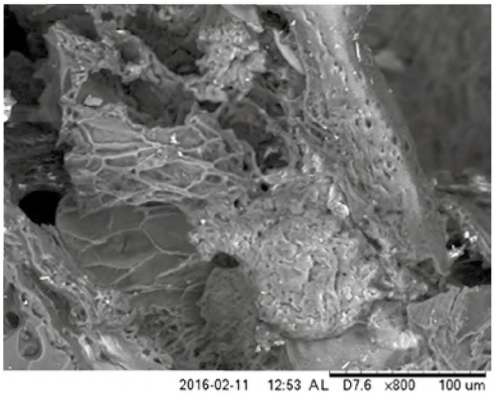

Рис. 3. Внешний вид вещества под электронным микроскопом, увеличение 800×
Fig. 3. Scanning electron microscope image of the substance, magnification 800×

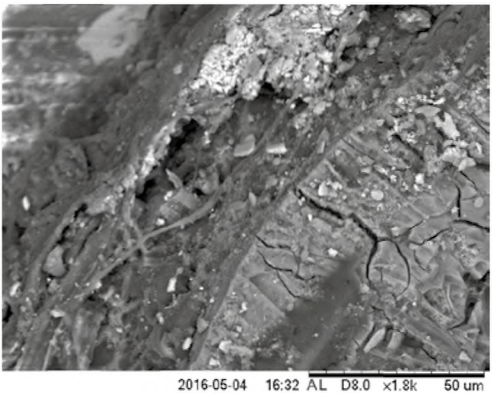

Рис. 4. Внешний вид вещества под электронным микроскопом, увеличение 1800×
Fig. 4. Scanning electron microscope image of the substance, magnification 1800×

Элементный анализ показал, что в состав минеральных частиц входят в основном кальций, сера, кремний и фосфор. Распределение элементов по поверхности вещества показано на рис. 5. Хотя использованным методом конкретную фазу непосредственно определить невозможно, однако можно сделать обоснованное заключение о том, что содержащиеся в составе вещества минеральные частицы являются карбонатом и силикатом кальция, оксидом кремния. Эти соединения являются обычными компонентами горных пород и могли попасть в исследуемое вещество разными способами (целенаправленно, с пылью или с водой при изготовлении, при нахождении в почве и т. п.).

Встречающиеся фрагменты оксида кремния правильной формы (светлый цилиндр в правом нижнем квадранте на рис. 6) могут являться фитолитами

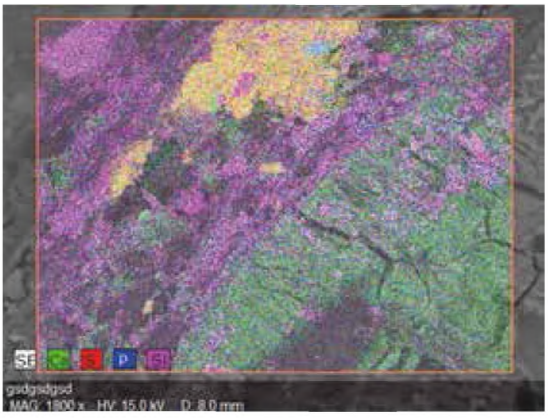

Рис. 5. Тот же участок вещества с распределением элементов по его поверхности
Fig. 5. Distribution of chemical elements over the same area of the substance

Рис. 6. Фрагмент правильной формы, состоящий из оксида кремния, под электронным микроскопом, увеличение 1800×

Fig. 6. Scanning electron microscope image of a silica particle of a regular shape, magnification 1800×

растений (или, что менее вероятно, обломками скелетов радиолярий, т. е. вода для приготовления смеси была взята из открытого водоема, а не колодца или родника).

Наибольший интерес представляют фрагменты, имеющие в своем составе кальций и фосфор. Очевидно, что по химическому составу они являются фосфатом кальция, который в виде минерала встречается редко, но является основной минеральной составляющей костей позвоночных животных. На рис. 7 и 8 хорошо видна локализация фосфора и кальция в одном из таких фрагментов. Стрелка на рис. 7 показывает направление съемки спектра, а пик на рис. 8 соответствует концентрациям фосфора и кальция в спектре. Видно, что концентрации фосфора и кальция изменяются синхронно, а следовательно, частица состоит из фосфата кальция.

Таким образом, можно считать доказанным, что в состав исследуемого вещества входят микроскопические (порядка нескольких микрометров) фрагменты костей позвоночного животного.

Рис. 7. Направление съемки спектра фосфора и кальция в одной из содержащихся в веществе частиц под электронным микроскопом, увеличение 1800×
Fig. 7. Direction of recording of the calcium and phosphorus spectra from a particle of the substance, magnification 1800×

Методом газожидкостной хроматографии сначала был проанализирован метанольный экстракт вещества (рис. 9). Его основными компонентами оказались (здесь и далее за названием вещества в скобках указано время удерживания в минутах) бетулин (36,98) и лупеол (31,71) в весьма незначительной концентрации. Бетулин и лупеол являются терпеновыми углеводородами, содержащимися в белом слое березовой коры (бересте). Продуктов пиролиза бересты (т. е. дегтя) в хроматограмме не обнаружено.

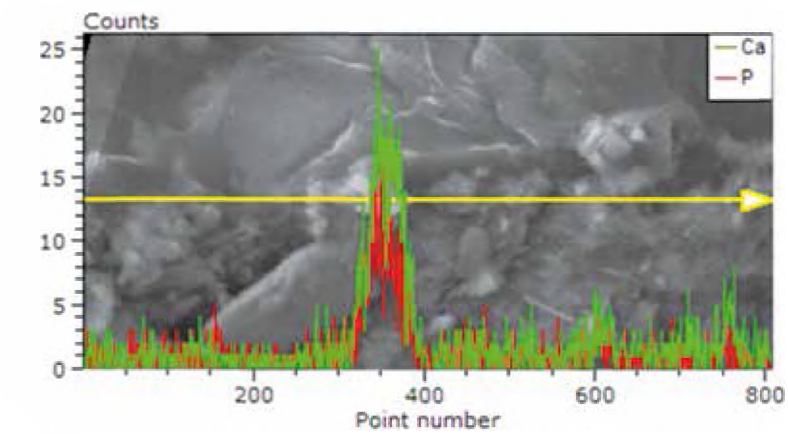

Рис. 8. Изменение концентрации фосфора и кальция по ходу съемки спектра в частице с предыдущей иллюстрации, увеличение 1800×
Fig. 8. Change of the calcium and phosphorus concentration along the fragment specified in the precedent figure, magnification 1800×

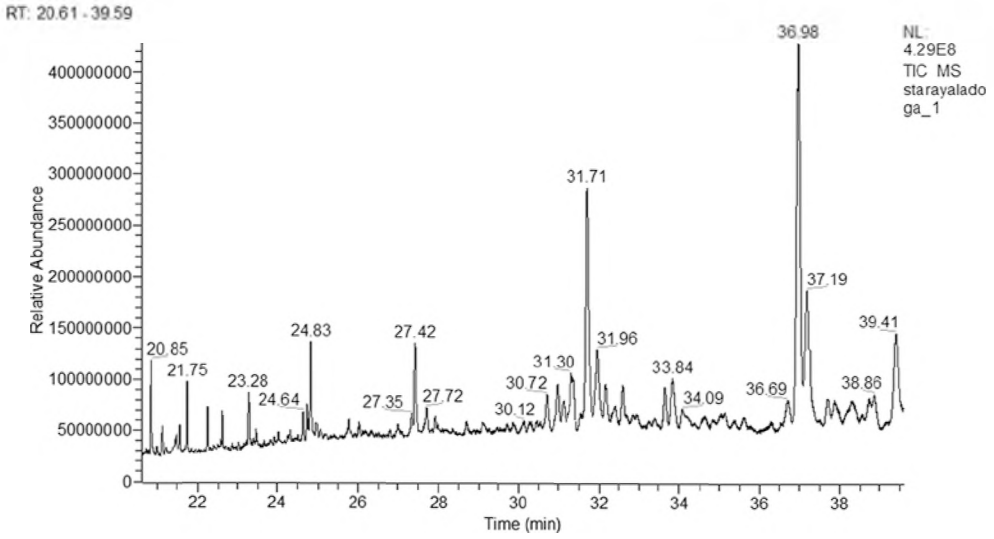

Рис. 9. Фрагмент хроматограммы метанольного экстракта исследуемого вещества
Fig. 9. Part of a chromatogram of the methanol extract of the substance

Других веществ в хроматограмме практически не обнаружено, что свидетельствует либо об их отсутствии, либо, что более вероятно, об их нерастворимости в метаноле. Памятуя о том, что извлеченное из раскопа вещество оставляло на поверхности воды радужные разводы, было выдвинуто предположение, что в состав вещества входят жиры, т. е. сложные эфиры жирных кислот и глицерина. При длительном хранении жиры претерпевают изменения химического состава, приводящие к потере растворимости, однако их жирные кислоты в значительной мере сохраняются. Поэтому проба вещества была подвергнута кислотному метанолизу, т. е. переэтерификации с замещением глицерина на метанол. В результате анализа была получена хроматограмма, приведенная на рис. 10.

Как видно, хроматограмма имеет богатый состав и очень сложна. В ее составе имеется около 700 отдельных пиков, но условиям поиска по библиотеке спектров соответствуют около 240 из них. Практически все они были идентифицированы, однако объем статьи не позволяет привести результаты поиска в полном объеме, поэтому ограничимся их общим описанием и вытекающими из него выводами.

Большинство из обнаруженных веществ оказались жирными кислотами, в меньшей мере длинноцепочечными ацеталями, спиртами и линейными алканами.

Часть жирных кислот (особенно двухосновных) принадлежит собственно бересте, что хорошо видно на рис. 11, на котором приведено наложение хроматограмм продуктов кислотного метанолиза исследуемого вещества и современной

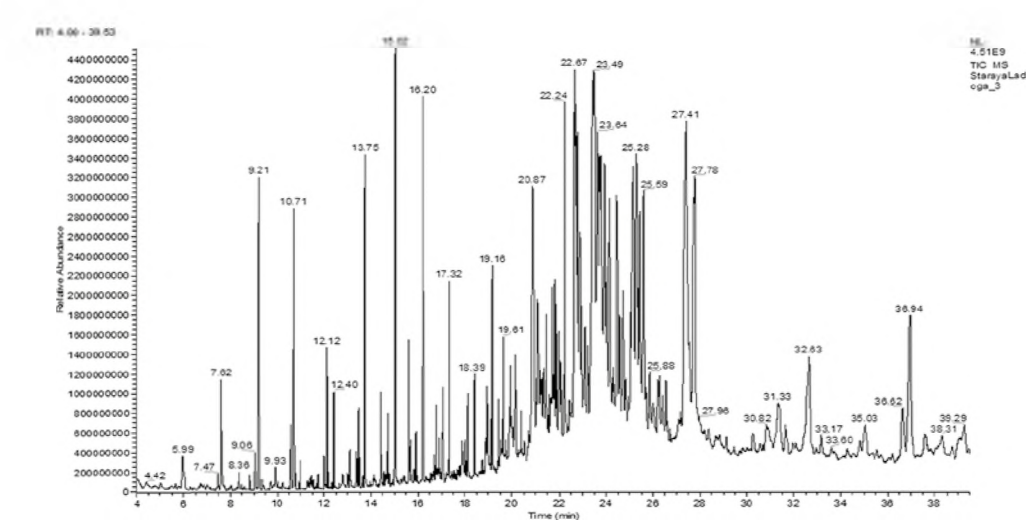

Рис. 10. Хроматограмма исследуемого вещества после кислотного метанолиза
Fig. 10. Chromatogram of the investigated substance after its acid methanolysis

бересты. Надо отметить, что в составе бересты имеются жирные кислоты, которые, согласно литературным данным, содержатся исключительно в определенных лекарственных растениях (например, тапсиевая кислота (24,71) — компонент

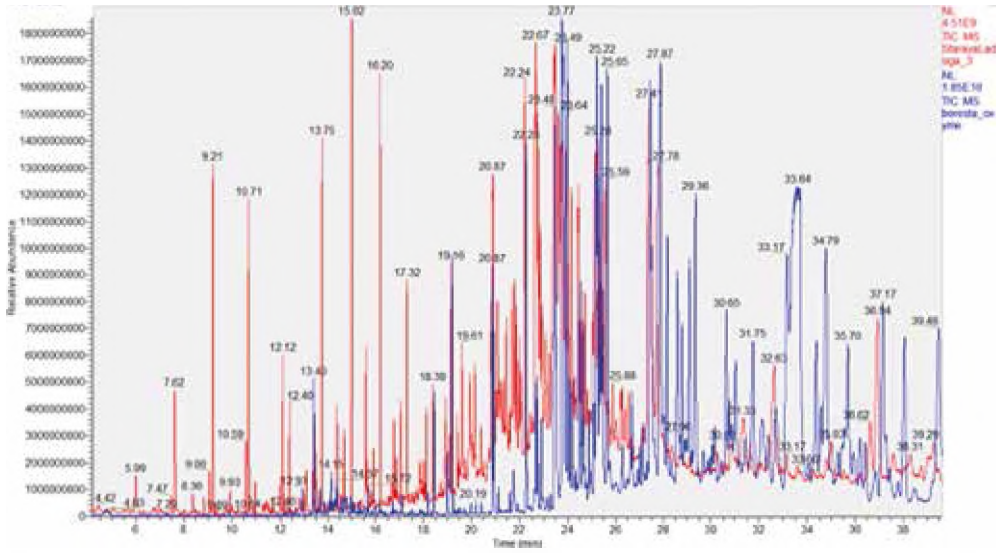

Рис. 11. Наложенные друг на друга хроматограммы продуктов кислотного метанолиза исследуемого вещества и продуктов кислотного метанолиза современной бересты
Fig. 11. Superimposed chromatograms of the products of acid methanolysis of the substance under study and products of acid methanolysis of present-day birchbark

средиземноморского зонтичного «смертельная морковь»). Совпадают на обеих хроматограммах и терпеновые углеводороды бересты — бетулин (32,63), лупеол (31,64), оксаллобетулан (31,33), лупенон (39,29) и некоторые другие.

Другая часть найденных жирных кислот в бересте не содержится. Значительную часть из них представляют ненасыщенные и полиненасыщенные жирные кислоты, а также продукты их деструкции (окисления, циклизации и т. п.). Они содержатся в маслах некоторых растений, но чаще в животных жирах, особенно в жире холодноводных рыб. Здесь особенный интерес представляет нервоновая кислота (30,26), которая содержится в мозговой ткани теплокровных и в жире лососевых рыб.

На присутствие компонентов животного происхождения указывает и достаточно определенное присутствие половых гормонов стероидного строения (26,01), точная идентификация которых в рамках примененного метода затруднена.

Кроме того, обнаружен астаксантин (33,60), который придает розовую окраску мясу лососевых рыб.

Следует отметить также достоверное наличие метилового эфира жасмоновой кислоты (17,51), который является фактором собственной защиты живых растений и в бересте, как в мертвой ткани, не содержится.

Некоторые из обнаруженных жирных кислот в бересте не содержатся, а, по литературным данным, входят в состав растений из Юго-Восточной Азии и Индии, однако, вероятнее всего, в растениях умеренных регионов они просто ранее не были найдены.

Таким образом, исследование методом ГЖХ–МС свидельствует о том, что в состав представленного вещества входят:

- белый наружный слой березовой коры (береста);
- компоненты живого растения (растений), возможно — растительное масло;
- жир (или же мясо либо половые продукты) позвоночного животного, весьма вероятно — лососевых рыб.

Объединив данные электронной микроскопии, рентгеноспектрального элементного микроанализа и ГЖХ–МС, можно сделать вывод, что представленное на исследование вещество представляет собой массу, первоначально имевшую жидкую или полужидкую консистенцию и состоявшую в основном из порошка бересты, других растительных компонентов (из живого растения), а также компонентов животного происхождения (жир, мясо либо половые продукты), предположительно — лососевых рыб. Скорее всего, порошок бересты был смешан с отваром мяса (или костей либо половых продуктов) рыбы.

Смесь подобного состава могла быть приготовлена только целенаправленно, поскольку бересту измельчить в порошок весьма непросто. Полезных для человека макроскопических потребительских свойств (например, в качестве клея, краски, шпаклевки и т. п.) она не имеет, однако, весьма вероятно, имеет биологическую активность, обусловленную своим составом. На основании этого можно считать исследованное вещество лекарственным средством, скорее всего, наружного применения (мазью).

2. Археологический контекст

Конечной целью археологического исследования (в идеале, конечно!) является попытка дать историческую интерпретацию фактам, зафиксированным с помощью археологических методов. Особенно это касается периодов, от которых сохранились письменные свидетельства. Задача эта невероятно трудная, далеко не всегда выполнимая. Наш случай не является исключением... Вряд ли когда-то мы сможем достоверно узнать, что произошло в конце X в. в Ладоге на Варяжской улице, кем был лекарь, которому принадлежал горшок с мазью, однако рискуем предложить вниманию читателя небольшой историко-археологический комментарий.

Фрагменты керамики с остатками мази были зафиксированы на глубине 80–120 см от репера (5–6 штыки). По определению автора раскопок В. П. Петренко, это III основной строительный горизонт, порубочные даты бревен из построек которого укладываются в период между 951 и 995 гг. (*Петренко*, 1985. С. 92). В это время в раскопе № 1 на Варяжской улице «градообразующим» сооружением являлась так называемая «большая постройка» (*Там же*. С. 111) (рис. 12). Начав свое функционирование «не ранее периода сложения V строительного горизонта» (*Там же*), она была уничтожена «до начала формирования» застройки II основного горизонта (*Там же*. С. 91), т. е. «окончательно возведена в 60-х гг. X в., а уничтожена, видимо, между 986 и 991 гг.» (*Там же*. С. 113). В. П. Петренко, проведя аналогии между конструктивными

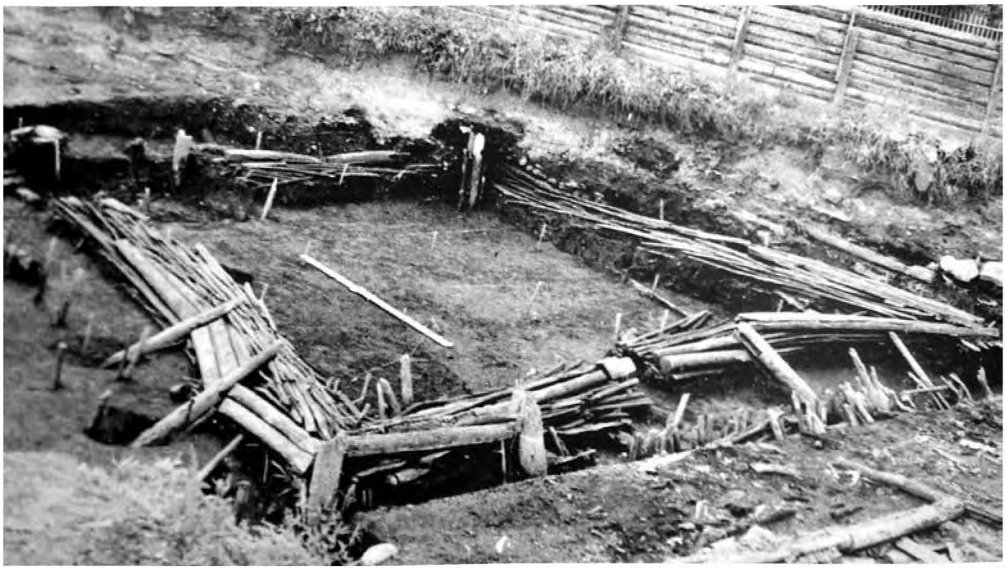

Рис. 12. Общий вид «большой постройки» (нижний ярус) из раскопок В. П. Петренко на Варяжской ул. (по: *Петренко*, 1985. С. 109. Рис. 19)

Fig. 12. Scenery of a "large building" (lower tier) from V. P. Petrenko's excavations on Varyazhskaya Street (after *Petrenko*, 1985. P. 109. Fig. 19)

особенностями ладожской постройки и святилища в Гросс-Радене (Германия), а также с описанным Саксоном Грамматиком языческим храмом в Арконе на о. Рюген, предположил, что т. н. «большая постройка» представляла собой языческое святилище. Этому не противоречит и состав находок: черепа животных (целые и фрагментированные), антропоморфная и зооморфная деревянная скульптура, точеная и долбленая деревянная посуда, подвеска с руническою надписью, шейная гривна с «молоточками Тора» (*Там же*. С. 111–112). С такой интерпретацией этого сооружения согласились и другие исследователи (см., напр.: *Кирпичников, Сарабьянов,* 2013. С. 153; *Конев, Петров,* 2000). Несколько фрагментов интересующей нас керамики были найдены непосредственно в «большой постройке», остальные — за ее пределами (максимальное расстояние по прямой около 9 м) (рис. 13). На наш взгляд, сосуды, несомненно, связаны с этим комплексом, а разброс упомянутых фрагментов маркирует горизонт разрушения последнего.

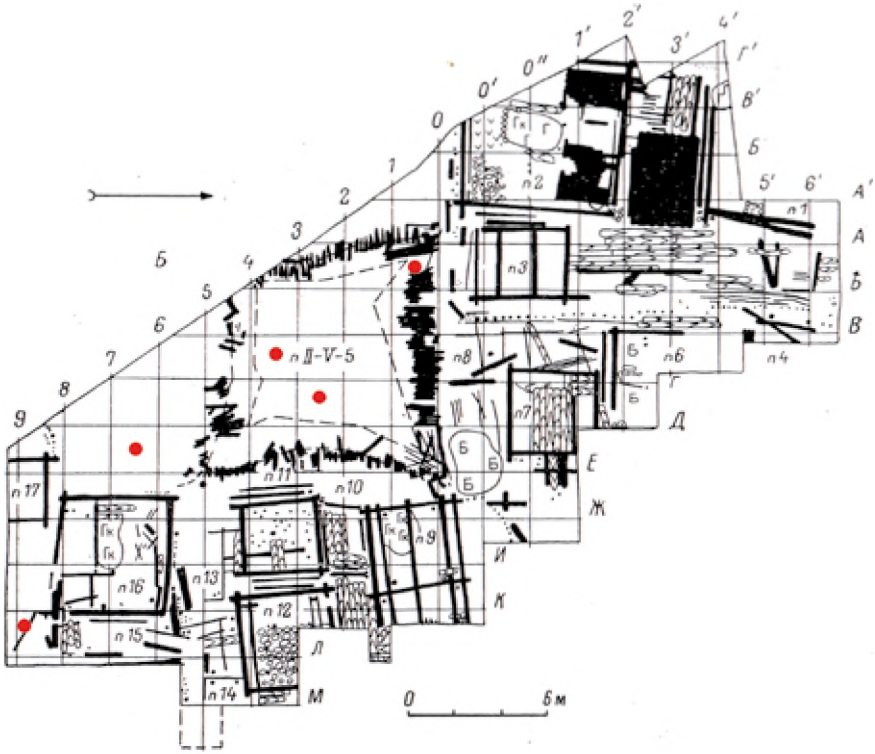

Рис. 13. План III строительного горизонта раскопа на Варяжской ул. с обозначением мест находок фрагментов керамики с темно-серым веществом внутри (а) (по: *Петренко*, 1985. С. 85. Рис. 2; с дополнениями)

Fig. 13. The excavation unit on the Varyazhskaya Street: building level III; (a) the locations of finds of clay sherds containing dark grey substance (after *Petrenko*, 1985. P. 85. Fig. 2; with authors' additions)

Характер открытых конструкций говорит о том, что святилище было разрушено и сожжено целенаправленно (*Петренко,* 1985. С. 107). Многие исследователи связали это событие с насаждением христианства князем Владимиром Святославичем (*Петренко,* 1985. С. 112; *Лебедев,* 1997. С. 11; *Мусин,* 2002. С. 99). Действительно, разрушение святилища в Ладоге происходит практически одновременно с попытками крещения новгородцев Добрыней и Путятой. По мнению исследователей, занимавшихся этой темой и опиравшихся на сведения летописей, археологические находки и данные дендрохронологии, крещение новгородцев происходило примерно в 989–991 гг. (*Янин,* 1983; 1983а; 2008. С. 28–30; *Рапов,* 1988; *Мусин,* 2002. С. 97–98). Ладожское святилище гибнет, как уже говорилось, между 986 и 991 гг.

3. Интерпретация в контексте письменных источников

О медицине этого времени мы достоверно почти ничего не знаем. Только с XI в. с появлением монастырей, в которых велось летописание, переводились и переписывались сочинения византийских греческих и европейских латиноязычных авторов, появляются первые отрывочные свидетельства о «лечцах», которые лечат травами и мазями, умеют делать прижигания и разрезать ткани. Несомненно, что народная медицина на Руси была частью языческой культуры. С принятием христианства за зелейничество, ведовство, чародеяние, волхование предусматривались строгие наказания, вплоть до смертной казни. Однако достижения народной медицины были восприняты христианской культурой и частично дошли до наших дней. Сохранились не только передаваемые в устной форме заговоры об излечении от болезней, но и проверенные временем рецепты.

В одной из исландских саг — Саге о Стурлауге Трудолюбивом — есть сюжет, непосредственно относящийся к нашей теме. Сага записана около 1300 г. неизвестным автором и относится, по существующей классификации, к сагам о древних временах. Эта группа саг среди исследователей долгое время считалась неисторической. Их называли также мифологическими, сказочными, легендарными, фантастическими, лживыми. Однако благодаря исследованиям последних десятилетий, проведенных в том числе и отечественными специалистами, среди которых в первую очередь надо отметить труды Г. В. Глазыриной (а также работы Е. А. Мельниковой, Т. Н. Джаксон, М. В. Панкратовой, Д. А. Мачинского), было доказано, что, несмотря на влияние европейской средневековой литературы — рыцарского романа, агиографических сочинений, Библии, в сагах о древних временах сохранился целый пласт историко-географической информации, отражающий реальность IX–XI вв. на Севере Руси. Г. В. Глазырина отметила, в частности, что в них встречается около 40 топонимов, относящихся к территории Восточной Европы, известных и по другим источникам (*Глазырина,* 1988. С. 230–235).

Д. А. Мачинский и М. В. Панкратова, проанализировав историко-географическую информацию, содержащуюся в сагах о древних временах (Сага о Хальвдане Эйстейнссоне, Сага о Хрольве Пешеходе, Сага о Стурлауге Трудолюбивом) и сравнив ее со сведениями других источников и данными археологии, пришли к аргументированному выводу, что в них сохранилась масса сведений о Северной Руси, относящихся к середине IX — середине X в. (*Мачинский, Панкратова*, 2002. С. 26, 43–45).

Действие саги о Стурлауге Трудолюбивом происходит на территории севера Европы от Норвегии до Бъярмаланда; в ней прослеживается несколько сюжетных линий, объединенных присутствием главного героя — Стурлауга. В данном случае нас интересует сюжет о побратиме Стурлауга Франмаре, который на пиру во время йоля дал обет, *«что он окажется в постели Ингибьёрг, дочери конунга Ингвара на востоке в Гардах, и один раз поцелует ее или умрет»* (цит. по: *Глазырина*, 1996. С. 159).

«...Он готовится теперь к поездке из страны и, отплывая из Свитьода, имел он 60 кораблей. Держит он курс на Аустрвег и грабит во многих странах, и направляет свое войско к Альдейгьюборгу. Там правил конунг Ингвар. Он был мудрым человеком и большим хёвдингом. Его дочь звали Ингибьёрг. Внешностью она была красивее любой женщины, быстра умом, хороший лекарь. Многие люди обращались к ней [за помощью]». Далее рассказывается, как Франмар сватается к Ингибьёрг, называя себя сначала другим именем, потом, с помощью колдунов наведя на себя проказу *(«так, что от пяток до шеи у него ничего не было, кроме струпьев»)*, приходит просить о помощи, но она всегда раскрывает его хитрости. И когда выполнение обета ставится под угрозу, Франмар встречает своего побратима Гуторма. *«Видит он, что навстречу ему идет человек высокого роста и держит обе руки у живота. Он был в кольчуге и шлем на голове, а перевязь висела прямо на груди... Франмар спрашивает, откуда он идет. Тот сказал, что сражался с викингом Снэколем и потерял там и людей, и богатство, а сам вплавь ушел. "А как далеко еще до домика дочери конунга?" Франмар говорит: "Туда день пути". "Это очень далеко", — говорит Гуторм. Франмар говорит: "Как долго ты идёшь?" Тот говорит: "Два дня до того, как мы встретились"»*. Франмар провожает своего побратима до домика дочери конунга, а сам уходит. *«Смотрит дочь конунга на этого убогого человека и видит, что он так изранен, что наружу висели его внутренности... После этого несут они его в домик. У дочери конунга была небольшая больница, где было приятно находиться [и ощущать] женскую ласку и сострадание. Он пробыл в больнице некоторое время. О нем хорошо заботились. Дочь конунга подолгу была возле него и умело лечила его»* (цит. по: *Глазырина*, 1996. С. 165–169).

Г. В. Глазырина, комментируя этот сюжет саги о Стурлауге Трудолюбивом, предположила, что упоминаемый конунг Ингвар из Гардов — это князь Игорь (875(877?)–945 гг.), сын Рюрика[3]. Исследовательница отметила, что в тексте

[3] Если принять такое предположение (ср.: *Джаксон,* О скандинавских браках... Сн. 1), то получается, что здесь мы встречаем единственное прямое упоминание о дочери князя Игоря, т. к. по летописи достоверно известен только сын Игоря и Ольги Святослав (по косвенным данным исследователями реконструируются как дети Игоря еще Глеб и Володислав, см., напр.: *Татищев,* 1963. С. 306; *Стрельников,* 1997; ср.: *Бе-*

употребляется в наименовании Руси древнейшая форма топонима — Garđar. Это, по ее мнению, говорит об использовании автором лексики из более раннего источника или о стремлении подчеркнуть древность описываемых событий (*Там же*. С. 188–189). Включение в портретное описание дочери конунга сочетания «хороший лекарь» нетипично для древнеисландских саг, поэтому тоже обращает на себя внимание (*Там же*. С. 190–191).

Тот факт, что Гуторм в кольчуге и шлеме, с перевязью на груди, будучи тяжело раненным, три дня идет за врачебной помощью именно в Альдейгьюборг, может быть напрямую сопоставлено с нашей находкой. Известно, что еще в середине прошлого века в карельских деревнях использовали для лечения ран и ожогов мелкотолченую бересту (или пепел от нее), смешанную с однодневными сливками (*Иванова,* 2012. С. 72). В лечебнике, хранящемся в Российской национальной библиотеке (шифр Q VI 29 гл. 523), говорится: «Если хочешь, чтобы мясо гнилое из язвы выело, то толченую березовую кору надо всыпать в рану гнилую» (цит. по: *Богоявленский,* 1960. С. 57). В настоящее время в Интернете широко рекламируется лекарство, приготовленное на основе коры березы, — бетулин (от лат. Betula — береза). Открытие бетулина (1788 г.) приписывается российскому химику Иоганну Тобиасу Ловицу — сподвижнику М. В. Ломоносова. Авторы Википедии восторженно заявляют об антиоксидантном, противоопухолевом, гепатопротекторном, противовирусном, иммуностимулирующем, гипохолестеринемическом и других полезных свойствах бетулина (см., напр. https://ru.wikipedia.org/wiki/Бетулин). Название одной из статей — «Лекарство от смерти» — говорит само за себя. Не умаляя заслуг современных фармакологов, стоит отметить, что находка в Ладоге древнего лекарственного средства как нельзя лучше подтверждает поговорку: «Новое — это хорошо забытое старое».

На наш взгляд, есть основания предполагать, что ладожское языческое святилище, где не только отправляли культы, но и лечили раненых и недужных, было достаточно известно в эпоху викингов. Вероятно, молва о нем распространялась по всему Аустрвегу и через тех, кто ходил в восточные походы, или их потомков дошла до Исландии, где впоследствии таким причудливым образом трансформировалась в один из сюжетов саг о древних временах.

Благодарности. Мы выражаем глубокую благодарность сотрудникам Военно-медицинского музея МО РФ Д. А. Журавлёву, И. П. Козырину, Е. Ф. Малышевой и завкафедрой фармакологии Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова П. Д. Шабанову за консультации. Мы также искренне признательны научн. сотр. Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН Л. И. Ивановой за подробную консультацию.

лецкий, 2001). Впрочем, существует и другое мнение, отождествляющее Ингибьёрг данного сюжета с женой ярла Рёгнвальда — наместника Ладожского ярлства, прибывшего на Русь в составе свиты Ингигерд, жены Ярослава Мудрого (*Мачинский, Панкратова,* 2002. С. 26–27).

Литература

Белецкий С. В. Кто такой *Володислав* договора 944 г. // Норна у источника судьбы: Сб. ст. в честь Е. А. Мельниковой / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. М.: Индрик, 2001. С. 16–23.

Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М.: Медгиз, 1960.

Глазырина Г. В. География Восточной Европы в сагах о древних временах // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1988. С. 229–235.

Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты, перевод, комментарий // Древнейшие источники по истории Восточной Европы / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: НИЦ «Ладомир», 1996. 237 с.

Джаксон Т. Н. О скандинавских браках Ярослава Мудрого и его потомков. URL: http://ulfdalir.narod.ru/literature/articles/marriage.htm (дата обращения 20.09.2017 г.)

Иванова Л. И. Лесной нос: архаические представления карелов о болезни и магические локусы ритуала исцеления // Труды Карельского научного центра РАН. Вып. 4. Петрозаводск, 2012. С. 68–73.

Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб.: Славия, 2013. 216 с.

Конев А. Н., Петров Н. И. К интерпретации «большой постройки» II–V-2 из раскопок на Варяжской улице в Старой Ладоге // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы тематической научной конференции. СПб. 14–17 ноября 2000 г. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 114–117.

Лебедев Г. С. В. П. Петренко и его место в исследовании Старой Ладоги // Дивинец Староладожский: междисциплинарные исследования / Отв. ред. Г. С. Лебедев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 5–14.

Мачинский Д. А., Панкратова М. В. Северная Русь и саги о древних временах // Европа и Азия: проблемы этнокультурных контактов / Отв. ред. Г. С. Лебедев. СПб., 2002. С. 23–46.

Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 269 с. (Труды ИИМК РАН, т. V).

Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука, 1985. С. 81–116.

Рапов О. М. О времени и обстоятельствах крещения населения Новгорода Великого // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1988. Вып. 3. С. 51–65.

Стрельников В. А. Наследники Рюрика в Ладоге до середины X в. // Дивинец Староладожский: междисциплинарные исследования / Отв. ред. Г. С. Лебедев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 138–144.

Татищев В. Н. История Российская. М., 1963. Т. 2.

Янин В. Л. Как и когда крестили новгородцев // Наука и религия. 1983. № 11. С. 28–31.

Янин В. Л. День десятого века // Знание — сила. 1983а. № 3. С. 15–18.

Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, URL: 2008. https://ru.wikipedia.org/wiki/Бетулин (дата обращения 12.11.2016).

Городище на Втырке

Е. Р. Михайлова (*СПбГУ*)

Резюме. Один из важнейших источников для изучения социальной структуры древних обществ — материалы раскопок городищ. Настоящая статья вводит в научный оборот результаты разведочных раскопок 2014 г. на городище Втырка (Пиллово-2) в западной части Ленинградской области. Городище расположено на отроге т. н. Ижорского плато, с двух сторон омываемого узкими речками — притоками второго порядка реки Луги. В плане форма площадки близка к неправильному пятиугольнику, с северной напольной стороны городище защищено валом и рвом. Площадь городища невелика — всего около 1400 кв. м (рис. 1).

Разведочный раскоп 2014 г. представлял собой траншею, заложенную параллельно валу городища (рис. 2, 3). Раскопки выявили два основных периода в истории заселения площадки городища (рис. 8). Первый из них, вероятно, следует датировать первыми веками нашей эры; с ним связан предматериковый слой светлой супеси, в котором расчищено несколько каменных сложений (рис. 7), собраны фрагменты сетчатой и штрихованной керамики, бронзовые пронизки, неопределенный железный предмет, а также осколки полированных сланцевых орудий (рис. 6: *8–11*). Не исключено, что к северу от поселения существовал могильник, позднее уничтоженный при сооружении оборонительного вала.

Второй период жизни на городище относится к эпохе викингов и представлен стратифицированным культурным слоем, в котором прослежено, в частности, четыре прослойки угля и сажи. Найденные предметы разнообразны, наиболее поздние из них датируются X — нач. XI в. (рис. 4–6). Керамика из верхних слоев (рис. 9, 10) находит ближайшие аналогии на территории Эстонии и на отдельных более восточных памятниках, например на каменном могильнике Северик близ Пскова (рис. 11). Отдельные фрагменты древнерусской круговой керамики XII в., вероятно, связаны с расположенным поблизости средневековым селищем.

Summary. The data from hillforts excavations is the important source for studying social structure of prehistoric societies. This article introduces into scientific circulation the results of the exploratory excavations 2014 at the Vtyrka hillfort (Pillovo-2) in the western part of the Leningrad region. The hillfort is located on the spur of the Izhora Plateau, which is surrounded on both sides by narrow rivers — second order tributaries of the Luga River. The site has the form an irregular pentagon, the fort was been protected by a rampart and a moat on the north side. The area of the site is small, only about 1400 square meters (fig. 1).

Exploration excavation in 2014 was a trench, laid parallel to the rampart (fig. 2, 3). Excavations revealed two main periods in the history of settlement (fig. 8). The first of these probably should be dated to the first centuries of our era; with it is connected the layer of light sandy soil on the basic earth, in which a few stone structures have been cleared (fig. 7), textile-impressed and scratched ceramics, bronze beads, an iron object, as well as fragments of polished slate tools were collected here. (fig. 6: *8–11*). It is not unlikely that there was a burial ground to the north of the settlement, later destroyed during the construction of a defensive rampart.

The second period of life at the site belongs to the Viking Age and is represented by a stratified cultural layer, in which, in particular, four layers of coal and soot were traced.

The found objects are diverse, the latest of them are dated to the 10th — beginning 11th century (fig. 4–6). Ceramics from the upper layers (fig. 9, 10) has the closest analogies in Estonia and on some more eastern sites, for example, on the stone graveyard Severik near Pskov (fig. 11). The isolated fragments of medieval wheel-made ceramics of the 12th century (fig. 12) were connected probably with a nearby medieval settlement.

Ключевые слова: городище, Ижорское плато, римское время, раннее Средневековье, эпоха викингов, Эстония.

Key-words: hillfort, Izhora Plateau, Roman period, Early Middle Ages, the Viking Age, Estonia.

1. Вводные замечания

Один из важнейших источников для изучения социальной структуры древних обществ — материалы раскопок городищ. Сведения об их фортификации, топографии, положении среди неукрепленных поселений, особенностях материальной культуры содержат ценнейшую историческую информацию. Настоящая статья вводит в научный оборот результаты разведочных раскопок 2014 г. на городище Втырка (Пиллово-2). Некоторые предварительные данные об этом памятнике опубликованы (см.: *Михайлова*, 2015а; *Михайлова, Стасюк, Федоров*, 2016).

2. Общая характеристика памятника

Городище Втырка расположено на оконечности одного из юго-западных отрогов Ижорского плато, образованного долинами речек Кихтолки и Втырки (притоков р. Солки, впадающей в Лугу) и обращенного к обширной Лужско-Нарвской низменности, в 2 км к югу от деревни Пиллово (*водск.* Pihlala) Кингисеппского района Ленинградской области. Местные названия урочища — «Втырка», «Гора Колпак».

Впервые городище было зафиксировано А. В. Смирновым в 2006 г. (*Смирнов*, 2006). В 2009 г. оно было осмотрено А. Крийска, а в 2010–2011 гг. подробно обследовано И. А. Фёдоровым, который подготовил пакет документов для постановки на государственный учет и охрану (*Фёдоров*, 2012).

Мысовое городище расположено на конце изогнутой гряды, в целом тянущейся в направлении юго-запад — северо-восток. Абсолютные высоты поверхности гряды падают в юго-западном направлении, так что площадка городища расположена ниже основной части гряды, занятой селищем Пиллово-3 (рис. 1). Со стороны мыса площадка городища возвышается над уровнем воды на 8 м. Ограничивающие мыс реки Кихтолка и Втырка текут по дну хорошо разрабо-

танных долин глубиной до 8–10 м, хотя сами речки бо́льшую часть времени года мелкие и узкие. Склоны городища, обращенные к обеим рекам, крутые, эскарпированные.

В плане форма площадки близка к неправильному удлиненному пятиугольнику, с северной напольной стороны городище защищено валом и рвом. Высота вытянутого в направлении запад — восток вала достигает 4–4,5 м (считая от дна рва), протяженность — около 30 м. Перепад высот от вершины вала до центральной части площадки городища составляет около 2,5 м, южный склон вала сильно оплыл. Внешний, северный, склон вала, по-видимому, сохранил свою первоначальную крутизну (ок. 45°); на участках с нарушенным дерном заметны следы облицовки внешнего склона обломками местного известняка.

Общая площадь городища (включая поверхность вала) составляет около 1400 кв. м, расстояние от вершины вала до оконечности городища у стрелки Кихтолки и Втырки — 60 м, ширина площадки в центральной части около 25 м. На западном склоне прослеживается ложбина, тянущаяся по всему склону к берегу Втырки, — вероятно, остатки всхода на городище. Площадка городища и внешняя сторона вала густо поросли смешанным лесом и кустарником. С напольной стороны вплотную к территории городища, на гряде расположено распахиваемое поле; у основания гряды, по берегам обеих рек — заливные луга.

На поле за валом городища И. А. Фёдоров в 2011 г. обнаружил средневековое селище, получившее обозначение Пиллово-3 (см. рис. 1). Оно расположено на плоской вершине той же гряды и находится несколько выше городищенской площадки, в 150 м к северо-востоку от нее. Подъемный материал с селища представлен керамикой XII–XIX вв., шлаками, крицей, найден также медный нательный крест XVIII в. Площадь селища составляет около 2,5 га. Культурный слой — темно-серая гумусированная супесь мощностью до 0,35 м, нарушенная многолетней распашкой, — отчетливо выделяется на распахиваемом поле.

Рис. 1. Общий топографический план городища и селища у д. Пиллово. Съемка А. В. Бехтера и И. А. Фёдорова (2011 г.). Горизонтали проведены через 0,5 м

Fig. 1. The general topographic plan of the settlements near the Pillovo village. Topographic survey by A. V. Bekhter and I. A. Fyodorov (2011). The horizontal lines drawn through 0.5 m

В самой деревне Пиллово, на ее западной окраине, близ часовни, известен средневековый курганный могильник (Пиллово-1). В 1885 г. Л. К. Ивановский раскопал здесь не менее 29 курганов с немногочисленными и невыразительными находками, а в 1973 г. Е. А. Рябинин отметил здесь три курганные насыпи высотой 0,2–0,3 и диаметром 4–5 м (*Спицын*, 1896. С. 101; *Рябинин*, 1976. С. 211. Рис. 1).

Приблизительно в 1 км к юго-востоку от д. Пиллово расположен культовый комплекс, включающий в себя недавно построенную над почитаемым источником деревянную часовню Почаевской иконы Божией Матери, рубленую деревянную купель и камень-следовик, о котором бытуют благочестивые легенды. В 1998 г. этот комплекс, в то время состоявший из камня-следовика и родника в развалинах каменной часовни, обследовала В. Б. Панченко, зафиксировавшая его как почитаемое место в 100 м к югу от пос. Георгиевский (*Панченко*, 2000. С. 54). Датировать такие объекты как камни-следовики затруднительно, но по крайней мере часть их представляет собой культовые объекты эпохи раннего Средневековья или даже более раннего времени.

Известен также ряд случайных находок древних артефактов из ближайших окрестностей городища (*Сорокин, Юшкова*, 2014).

3. Разведочный раскоп 2014 г.

Разведочные раскопки на городище Втырка были проведены в сентябре 2014 г. в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 гг.)».

Место хорошо известно кладоискателям и активно посещается ими. Ко времени проведения работ городищенская площадка была почти сплошь изрыта грабительскими разрытиями, местами неоднократно накладывавшимися друг на друга и прорезавшими культурный слой до материка и глубже, что сильно осложняло выбор места для закладки раскопа, в котором требовалось получить полный стратиграфический разрез культурного слоя. В результате раскоп был заложен в северной части площадки, приблизительно параллельно валу, в месте, где, по аналогии с материалами других средневековых городищ, можно было ожидать обнаружения построек (рис. 2).

Раскоп представлял собой вытянутую с запад на восток траншею размерами 16 × 4 м, на центральную часть которой пришлось крупное разрытие. В процессе раскопок выяснилось, что объемы кладоискательских «раскопок» гораздо больше, чем можно было предположить при визуальном осмотре: разрушенный культурный слой оказался несколько раз переотложен и покрыт вновь сформировавшимся дерном, так что подлинные размеры перекопов до начала земляных работ установить было невозможно. Тем не менее, общую стратиграфическую картину удалось проследить (рис. 3).

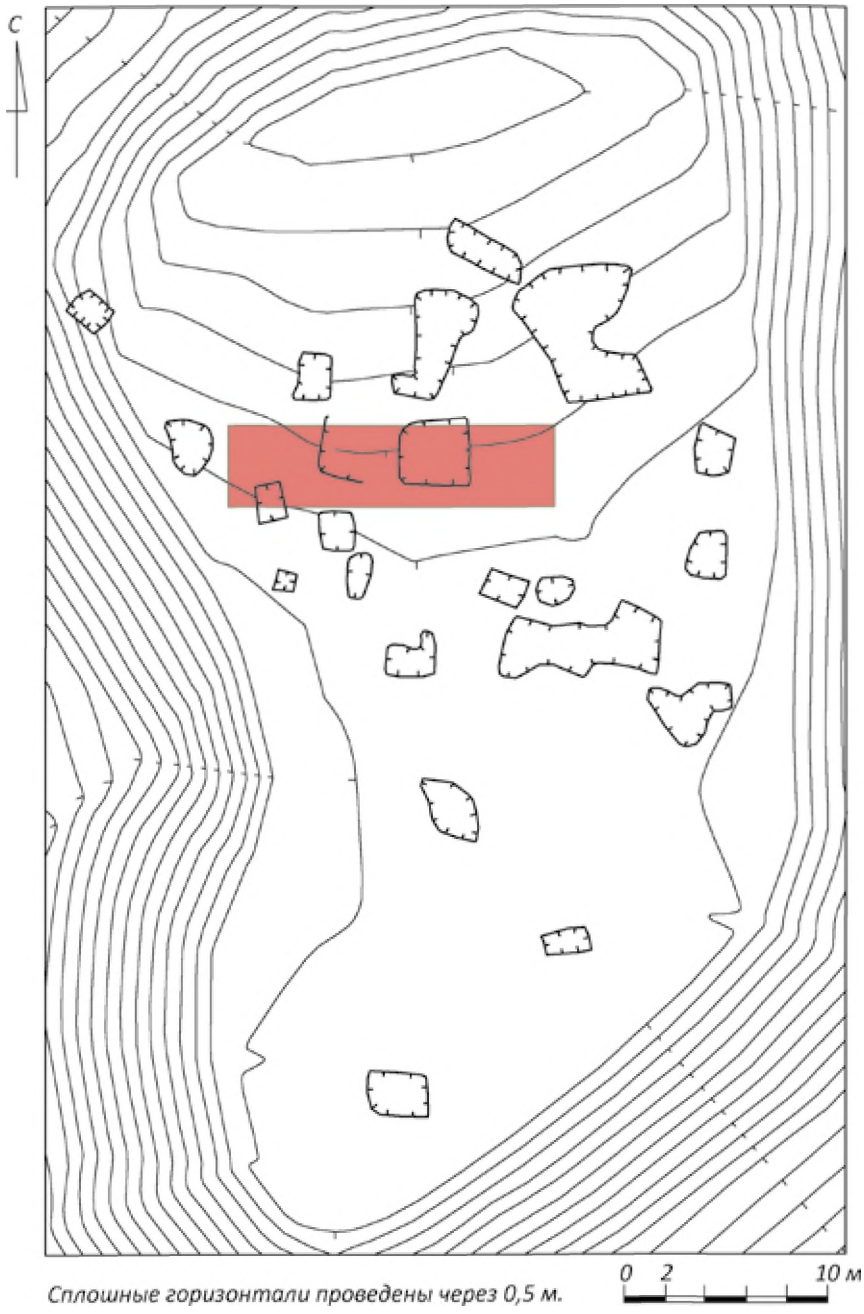

Рис. 2. Городище Втырка (Пиллово-2). Схематический план площадки с обозначением раскопа 2014 г. (красным цветом) и контуров наиболее крупных разрытий
Fig. 2. The hillfort of Vtyrka (Pillovo-2). Schematic plan of the site with the designation of the excavation in 2014 (red) and the contours of the largest predatory pits

Рис. 3. Городище Втырка (Пиллово-2). Фотофиксация стенок раскопа (накидной монтаж): 1 — северная стенка; 2 — южная стенка
Fig. 3. The hillfort of Vtyrka (Pillovo-2). The sides of the excavation: 1 — the northern side; 2 — the southern side

4. Выявленные стратиграфические слои и комплексы

Верхний переотложенный слой. Под «верхним переотложенным слоем» подразумевается слой отвала из грабительских перекопов, частично засыпавший сами перекопы, а частично лежавший на их краях. Он представлял собой мешаную очень рыхлую гумусированную супесь темного коричнево-серого цвета с многочисленными обломками веток и камнями. Общая мощность переотложенного слоя в границах раскопа колебалась в пределах от 0,7 до 1,6 м, в центральной части раскопа перекоп дошел до материка. В стенках раскопа и бровках отчетливо прослеживалась многократность перекопов. На отдельных участках разновременные массивы переотложенного культурного слоя разделялись участками вполне сформированного дерна, а в разрезе можно было наблюдать тонкие линзы выброшенного вверх углистого гумуса и материкового песка.

В верхнем слое были собраны многочисленные фрагменты керамики, в целом аналогичной керамике из нижележащих непотревоженных напластований. Индивидуальные находки разновременны и хорошо иллюстрируют перемешанность материала: обломки каменных оселков и железных предметов, фрагмент бронзового узкого браслета с зооморфными концами, небольшое шлифованное сланцевое тесло с заполированным рабочим краем, широкий железный пинцет (рис. 4: *1–4*).

Слой серой сухой супеси — верхний из непотревоженных слоев. Это сухая сыпучая супесь серого цвета, пронизанная многочисленными мелкими корнями, мощностью в пределах раскопа от 0,5–0,6 до 1,0–1,1 м. Слой очень беден

Рис. 4. Городище Втырка (Пиллово-2). Находки из верхнего перемешанного слоя (*1–4*), верхней углистой прослойки (*5, 6*), горизонта камней в темной супеси (*7–20*).
1 — камень; 2, 4, 5, 10, 13, 19, 20 — железо; 3, 6, 7–9, 11, 12, 16–18 — бронза; 14, 15 — стекло

Fig. 4. The hillfort of Vtyrka (Pillovo-2). Finds from the upper mixed layer (*1–4*), the upper layer of coal and soot (*5, 6*), the horizon of the stones in the dark sandy loam (*7–20*).
1 — stone; 2, 4, 5, 10, 13, 19, 20 — iron; 3, 6, 7–9, 11, 12, 16–18 — bronze; 14, 15 — glass

находками: фрагменты керамики в нем малочисленны, а из индивидуальных находок встречен только обломок железного предмета — по всей вероятности, черенок ножа. Можно предположить, что слой серой супеси образовался в результате постепенного оползания вала на площадку городища, тем более что на участках вала с нарушенной поверхностью заметно, что вал состоит из аналогичной супеси и крупного песка.

Верхняя углистая прослойка. Значительная по толщине (2–6 см) прослойка угля и сажи залегала по всей площади раскопа, за исключением разрушенных участков. Керамика, собранная при разборе прослойки, часто несет на себе следы сильно вторичного обжига; среди собранных здесь костей встречаются кальцинированные (на нескольких заметны зеленые пятна окислов меди). В верхней углистой прослойке были найдены фрагмент каменного оселка, маленький обожженный фрагмент орнаментированного костяного изделия (возможно, гребня), пронизка-трубочка из бронзового листа, черенок железного орудия (рис. 4: *5, 6*).

Стратиграфически верхней углистой прослойке соответствует яма 1, уходившая в восточную стенку раскопа, прорезавшая лежащие ниже слои и заглубленная в материк. Поперечник ямы в пределах раскопа — около 1 м, глубина достигала 0,55 м. Яма была заполнена камнями вперемежку с сажей и углистым гумусом, в заполнении собраны фрагменты костей (в том числе кальцинированные) и лепной керамики.

Горизонт камней в темной супеси залегал непосредственно под верхней углистой прослойкой. Это единый стратиграфический горизонт, прослеживавшийся практически по всей площади раскопа. Слой темно-серой плотной гумусированной супеси, вмещавший камни, имел мощность от 10 до 30 см. Многочисленные камни покоились в этом слое довольно плотно, но беспорядочно; среди камней абсолютно преобладали горизонтально лежащие обломки местного плитняка, встречались отдельные гранитные булыжники (в том числе обожженные). Расчищенная поверхность горизонта камней оказалась практически горизонтальна. Очень похоже, что перед нами результат каких-то работ по общей нивелировке территории и благоустройству площадки близ вала.

Находки из горизонта камней многочисленны, как массовые, так и индивидуальные. Обращает на себя внимание большой процент керамики со следами вторичного обжига, в том числе ошлакованной до состояния керамической «пены». Среди собранных в этом горизонте фрагментов костей — большое количество кальцинированных, на некоторых из них заметны характерные зеленые пятна окислов меди. Помимо разнообразной лепной раннесредневековой керамики здесь встречены единичные фрагменты древнерусских круговых сосудов, а также мелкие фрагменты с сетчатой и штрихованной поверхностью.

В горизонте камней были найдены бронзовые спиральные пронизки, длинная цилиндрическая пронизка-трубочка из тонкого бронзового листа, бронзовая коническая колоколовидная привеска, миниатюрное колечко из тонкой бронзовой проволоки, железная булавка с овальным плоским навершием

со сквозным отверстием, покрытый темно-красной окалиной небольшой железный нож, небольшая железная заклепка, поковки и обломки неопределенных предметов из железа, осколки каменных оселков, кованый железный гвоздь, половинка почти кубической с мягкими гранями бусины из прозрачного голубого стекла, маленький осколок стеклянной бусины с накладным полихромным декором, фрагмент железной цепи из восьмерковидных звеньев (рис. 4: *6–10, 12–20*). Интересна также находка согнутой бронзовой пластинки с отверстием: внутри нее лежал осколок кальцинированной кости (рис. 4: *11*).

Кроме того, в горизонте камней были найдены семь железных наконечников стрел (рис. 5: *1–3, 6–9*). Практически все они были сосредоточены в северо-западной части раскопа, в пределах одного квадрата Б-0 (еще один наконечник был найден в соседнем квадрате А-0 и один — в северо-восточном углу раскопа).

Углистая прослойка ниже горизонта камней. В западной части раскопа ниже горизонта камней в темной супеси была прослежена еще одна тонкая прослойка интенсивно-черного песка, насыщенного сажей и угольками, мощностью 2–5 см. Прослойка сохранилась в виде отдельных линз, непосредственно подстилающих горизонт темной супеси с камнями. В ней собраны немногочисленные фрагменты лепной керамики, а также обломок сланцевого оселка и узкая пластинчатая скобочка из посеребренной бронзы (рис. 6: *1*).

Желтовато-серая темная супесь. Ниже горизонта камней в темной супеси и подстилающей его углистой прослойки практически по всей площади раскопа, выклиниваясь к западному краю, был распространен слой темной гумусированной супеси желтовато-серого оттенка мощностью от 5 до 30–40 см. В отличие от горизонта камней в темной супеси, довольно ровного и производящего впечатление нивелирующей конструкции, слой темной желтовато-серой супеси имел неровные поверхности. Его нижняя граница отчетливо показывала наличие небольших по размеру и неглубоких ям, впущенных с этого слоя и заполненных им же.

Здесь встречены разрозненные камни (в том числе обожженные), фрагменты глиняной обмазки, железные шлаки, обломки костей животных и кальцинированные кости, многочисленные фрагменты лепной керамики, а также единичные черепки круговой древнерусской посуды. Индивидуальные находки довольно многочисленны: небольшая железная заклепка, узкая бронзовая пластинчатая скобочка, железное клиновидное зубило, железные черешковые наконечники стрел и сильно оплавленные фрагменты женских украшений: слиток синего прозрачного стекла от расплавившихся бус и обломок массивного литого браслета (рис. 5: *4, 5*; 6: *2–6*). Любопытно, что находки наконечников стрел оказались сосредоточены в том же квадрате, что и собранные в вышележащем горизонте камней в темной супеси. Узкая пластинчатая скобочка очень похожа на встреченную в вышележащем слое, и обе они напоминают находку из высокой насыпи у д. Репьи в Верхнем Полужье, датирующуюся последней четвертью I тыс. (*Михайлова*, 2013. Рис. 1: *1*).

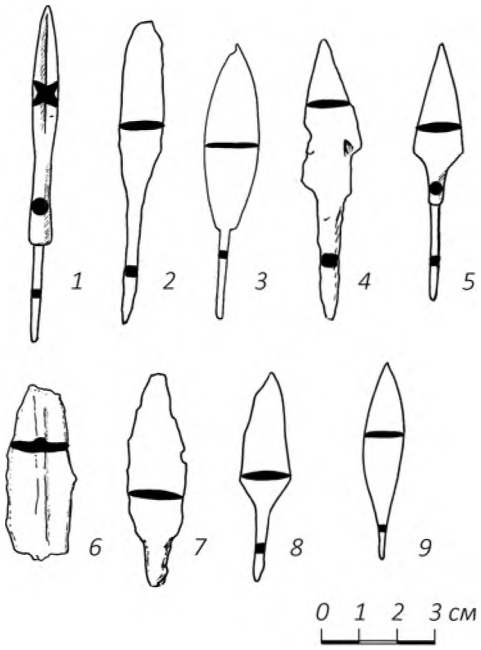

Рис. 5. Городище Втырка (Пиллово-2). Наконечники стрел: *1–3, 6–9* — из горизонта камней в темной супеси; *4, 5* — из желтовато-серой темной супеси. *1–9 — железо*
Fig. 5. The hillfort of Vtyrka (Pillovo-2). Arrowheads: *1–3, 6–9* — the horizon of stones in dark sandy loam; *4, 5* — dark yellow-gray sandy loam. *1–9 — iron*

Углистые прослойки ниже слоя темной желтовато-серой супеси. Слой темной желтовато-серой супеси подстилался неравномерно сохранившимися обширными линзами углистого песка с сажей мощностью по нескольку сантиметров. В одной из углистых линз был найден разогнутый обломок литого бронзового браслета с продольными «ребрами» (рис. 6: *7*).

Яма 2. По-видимому, со слоем темной желтовато-серой супеси или уровнем углистой прослойки под ней связано заполнение ямы 2, частично уходившей в северную стенку раскопа. Это округлая в плане яма с пологими стенками, около 1 м в поперечнике и глубиной не менее 0,3 м. Яма прорезала нижележащий предматериковый слой, ее заполнение состояло из черной углистой супеси вперемежку с обожженными камнями. В заполнении была сделана неожиданная находка: необожженные кости человека — были найдены два обломка нижнечелюстной кости и поясничный позвонок.

Конструкция из желтой глины. В центральной части раскопа была расчищена небольшая ровная горизонтальная площадка из чистой ярко-желтой глины; ее края повреждены позднейшими перекопами, а на самой площадке прослежены и разобраны небольшие ямки, прорезавшие ее и заполненные углистым песком от перекрывающей конструкцию углистой прослойки. Зафиксирован-

ные размеры площадки — 2,2 × 1 м, но, вероятно, ее размеры могли быть значительно больше; толщина слоя глины — 5–7 см.

Нижняя углистая прослойка. Непосредственно под площадкой из желтой глины залегала самая нижняя из выявленных углистых прослоек мощностью также несколько сантиметров.

Предматерик. В основании культурных напластований лежал мощный слой аморфной светлой серо-желтой супеси, обозначенный как «предматерик». Мощность этого слоя ощутимо нарастала в западном направлении: в восточной части раскопа она составляла 20–30 см, в то время как на западном участке — 50–70 см.

Местами предматериковая супесь оказалась прокалена на глубину 10 см до яркого оранжевого цвета. По всей вероятности, это результат позднейших пожаров, сформировавших здесь прослойки углистого песка.

В западной части раскопа в предматериковом слое были расчищены три неправильно-округлые в плане вымостки из крупных гранитных булыжников, уложенных в несколько слоев. Размеры самой крупной составили приблизительно 4 × 5 м при высоте до 30–40 см. Две меньших по размеру конструкции располагались у края площадки городища, к северо-западу и северо-востоку от более крупной (рис. 7). Функциональное назначение вымосток неясно. Все сложения по своей структуре однородны, камни в них уложены плотно, без разрывов, которые могли бы остаться от крепления конструктивных элементов, заполняющая промежутки между камнями серо-желтая супесь ничем не отличается от предматериковой толщи. Там же, в западной части раскопа, приблизительно на половине высоты предматерикового слоя, была отмечена неровная тонкая линза углистого песка, поверхность которой приблизительно соответствовала верхнему уровню камней в большей из вымосток.

Обращает на себя внимание малочисленность встреченных в предматериковой супеси находок, в особенности керамики. Сам слой производит впечатление «нежилого», сформировавшегося в результате хозяйственной деятельности на периферии поселения. Здесь найдены маленькие бронзовые пронизки (проволочная спиральная и пластинчатая цилиндрическая), фрагмент неопределенного железного предмета и осколок шлифованного каменного орудия (рис. 6: *8–11*). В керамическом материале, собранном в предматерике, присутствуют фрагменты керамики, характерной для более верхних слоев, в том числе один фрагмент древнерусской круговой посуды, однако их присутствие, скорее всего, объясняется перемешанностью слоя еще в древности в результате различных земляных работ на площадке городища. Характерная для предматерика керамика — красноватых и бежевых тонов, рыхлая, сильно раздробленная, довольно легкая. Поверхность большинства черепков сетчатая, встречены также фрагменты, покрытые внутри и снаружи штриховкой, нанесенной пучком травы. Важно подчеркнуть, что только сетчатая и штрихованная керамика были собраны при разборке непотревоженной предматериковой супеси на дне естественных западин в центральной части раскопа.

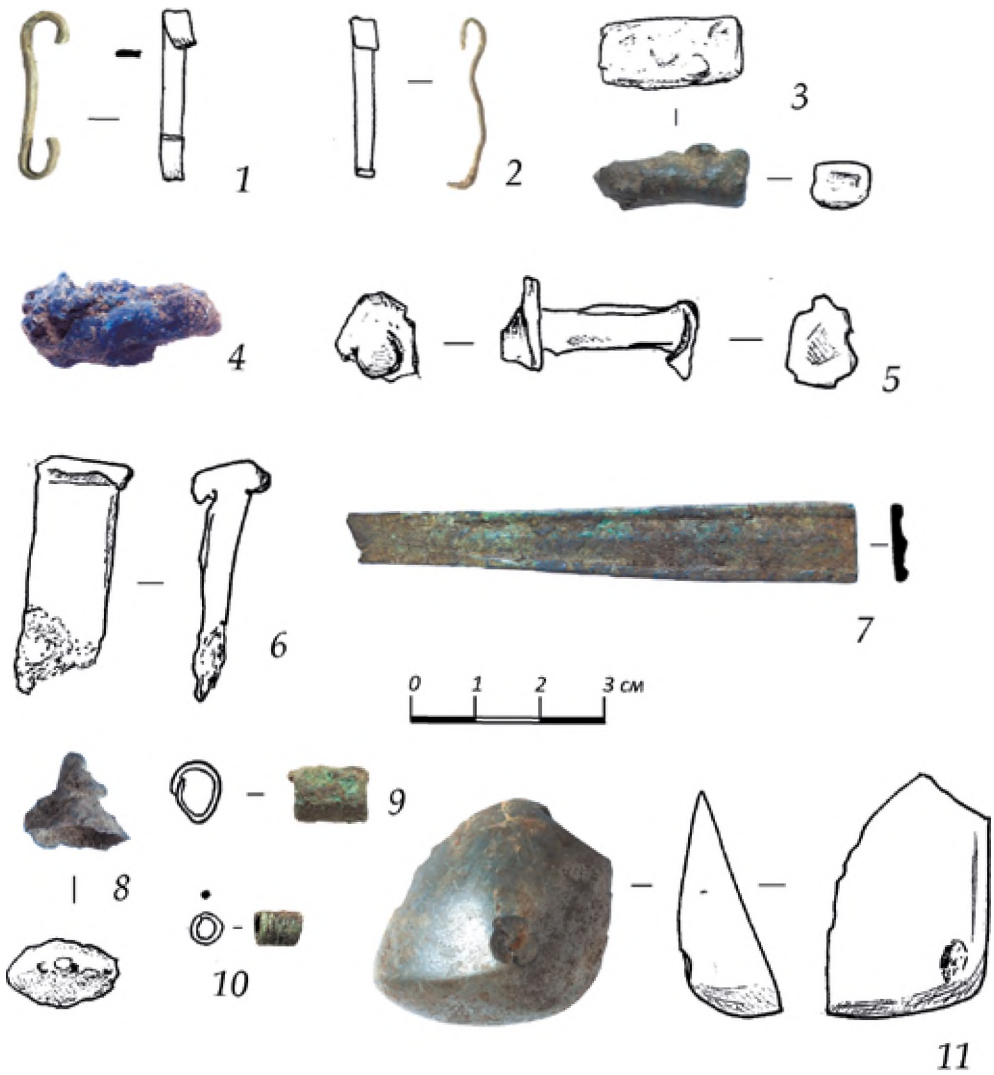

Рис. 6. Городище Втырка (Пиллово-2). Находки из углистой прослойки ниже горизонта камней (*1*), слоя желтовато-серой темной супеси (*2–6*), из углистой прослойки ниже желтовато-серой темной супеси (*7*), в предматерике (*8–11*): *1 — посеребренная бронза; 2, 3, 7, 9, 10 — бронза; 4 — стекло; 5, 6, 9 — железо; 11 — камень*

Fig. 6. The hillfort of Vtyrka (Pillovo-2). Finds from the layer of coal and soot below the horizon of stones (*1*), from the layer of dark yellow-gray sandy loam (*2–6*), from the layer of coal and soot below the dark yellow-gray sandy loam (*7*), the pre-matter (*8–11*): *1 — silvered bronze; 2, 3, 7, 9, 10 — bronze; 4 — glass; 5, 6, 9 — iron; 11 — stone*

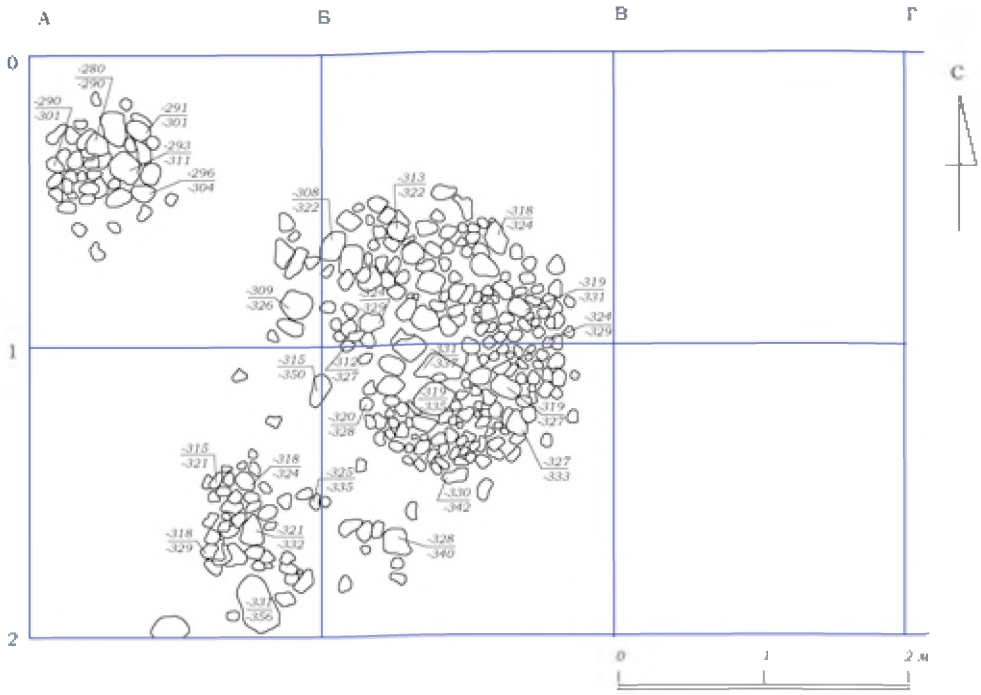

Рис. 7. Городище Втырка (Пиллово-2). План каменных сложений в предматериковом слое
Fig. 7. The hillfort of Vtyrka (Pillovo-2). Plan of stone clusters in the lower layer

5. Основные этапы жизни на городище

В истории заселения мыса у слияния Втырки и Кихтолки явственно прослеживаются два совершенно различных этапа, первый из которых отмечен формированием предматерикового слоя, а второй — пачкой вышележащих слоев и прослоек. Подробная характеристика памятника на материале небольшого раскопа вряд ли возможна, поэтому ниже приводятся только самые общие соображения о хронологии и культурной характеристике поселения на Втырке (рис. 8).

Начало освоения мыса. Нижний, предматериковый, слой можно предварительно отнести к эпохе раннего железного века. Текстильная и штрихованная керамика, собранная в этом слое, находит аналогии в керамике нескольких поселений, выявленных в последние годы у западных скатов Ижорской возвышенности и в нижнем слое каменного могильника Удосолово, расположенного неподалеку, что позволяет предварительно датировать ее первыми веками нашей эры (*Mikhaylova*, 2016. P. 185. Fig. 3; *Фёдоров, Мурзенков*, в печати).

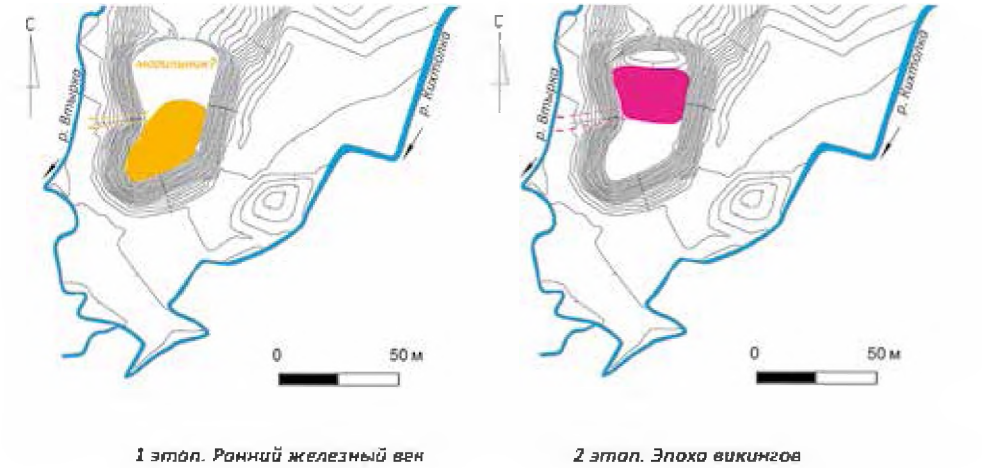

Рис. 8. Городище Втырка (Пиллово-2). Схема освоения площадки на разных этапах
Fig. 8. The hillfort of Vtyrka (Pillovo-2). Scheme of development of the site at different stages

К сожалению, вся керамика представлена мелкими фрагментами, не позволяющими реконструировать целые формы. Предполагаемой датировке не противоречат немногочисленные индивидуальные находки из предматерикового слоя, косвенно согласуются с ней и данные о случайных находках фибул римского времени в окрестностях близлежащих поселков Георгиевский и Войносолово (*Сорокин, Юшкова*, 2014. С. 313–317).

Совершенно аналогична предматериковому слою светлая серо-желтая супесь, из которой состоят выбросы из грабительских ям в мысовой части городища. Предпринятый тщательный осмотр отвалов от разрытий позволяет утверждать, что светлая серо-желтая супесь залегает по всей городищенской площадке, в то время как значительно более темные слои последующего времени хорошо выражены ближе к валу городища и практически отсутствуют в его южной части. По всей вероятности, поселение на раннем этапе располагалось на самом мысу, а его северная окраина, расположенная за местом предполагаемого всхода, использовалась в каких-то других целях.

Возможный могильник. Довольно многочисленные осколки кальцинированных костей, собранные в раскопе, не всегда можно интерпретировать однозначно: наличие четырех углистых прослоек и многочисленные фрагменты керамики, подвергшейся сильному вторичному обжигу, свидетельствуют о нескольких крупных пожарах, в которых, конечно, могли гореть и какие-то кости. Однако наличие не менее чем на десятке фрагментов характерных зеленых пятен от медных окислов заставляет задуматься о том, что по крайней мере часть кальцинированных костей может происходить из разрушенных погребений.

Кальцинированные кости, в том числе и с медными окислами, были встречены во всех стратиграфических слоях. Надо сказать, что культурный слой городища, по всей вероятности, был неоднократно нарушен еще в древности: об этом

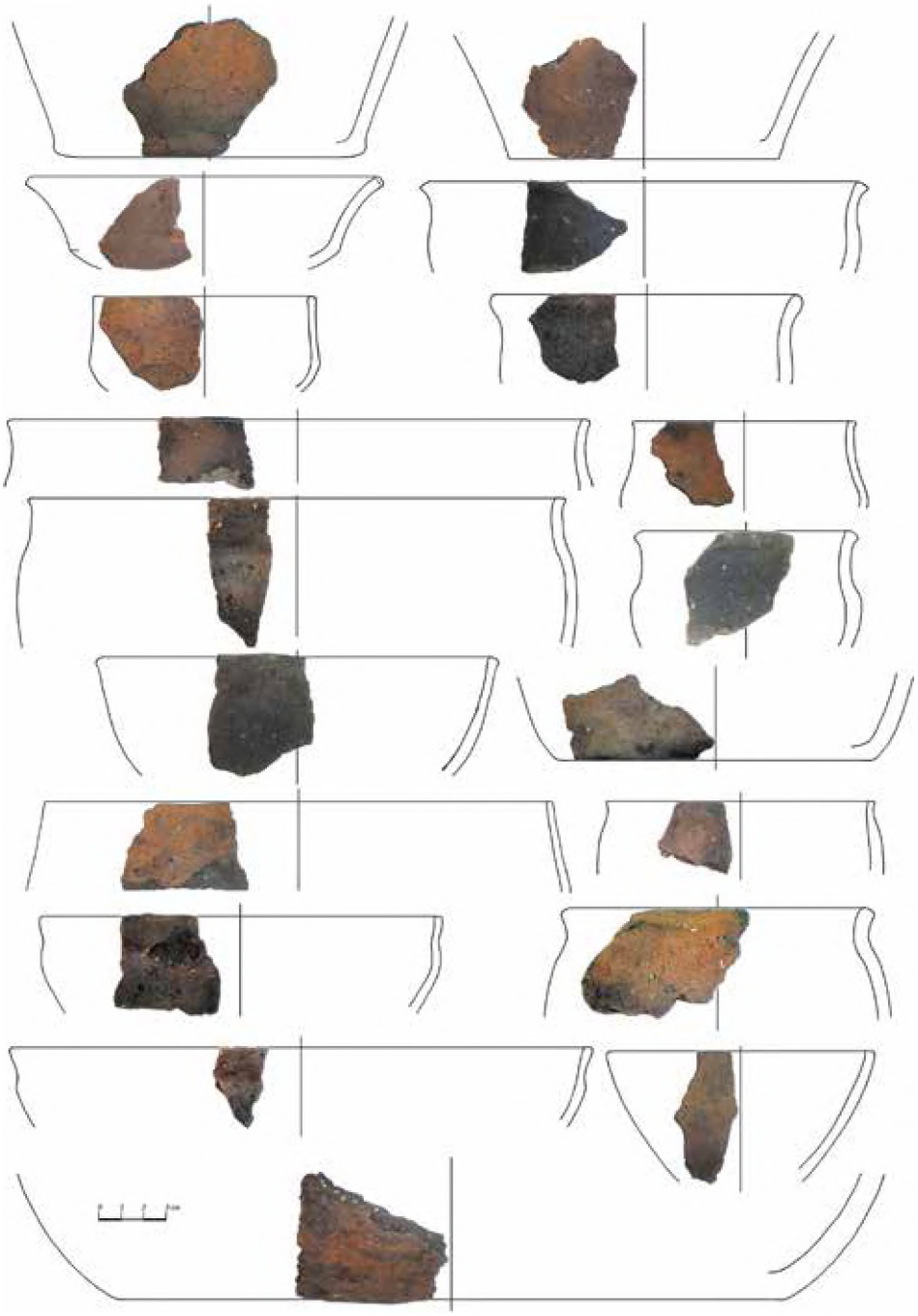

Рис. 9. Городище Втырка (Пиллово-2). Раннесредневековая лепная керамика
Fig. 9. The hillfort of Vtyrka (Pillovo-2). Hand-made ceramics of the Early Middle Ages

свидетельствуют находки отдельных фрагментов круговой древнерусской керамики по всей толще культурных напластований (один древнерусский черепок встречен и в верхней части предматерикового слоя). Возможно, эти нарушения связаны с сооружением и ремонтами вала, вплотную к которому расположен раскоп 2014 г. Те же работы могли разрушить и захоронения на периферии раннего поселения.

Как соотносятся с предполагаемым могильником с кремациями обломки несожженных человеческих костей из заполнения ямы 2, впущенной из верхней части культурного слоя, неясно.

Напластования эпохи викингов. Верхняя пачка стратиграфических слоев содержит керамические и вещевые находки, которые можно отнести к одному историческому периоду и рассматривать как единый комплекс.

Вещевой материал в основном относится к типам, широко датирующимся в пределах второй половины I тыс. н. э. — самого начала II тыс. н. э. Некоторые предметы — например, фрагмент узкого литого браслета с продольным ребром, следовало бы датировать третьей четвертью I тыс. (*Михайлова*, 2015б). Вместе с тем можно указать ряд находок, относящихся к последней четверти I тыс. н. э. или даже началу II тыс. Это стеклянные бусы (полихромная с накладным декором и голубая почти кубическая с мягкими гранями), браслет с зооморфными концами, железные заклепки, четырехгранная бронебойная стрела, небольшой железный нож в технике трехслойного пакета.

Наиболее важны с точки зрения определения хронологии стеклянные бусины и бронебойный наконечник стрелы. Кубические бусы из прозрачного голубого стекла с «мягкими» гранями известны в североевропейских древностях IX–X вв. (в т. ч. несколько экземпляров найдены в слоях Е2–Д Староладожского Земляного городища), похожие бусы известны также на юге Восточной Европы и Северном Кавказе в памятниках VIII–IX вв. (*Львова*, 1968, С. 90; *Френкель*, 2009. С. 110–111. Рис. 16: *9, 10*; *Кренке и др.*, 2015. С. 142, 145). Обломок полихромной бусины, по мнению Я. В. Френкеля, следует датировать X в.[1]. Бронебойный наконечник стрелы относится к типу 77–1 по А. Ф. Медведеву — ланцетовидный, квадратного сечения и датируется X – нач. XI в. (*Медведев*, 1966. С. 79).

В керамической коллекции преобладают рыхлые черепки с примесью крупной дресвы от слабо профилированных сосудов. Большое число фрагментов происходит от широко раскрытых форм (рис. 9). До 30 % от всего числа лепной керамики составляют фрагменты лощеных и тщательно заглаженных сосудов. Среди тщательно заглаженной керамики многочисленны почти баночные сосуды с высоким цилиндрическим горлом и оттянутым валиком в месте перехода от горла к плечику, украшенные врезным орнаментом из поясков многорядных горизонтальных и волнистых линий. Хорошо представлены также сосуды из глины с примесью шамота и лощеной или подлощенной поверхностью желтого или коричневого цвета, часто с темными пятнами — преимущественно ребристые миски или сужающиеся кверху сосуды с низким округлым туловом (рис. 10).

[1] Благодарю Я. В. Френкеля за любезную устную консультацию.

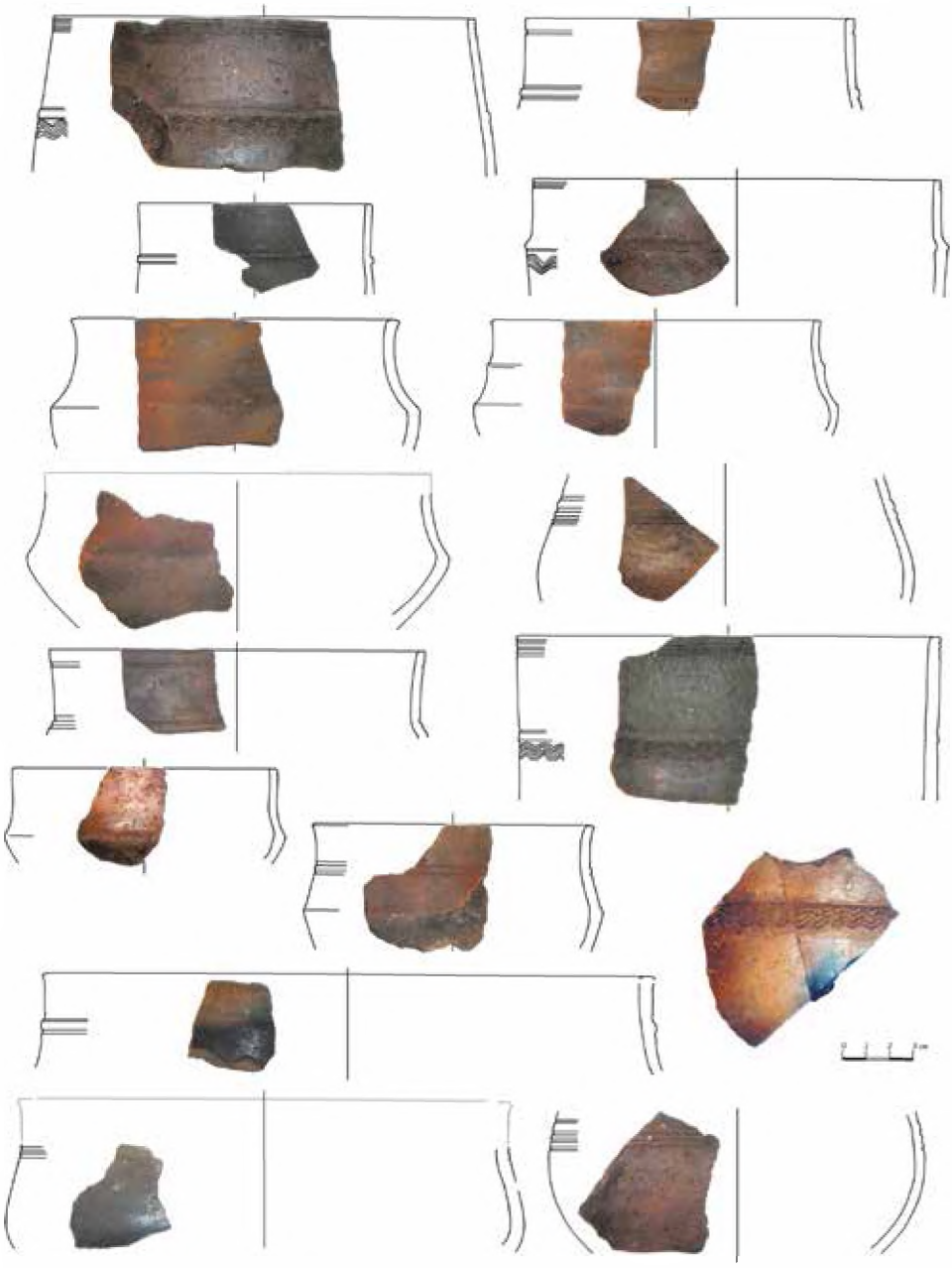

Рис. 10. Городище Втырка (Пиллово-2). Раннесредневековая лепная керамика с тщательно заглаженной и лощеной поверхностью

Fig. 10. The hillfort of Vtyrka (Pillovo-2). Early medieval ceramics with carefully smoothed and polished surface

Керамический комплекс Пилловского городища находит свои наиболее полные аналогии на эстонских городищах эпохи викингов, в особенности на территории Северной Эстонии, таких как Иру и Пада[2] (*Аун*, 1992. С. 48–51. Табл. XI; *Lang*, 1996. Jn. 24–29; *Tvauri*, 2012. Lk. 69–76). Сходные формы встречаются также на памятниках эпохи викингов в Юго-Западной Финляндии; единичные образцы керамики с аналогичным врезным орнаментом найдены на памятниках VIII–XI вв. Северо-Западной России, таких как Изборск, Прость, Рюриково городище, Староладожское Земляное городище и др. (см., напр.: *Седов*, 2007. С. 82. Рис. 62; *Плохов*, 2010; 2014).

К последней четверти I — рубежу I–II тыс. относятся возможные аналогии описанной выше горизонтальной подсыпке из желтой глины — глинобитные полы построек на городищах Рыуге, Камно, Псковском (см., напр.: *Tõnisson*, 2008. Lk. 118; *Белецкий*, 1996. С. 49, 56–57).

Раннесредневековое население городища, безусловно, было связано культурными традициями с территорией Эстонии (подробнее см.: *Стасюк*, 2012; *Михайлова, Стасюк, Фёдоров*, 2016). За последние годы отчетливо обрисовалась целая полоса памятников с «эстонскими» традициями, тянущаяся от западных скатов Ижорского плато по берегам р. Наровы и далее по восточному побережью Чудского озера до окрестностей Пскова. Одним из самых южных пунктов является каменный могильник Северик под Псковом, функционировавший, по всей видимости, длительное время, в материалах которого встречен целый ряд предметов эпохи викингов (рис. 11). Наиболее интересно для нашей темы погребение 1б в кургане 1 из раскопок С. А. Таракановой, где обнаружены сразу несколько предметов, напоминающих найденные на Втырке: спиральные бронзовые пронизки, узкая пластинчатая скобочка и сосуд с характерным врезным орнаментом (*Тараканова*, 1951. Рис. 40, 41).

Древнерусская керамика на городище. Полученный при раскопках на Втырке материал позволяет датировать прекращение жизни на городище временем около начала XI в. Единственная категория находок, относящаяся к более позднему времени, — это фрагменты древнерусской круговой керамики, которую по форме сосудов можно отнести к XII в. (рис. 12). Верхняя часть культурных напластований на вскрытом в 2014 г. участке в основном уничтожена грабительскими перекопами, поэтому нельзя исключать, что какие-то напластования XI–XII вв. на городище все же есть.

Однако следует учесть, что черепки древнерусской посуды очень немногочисленны и встречены во всех стратиграфических слоях, включая предматерик (куда могли попасть вследствие точечных древних перекопов). В то же время аналогичная круговая керамика собрана на селище Пиллово-3, расположенном сразу за валом городища. Таким образом, немногочисленные находки древнерусской керамики на городище, скорее всего, связаны с хозяйственной активностью обитателей поселения Пиллово-3, а само городище к XII в. уже не было заселено.

[2] Я благодарю Х. Валка за любезную подробную консультацию.

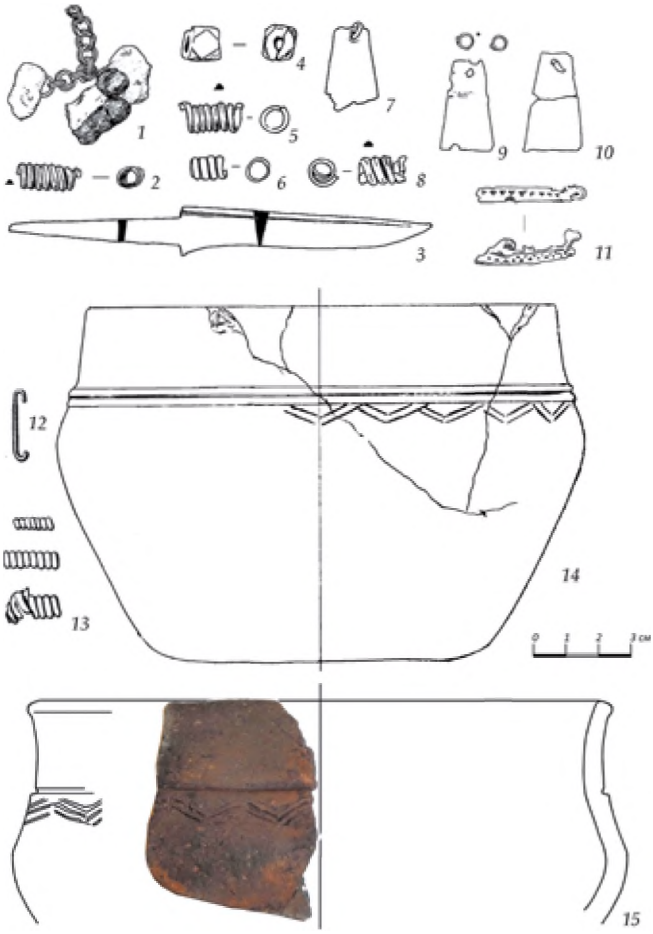

Рис. 11. Материалы могильника Северик и аналогии в керамике городища Втырка: 1–3 — Северик, курган 2; 4–8 — Северик, курган 4; 9–11 — Северик, курган 5; 12–14 — Северик, курган 1, погр. 1б; 15 — Втырка (1–11 — материалы раскопок К. М. Плоткина, хранятся в Музее истории Санкт-Петербурга, рис. Е. Р. Михайловой; 9–10 — по: Тараканова, 1951 (б/м); 11 — материалы раскопок С. А. Таракановой, хранятся в Псковском гос. объединенном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, рис. А. А. Александрова публикуется с любезного разрешения автора; 15 — рис. Е. Р. Михайловой). *1 — бронза, синее и желтое стекло; 2, 5–10, 12, 13 — бронза, 3 — железо; 4 — стекло неопр. цвета; 11 — серебро; 14, 15 — керамика*

Fig. 11. Materials of the burial ground Severik and analogies in the pottery of the settlement of Vtyrka: 1–3 — Severik, burial mound 2; 4–8 — Severik, burial mound 4; 9–11 — Severik, burial mound 5; 12–14 — Severik, burial mound 1, grave 1b; 15 — Vtyrka (1–11 — materials from excavation by K. M. Plotkin, drawing by E. R. Mikhaylova, 9–10 — after: Tarakanova, 1951, 11 — materials from excavations by S. A. Tarakanova, drawing by A. A. Alexandrov, 15 — drawing by E. R. Mikhaylova). *1 — bronze, blue and yellow glass; 2, 5–10, 12, 13 — bronze, 3 — iron; 4 — glass; 11 — silver; 14, 15 — ceramics*

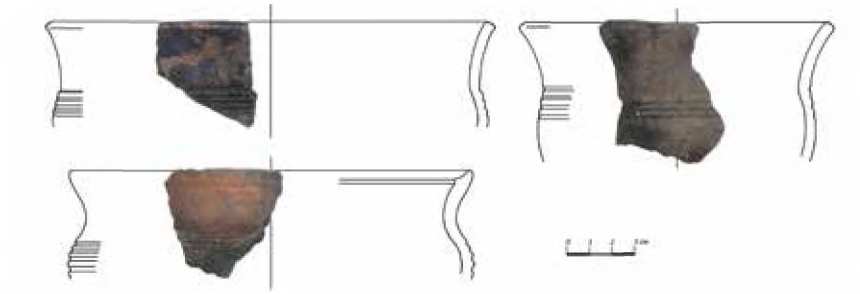

Рис. 12. Городище Втырка (Пиллово-2). Древнерусская керамика
Fig. 12. The hillfort of Vtyrka (Pillovo-2). Old-Rusian ceramics

6. Заключение

В настоящее время городище на Втырке является самым ранним из немногочисленных известных на Ижорском плато городищ (*Рябинин*, 2001. С. 125–135; *Михайлова, Стасюк, Федоров*, 2016. С. 269–271). Появление здесь находок, традиционно связываемых с ранними этапами древнерусской культуры, а также немногочисленной древнерусской круговой керамики отражает процесс постепенного включения местного населения в орбиту восточных и юго-восточных связей. Многочисленные прослойки пожаров вкупе со сравнительной многочисленностью наконечников стрел, собранных в раскопе у вала, возможно, свидетельствуют о военных столкновениях, сопровождавших этот процесс.

Полученные материалы не только предоставили принципиально новые фактические данные о культурной и этнической истории населения Ижорской возвышенности в эпоху раннего железного века и раннего Средневековья, но и поставили ряд новых вопросов, которые могут разрешить лишь дальнейшие исследования памятника.

Одной из требующих разрешения проблем является наличие или отсутствие непосредственной преемственности между разными этапами заселения мыса на стрелке Кихтолки и Втырки. По результатам предварительного визуального обследования можно говорить о топографических различиях в размещении напластований разных периодов на площадке городища. Однако наши сведения о древностях I тыс. н. э. на Северо-Западе в настоящее время так скудны, что этот вопрос требует дополнительного изучения и проведения раскопок городища более широкой площадью.

Важнейшим вопросом является получение данных об устройстве и датировке оборонительного вала городища. Необходима прорезка вала, а лучше — вскрытие его широким раскопом. Такая работа позволит получить сведения о внутреннем устройстве вала, наличии либо отсутствии на его месте укреплений предшествующих эпох. Предварительно вал (и, возможно, эскарпирование

склонов мыса) следует относить к эпохе раннего Средневековья, и сведения о его строительной истории и первоначальном облике будут важны для изучения военной истории и истории фортификации эпохи раннего Средневековья, дадут новую информацию о социальном и политическом устройстве местного общества, косвенно позволят оценить степень напряженности отношений между разнокультурными коллективами.

И разумеется, актуальной исследовательской задачей остается изучение ближайших окрестностей городища, поиск и выявление местных древностей I тыс. н. э., восстановление структуры древнего расселения в западной части Ижорской возвышенности.

Литература

Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин: ОЛИОН, 1992. 136 с.

Белецкий С. В. Начало Пскова. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 92 с.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Аникин И. С. и др. Новые данные об археологии Соборной горы в Смоленске // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 141–148.

Львова З. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 64–94.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–36. М.: Наука, 1966.

Михайлова Е. Р. Насыпь у деревни Репьи и ее место среди погребальных памятников Северо-Запада конца I тыс. н. э. // АиИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова. Материалы 58 заседания / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков, 2013. С. 335–345.

Михайлова Е. Р. Древности Западной Ингрии I тыс. н. э.: Новые материалы // Археологические вести. 2015. Вып. 21. С. 176–186.

Михайлова Е. Р. Литые пластинчатые браслеты с продольным ребром: распространение и хронология на Северо-Западе Восточной Европы // АиИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова. Материалы 60 заседания. Вып. 30 / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 259–269.

Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Федоров И. А. Городище Пиллово и древности эпохи викингов на Ижорском плато // АиИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова. Материалы 61 заседания. Вып. 31 / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб.: ИА РАН, 2016. С. 262–275.

Панченко (Яшкина) В. Б. Исследования в Кингисеппском районе // Археологические открытия 1998 г. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 54.

Плохов А. В. Контакты населения Старой Ладоги с финно-угорскими племенами в VIII–X вв. (по керамическим материалам) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. Т. II. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 163–187.

Плохов А. В. К вопросу о связях прибалтийских финнов с населением Верхнего Поволховья в последней четверти I тыс. н. э. (по керамическим материалам) // Ajast ja ruumist. Uurimusi Mare Auna auks / Koostanud ja toimetanud Ülle Tamla ja Valter Lang.

(Muinasaja teadus, 25). Tallinn: Tallinna Ülikooli Ajaloo Instituut; Tartu: Tartu Ülikooli ajaloo ja arkeoloogia instituut, 2014. Lk. 231–245.

Рябинин Е. А. Археологические памятники Вотской земли // СА. 1976. № 1. С. 211–219.

Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода (Результаты археологических исследований 1971–1991 гг.).СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 261 с.

Седов В. В. Изборск в раннем средневековье. М.: Наука, 2007. 424 с.

Смирнов А. В. Отчет о разведках в Волосовском и Кингисеппском районах Ленинградской области в 2006 г. СПб., 2006. Рукопись. Хранится в отраслевом архиве ИА РАН, копия — в архиве Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ.

Сорокин П. Е., Юшкова М. А. Новые находки древностей культуры каменных могильников с оградками на северо-западе Ижорской возвышенности // АиИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 59 заседания. Вып. 29 / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб., 2014. С. 312–322.

Спицын А. А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. Т. XX. СПб., 1896.

Стасюк И. В. Население Ижорской возвышенности в I — начале II тыс. н. э. // Stratum plus. 2012. № 5. С. 65–88.

Тараканова С. А. Псковские курганы с трупосожжением: Доклад, прочитанный в секторе этногенеза народов СССР ИИМК 8 декабря 1949 г. // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 141–154.

Федоров И. А. Отчет о разведках в Гатчинском и Кингисеппском районе Ленинградской области в 2010–2011 гг. СПб., 2012. Рукопись. Хранится в отраслевом архиве ИА РАН, копия — в архиве Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ.

Федоров И. А., Мурзенков Д. Н. Поселения раннего железного века на Ижорском плато и Нижней Луге (к изучению систем расселения) // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства: Материалы МНК. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 159–160.

Френкель Я. В. Стратиграфическая схема раскопок Н. И. Репникова на центральном участке Земляного городища Старой Ладоги и источниковедческий потенциал коллекции бус из этих раскопок // Староладожский сборник. Вып. 7. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 49–122.

Lang V. Muistne Rävala: muistised, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas, I–II (Muinasaja teadus, 4). Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, 1996. 629 lk.

Mikhaylova E. R. The population of the south-eastern coast of the Gulf of Finland and its contacts with the regions of the Baltic Sea in the 1st millennium AD // Archaeologia BALTICA. 2016. Vol. 23. P. 181–198.

Tõnisson E. Eesti muinaslinnad / Toim A. Mäesalu, H. Valk (Muinasaja teadus, 20). Tartu: Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia instituudi arheoloogia õppetooli; Tallinn: Tallina Ülikooli ajaloo instituudi arheoloogiaosakond, 2008.

Tvauri A. The Migration period, Pre-viking age and Viking age in Estonia (Estonian archaeology, 4). Tartu: Tartu University Press, 2012.

Многокультурный Вильнюс. Сосуществование двух христианских конфессий на раннем этапе развития города

Р. Йонайтис, И. Каплунайте *(LII)*

Резюме. Средневековый Вильнюс — это город между Востоком и Западом. Не только по своему географическому положению, но и в культурном, политическом, конфессиональном аспектах. С самого начала образования города в конце XIII в. в нем проживали представители не менее трех религий: местные язычники и две христианские общины — католики и православные. Эти последние и являются объектом данного исследования.

Цель данной статьи — показать характер сосуществования католической и православной общин, основанных в языческом Вильнюсе, выявить их сходства и различия, в основном опираясь на археологический материал. Для достижения этой цели важно определить природу взаимоотношений: между христианами разных конфессий; между христианами и местными язычниками. Внимание уделяется не только ситуации в кругах высшей знати — придворных князя, которые исповедовали разные религии, но в еще большей степени — ситуации в среде обычных горожан Вильнюса.

Summary. Medieval Vilnius was a city between the East and the West. Not only in terms of its geographical location, but in its cultural, political, and religious aspects. Lithuania's neighbours in the 13th — 14th c. were already Christians: Orthodox in the east, Catholics in the north and the south. Favourable conditions for newcomers to settle in Vilnius coincided with formation of a multicultural town represented by people of different confessions. With the growing significance of Vilnius in the 13th — 14th c. grand dukes of Lithuania realised the benefit, brought by incoming Christians. Due to these circumstances from the very beginning of the city's formation representatives of at least three religions encountered in pagan Vilnius: local pagans and two Christian communities — Catholics and Orthodox.

The aim of this article is to show the nature of the coexistence of Catholic and Orthodox communities in pagan Vilnius, to identify their similarities and differences, mainly relying on archaeological material. To achieve this goal, it is important to determine the nature of the relationship between Christians of different faiths as well as between Christians and local pagans.

Emergence of the Christian communities in Vilnius is not a unique phenomenon. Although specifics of their establishment in Vilnius lay in the fact that unlike in Lithuania neighbouring countries, settlement of Orthodox and Catholics in Vilnius was not caused by religious or military but by economic and political reasons. Invitation of newcomers to Vilnius served the ruler as one of the ways to reach his goals. At the same time it incited blending of different cultures and public development.

Ключевые слова: средневековый Вильнюс, христианские общины, язычники, православные, католики.

Key-words: Medieval Vilnius, Christian communities, Pagans, Orthodox, Catholics.

1. Вводные замечания

Средневековый Вильнюс — это город между Востоком и Западом. Не только по своему географическому положению, но в культурном, политическом, конфессиональном аспектах. С самого начала образования города в конце XIII в., в нем проживали представители не менее трех религий: местные язычники и две христианские общины — католики и православные. Эти последние и являются объектом данного исследования. Уникальность Вильнюса определилась ситуацией, сложившейся в XIII–XIV вв. Соседями языческой Литвы являлись страны, уже принявшие крещение: на востоке — православные, на юге и на севере — католики. Великие князья литовские, понимая, что деятельность христиан-переселенцев будет способствовать экономическому подъему и развитию торговли, призывали их в формирующийся Вильнюс. Так представители двух конфессий реально сошлись и взаимодействовали в этом городе — еще языческом, но уже стоявшем перед выбором новой веры.

И те и другие были христианами, однако история православных и католических общин складывалась различно. Во-первых, подход к представителям разных конфессий был обусловлен политической ситуацией, отношениями между Литвой и ее соседями. В литературе часто подчеркивается, что православные были не только близкими соседями языческой Литвы, но зачастую подданными великого князя, селившимися здесь мирно. В то же время католики традиционно воспринимаются как агрессоры, приходившие в страну с «огнем и мечом». Но как все это сказывалось внутри города? Влияло ли на отношения горожан? Как политическая история страны определяла их повседневную жизнь?

Цель данной статьи — показать характер сосуществования католической и православной общин, основанных в языческом Вильнюсе, выявить их сходства и различия. Для достижения этой цели важно определить природу взаимоотношений: а) между христианами разных конфессий; б) между христианами и местными язычниками. Внимание уделяется не только ситуации в кругах высшей знати — придворных князя, которые исповедовали разные религии, но в еще большей степени — ситуации в среде обычных горожан Вильнюса.

Для более полной картины в статье приведены некоторые данные о контактах литовцев-язычников с христианами еще до освоения Вильнюса. Но основная хронология исследования охватывает период от появления первых христиан в формирующемся Вильнюсе в конце XIII в. до католического крещения в 1387 г. Официальный выбор крещения по латинскому обряду ознаменовал уже совершенно новый этап отношений, который является объектом будущих исследований.

Политическая история Литвы второй половины XIII — XIV в. подробно рассмотрена в историографии. Однако основное внимание уделяется осуществляемой великими князьями восточной и западной политике, их столкновениям с орденом, внутриполитическим изменениям в стране и пр. (см. новей-

шую историографию: *Baronas, Dubonis, Petrauskas,* 2011). Эта область интересов в значительной части предопределяется природой письменных источников (и особенно их нехваткой). Привлекала внимание тема прибывающих в город христиан — начиная с вопроса о церквах (костелах) и кончая первыми попытками выяснить, какие территории занимали обе общины[1]. Однако чаще всего внимание концентрировалось на т. н. политической истории, а не анализе повседневной жизни христиан, осевших в Вильнюсе, или, тем более, истории их взаимных отношений. Говоря о первых католиках в Вильнюсе, исследователи обычно ссылаются на письма великого князя литовского Гедимина; в вопросе о «Civitas Rutenica» — на «Новую Прусскую хронику» Виганда Марбургского[2]. Это традиционное направление исторической мысли, обусловленное характером письменных источников, в настоящий момент может быть дополнено анализом археологических данных[3]. Включение их дает новую информацию об отношениях между разными общинами в городе. Именно археологические данные позволяют локализовать поселения разных общин на плане города, определить их хронологию, интенсивность освоения территории, происходившие изменения. Кроме того, они помогают проследить историю отношений между горожанами.

На первый взгляд христианские общины в Вильнюсе объединял только статус представителей другой веры. Для того чтобы восстановить картину отношений между католиками и православными, следует понять, насколько эти две общины были толерантны к прибывающим. Не следует забывать, что и те и другие были христианами, однако это не значит, что их отношения обязательно были дружественными. Правда, нет никаких письменных свидетельств об имевших место конфликтах между католиками и православными. В общем, нет никаких прямых письменных источников, которые позволили бы представить характер взаимоотношений между этими двумя общинами в городе. С одной стороны, это наводит на мысль, что таких конфликтов вообще не было, с другой — может иметь место просто недостаток источников. Отношения между язычниками и христианами в какой-то степени характеризует информация о мученичестве католиков и православных в XIV в. Тем не менее не надо забывать, что рассказы о мученичествах отражают взгляды определенных групп населения, а сами мученичества не были повседневностью, за ними стояли отнюдь не рядовые события (попытки монахов-францисканцев проповедать язычникам; непослушание князю его православных придворных — подробнее см. ниже).

---

1 Более широкое обсуждение историографии двух христианских общин см. *Jonaitis,* 2013. P. 6–15; *Kaplūnaitė,* 2015. P. 12–31.

2 В этой хронике впервые упомянут термин «Civitas Rutenica», см.: *Marburgietis,* 1999, P. 185.

3 В последние годы авторами данной статьи были подготовлены диссертации, в которых история православной и католической общин рассматривается в первую очередь с опорой на археологические источники, см. *Jonaitis, 2013; Kaplūnaitė,* 2015.

Таким образом, имеющиеся источники не доносят до нас объективную картину сосуществования в городе разных конфессий, не показывают взгляды местных литовцев — язычников на обычных горожан — христиан. Средневековые письменные памятники, как правило, плохо отражают повседневную жизнь города, поэтому было бы некорректно утверждать, что сосуществование разных общин было исключительно мирным. В этой ситуации возникает необходимость включить сравнительные данные по соседним странам и анализировать проблему в более широком контексте.

2. Первые контакты с христианами

Первые контакты литовцев и христиан уходят во времена еще до создания в XIII в. собственного государства. Они были близкими соседями, и, как подобает соседям, отношения сопровождались и военными столкновениями, и мирными договорами, и постоянными торговыми и культурными связями. Основу таких отношений между православными и литовцами в XI–XII вв. составляли обоюдные военные конфликты. С XIII в. начался этап составления союзов против общих врагов[4]. В то время мог происходить и обмен пленными, и переселения нескольких православных семей на территории этнической Литвы, но для более масштабного переселения и образования большой православной общины в Литве не было ни условий, ни потребности. Формирующееся языческое государство, находящееся вдали от главных торговых путей, не привлекало христиан, а первые великие князья не испытывали в них большой надобности. Правда, еще в самом начале XIII в. литовские князья заключали союзы с принявшими православие латгальскими князьями — как видно, не всегда между ними присутствовал религиозный антагонизм (ср. *Ščavinskas,* 2016. P. 104, 109). Кроме того, уже в войске Миндовга были православные (подробнее см. *Petrauskas,* 2011. P. 303, 314).

Не менее сложными были контакты с католиками. Это хорошо иллюстрирует первое упоминание Литвы в 1009 г.[5]. Да и позднее католики чаще всего ассоциируются с Крестовыми походами и агрессивным натиском вглубь страны. И все-таки не надо забывать, что даже отношения с католиками имели и светлую сторону, особенно если говорить о XIII в. Например, в 1206 г., объединенное литовско-ливонское войско осуществило поход на Ригу (*Eihmane,* 2009. P. 49). Другой характерный пример — в середине XIII в. Миндовга готовили к крещению монахи-францисканцы (*Baronas,* 2006. P. 16–17). Кроме

[4] Об отношениях литовцев и Руси см. *Kurila,* 2005. P. 121–132; *Baranauskas,* 2000. P. 177; *Pašuta,* 1971. P. 212–213.

[5] В Кведлинбургских анналах Литва упоминается в насильственном контексте: *«В 1009 святой Бруно, именуемый Бонифацием, архиепископ и монах, на второй год своего обращения, на границе Руси и Литвы, оглушенный язычниками, с восемнадцатью собратьями, 23 февраля отправился на небо».*

того, имел место и чисто прагматический аспект — торговые отношения. Как справедливо заметил Р. Мажейка, торговые связи племен, живших на территории современной Литвы, с другими странами начались за много тысячелетий до Рождества Христова (*Mažeika,*1994. P. 65). Нередко военные конфликты и торговые отношения осуществлялись одновременно (подробнее см. *Op. cit.* P. 63–76). Как показывают мирные договоры и разного рода договоренности, торговля велась даже в военное время. Для XIV в. известно по крайней мере 5 официальных торговых договоров между литовцами и католиками (*Op. cit.* P. 71). Также известны торговые соглашения между Литвой и Москвой (например, 1371 г.), в которых речь идет о безопасности купцов (*Op. cit.* P. 75).

На начальном этапе формирования государства приток христиан в Литву не был интенсивным. Массовый поток прибывающих надо связывать с процессом становления городов, т. е. с третьей четвертью XIII в. В то время на территории этнической Литвы были два таких центра, которые могли отличаться многоконфессиональностью — Вильнюс и Кернаве (*Gudavičius,* 1999. P. 92). Первой расцветает Кернаве, главная резиденция великого князя Тройдяня (1269–1282 гг.). Возможно предположение, что именно здесь со второй половины XIII в. основалась первая православная община на территории этнической Литвы[6]. Вероятнее всего, это была община купцов и ремесленников, удовлетворявшая потребности княжеского хозяйства в роскоши (*Dubonis,* 2011. P. 76–91). Православные должны были здесь поселиться благодаря усилению влияния Галицко-Волынского княжества.

С кончиной великого князя литовского Тройдяня во второй половине XIII в. в Литве на политической арене появляется династия Гедиминовичей. При правлении Витяня (1295–1316 гг.), сложилась политическая ситуация, благоприятная для расцвета нового центра, который бы заменил Кернаве. Таким центром стал Вильнюс. С этого момента начинается история христианских общин в Вильнюсе. Прежде имели место только спорадические контакты православных и католиков в Литве, в том числе в ближнем окружении князя. Зато в конце XIII в. уже следует говорить о сосуществовании двух христианских общин в языческом городе.

Для того чтобы понять, какими были межконфессиональные отношения, сначала надо обсудить само возникновение православной и католической общин в городе, выявить их особенности, установить хронологию.

---

6 Подробнее о православных в Кернаве см. *Jonaitis,* 2013; *Dubonis,* 2004. P. 65–76. Об исследуемом могильнике в Кернаве, вероятно, сопоставимом с православным элементом, см. *Vėlius,* 2005. Тут надо сказать, что, по мнению исследователей Кернаве, это не православная колония, а элемент пришлых ятвягов. Например, см. *Велюс,* 2013. С. 59–79. На данный момент дискуссия продолжается.

3. Появление христиан в Вильнюсе

Можно предположить, что первыми в Вильнюсе появились православные. Как мы уже упоминали, православие было более популярно среди литовцев в силу агрессивной политики по распространению католичества, которую проводили орден крестоносцев и его Ливонская ветвь (*Nikžentaitis,*1996. P. 22). Более тесные соседские отношения с Русью должны были предопределить и раннее проникновение православных в Литву. Так позволяет думать пример Кернаве, где во второй половине XIII в. уже, скорее всего, присутствовала православная община. О раннем появлении православной общины в Вильнюсе свидетельствуют радиоуглеродные данные по могильнику на улице Бокшто, 6[7]. По этим данным, хоронить здесь начали уже в третьей четверти XIII в. В то время как появление католиков в городе может быть датировано не ранее последнего десятилетия XIII в. (*Kaplūnaitė,* 2015. P. 39–41).

Развивающийся город, управляемый великими князьями, понимающими, какую выгоду могут принести прибывающие христиане, стал центром притяжения для новоселов. Можно выделить несколько причин, по которым сюда прибывали православные. Во-первых, их привлекали княжеский замок и его окружение; православных купцов и ремесленников манили новые возможности торговли; были и непредвиденные обстоятельства, такие как попадание в плен (*Баронас,* 2004. С. 163). Еще один способ прибытия в Вильнюс — это военная дружина. Не исключено, что первыми, кто исповедовал православную веру в Вильнюсе, были приглашенные великим князем Тройдянем дружинники. В то время на Руси дружина, можно сказать, была авангардом защиты христианских ценностей (*Мусин,* 2005. С. 63). Конечно, на службе у язычника великого князя распространение православия не было первоочередной задачей. Военные были только одним из слоев общества, полезных для Литвы. Без всякого сомнения, должны были привлекаться и купцы с ремесленниками. Православные в языческом городе могли поселиться только при наличии церкви, значит, должны были быть и представители духовенства.

Появление католиков отмечается несколько другими особенностями. Поселение католиков в Вильнюсе обычно связывается с упомянутыми в письмах великого литовского князя Гедимина купцами и ремесленниками. Однако чтобы привлечь в языческий край католиков, великий князь должен был гарантировать им возможность исповедовать свою веру. Поэтому в письмах приглашаются разного рода представители духовенства и сообщается о построенных костелах (*Gedimino laiškai*, 2003. P. 47). В то время Вильнюс лишь начал развиваться,

[7] Могильник на ул. Бокшто, 6, исследуется с 2005 г. (*Sarcevičius,* 2006); с 2006 по 2014 г. здесь проводились детальные раскопки (рук. Р. Йонайтис и И. Каплунайте). Тут обнаружено около 540 погребений, датируемых второй половиной XIII — началом XV в. (*Jonaitis,* 2009; *Kaplūnaitė,* 2014; 2016). Судя по локализации и контексту, могильник принадлежал православным.

и католики здесь поселились как люди, нужные великому князю, которые могли способствовать усилению его власти и развитию самого города. Рядом с чисто экономической выгодой имел место и геополитический расчет. Тут надо вспомнить и свадьбу дочери Гедимина с польским князем, и другие политические контакты с Польшей.

Главным различием в характере появления двух христианских общин в городе служили те обстоятельства, по которым христиане переселялись в Вильнюс. Для католиков нужно было приглашение князя, что и отразилось в знаменитых «письмах Гедимина». Католикам требовались гарантии: Рижское право, свобода вероисповедания и пр. В то же время православные прибывали в Вильнюс и без особого приглашения, как подданные великого князя, как его люди. Известно, что в пору правления Гедимина под власть Литвы попала часть русских земель и городов — Волынь, Витебск, Полоцк и др. (подробнее см. *Rowell,* 2001. P. 89–93). Православные и католики селились в Вильнюсе по инициативе великого князя, с его разрешения, как люди, нужные городу и князю. Однако подход к этим двум общинам был разный. Православные считались подданными великого князя, а католики — иноземцами. Тем более численность католиков была гораздо меньше, и им требовалось покровительство великого князя, гарантии безопасности. Ведь это были времена постоянной военной конфронтации с орденом.

Разные условия появления православных и католиков напрямую связывались с различиями в положении обеих общин, их локализацией в городе и конечно же с их разным значением в жизни города. Но есть между ними и нечто общее — например, сам состав христианских общин. В первую очередь в город прибыли купцы, ремесленники, представители духовенства — как православные, так и католики. Это показывает, что появление христианских общин в городе имело самое практическое значение. Для великих князей христиане были людьми, которые могли оживить торговлю, способствовать развитию ремесла (например, обработки металла), внедрению новых знаний (каменное строительство), а также умению управлять княжеской канцелярией. Православные ценились и как знатоки военного дела. Таким образом, православную и католическую общины в Вильнюсе больше всего объединяло то, что и та и другая были востребованы благодаря практическому вкладу в дела городской торговли и ремесленной жизни. Как заметил историк Д. Баронас, в то время сочетание языческой воинственности и христианского ремесла, мастерства и торговых навыков было хорошим решением для Литвы (подробнее см. *Baronas,* 2014. P. 51–81).

Хотя причины и обстоятельства появления православных и католиков существенно отличались, эти общины играли те роли, которые были предопределены их спецификой. И эти роли не были такими уж разными. Поселившись в языческом городе, и православные, и католики неизбежно воздействовали на социальное, конфессиональное, политическое, экономическое пространство и урбанистическую структуру — городской план. Православные принесли с собой ремесленные навыки и знания. Эти знания особенно четко прослеживаются в ювелирном деле — в появлении новых технологий обработки цветного

металла. К таковым относится, к примеру, техника тиснения. Изделия, изготовленные при помощи этой техники (бляшки от головных венчиков), найдены в Вильнюсе, Кернаве и периферийных могильниках Литвы. Влияние православия в наибольшей степени проявлялось в повседневном быту (*Nikžentaitis,* 1996. P. 32). Но, несомненно, оно имело место и в политической жизни, особенно во времена до принятия Литвой официального католического крещения, когда литовские великие князья еще колебались между выбором Восточной или Западной конфессии. Однако и позднее православные, несмотря на некоторые притеснения, сохраняли немалое влияние в вильнюсском обществе.

Появление в Вильнюсе католической общины напрямую связано с проводимой великими князьями литовскими политикой модернизации края в конце XIII — XIV в. Вильнюс выделялся тем, что католики здесь селились по экономическим и политическим причинам, но не по военным и религиозным, как в соседних странах, куда католики призывались для христианизации страны. Католическая община вписывалась в городскую жизнь (торговые связи, брачные отношения и пр.), становилась частью городского класса. Мирное поселение католиков в Вильнюсе, тогда еще языческом, позволило им сыграть там определенную роль. Католики представляли свою веру. Не насильно, а через разного рода контакты, эту новую веру неизбежно должна была принять и часть язычников[8]. Хотя мы и не имеем данных, которые позволили бы определить число неофитов и установить масштабы христианизации в период до 1387 г., можно предположить, что неконфликтное поселение католиков могло облегчить принятие крещения, состоявшееся позже.

Правда, надо подчеркнуть, что в отличие от соседних стран причины появления христиан были сугубо экономическими и политическими, но не религиозными — великие князья не ставили перед собой такие задачи. Считается, что к православным в Литве относились толерантно. Например, все братья Тройдяня, а также и сестра Гедимина были православными (*Jonaitis,* 2013. P. 21). Выдвигается предположение, что еще до официального крещения Литвы в 1387 г. немалая часть жителей Вильнюса исповедовали православие (*Jonaitis,* 2013. P. 21). Однако нет основания утверждать, что православные прибыли в Вильнюс для внедрения и распространения христианской веры. Их появление было связано с желанием великого князя способствовать развитию экономики и военного дела, а не христианской веры. Еще меньше такие причины способствовали появлению католиков. Католическое духовенство (в первую очередь монахи-францисканцы) приглашались в Вильнюс, но лишь для духовного окормления прибывших католиков и некоторой части подданных[9],

[8] Например, известно, что некоторые язычники приняли христианство, став свидетелями чуда, случившегося после мученичества францисканцев в 1341 г., см. *Baronas, Dubonis, Petrauskas,* 2011. P. 525.

[9] Великий князь Гедимин в своем письме просил прислать монахов, владеющих языком земгалов (а также пруссов и поляков). Так что часть служивших ему земгалов были католиками, как и служившие пруссы и поляки. См.: *Gedimino laiškai,* 2003. P. 63.

а не для распространения христианской веры. Проповедь католичества среди язычников пресекалась. Это хорошо иллюстрирует факт мученичества двух францисканцев в 1341 г.[10]

4. Локализация христианских общин в Вильнюсе

Места поселения православных и католиков на раннем этапе развития города были различны. В конце XIII – начале XIV в. в Вильнюсе была заселена гора Гедимина с подножиями и Кривой город (*Vaitkevičius,* 2010. P. 56.), а на территории нынешнего старого города только восточная его часть – «Civitas Rutenica» (*Jonaitis,* 2013. P. 29–30). В указанный период эта территория, заселенная православными, являлась самым удобным местом для проживания в развивающемся городе: сравнительно недалеко от княжеского замка (500 м), т. е. возле гаранта безопасности, в стороне от территории, заселенной язычниками. Именно здесь был перекресток дорог разных направлений. Грунтовые воды в этом месте стояли высоко, и не было проблем с колодцами.

Лучше всего территорию, заселенную православной общиной, маркируют церкви[11]. Они строились по периметру населенной территории. В начале XIV в. строятся первые 3 церкви на территории «Civitas Rutenica», которая на начальном этапе напоминала треугольник, ядро Русского конца. Площадь самого раннего «Civitas Rutenica» была примерно 1,7 га. По материалам новейших исследований на могильнике по ул. Бокшто (находки, стратиграфия, радиокарбонные данные), можно утверждать, что на этом месте начали хоронить уже во второй половине XIII в. Тем временем начальное заселение «Civitas Rutenica» датируется первой половиной XIV в. (т. е. на этой территории не только существовал могильник, но и прослеживается формирование культурного слоя). Итак, ядро «Civitas Rutenica» как бы втиснуто между местонахождениями самого раннего культурного слоя на территории старого города. Его изначальную территорию маркировали 3 церкви – Св. Параскевы (Пятницкая), Пресвятой Богоматери и Св. Николая (Успения) (*Jonaitis,* 2011. P. 113–114).

Напротив, католики, в силу обстоятельств своего появления в Вильнюсе, поселились там как часть общины Подола. Представители иноземных религий на начальном этапе не могли селиться поодаль княжеского замка. Археологические источники свидетельствуют, что первые католический костел и поселение находились у юго-западного подножья горы Гедимина (*Vaitkevičius,* 2010. P. 61). Эта территория небольшая, площадью около 1,7 га (Там же. P. 61), но она очень выделяется по своей топографии. Она находится на мысу, благоприятная для

[10] По преданию, в том году два францисканца вышли из своего дома и начали проповедь среди язычников. За это великий князь приказал их казнить. Подробнее см.: *Baronas,* 2010. P. 81.

[11] Подробнее о церквях на территории Civitas Rutenica см. *Jonaitis,* 2011. P. 36–47.

обороны, сообщения, доступности водных ресурсов. Подол был отдельной изолированной территорией, удобной для поселения небольшой, замкнутой общины, такой как католическая колония (Подробнее см. *Kaplūnaitė*, 2015. P. 42–46). Именно здесь в первой четверти XIV в. и стоял первый францисканский костел (*Kaplūnaitė*, 2015. P. 42–46).

Очевидно, что письма Гедимина западным католикам сделали свое дело (они нашли отклик). Однако в первой половине XIV в. можно говорить лишь о небольшой католической общине в городе (*Nikžentaitis*, 1999. P. 29). При великом князе Гедимине политические обстоятельства не благоприятствовали миграции сюда католиков из немецких городов — этому препятствовали оба ордена (*Kiaupa, Kiaupienė, Kuncevičius*, 1998. P. 78). Немногочисленность католического поселения проявляется и в археологическом материале, в характере застройки.

В первой половине — середине XIV в. еще нет никакого основания говорить о какой-либо активной деятельности католической общины в городе. В данный период, особенно когда к власти пришел великий князь Ольгерд, в Вильнюсе заметна большая активность православной общины. Это время можно считать золотым веком «Civitas Rutenica». Наибольшему развитию Русского конца и пику строительства церквей способствовала не только проводимая Ольгердом политика восточного направления, но и то, что обе его жены были православными — Мария Витебская и Ульяна Тверская[12].

Большие изменения в Вильнюсе наблюдаются с середины — третьей четверти XIV в. Именно в этот период происходит более интенсивное освоение территории нынешнего старого города Вильнюса (а не только его восточной части — «Civitas Rutenica»). Тогда же можно говорить о появлении католического пригорода «на Песках», так называемого «Немецкого города» (подробнее см. *Kaplūnaitė*, 2015. P. 49–53). В это же время происходит переселение католиков с юго-западного подножья горы Гедимина в западную часть старого города.

Расселение христиан в городе отражает потребность самих общин в подборе места для удобной жизни. Но, вместе с тем анализ их локализации и занимаемого пространства показывает различный характер их основания. Православные уже в XIV в. начали основывать отдельный пригород: освоили восточную часть нынешнего старого города Вильнюса и в ближайшие десятилетия всё более расширяли свою территорию. В то время как католики обосновались на подоле княжеского замка, и только в третьей четверти XIV в. сложились благоприятные условия для формирования отдельного католического пригорода вдали от княжеского замка.

Разницу между христианскими общинами в данном отношении предопределили несколько факторов: позиция самого князя, его планы относительно каждой из общин, его колебания между Востоком и Западом в вопросе о креще-

[12] Подробнее о развитии Русского конца во времена правления великого князя Ольгерда см. *Jonaitis*, 2013. P. 38–46.

нии. Кроме этих факторов была и более простая причина — православных было намного больше. Поэтому они (православные) сразу основали свой пригород, а для католиков такая возможность появилась только в связи с демографическими, политическими и экономическими изменениями после прихода к власти великого князя литовского Ягелло. Именно с этого момента можно говорить о существовании в городе двух христианских пригородов — на востоке «Civitas Rutenica» (занимающего около 12 га), на западе — Немецкого города (около 6 га). Скорее всего, нельзя считать совпадением тот факт, что христианские пригороды расположились в разных частях города — православные на востоке, католики на западе, и их разделяла дорога северного — южного направлений, идущая к/от княжеского замка. Общины расположились именно так, как им было удобнее всего, соответственно у дорог восточного и западного направлений.

Кроме христианских общин в городе, естественно, жило и местное население — литовцы. Как показывает распространение археологического материала, в данный период они обосновались в окрестностях Кривого замка, вокруг резиденции великого князя, на нынешней территории Бернардинского сада, вокруг костела Св. Иоанна и, вероятно, вдоль дороги Рудининкайского направления (*Kaplūnaitė*, 2013. P. 139). Так формировались несколько пригородов, из которых, слившись воедино, и вырос город Вильнюс[13].

Таким образом, локализация двух христианских общин на раннем этапе развития Вильнюса имела разные свойства. Со временем положение обеих общин изменялось, менялись и места их проживания. Православные еще в начале XIV в. освоили восточную часть нынешнего старого города Вильнюса, формируя Русский конец[14]. Католики на начальном этапе располагались возле княжеского замка как часть общины, жившей на Подоле[15]. Масштабные изменения в городском плане наблюдаются во второй половине XIV в. В то время православный жилой район все еще расширялся, а в западной части появился новый район — католический Немецкий город. Такой выбор и последующую эволюцию структуры расселения определили исторические обстоятельства и разный взгляд на православных и католиков в Литве.

[13] Идея о том, что Вильнюс сформировался из отдельных поселений, а не из одного поселения на Подоле, впервые сформулирована Г. Вайткявичусом и К. Каталинасом (*Katalynas, Vaitkevičius*, 2005. P. 31).

[14] В этот период осваивался пригород, в то время как данные исследования могильника на ул. Бокшто показывают, что хоронили тут уже во второй половине XIII в. Таким образом, можно выдвигать гипотезу о том, что самые первые православные поселились у северного подножья горы Гедимина во второй половине XIII в.

[15] В Вильнюсе подолы были у северного и юго-западного подножий горы Гедимина. На юго-западном подножье было основано поселение людей католической веры. В географическом и экономическом смысле оно соответствует признакам подола (о правовом и административном положении на сегодняшний день нет данных). Поселившиеся здесь ремесленники, купцы и духовенство в первую очередь служили интересам великого князя.

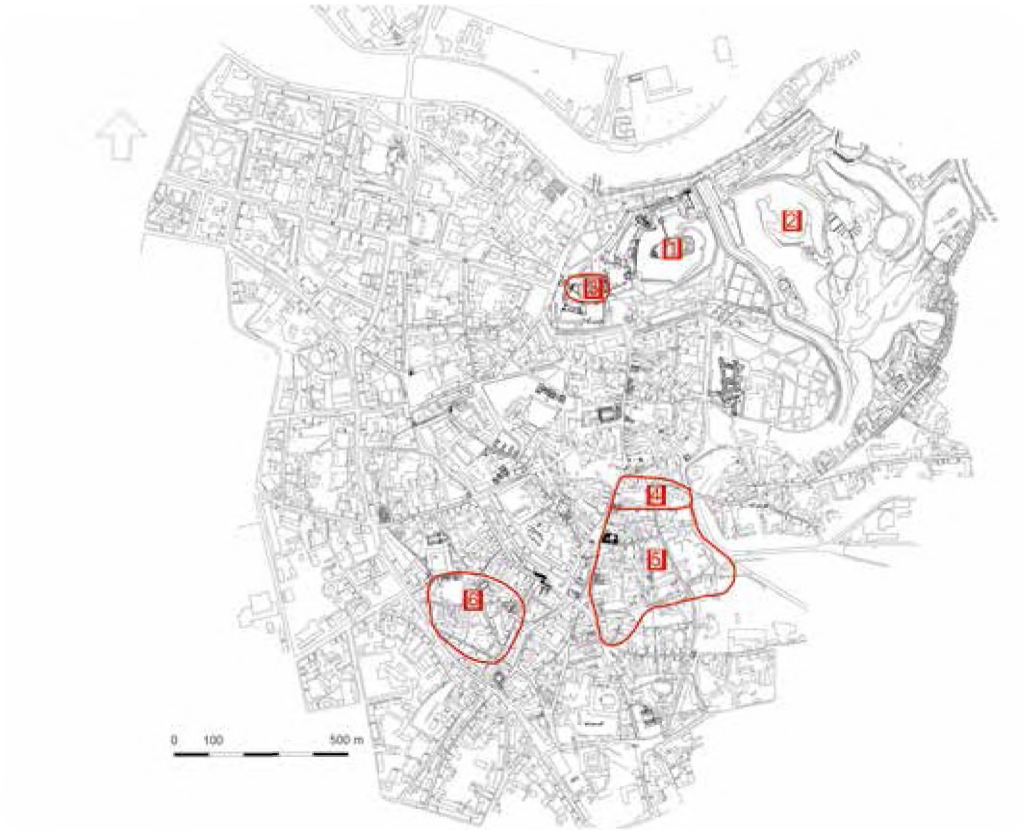

Рис. 1. Расположение жилых районов Вильнюса в XIV в. (до 1387 г.). План О. Валенёне, с добавлениями авторов:
1. Верхний замок; 2. Кривой город; 3. Католическая миссия; 4. Русский город («Civitas Rutenica»); 5. Расширение «Civitas Rutenica»; 6. Немецкий город
Fig. 1. Distribution of inhabitant areas of Vilnius in the 14th century (until 1387). Plan by O. Valionienė, additions by authors:
1. The Upper Castle; 2. The Crooked Town; 3. Catholic Mission; 4. Russian town ("Civitas Rutenica"); 5. Development of "Civitas Rutenica"; 6. "German Town"

5. Сосуществование разных конфессий

Проживание в одном городе представителей разных вероисповеданий не являлось чем-то исключительным. Это свойственно многим приграничным территориям, Центральной и Восточной Европе. Как метко подметили M. Crăciun и E. Fulton, похоже, что жители этой части Европы в отличие от западноевропейцев всегда жили с идеей о разнообразии религиозных ритуалов (*Crăciun, Fulton*, 2011).

Живя в окружении разных религий, они были вынуждены поддерживать разного рода отношения с представителями разных вероисповеданий. Выделяется несколько сценариев такого сосуществования. По одному из них чужестранцы занимают чужой город или страну и поселяются как «высший класс». Такой случай особенно ярко выражен в Латвии. Колонизация тут была основана на военной интервенции, когда крестоносцы насильно захватили земли, с того момента известные как Ливония (подробнее см., напр., *Sarnowsky*, 2011). Другой сценарий заключается в том, что иностранцы приглашаются правителем с целью крестить страну. Такая ситуация сложилась в Скандинавии. Тут сильные правители призывали католические миссии, оценивая христианизацию страны как процесс, выгодный для себя по экономическим и политическим соображениям (подробнее см. *Urbańczyk*, 2003. P. 15–27). Еще один вариант сложился на Руси. Тут иностранцы основывали торговые фактории, например в Новгороде (подробнее см. *Рыбина*, 2009). То есть их поселение в городе носило торгово-экономический характер. На первый взгляд поселение католиков в Вильнюсе по своему характеру напоминало процесс немецкой колонизации, имевший место в Польше с XIII в. (подробнее см. *Piskorski*, 2008. P. 27–36). Там, как и в Вильнюсе, процесс происходил по инициативе правителя по экономическим причинам. Кроме того, прибывших не было много и они не оценивались как «высший класс». Однако тут очень важно подчеркнуть, что в Польше в отличие от Литвы немецкие переселенцы обосновывались в стране, уже давно принявшей католическую веру (в 966 г.). Наконец, имеется еще один сценарий, когда в городе сосуществуют представители нескольких разных вероисповеданий и ни одна община не является господствующей, а все на равных правах участвуют в жизни города. Обычно такая ситуация наблюдается на т. н. «приграничных» территориях. Например, в Венгрии, где вместе жили венгры, немцы, русины, евреи и др. (подробнее см. *Crăciun, Fulton*, 2011. P. 4). На Украине, во Львове, сосуществовали католики, православные, татары, армяне, евреи (подробнее см. *Hrystak*, 2000. P. 47–73). Вильнюсский вариант наиболее близок именно к такому сценарию, однако не идентичен ему. Различие обусловливалось тем, что Вильнюс до 1387 г. был языческим городом. Если в Польше, Венгрии или на Руси одна из христианских конфессий уже господствовала, то Вильнюсом правили великие князья-язычники. Такое положение способствовало несколько другим отношениям православных и католиков в городе иноверцев. В Западной Европе, особенно в ранний период, православие рассматривалось как ересь (*Crăciun, Fulton*, 2011. P. 10). Ситуация изменилась лишь примерно с XV в., когда католики начали понимать православие скорее как часть универсального христианства, представителей одной церкви (Op. cit. P. 10). В Вильнюсе, живя среди язычников, это понимание могло появиться раньше.

Говоря конкретно об отношениях католиков и православных, для исследуемой нами темы особенно важны два примера – Ливония и Русь. Известно, что католическая Ливония толерантно относилась к православным церквям,

особенно в северо-восточной части (*Selart*, 2009. P. 273–292). Например, в Риге, Тарту имелись, хоть и небольшие, православные общины со своими церквами. На Руси, в Новгороде, основывались торговые фактории, которые также строили свои церкви. Известно, что иногда прибывшие купцы-католики останавливались не на своих «дворах», но у местных православных, либо стараясь научиться русскому языку, либо просто из-за нехватки жилых помещений (*Selart*, 2009. P. 276). Правда, есть немало информации о конфликтах между местными и прибывшими в Новгород[16], однако причины этих столкновений были не религиозными, а чисто экономическими или территориальными (*Рыбина,* 1986). Поэтому можно говорить, что часто межконфессиональные отношения имели прагматическую сторону — консенсус находили не по причине религиозной толерантности, а просто в силу общих дел и интересов (*Selart*, 2009. P. 286–290).

6. Католики — православные

Анализ поселений христианских общин на раннем этапе показывает, что и здесь верх брал прагматичный подход. Появление в Вильнюсе православных и католиков диктовалось их экономическим и торговым потенциалом, интересами правителя. Однако это не отвечает на вопрос, каковы же были отношения между этими двумя общинами? Общались ли между собой католики и православные и какой характер носило это общение? Какой термин лучше всего описывает эти отношения — дружба, уважение, равнодушие, соперничество, враждебность?

Из-за недостатка письменных источников ответить на эти вопросы помогают другие данные. Археологический и геологический материал показывает, что между христианскими общинами существовали четкие границы. Например, хорошо прослеживается граница между западной и восточной частями города. Она совпадает с упомянутой выше дорогой южного — северного направлений (территория Вильнюсских замков — Рудининкай, Мядининкай). С середины XV в. в центре ее стал действовать Вильнюсский торг на Ратушной площади. Ратушная площадь становится главным торгом Вильнюса и центром всеобщего притяжения. Она также отражает воздействие разных конфессий на городской план. Площадь объединяет (или различает) пространства между католической частью города на западе и православной частью на востоке. Как показывают археологические данные, эти два района на протяжении всего XV в. приближаются друг к другу, но так и не сливаются воедино (*Каплунайте,* 2011). В южной части католиков и православных разделяла естественная граница — сильно заболоченные исторические кварталы № 50, 51 и 54, урбанизированные лишь

[16] Прибывающие купцы-католики постоянно конфликтовали с местными жителями, поэтому сразу по прибытии они огораживали свою территорию мощным забором, позволявшим защититься от местного населения (*Рыбина,* 2009).

в XVI в., когда поверхностные воды были канализированы[17]. О слиянии этих двух районов можно говорить только с этого времени.

Правда, нельзя точно сказать, существовал ли указ, регламентирующий локализацию христианских общин в городе, или границы были естественными, т. е. сами общины придерживались безопасного расстояния от представителей другой веры. С другой стороны, тот факт, что Русский конец за все время своего развития не перешагнул нынешнюю улицу Пилес (бывшую дорогу северного — южного направлений, ведущую от/к территории замков), указывает на то, что, возможно, его развитие было все-таки регламентировано (подробнее см. *Vaitkevičius*, 2010; *Jonaitis*, 2013). Не следует забывать и природную ситуацию, например упомянутую выше естественную южную границу, поэтому отсутствие застройки тут объясняется природными условиями, а не желанием выдержать безопасное расстояние.

На данный момент у нас не хватает данных для того, чтобы с уверенностью сказать, были ли оба христианских пригорода обведены укреплениями как друг от друга, так и от местного языческого населения. В исторических источниках не упоминается о каких-либо конфликтах между католиками и православными. В отличие, например, от Новгорода, где прибывшие купцы-католики первым делом ограждали свою территорию крепким забором, способным защитить их от местных горожан (*Рыбина*, 2009. С. 129). О том, что такой частокол строился именно для защиты, говорит тот факт, что заборы купцов-католиков возводились из более крупных бревен: местные новгородцы свои частоколы сооружали из бревен диаметром 12–14 см (самое большее 20–22 см), а бревна частоколов, сооруженных прибывшими католиками, имели диаметр около 40 см (*Рыбина*, 2009. С. 129). В Вильнюсе обнаруженные фрагменты заборов, скорее всего, помечают границы усадеб или участков, а не отражают потребность защиты от внутренних врагов. Это подтверждает и анализ деревянных заборов, обнаруженных во время археологических раскопок. Например, на ул. Жямайтиёс, 6 и 8, диаметр бревен частокола не превышал 23 см (*Jankauskas*, 1980; 1981). Мы считаем, что в Вильнюсе надо говорить об определенной дистанции между общинами, а не об открытой вражде, выраженной в оборонительных укреплениях.

Говоря о взаимоотношениях между католиками и православными в Вильнюсе, мы акцентируем не угрозу, но уважение, соблюдение расстояния, может быть, толерантность. Однако не надо забывать, что хотя письменные источники не говорят о каких-либо конфликтах между христианскими общинами, они также не упоминают и о дружбе между ними. Общины разделяла не только вера, но и происхождение, язык. Особенно в период до крещения в 1387 г., когда большинство католиков в Вильнюсе составляли немцы[18].

---

[17] Данные проекта Института истории Литвы и Института геологии Литвы 2013 г.: «Причины изменений окружающей среды в городах Литвы (1 этап, XIV–XVIII вв.)».

[18] В начале XIV в. в Вильнюсе более активно действовали францисканцы немецкого происхождения, в основном из саксонской провинции и Ливонии (*Baronas*, 2010, P. 89). Число поляков-католиков увеличилось после крещения в 1387 г.

7. Христиане — язычники

Как и в случае отношений между католиками и православными, письменные источники скудно отражают перипетии отношений между христианами и язычниками в Вильнюсе в XIV в. Однако в этом случае имеем дополнительный источник информации — имевшие место мученичества христиан в городе. Их анализ способен уточнить представления о возможностях христиан исповедовать свою религию, и в частности распространять ее среди язычников.

Мученичество православных состоялось в 1347 г., когда по приказу великого князя Ольгерда были казнены трое его придворных, исповедовавших православие[19]. Как замечает детально исследовавший мученичество православных Д. Баронас, Антоний, Иоанн и Евстафий не только тайно приняли христианство, но и внешне выделялись среди других придворных — стали отращивать длинные волосы и носить бороды (*Baronas*, 2000. P. 106). Таким образом, они как бы не скрывали своего обращения в православие. Эти признаки и открытая их демонстрация перед князем-язычником были расценены как неповиновение, за что придворные и были казнены. Осуществленное жестокое мученичество должно было в будущем препятствовать такому неповиновению великому князю. На это событие можно взглянуть с двух позиций — с точки зрения великого князя и с точки зрения его православных придворных. С позиции последних, это было мученичество за свою веру — они предпочли веру приказу князя-язычника. Другой вопрос — насколько значимо было их вероисповедание для самого великого князя? Можно предположить, что для него важен был сам факт неподчинения придворных, а не их вероисповедание. Тут мы согласны с мнением Д. Баронаса, что Антоний, Иоанн и Евстафий, скорее всего, не были бы казнены, если бы они не являлись лицами, принадлежащими к ближнему княжескому окружению и не демонстрировали в открытую своего выбора (*Baronas*, 2000. P. 114).

В то же время нет никаких доказательств того, что запрещалось принятие православия в частном порядке. Наоборот, считается, что православное духовенство имело возможность свободно распространять веру среди язычников. Письменные источники упоминают православного духовника Нестора, в середине XIV в. свободно совершавшего православные обряды не только в окружении правителя, но и в самом городе (*Баронас*, 2004. С. 161–166). Кроме того, сестра великого князя Гедимина исповедовала православие и жила в монастыре в Вильнюсе (*Jonaitis*, 2013. P. 21). Православие было близко литовцам — немалая часть правящей элиты того времени сами были православными. Это подтверждается тем фактом, что слой старейшей христианской терминологии литовского языка состоит исключительно из русских заимствований (*Gudavičius*, 1999. P. 187). Вероятно, православного духовенства в городе не было много и оно не могло сильно повлиять на этническую ситуацию.

[19] Во время Поста отказались есть мясо (подробнее см. *Baronas*, 2000).

Контекст католических мученичеств уже совсем другой. Первое католическое мученичество состоялось в 1341 г. Предположительно в том году два францисканца вышли за пределы места своего проживания и начали проповедовать язычникам (*Baronas*, 2010. P. 80). За этот проступок (проповедь не была согласована с правителем) великий князь приказал их казнить. Очевидно, что распространение католицизма среди язычников не приветствовалось. Правда, великий князь Гедимин казнил только двух провинившихся монахов, а вся остальная францисканская миссия осталась и продолжала свою деятельность (*Baronas*, 2010. P. 81). Второе мученичество францисканцев состоялось в 1369 г. Предполагается, что на этот раз пострадал весь монашеский конвент, проживавший в то время в Вильнюсе, т. е. 5 монахов (подробнее см. *Gidžiūnas*, 1954; *Baronas*, 2010). Однако на этот раз в отличие от времени правления Гедимина убийство произошло не по воле великого князя, а даже наоборот — без его ведома, по инициативе местных горожан-язычников. За такой самовольный поступок убийцы были наказаны. Судя по «Хронике Быховца», великий князь Ольгерд жестоко покарал горожан за резню, чтобы впредь никто не осмеливался поднять руку на христиан (*Baronas*, 2010. P. 49–50).

Хотя католические мученичества в Вильнюсе были связаны с религиозными распрями, следует подчеркнуть, что в обоих случаях были убиты монахи-францисканцы, пытавшиеся проповедовать язычникам. Они пострадали от того, что «слишком яростно» указывали на ошибки язычников (*Baronas*, 2010. P. 80). Мы видим, что в обоих случаях убиты монахи, а не ремесленники или торговцы, которые в то время контактировали с язычниками. Все это свидетельствует о том, что ярость местных язычников была направлена против активных попыток обратить их в католичество, а не против обычных представителей этой веры, живших в городе. Это подтверждается фактом, что монахи-францисканцы убиты в 1369 г., а в то же самое время спокойно основывается (и даже расширяется) поселение в Смелине (*Kaplūnaitė*, 2013. P. 59). Так проявляется ярая враждебность по отношению к распространению католицизма, но не его частным исповедникам.

Мы видим, что в Вильнюсе XIV в. был важен прагматичный подход. Живя на пограничье между двумя христианскими религиями, язычники литовцы лучше понимали разнообразие религий. Прибывающие оценивались как в чем-то полезные люди. Такому подходу способствовал и тот факт, что прибывающие христиане не имели более высокого статуса, не было большого социального разрыва между местной популяцией и иноверцами, как, скажем, в уже упомянутой Ливонии (ср. *Valk*, 2003). Такие обстоятельства уменьшали возможность появления неприязни. Кроме того, и великие князья в свою очередь позаботились о том, чтобы, хотя бы на начальном этапе, общины разного вероисповедания жили отдельно друг от друга. Изначально прибывающим католикам были гарантированы бо́льшие привилегии и свободы, нежели местному населению[20]. Тем не менее вскоре такие же права распространились и на других горожан. Аналогичная

[20] Рижское право, некоторые торговые льготы и пр. (см. *Gedimino laiškai*, 2003).

ситуация наблюдается и в соседней Польше. Здесь вначале прибывшим немцам было предоставлено Немецкое право. Но, как отмечается в историографии, из-за этого местные жители не чувствовали неприязни иностранцам, а требовали от своих правителей, чтобы такие же права были предоставлены и им (*Zientara*, 1974. P. 11). Другим фактором, который позволил язычникам толерантно относиться к католикам, было то, что в период до официального крещения Литвы католиков в городе было очень мало. Небольшая группа людей не должна была выглядеть опасно. Православных в городе было намного больше, однако, как мы уже упоминали, они воспринимались как свои, как княжеские подданные, да и само православие для литовцев было более близкой религией.

8. Заключение

Анализируя ситуацию в Вильнюсе, мы видим, что отношения между православными и католиками, а также между христианами и язычниками не были одинаковыми на протяжении XIV в. На начальном этапе, в первой половине XIV в., контакты между общинами, скорее всего, не поощрялись, а даже наоборот — им препятствовали. Православные селились в восточной части нынешнего старого города, а католики на раннем этапе были поселены рядом с княжеским замком, на естественным образом изолированной, замкнутой территории. Вероятно, таково было желание великих князей — иметь католиков возле себя как часть общины Подола, выполняющую некоторые важные для князей функции. Во второй половине XIV в. ситуация несколько изменилась. Жители Подола, хотя и работали на великого князя, имели возможность торговать с другими жителями города. Правда, в чужом городе они не имели семейных связей, знакомств, своего круга покупателей. Для того чтобы создать свой рынок, прибывшие должны были строить отношения с другими жителями Вильнюса. Только через прямые контакты могли распространяться знания ремесла, осуществлялась торговля. А торговля была очень важна, от нее не отказывались даже в военное время. Наряду с экономическими/торговыми связями активизировалось и общение. Со временем жители Подола стали достаточно независимыми экономически, чтобы из работников князя стать горожанами, имеющими свой рынок, занимающими определенное социальное, политическое и правовое положение. В Вильнюсе второй половины XIV в. надо говорить о формировании класса горожан, в который вошли представители католического, православного и языческого вероисповеданий.

Письменные и археологические источники отражают мирное сосуществование разных общин в Вильнюсе в XIV в. Православные воспринимались как свои, да и ассимиляция католиков происходила довольно быстро. Как и в соседней Польше[21], слиянию разных общин и быстрой ассимиляции содейство-

[21] Как отмечается в историографии, в Польше немецкие иммигранты постепенно сливались с местным населением через браки (*Detœiller*, 1999. P. 55).

вали брачные отношения. Поскольку до 1387 г. католиков в Вильнюсе было мало, они не вызывали беспокойства у местной популяции. Тут надо отметить, что в мирном сосуществовании были заинтересованы и великие князья, озабоченные благополучием города. Очевидно, что верх брали прагматичный взгляд, предпринимательский интерес, рост экономической силы. Наибольшее внимание в Вильнюсе уделялось благополучию горожан, а не идеологии.

Настоящая статья посвящена XIV в., однако в заключение мы бы хотели сделать экскурс в более поздние времена. После 1387 г. Литва стала католическим государством. Как это отразилось на сосуществовании разных конфессий? Тогда к небольшому по численности немецкому католическому элементу присоединилась весьма многочисленная польская община. Западная часть нынешнего старого города резко расширилась, здесь начали селиться не только прибывающие католики, но и литовцы-неофиты. Несмотря на католическое крещение, не утратил своих позиций и Русский конец. Правда, приняв католическое крещение, великие князья предпринимают усилия разного рода запретами ограничить как личные, так и религиозные права православных[22], тем самым расчищая дорогу католицизму. Однако бывали и исключения, такие как строительство церкви Воскресения Христа на нынешней улице Стиклю (*Jonaitis*, 2013. P. 45). Следует также отметить случай с великим гетманом Константином Острожским: в 1514 г., после одержанной им победы под Оршей, в Вильнюсе, по воле К. Острожского, с разрешения великого князя, были построены две каменные церкви (на месте старых деревянных) и отремонтирована одна каменная церковь. Это показывает, что еще долго после католического крещения Литвы православные занимали важные государственные посты, а их пожелания уважались. Таким образом, православные оставались важной частью городского класса.

В XV в. в Вильнюсе наблюдаются территориальное сближение разных общин и чересполосное проживание разных национальностей. В общий план включается и еврейский район (будущее гетто). В XVI, и особенно в XVII в., в западной части Вильнюса рядом с католиками поселяются евреи, православные и др. Сами католики начинают селиться на территориях, когда-то принадлежавших православным (*Frick*, 2013. P. 23–24). Но разделявшая когда-то территории двух христианских общин улица Пилес сохраняла роль границы между ними даже по истечении нескольких столетий (подробнее см. *Frick*, 2013. P. 22–26). Тем не менее для XVI–XVII вв. известны случаи, когда представители нескольких разных религий проживали в одном доме (*Frick*, 2013. P. 69–76). В этой ситуации разделение территории города по конфессиональному признаку совершенно изжило себя. С начала XVI в. следует говорить уже просто о горожанах Вильнюса. Визуально это слияние отражает построенная в первой чет-

[22] Например, в привилегии великого князя Ягелло от 22 февраля 1387 г. говорится, что если семья смешанная, то православные должны принять католицизм (*Gudavičius*, 1999. P. 167), Городельская привилегия 1413 г. запрещала православным занимать государственные должности (*Kiaupienė, Petrauskas*, 2009. P. 209).

верти XVI в. Вильнюсская городская оборонительная стена, которая соединила разные части города в одно целое. А сосуществование двух христианских общин в городе, где католическое вероисповедание стало господствующим, — это уже вопрос будущих исследований.

Литература

Баронас Д. Древнейшие следы пребывания русских в Вильнюсе // Slavistica Vilnensis. Kalbotyra. Vilnius: VU leidykla, 2004 T. 53. N. 2. C. 161–166.

Велюс Г. Могильник XIII — XIV вв. в Кярнаве (Кривейкишис): этническая принадлежность погребенных // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в средневековье. Vilnius: LII leidykla, 2013. С. 59–79.

Каплунайте И. Католический пригород в Вильнюсе в XIV–XV вв. по данным археологии // АиИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова. Материалы 57 заседания. М.; Псков, 2011. С. 235–238.

Мусин А. Е. Milites Christi древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета // Militaria antiqua. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. 369 с.

Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1986. 176 с.

Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.

Baranauskas T. Lietuvos valstybės ištakos. Vilnius: Vaga, 2000.

Baronas D., Dubonis A., Petrauskas R. XIII a. — 1385 m. valstybės iškilimas tarp Rytų ir Vakarų. Lietuvos istorija. T. III. Vilnius: Baltos lankos. 2011 T. III.

Baronas D. Trys Vilniaus kankiniai: gyvenimas ir istorija. Vilnius: Aidai. 2000.

Baronas D. Pranciškonų misionieriai ir kankiniai Lietuvoje XIII–XIV a. // Pirmieji pranciškonų žingsniai Lietuvoje XIII–XVII a. Vilnius: Aidai, 2006. P. 9–31.

Baronas D. Vilniaus pranciškonų kankiniai ir jų kultas XIV–XX a. Vilnius: Aidai, 2010.

Baronas D. Christians in late pagan, and pagans in early christian Lithuania: the fourteenth and fifteenth centuries // Lithuanian Historical Studies. Vilnius: LII leidykla, 2014. N 19. P. 51–81.

Crăciun M., Fulton E. Introduction. Communities of Devotion: Religious Orders and Society in East Central Europe, 1450–1800 // Communities of Devotion: Religious Orders and Society in East Central Europe, 1450–1800. Surrey: Ashgate, 2011.

Detwiller D. S. Germany: a short history. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1999.

Dubonis A. Lietuva po karaliaus Mindaugo mirties: kova dėl sosto 1264–1268 m. // *Istorijos akiračiai. Skiriama Profesoriaus, habilituoto daktaro Antano Tylos 75-mečiui.* Vilnius: LII leidykla, 2004. P. 65–76.

Eihmane E. The Baltic Crusades: a clash oh two identities // The clash of cultures on the medieval Baltic frontier. London and New York: Routledge, 2009. P. 37–52.

Frick, D. Kith, Kin & Neighbors. Communities & conffessions in seventeenth cenutry Wilno. London: Cornell University press, 2013.

Gedimino laiškai. Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans. Сост. Rowell S. C. Vilnius: Vaga. 2003.

Gidžiūnas V. Legendariškieji pranciškonų kankiniai Vilniuje // Aidai. 1954. N 3. P. 105–110.

Gudavičius E. Lietuvos istorija. I tomas. Nuo seniausių laikų iki 1569 metų. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 1999.

Hrytsak Y. Lviv: A multicultural history through the centuries // Harvard Ukrainian Studies, Lviv: a city in the crosscurrents of culture. Harvard Ukrainian Research Institute. 2000. Vol. 24. P. 47–73.

Jankauskas A. Vilniaus m. Žemaitijos g. Nr. 8/11 vykdytų archeologinių tyrimų ataskaita. 1979 // LIIRS. 1980. F. 1. B. 833.

Jankauskas A. 1980 m. Vilniaus m. Žemaitijos g. Nr. 8/11 vykdytų archeologinių tyrimų ataskaita // LIIRS. 1981. F. 1. B. 834.

Jonaitis R. Civitas Rutenica Vilniuje XIII–XV a. Hum. m. daktaro disertacija. Klaipėda.: KU leidykla, 2013.

Jonaitis R. Orthodox Churches in the territory of „Civitas Rutenica" in Vilnius. Localization problem // Archaeologia Baltica. Klaipėda: KU leidykla, 2011. T. 16. P. 110–128.

Jonaitis R. Vilniaus senojo miesto vietoje (A1610K1), sklype Bokšto g. 6, esamų pastatų vietose, 2006–2007 m. vykdytų archeologijos tyrimų ataskaita (I DALIS. Tekstas, tyrimų nuotraukos, priedai) // LIIR. 2009. F. 1. B. 4929.

Kaplūnaitė I. Vilniaus miesto katalikiškoji dalis XIV–XVI amžiaus pradžioje. Hum. m. daktaro disertacija. Klaipėda: KU leidykla, 2015.

Kaplūnaitė I. Vilniaus senojo miesto vietoje su priemiesčiais (25504), sklype Bokšto g. 6, 2012 m. vykdytų detaliųjų archeologijos tyrimų ataskaita (I DALIS. Tekstas, tyrimų ir radinių nuotraukos, priedai) // LIIR. 2014. F. 1. B. 6684.

Kaplūnaitė I. Vilniaus senojo miesto vietoje su priemiesčiais (25504), Ligoninės statinių komplekso (1033) ir Vilniaus miesto gynybinių įtvirtinimų liekanų (39) teritorijos, Vilniaus m. sav., Vilniaus m. Bokšto g. 6 2014 metų detaliųjų archeologinių tyrimų ataskaita (I TOMAS. Tekstas ir priedai) // LIIR. 2016. F. 1. B. 7421.

Katalynas K., Vaitkevičius G. Vilniaus miesto raida XIV–XVII amžiais // Baltų archeologija. 2005. N 4 (7). P. 25–32.

Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A. Lietuvos istorija iki 1795 metų. Vilnius: Arlila. 1998.

Kiaupienė J., Petrauskas R. Nauji horizontai: dinastija, visuomenė, valstybė. Lietuvos didžioji kunigaikštystė 1386–1529 m. Lietuvos istorija. Vilnius: Aidai, 2009. T. IV.

Kurila L. Lietuvių etninė riba rytuose IX–XII a. (2. Rašytinių šaltinių duomenys) // Lietuvos archeologija. Vilnius: Diemedis, 2005. T. 28. P. 121–132.

Luchtanas A., Vėlius G. Laidosena Lietuvoje XIII — XIV a. // Vidurio Lietuvos archeologija. Etnokultūriniai ryšiai. Vilnius: Žalioji Lietuva, 1996. P. 80–88.

Marburgietis V. Naujoji Prūsijos kronika // Пер. R. Jasas. Vilnius: Vaga, 1999.

Mažeika R. Of cabbages and knights: trade and trade treaties with the infidel on the northern frontier, 1200–1390 // Journal of Medieval History. Elsevier. 1994. 20. P. 63–76.

Nikžentaitis A. Ikikrikščioniška Lietuvos visuomenė XIII–XIV a. Habilitacinis darbas. Vilnius, 1999.

Nikžentaitis A. Nuo Daumanto iki Gedimino. Ikikrikščioniškos Lietuvos visuomenės bruožai // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. Klaipėda: KU leidykla, 1996 T. V.

Pašuta V. Lietuvos valstybės susidarymas. Vilnius: Mintis, 1971.

Petrauskas R. Valdžia ir valdymas. Nuo kolektyvinio valdymo iki monarchijos // XIII a.— 1385 m. valstybės iškilimas tarp Rytų ir Vakarų. Lietuvos istorija. Vilnius: Aidai, 2011. T. III. P. 300–321.

Piskorski J. M. Medieval Colonization in East Central Europe // The Germans and the East. West Lafayette: Purdue University Press, 2008. P. 27–36.

Rowell C. S. Iš viduramžių ūkų kylanti Lietuva. Pagonių imperija Rytų ir Vidurio Europoje, 1295–1345. Vilnius: Baltos lankos, 2001.

Sarcevičius S. Archeologinių žvalgomųjų tyrimų Vilniuje, Bokšto g. Nr. 6, ataskaita // LIIR. 2006. F. 1. B. 4535.

Sarnowsky J. Der Deutsche Orden. München: C. H. Beck, 2011.

Selart A. Orthodox churches in Medieval Livonia // The clash of cultures on the medieval Baltic frontier. London and New York: Routledge, 2009. P. 273–292.

Ščiavinskas M. Pokyčiai XII–XIII a. pr. Baltijos jūros rytinės pakrantės visuomenių raidoje // 1260-ieji: Durbės mūšio kontekstai. Telšiai: Druka, 2016. P. 86–112.

Urbańczyk P. The Politics of Conversion in North Central Europe // The cross goes north. Processes of conversion in Northern Europe, AD 300–1300. York: The Boydell Press, 2003. P. 15–27.

Vaitkevičius G. Vilniaus įkūrimas // Vilniaus sąsiuviniai. Vilnius: LNM, T. I. 2010.

Valk H. Christianisation in Estonia: a process of dual-faith and syncretism // The cross goes north. Processes of conversion in Northern Europe, AD 300–1300. York: The Boydell Press, 2003. P. 571–579.

Vėlius G. Kernavės miesto bendruomenė XIII – XIV amžiuje. Vilnius: VU leidykla. 2005.

Zientara B. Foreigners in Poland in the 10th – 15th centuries: their role in the opinion of Polish medieval community // Acta Poloniae Historica. Warszaw: Semper, 1974. N 29. P. 1–28.

Список сокращений

АиИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова, М., Псков, СПб.
Алт. ун-т — Алтайский государственный университет, Барнаул
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Л., СПб.
А-С хроника — Англосаксонская хроника
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины, Л./СПб.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры, Л.
ГИМ — Государственный исторический музей, М.
ГЭ — Государственный Эрмитаж, СПб.
ЗИИМК — Записки ИИМК РАН, СПб.
ИАК — Императорская Археологическая комиссия, СПб.
ИА РАН — Институт археологии РАН, М.
ИАЭт СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск
ИВИ РАН — Институт всеобщей истории РАН, М.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН, СПб.
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, Л., М.
Л. — Ленинград.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет, Л.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, Л.
М. — Москва
МАР — Материалы по археологии России, СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, М.
МНК — Международная научная конференция
НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Новгород Великий
НИС — Новгородский исторический сборник, Л./СПб.
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология, Новгород Великий
ОИФН — Отделение историко-филологических наук РАН, М.
ПВЛ — Повесть временных лет
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ, Л.
ПФИ — Программа фундаментальных исследований
РА — Российская археология, М.
РАЕ — Российский археологический ежегодник, СПб.
РАЕН — Российская Академия естественных наук, М.
РАН — Российская академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, М.
РИКО — Рязанское историко-культурное общество, Рязань
СА — Советская археология, Л., М.
САИ — Свод археологических источников, М.
СПб. — Санкт-Петербург
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет, СПб.
ТД — тезисы докладов
ШРКМ — Шиловский районный краеведческий музей, Шилово Рязанской обл.
KU — Klaipėdos universitetas,
LII — Lietuvos istorijos institutas
LIIR — Lietuvos istorijos instituto rankraštynas
LNM — Lietuvos nacionalinis muziejus
RGA — Reallexikon der Germanische Altertumskunde
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja
VU — Vilniaus universitetas

Список авторов

Илья Рафаэлевич АХМЕДОВ — *Ilya AKHMEDOV*, старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Санкт-Петербург 190000, Россия.

E-mail: *i_akhmedov@mail.ru*

Станислав Викторович БЕЛЬСКИЙ — *Stanislav BELSKIY*, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Отдел археологии. Санкт-Петербург 199034, Россия.

E-mail: *stbel@kunstkamera.ru, belstass@yandex.ru*

Александр Петрович ГАВРИЛОВ — *Alexander GAVRILOV*, директор, Шиловский районный краеведческий музей, Шилово, Рязанская область 391500, Россия.

E-mail: *museum2008@rambler.ru*

Константин Вячеславович ГОРЛОВ — *Konstantin GORLOV*, младший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, отдел охранной археологии, Санкт-Петербург 191186, Россия.

E-mail: *costik.gorlov@yandex.ru*

Наталья Владимировна ГРИГОРЬЕВА — *Natalya GRIGOR'YEVA*, младший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, Санкт-Петербург 191186, Россия.

E-mail: *mak-kon4@yandex.ru*

Ольга Владимировна ГРИГОРЬЕВА — *Olga GRIGOR'YEVA*, научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел, Санкт-Петербург 191186, Россия.

E-mail: *sigrid@yandex.ru*

Ритис ЙОНАЙТИС — *Rytis JONAITIS*, dr., research fellow, Lithuanian Institute of History, Urban Research Department, Kražių g. 5, LT-01108 Vilnius, Lithuania.

E-mail: *archjonaitis@gmail.com*

Ирма КАПЛУНАЙТЕ — *Irma KAPLŪNAITĖ*, dr., research fellow, Lithuanian Institute of History, Urban Research Department, Kražių g. 5, LT-01108 Vilnius, Lithuania.

E-mail: *irma.kaplunaite@gmail.com*

Павел Андреевич МИЛЯЕВ — *Pavel MILYAYEV*, младший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, Санкт-Петербург 191186, Россия; старший научный сотрудник, Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, Ленинградская обл. 187412, Россия.

E-mail: *milyaev.paul@yandex.ru*

Елена Робертовна МИХАЙЛОВА — *Elena MIKHAYLOVA*, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург 199034, Россия.

E-mail: *e.mikhailova@spbu.ru*

Евгений Николаевич НОСОВ — *Evgeniy NOSOV*, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург 191186; заведующий кафедрой археологии, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург 199034, Россия.

E-mail: *nosov.evg@gmail.com*

Надежда Игоревна ПЛАТОНОВА — *Nadezhda PLATONOVA*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург 191186, Россия.

E-mail: *niplaton@gmail.com*

Татьяна Борисовна СЕНИЧЕНКОВА — *Tatiana SENICHENKOVA*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Санкт-Петербург 190000, Россия.

E-mail: *sentb@mail.ru*

Владислав Юрьевич СОБОЛЕВ — *Vladislav SOBOLEV*, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева, Санкт-Петербург 199034, Россия.

E-mail: *vlad.sobolev@gmail.com*

Иван Вадимович СТАСЮК — *Ivan STASJUK*, научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, отдел охранной археологии, Санкт-Петербург 191186; ГБУК ЛО «Музейное агентство», Музей-усадьба Н. К. Рериха, Изварский филиал, старший научный сотрудник, Ленинградская обл. 188414, Россия.

E-mail: *norroendrengr@mail.ru*

Сергей Олегович УРЮПОВ — *Sergey URYUPOV,* старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, отдел научно-технической экспертизы, Санкт-Петербург 190000, Россия.

E-mail: *uryupov@hermitage.ru*

Наталия Вадимовна ХВОЩИНСКАЯ — *Natalia KHVOSCHINSKAYA*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, отдел славяно-финской археологии, Санкт-Петербург 191186, Россия.

E-mail: *kottimoshka85@mail.ru*

Александра Юрьевна ЧУРАКОВА — *Alexandra CHURAKOVA*, младший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, отдел истории русской культуры, Санкт-Петербург 190000, Россия.

E-mail: *berdandu@mail.ru*

Йенс ШНЕЕВАЙС — *Jens SCHNEEWEIß,* Dr. phil., Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europe (GWZO), Department „Man and Environment“, 04109 Leipzig, Germany; стипендиат программы «Феодор Линен» (Feodor Lynen Research Fellow) Фонда им. Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Foundation) в отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН, Санкт-Петербург 191186, Россия.

E-mail: *jschnee@gwdg.de*

Содержание

От редактора (Н. И. Платонова) 5

I. Культурные трансформации и археология элиты: общие вопросы и историография

Платонова Н. И. Древнерусская культура и древнерусская элита: проблемы и перспективы исследований 9
Platonova N. I. Old Rus' culture and the elite of Old Rus': to the definition of concepts

Григорьева О. В. Проблемы изучения элитарной культуры в древнерусской археологии 30
Grigor'yeva O. V. Problems of Elite Culture studies in Old Rus' archaeology

Шнеевайс Й. К вопросу о влиянии исторических дат на археологическое исследование (три ключевые даты эпохи викингов: 793, 862 и 929 гг.) 40
Schneeweiß J. How historical dates can affect archaeological research (three Viking Age examples: 793 A.D., 862 A.D. and 929 A.D.)

II. Погребальные памятники и проблема выделения социальных маркеров

Ахмедов И. Р., Гаврилов А. П. «Славянские» фибулы в древностях рязанских финнов: старые и новые находки 71
Akhmedov I. R., Gavrilov A. P. "Slavic" fibulae in the Ryazan Finns' antiquities: old and new finds

Бельский С. В. Раннесредневековые погребальные памятники на Карельском перешейке: некоторые результаты текущих исследований 90
Bel'skiy S. V. Early medieval burial sites on the Karelian isthmus: some results of current research

Стасюк И. В. К проблеме изучения раннего древнерусского общества на северо-западной границе Новгородской земли (по материалам погребальных памятников) 116
Stasyuk I. V. The problem of early Old Rus' society on the north-west border of Novgorod land (on the data of Early Medieval cemeteries)

Платонова Н. И. К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках второй половины XI — начала XII в. (по материалам Удрайского археологического комплекса) 124
Platonova N. I. The problem of interpretation of 'rich burials' at Old-Rus' cemeteries of the 1050–1130 A.D. (on the data of Udray archaeological complex)

Приложение: *Горлов К. В., Григорьева Н. В.* Серебряные перстни с чернью из могильника Удрай-2 (погребение КН-1) и Старой Ладоги 141
Attachment: *Gorlov K. V., Grigor'yeva N. V.* Silver rings with niello from the Udray-2 cemetery (burial KN-1) and Old Ladoga

Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере Которского погоста) 147
Mikhaylova E. R., Sobolev V. Yu. Elite complexes of Old-Rusian time: stereotypes of selection (on the example of Kotorsky Pogost)

Чуракова А. Ю. Подвески-кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси в XI–XII вв. 158
Churakova A. Yu. Pendants — crosses of the «Scandinavian type» in the context of the funerary culture of Old Rus' in the 1000–1200 A.D.

III. Археология городов и поселений: проблема социальных структур раннего Средневековья

Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. Атрибуция жилых построек древнерусского времени в центральной части Рюрикова городища (к обсуждению вопроса о выделении элитарных жилых комплексов) 179
Nosov E. N., Khvoschinskaya N. V. Attribution of large buildings of the Old Rus' period in the central part of Ryurik Gorodishche (to the discussion of elite residential complexes)

Шнеевайс Й. Раннесредневековые городища Северной Германии 198
Schneeweiß J. Early medieval strongholds in Northern Germany

Миляев П. А. Изделия североевропейского облика в материальной культуре городища Любша IX — начала X в. (предварительное сообщение) 225
Milyayev P. A. The artifacts of Northern European origin on Lyubsha hillfort (advance publication)

Сениченкова Т. Б., Урюпов С. О. Горшок знахаря из «большой постройки» Старой Ладоги (раскоп 1973 г. на Варяжской улице) 245
Senichenkova T. B., Uryupov S. O. Folk healer's pot from the "large building" in Staraya Ladoga (excavations at Varyazhskaya street, 1973)

Михайлова Е. Р. Городище на Втырке 261
E. R. Mikhaylova The hillfort of Vtyrka

Йонайтис Р., Каплунайте И. Многокультурный Вильнюс: сосуществование двух христианских конфессий на раннем этапе развития города 283
Jonaitis R., Kaplūnaitė I. Multicultural Vilnius. The coexistence of two Christian religions at the early stage of city development

Список сокращений 305

Список авторов 306

Научное издание

Élite ou Égalité...
Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.

Ответственный редактор *д. и. н. Н. И. Платонова*

Руководитель издательских проектов *М. В. Беглецова*

Корректор *М. К. Одинокова*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *В. Ю. Обласов*
Подписано в печать 08.12.2017. Формат 70 × 100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 25,35. Тираж 500 экз. Заказ № 1804025

Издательский дом «Бранко»
197022, Санкт-Петербург, ул. Медиков, д. 3, лит. А
Тел. (812)702-92-95
info@branko-print.ru
www.branko-print.ru

Отпечатано в типографии «ЛПринт»